

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МЕХАНИЗМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ
ВКЛЮЧЕННОСТИ
ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
В ПРОСТРАНСТВЕННУЮ ИНТЕГРАЦИЮ**

Том I

Под редакцией д-ра социол. наук,
проф. А.Я. Троцкого

Новосибирск
2025

УДК 338.9

ББК 65.9(2P53)30-4

M55

DOI 10.36264/978-5-89665-395-0-2025-029

Рецензенты:

д.э.н. А.С. Новоселов, д.э.н. С.В. Лобова, к.э.н. Р.А. Самсонов

M55

Механизмы и результаты включенности экономики Алтайского края в пространственную интеграцию : В 2-х томах. Т. 1 / Троцковский А.Я., Сергиенко А.М., Родионова Л.В. [и др.] ; под ред. А.Я. Троцкого. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2025. – 450 с.

ISBN 978-5-89665-395-0

В монографии раскрыто влияние региональных факторов (отраслевой специализации хозяйства, центропериферийного положения, уровня социально-экономического развития региона и пр.) на масштабы и характер включенности Алтайского края в экономическое пространство.

На основе детального анализа научной российской и зарубежной литературы, определены общие контуры программы исследования экономической интеграции, раскрыты ее теоретико-методологические и прикладные аспекты. Особое внимание уделено комплексному анализу движущих сил интеграции экономики территориальных социально-экономических систем, в качестве которых выступают: межрегиональное движение товаров и услуг, движение населения и рабочей силы, межрегиональные кооперационно-производственные связи дислоцированных в регионе предприятий. На примере тысячи предприятий Алтайского края раскрыта специфика кооперационно-производственных связей разномасштабных организаций регионообразующих отраслей, показано влияние санкций на развитие производственной кооперации, а также влияние кооперации на социально-экономическое развитие региона.

Монография представляет интерес для специалистов, работающих в области региональной экономики и управления, преподавателей, аспирантов, студентов, всех тех, кому безразлична судьба Алтайского края.

УДК 338.9

ББК 65.9(2P53)30-4

Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279-5

ISBN 978-5-89665-395-0

© ИЭОПП СО РАН, 2025 г.

© АлтГУ, 2025 г.

© Коллектив авторов, 2025 г.

*Посвящается
светлой памяти Татьяны Ивановны Заславской,
Человека высокой культуры, преданного науке,
ее Творца, действительного члена
Российской академии наук*

От редактора

Начну с того, что совокупность всех беспрецедентных вызовов, прежде всего внешнеполитического плана (а также технологического, информационного, социального), с которыми столкнулась Россия в последние годы, заставляет особое внимание уделять внутренним факторам развития экономики страны, в том числе с точки зрения реализации потенциальных позитивных эффектов межрегиональных взаимодействий. Вводимые санкции существенно модифицируют процессы интеграционного взаимодействия регионов и повышают их значимость для развития экономики страны.

Однако, на наш взгляд, в части эмпирического анализа межрегиональных взаимодействий и формирования интегрированного общего экономического пространства регионов России в регионоведческой науке России к настоящему времени сложилась парадоксальная ситуация¹. Налицо про-

¹ Замечу в связи со сказанным, что наше исследование изначально задумывалось как сугубо эмпирическое, ориентированное на оценку состояния и, главное, на выявление тенденций потенциала развития межрегиональных связей Алтайского края с регионами СФО.

Однако отмеченные в монографии проблемы в формировании теоретико-методологических и методических вопросов исследования межрегиональной интеграции, противоречивое видение со стороны разных исследователей, отсутствие доминирующей научной позиции по излагаемым вопросам, различные подходы к операционализации ключевых понятий, как и их интерпретация различными авторами и т.д. продиктовали насущную необходимость вернуться к уточнению ключевых понятий исследования, разработке методических подходов к анализу межрегиональных связей как механизмов формирования и развития интегрированного пространства макрорегиона.

Очевидно, что в работе подняты далеко не все актуальные вопросы теоретико-методологического обеспечения исследования формирования интегрированного пространства макрорегиона и роли в этом процессе межрегиональных взаимодействий. Мы посчитали необходимым акцентировать свое внимание лишь на ряде ключевых моментов, а именно: сопоставлении подходов и результатов анализа международной и межрегиональной интеграции; выявлении общих и особенных черт в интеграционных и кооперационных процессах; авторской интерпретации механизмов (факторов и движущих сил) пространственной интеграции; наконец, на возможных последствиях межрегиональных взаимодействий для регионального развития.

творение между осознанием не только учеными, но и практиками важности развития межрегиональных взаимодействий как инструмента роста экономики как отдельного региона, так и экономической системы в целом, совершенствования их структуры, с одной стороны, а с другой – той реальной ролью и местом, которое занимают не только теоретические, но и эмпирические исследования механизмов формирования интегрированного социально-экономического пространства России в рамках соответствующих профильных наук и регионалистики в целом.

Для хотя бы частичного нивелирования отмеченной проблемы, нами было задумано и в главных своих чертах реализовано комплексное многоаспектное эмпирическое исследование межрегионального экономического взаимодействия регионов, результаты которого в своей существенной части получили отражение в настоящей монографии.

Цель исследования в самом общем виде можно обозначить как выявление влияния региональных (местных) факторов и движущих сил интеграции на масштаб и характер включенности региона в экономическое пространство, а также последствий интеграции для социально-экономического развития самого региона.

В качестве эмпирического объекта исследования был выбран Алтайский край как типичный агропромышленный регион России¹.

Центральная идея исследования была почерпнута нами из работ классиков регионалистики У. Изарда и Х. Ричардсона. В частности, У. Изард считал необходимым объединить экономическую динамику регионов и пространственную структуру его взаимосвязей, а Х. Ричардсон – связи внутри региона с межрегиональным анализом потоков (подробнее об этом см. гл. 2.1 и 2.2 монографии).

Воплощение теоретических идей классиков в эмпирической работе подразумевало переход от проводимых нами в течение десяти последних лет фрагментарных эмпирических исследований, характеризующих отдельные аспекты рассматриваемой проблемы, к формированию логичной, целостной и комплексной картины межрегиональной интеграции, увязывающей воедино ее факторы, движущие силы и результаты применительно к конкретному региону.

¹ Утверждение о типичности Алтайского края как агропромышленного региона России основывается, прежде всего, на идентичности отраслевой специализации хозяйства входящих в эту группу регионов. Это, как будет показано далее, не исключает значимых расхождений по другим социально-экономическим характеристикам регионального развития.

Одним из значимых моментов, учитываемых нами при выборе эмпирического объекта исследования, являлась степень его проблемности. Как свидетельствует наша работа, Алтайский край не относится к числу наиболее «продвинутых» в социально-экономическом отношении регионов России (обо всем этом подробно сказано в монографии). Для края и подобных ему регионов расширение «пространственной конфигурации» региональной экономики приобретает особый смысл.

Стремлением к выработке целостного видения процессов пространственной интеграции не исчерпывается перечень отличительных черт нашего исследования. С нашей точки зрения, немаловажен и социально-экономический взгляд на развитие региона, позволяющий представить его именно как территориальную социально-экономическую систему.

Далее, Алтайский край как эмпирический объект нашего исследования представлен в двух своих важнейших ипостасях – отраслевой принадлежности экономики и центропериферийного положения. При этом валидность полученных в работе оценок обеспечивается рассмотрением экономико-географического положения края на фоне всех российских регионов.

Наконец, надежность выводов базируется на дифференцированном подходе к изучению влияния социально-экономического развития края на масштаб и характер его пространственной интеграции в систему экономики страны, охватывающей исторический период порядка пятидесяти лет.

Реализация общего замысла исследования изначально, надо сказать, натолкнулась на ряд барьеров и ограничений. Как показал наш опыт, главный из них – не отсутствие конкретных методик эмпирического анализа, не скудость информационной базы и т.п., – все это имеет место и раскрыто в монографии, – а чрезвычайная «структурная» сложность и многоплановость пространственной экономической интеграции, в том числе с точки зрения масштабов ее «географического» измерения, помноженная на латентный характер изучаемых явлений и процессов¹.

В силу этого «высветить» процесс межрегиональных взаимосвязей во всей их полноте и многосторонности практически нереально. Как показал наш опыт в процессе работы над монографией, возможно лишь раскрыть – с большей или меньшей степенью детализации – отдельные фрагменты, аспекты интеграционных взаимосвязей регионов, причем в достаточно локальных форматах. Мы, как авторы настоящего исследования, отдаем себе отчет в неполноте и относительности наших выводов и умозаключений фактически применительно к каждому из разделов монографии и просим читателей относиться к этому с пониманием.

Полиструктурная и полифункциональная система межрегиональных взаимодействий, рассматриваемая даже только в ограниченной области – экономике региона, обусловила с необходимостью формирование многоступенчатой методологии исследования. Она включает в себя три взаимосвязанных и в то же время относительно самостоятельных этапа.

Первый из них заключается в выделении и характеристике региональных факторов, образно говоря, факторов интеграции, «лежащих на стороне региона». Таких разных по своей природе факторов, как будет

¹ Как здесь не вспомнить незабвенного Козьму Прутков с его бессмертным изречением: «Нельзя объять необъятное!»

показано в монографии, множество. Задача состояла в выделении из их числа наиболее значимых, оказывающих максимальное влияние на пространственные интеграционные связи региона.

Не останавливаясь на деталях, скажу лишь о том, что согласно концепции работы, в качестве региональных факторов рассматривались такие основополагающие характеристики территориальной социально-экономической системы, как:

- специализация ее экономики;
- центропериферийное положение;
- социально-экономическая динамика;
- инфраструктура интеграционных связей.

Ключевое внимание в монографии уделено характеристике социально-экономической динамики Алтайского края¹ с выделением особо важных (с точки зрения целей исследования) периодов в его развитии: доперестроечного, в результате которого сформировались так называемые «унаследованные» факторы, и периода первого десятилетия реформ, характеризующегося кардинальными сдвигами в региональной экономике под воздействием стихийных рыночных сил и, соответственно, наиболее заметным влиянием на включенность края в экономическое пространство России.

На втором этапе исследования изучались движущие силы интеграции, «своеобразные скрепы» экономического пространства. Согласно концепции исследования, они по своей сути представляют собой межрегиональное движение различных видов мобильных ресурсов: потоков товаров, населения и рабочей силы, капитала, а также ресурсов, обусловленных формированием и развитием кооперационно-производственных связей предприятий и организаций, дислоцированных на территории (см. подробнее главу 2.2 монографии).

Из перечисленного ряда движущих сил более детальная и развернутая характеристика в монографии дана кооперационно-производственным связям, которые наряду с движением капитала, как показал проведенный нами анализ публикации, наименее информационно обеспечены и изучены. Вместе с тем именно производственная кооперация, в первую очередь, выполняет функцию «связности и взаимодополняемости регионов» (по выражению акад. В.А. Крюкова), позволяет более полно задействовать имеющиеся ресурсы экономического роста и, тем

¹ Замечу, что столь пристальное внимание, уделенное нами раскрытию социально-экономической динамики Алтайского края на различных этапах экономики, было обусловлено не в последнюю очередь масштабными научными наработками, полученными авторами в результате многолетнего мониторинга его социально-экономического развития. Сказанное не исключает того обстоятельства, что особенности социально-экономического развития территории рассматриваются нами в качестве доминирующего регионального фактора, детерминирующего в главном масштаб и характер включенности региона в экономическое пространство.

самым, расширить и укрепить потенциал экономического развития региона. Межрегиональные кооперационные связи предприятий выступают в качестве своеобразного «компенсационного механизма», позволяющего в определенной степени «заменить» перемещение крупных фирм в слабые в экономическом отношении регионы и т.д.

Наконец *третий, заключительный этап исследования*, включает в себя установление каузальных зависимостей между региональными факторами и движущими силами интеграции, с одной стороны, и масштабом и характером включенности региона в экономическое пространство на разных его уровнях – с другой стороны. Это, по нашим представлениям, наименее обоснованный в методологическом и методическом отношении этап, что породило множество вопросов без очевидных и однозначных ответов.

К примеру, сложно было не только получить достоверную информацию о кооперационно-производственных связях регионов, но и грамотно интерпретировать ее. В частности, отследить причинно-следственные связи между кооперационным эффектом и тенденциями развития региона (конвергенция vs дивергенция) или, к примеру, оценить пространственную конфигурацию экономики региона и т.д.

Трудности в поиске причинно-следственных зависимостей были обусловлены прежде всего тем, что пространственная интеграция никогда не была и не будет гомогенным образованием. Всегда были и будут иметь место существенные различия в масштабах и характере экономических связей регионов, непостоянство и динамизм субъектов интеграционных отношений, форм интеграции, видов перемещаемых мобильных ресурсов и т.д. Нельзя не учитывать и того, что межрегиональная экономическая интеграция имеет различные измерения, что затрудняет оценку ее совокупного интеграционного потенциала.

Накопленное наукой эмпирическое знание о ключевых факторах и движущих силах пространственной интеграции, несмотря на выход в свет ряда серьезных работ монографического характера, остается, на наш взгляд, во многом неполным, ненадежным и некомплексным. Причин тому много; сложность, многогранность и многосубъектность механизмов пространственной интеграции регионов – лишь одна из них.

С учетом вышесказанного, оценка влияния региональных факторов на те или иные стороны интеграционных процессов носит в монографии по преимуществу «абрисный» характер, присущий исследованиям разведывательного (формулятивного) плана¹. И, тем не менее, мы рассчитываем сделать свой посильный вклад в разработку темы.

¹ Такой подход обусловлен сравнительно слабой эмпирической изученностью причинно-следственных связей, возникающих в процессе формирования и развития интегрированного пространства. В силу сказанного мы посчитали корректным охарактеризовать полученные нами в этой области содержательные результаты как «абрисные», т.е. контурные, приблизительные, дающие общие очертания исследуемых явлений и процессов.

Результаты исследования механизмов включенности экономики Алтайского края в пространственную интеграцию изложены в двух томах монографии. В первом томе нашли отражение теоретико-методологические основы исследования, а также характеристика и оценка влияния ключевых региональных факторов на включенность Алтайского края в экономическое пространство России (отраслевой ориентации хозяйства и центропериферийного положения региона, особенности социально-экономического развития края на различных этапах экономики и др.). Второй том монографии посвящен раскрытию основных механизмов интеграции Алтайского края в экономическое пространство России и, в частности, Сибирского Федерального округа, включая межрегиональные торгово-экономические связи, миграцию населения и производственную кооперацию дислоцированных в крае организаций.

В заключение несколько слов об авторах монографии. Основу авторского коллектива составили сотрудники алтайской группы Отдела прикладных региональных исследований ИЭОПП СО РАН (г. Барнаул). К работе над монографией были привлечены также преподаватели МИ-ЭМИС Алтайского государственного университета и практики, имеющие наработки в исследуемой области. Мы благодарны им за готовность и участие в нашей коллективной работе.

Благодарим нашу молодую коллегу В.Е. Беляеву. Она взяла на себя крайне важный и тяжелый труд по подготовке оригинал-макета монографии и достойно довела дело до конца.

Мы признательны руководителю темы НИР, директору ИЭОПП СО РАН акад. В.А. Крюкову за высокую оценку и поддержку наших научных инициатив, а также заведомо регионального и муниципального управления ИЭОПП СО РАН д.э.н. А.С. Новоселову, профессору АлтГУ д.э.н. С.В. Лобовой, директору Алтайского института труда и права (филиала) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», к.э.н. Р.А. Самсонову, которые, несмотря на высокую занятость, согласились дать рецензию на монографию.

Особые слова признательности – сотрудникам Алтайкрайстата и лично заместителю руководителя И.В. Супониной за неоценимую помощь в формировании информационной базы исследования, в том числе проведении масштабного опроса руководителей алтайских предприятий и организаций. Без их участия настоящая монография вряд ли бы вышла в свет.

РАЗДЕЛ I

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНТЕГРИРОВАННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Глава 1

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

1.1. Трансформация экономического пространства в работах российских регионалистов: нарративный обзор

Прежде чем переходить к обоснованию актуальности темы монографии, авторы посчитали целесообразным рассмотреть имеющиеся научные разработки с более широких позиций. Речь идет об основных направлениях исследования трансформации экономического пространства, в том числе его интеграции (фрагментации).

Актуальность настоящего обзора обусловлена беспрецедентным ростом объемов научной информации по актуальным проблемам регионалистики, с учетом многочисленных публикаций, выполненных в рамках научных дисциплин, входящих в ее состав (региональной экономики, социальной и экономической географии, демографии, региональной социологии и др.).

В данном параграфе монографии обобщена и проанализирована лишь малая толика множества эмпирических исследований российских регионоведов, преимущественно за последние десять-пятнадцать лет. Огромный пласт работ зарубежных ученых в рассматриваемой предметной области, с учетом целей обзора, остался за его рамками.

Отбор статей для обзора проводился с помощью широко распространенных в российской науке приемов – путем анализа содержания ведущих российских журналов в области регионалистики и пространственных исследований, а также посредством Интернета по ключевым словам.

Валидность и релевантность большинства отобранных для обзора статей отчасти обеспечивалась поиском авторов, принадлежащих к известным в России школам региональных и пространственных исследований.

Методология, положенная в основу настоящего обзора, подразумевала анализ статей в трех аспектах: во-первых, в разрезе ведущих региональных школ и персоналий; во-вторых, в контексте ключевых направлений трансформации экономического пространства: «дифференциация – нивелирование», «сжатие – расширение», «интеграция – фрагментация»; в-третьих, с учетом региональной специфики, отражающей, с одной стороны, регионы России, вносящие наибольший вклад в «копилку» региональных и пространственных исследований, а с другой – территории, являющиеся приоритетным объектом исследований.

Последние десятилетия развития отечественной региональной науки характеризуются неослабевающим и, более того, возрастающим интересом ученых к изучению проблем развития пространственной экономики. Не претендуя на полноту охвата всех причин роста актуальности «описания, объяснения и прогнозирования различных проявлений экономической деятельности и ее результатов в пространстве» (П. Минакир, А. Демьяненко), укажем прежде всего на две причины – существенный рост с начала 1990-х годов неоднородности экономического пространства, с одной стороны, и низкую эффективность региональной политики, направленной на нивелирование необоснованных различий в уровне развития территориальных социально-экономических систем, с другой.

Различия в концентрации экономической активности в регионах России, угрожающие целостности ее экономического пространства¹, побудили федеральные органы власти к разработке

¹ Очень метко и образно высказался по этому поводу А. Трейвиш, указав на то, что «реформаторы хотели опередить свое время, но увязли в пространстве».

Стратегии пространственного развития Российской Федерации, способствовали стимулированию научных разработок в области исследования пространства [1].

Особую роль в активизации и систематизации результатов комплексных пространственных и региональных исследований сыграла программа Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» [2]. Действие программы распространялось на 2009–2011 гг. По ее окончании работа в этом направлении была продолжена. Новая программа фундаментальных исследований пространственного развития России была рассчитана на реализацию в 2012–2014 гг.¹ [3].

Междисциплинарный синтез пространства как один из базовых принципов формирования и исполнения упомянутых программ, обусловил привлечение трех десятков академических институтов различной направленности. В их составе признанные центры региональных исследований в России (Институт географии РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН², Институт проблем региональной экономики РАН, Институт экономики УрО РАН и др.). Особо выделим Институт экономических исследований ДВО РАН в силу его заметной роли в становлении нового научного направления – пространственной экономики, чему, в немалой степени, способствовали издаваемые институтом журналы – «Пространственная экономика» и «Регионалистика» [19–23].

В разрезе персоналий обзор и систематизация ключевых направлений, используемых методик и полученных результатов анализа пространственной неоднородности в работах российских ученых-регионоведов представляет собой довольно сложную задачу³. Тому немало причин, в числе которых многочисленность

¹ Отметим в связи со сказанным, что научное сообщество регионалистов проявило удивительное единодушие в вопросе о необходимости формирования пространственной стратегии России, что, впрочем, не исключает различных, в том числе критических, взглядов ученых на оценку разработанного документа [4–6].

² Основные результаты исследований ИЭОПП СО РАН по проблемам пространственного развития России в рамках упомянутой программы представлены в [7–18].

³ Несколько упрощает ситуацию сделанный нами анализ методических подходов и содержательных результатов региональной политики в научных работах, изданных в период 2000–2013 гг. [24, с. 9–36; 25, с. 20–28].

работ, разнообразие используемых в них методик, изучение пространственных систем различного уровня (мирового, национального, регионального экономического пространства), широкий охват регионов России, различия в изучаемых аспектах – от измерения и объяснения причинно-следственных связей наличия и роста территориальных неравенств до оценки мер государственного воздействия, направленных на их преодоление и т.д.

Существенно затрудняет аналитический обзор «пространственных» научных работ (не формальный, а с содержательных позиций) разноречивость в использовании понятий. Можно даже констатировать, что применение различных понятий для характеристики одних и тех же пространственных явлений и процессов (синонимия) стало «ахиллесовой пятой» регионалистики. Предпринимаемые в отдельных работах попытки систематизации ключевых понятий, используемых для оценки неравномерности развития экономического пространства, с нашей точки зрения, малорезультативны [26, с. 61; 27, с. 371; 28, с. 812].

В целом можно выделить несколько взаимосвязанных направлений исследований социально-экономического пространства, соответствующих основным тенденциям его развития. В числе ключевых – развитие социально-экономического пространства по осям:

- «дифференциация (поляризация) – нивелирование (сглаживание)» территориальных социально-экономических различий в территориальных системах;

- «сжатие – расширение» пространства территориальных социально-экономических систем;

- «интеграция – дезинтеграция (фрагментация)» экономического пространства¹.

Работы, выполненные в контексте «дифференциация – нивелирование» социально-экономических различий в развитии территориальных систем, представлены в научной литературе наиболее полно. В качестве объекта исследования во многих из

¹ Авторы отдают себе отчет в определенной условности предложенной группировки основных направлений пространственных исследований. Она (условность) порождена взаимообусловленностью и взаимозависимостью анализируемых процессов, сложной диалектикой причинно-следственных связей, что нашло свое отражение в ряде научных работ [29–31]. Однако в целях систематизации направлений исследований такая группировка представляется нам приемлемой.

них выступает сельская местность в силу того обстоятельства, что рассматриваемые процессы проявились в сельском пространстве наиболее выпукло и зримо [32–34 и др.]. Особо выделим изучение социально-экономических различий в территориальных системах с различным центропериферийным положением, чему в немалой степени способствовало широкое распространение идей основателя теории «центр – периферия» Дж. Фридмана [25, 35, 36 и др.]¹.

Второе из ранее выделенных направлений пространственных исследований касается процессов «сжатия – расширения» экономического пространства. Снова-таки, в подавляющем большинстве исследований в качестве объекта наблюдения выступает сельская местность, где наиболее явно проявляются очаги и «черные дыры» (по образному выражению Т.Г. Нефедовой) развития сельского пространства [37–41]. Напротив, формирование и развитие агломераций сопровождается концентрацией экономической активности и расширением агломерационного пространства [42].

Наконец, третье направление исследований развития экономического пространства связано с процессами его интеграции (дезинтеграции). По мнению ряда ученых, это наименее изученный (не на глобальном, а на национальном уровне) аспект трансформации социально-экономического пространства [43, с. 6–7].

Тем не менее, в научной литературе к настоящему времени опубликован ряд статей и монографий, в той или иной мере раскрывающих процессы межрегиональной интеграции. Укажем прежде всего на исследования процессов сельско-городской интеграции, имеющих глубокие исторические корни² [44, 45] и близкие по содержанию исследования трансформации системы расселения России [46, 47].

Вышеназванные научные работы, как правило, выполнены авторами, проживающими в центральной части России. В последние несколько лет география пространственных исследований расширилась, охватив и периферию страны [48–52]³.

¹ Более полный список научных работ по этому направлению приведен в [25, с. 20–28].

² Имеются в виду исследования процессов «срачивания» города и села, проводимые в советский период.

³ В ракурсе рассматриваемой проблемы г. Хабаровск как место дислокации Института Экономических исследований ДВО РАН, относится к периферии России лишь по географическим критериям.

В настоящем разделе монографии изначально не ставилось амбициозных задач. Целью было – дать общее описание предметного поля региональных и пространственных исследований.

Соответственно поставленной цели был выбран тип обзора – нарративный с присущими ему чертами: ограниченным объемом научной литературы; отсутствием сложного, многоступенчатого алгоритма ее отбора, по преимуществу описательным характером привлеченных источников [53, с. 134].

Очевидно, что в обзоре сделан лишь первый шаг, точнее даже, попытка обозреть множество разнородных, преследующих различные цели, использующих широкую палитру методических подходов региональных и пространственных исследований. Вся серьезная работа в этом направлении, на наш взгляд, впереди. Ее конечным результатом должен стать анализ научной литературы, позволяющий выявить тенденции в развитии пространственной науки, имеющиеся пробелы в знаниях и, главное, направления будущих исследований.

Этого нельзя сделать без усиления объективности отбора источников, охвата сопряженных тематик и дисциплин, повышения актуальности и релевантности обзореваемых статей, глубины их анализа и прочих требований, соответствующих систематической форме обзора. Только в этом случае обзор будет выступать в качестве интегратора современных знаний о тенденциях и закономерностях развития социально-экономического пространства.

Получив общее представление о ключевых направлениях трансформации экономического пространства, перейдем далее к более детальному анализу работ, касающихся предмета нашего исследования – механизмов межрегиональной экономической интеграции.

1.2. Практическая целесообразность и степень изученности проблемы

Практическая актуальность исследования. Эффективное межрегиональное взаимодействие, на наш взгляд, относится к числу тех сфер экономической деятельности, доказывать прак-

тическую актуальность изучения которой нет необходимости¹. Учитывая полифункциональный и полиструктурный характер феномена интеграции территориальных социально-экономических систем, сконцентрируем внимание лишь на двух аспектах, определяющих практическую актуальность ее мониторинга, организации и изучения.

Первый из них связан с тем, что, по свидетельству известных российских регионалистов, есть определенная и значимая связь между интеграцией территории в пространстве и ее экономическим развитием [54].

Второй аспект практической актуальности анализа межрегиональной интеграции состоит в том, что преобладающие над внешними экономическими связями межрегиональные кооперационно-производственные связи (в главе 17 настоящей монографии нами это будет продемонстрировано на примере Алтайского края) придают национальной экономике целостность и устойчивость. Этому важному не только с экономических, но и с политических позиций феномену много внимания в своих работах уделял классик советской регионалистики акад. А.Г. Гранберг и другие исследователи [55, 56].

Заметим, что задолго до этого классики советской регионалистики Н.Н. Колосовский, М.К. Бандман и Н.Н. Барановский показали, что весомыми факторами повышения конкурентоспособности региона выступают наряду с технологической специализацией и агломерационным эффектом кооперирование [57].

Эта мысль была широко подхвачена современными исследователями². Так, к примеру, М.А. Николаев и М.Ю. Махотаева пишут о том, что кооперационные связи между предприятиями различных регионов устанавливаются с учетом преимуществ терри-

¹ В доказательство сказанного приведу лишь один факт из реалий функционирования и развития промышленности Алтайского края. Общественная организация «Союз промышленников Алтайского края», осознавая острую необходимость развития кооперационных взаимосвязей предприятий, выступила организатором форума по совместному развитию промышленности Сибири. К настоящему времени интерес к производственному сотрудничеству проявили ряд крупнейших предприятий Сибири.

² В первую очередь это касается молодых исследователей-регионалистов, делающих в науке свои первые шаги по изучению различных аспектов межтерриториальной интеграции (см.: [58–62]).

ториального разделения труда и позволяют повысить эффективность собственного производства, нарастить конкурентные преимущества. Кооперационные производственные связи позволяют также перевести межрегиональное взаимодействие с простого обмена товарами и услугами на более углубленные формы совместной деятельности. Подобное взаимодействие, по их мнению, способствует экономическому росту регионов и формированию единых цепочек добавленной стоимости [63].

Д.э.н. В.Е. Селиверстов указывает на слабую интеграцию сибирских регионов между собой, вследствие чего теряются очевидные возможности для развития и реализации крупных межрегиональных проектов [64, 65].

В работах ученых-регионоведов ИЭОПП СО РАН акад. В.В. Кулешова и акад. В.А. Крюкова и их коллег акцент при рассмотрении перспектив развития Сибири сделан на эффективном межрегиональном и межмуниципальном взаимодействии с целью получения синергетического эффекта. При этом ключевая проблема развития Сибири, на взгляд авторов, состоит в формировании сбалансированных (с учетом пространственных особенностей) цепочек как создания стоимости, так и «обратного» распределения полученных эффектов [66, 67].

Необходимость активизации межрегиональных взаимодействий как значимого рычага подъема российской экономики нашла понимание и поддержку не только в широких научных кругах, но и в государственных органах власти, что получило отражение в соответствующих нормативно-правовых документах [68, 69].

В научных публикациях по рассматриваемой тематике высказываются различные точки зрения на процессы формирования интегрированного пространства. Доминирует точка зрения, что для России и, в частности, для Сибири характерно усиление процессов пространственной фрагментации. Вместе с тем имеющиеся в науке примеры эмпирической верификации данного положения не охватывают всего круга межрегиональных связей и поэтому не всегда убедительны и, с очевидностью, требуют расширения и углубления доказательной базы.

Научная актуальность исследования. Изложенный выше материал позволяет нам утверждать, что с точки зрения практиче-

ской актуальности ситуация представляется в достаточной мере ясной и очевидной. В самом общем виде практическая актуальность работы обусловлена необходимостью упрочнения и расширения межрегиональных связей, разрыв большинства из которых при переходе России к рыночно ориентированной экономике в начале 90-х годов прошлого века самым болезненным образом сказался на экономике и на всех сторонах жизни населения.

Что же касается степени изученности проблемы (научной актуальности), то ее четко отразил в одной из своих статей крупный специалист в области изучения пространственной экономики д.г.н. А.Н. Демьяненко. Характеризуя ситуацию в области изучения межрегиональных связей, он отмечал: «...удивительно, но экономическая интеграция (сюжет, столь популярный в исследованиях проблем глобальной экономики) сходит на нет, когда в исследовательском фокусе оказываются регионы – пространственно обособленные части национальной экономики» [43]. Статья написана в 2017 г., однако принципиальных подвижек в этой области научных исследований, на наш взгляд, не произошло.

Оценивая в целом научные публикации по анализу интеграционных связей регионов, нельзя не отметить доминирующую роль в этом умозрительных подходов. Эта ситуация порождена целым рядом моментов, ограничивающих возможности проведения эмпирического анализа, важнейшие из которых:

– проблема доступности данных¹;

¹ Эта проблема имеет принципиальное значение с точки зрения эмпирического анализа как межрегиональных экономических взаимодействий в целом, так и, в частности, межрегиональных интеграционных связей. Имеющиеся в научной литературе высказывания свидетельствуют о том, что оценить состояние и динамику межрегионального взаимодействия довольно сложно, так как в целом отсутствует полная и достоверная статистическая информация о взаимодействиях предприятий и организаций различных регионов. Относительно более просто просчитать ввоз и вывоз в стоимостном и натуральном выражениях (масштаб торговых потоков), количество прибывших и выбывших в регион и из региона, влияние на обеспеченность трудовыми ресурсами и некоторые другие. С учетом этого, многие исследователи ограничиваются только оценкой межрегионального товарооборота и уровнем торгово-экономических контактов [70]. Более сложно просчитать движение капитала, финансовых потоков [71]. Нам в процессе выполнения эмпирического анализа межрегиональных экономических связей пришлось убедиться в справедливости этих слов неоднократно.

– слабая проработанность базовых понятий исследования ко- операции как одной из ключевых движущих сил интеграции тер- риторий и различия в подходах к их операционализации (подроб- нее об этом – ниже);

– сложность трактовки эмпирических результатов исследова- ния интеграции экономического пространства и имеющиеся про- тиворечия в их оценках;

– отсутствие возможности достоверных межрегиональных сравнений.

С учетом вышесказанного, значительная часть упомянутых в обзоре работ по исследованию межрегиональной интеграции носит теоретичный¹ (не путать с теоретическим!) характер. По- видимому, именно это имел в виду А.Н. Демьяненко при характе- ристике ситуации в рассматриваемой области исследований.

Исходя из эмпирической направленности нашего исследова- ния, мы не ставили перед собой задачу обзора теорий, так или иначе касающихся межрегиональных экономических взаимодей- ствий, ограничившись лишь кратким их упоминанием. Центр нашего научного интереса составляли не столько известные тео- рии, объясняющие закономерности трансформации экономиче- ского пространства с точки зрения размещения производительных сил (сельскохозяйственного штандорта И.Г. Тюнена, теория «цен- тральных мест» В. Кристаллера, теория промышленного пред- приятия В. Лаундхардта и теория промышленного штандорта А. Вебера, концепция «срединной Европы» Ф. Науманна, «про- странственного экономического равновесия» А. Леша и др.), а также преимущественного развития тех или иных территорий (теории «центр-периферия» Дж. Фридмана, теории «полюсов роста» Ф. Перру, Ж. Будвиля и «центров развития», эволюци- онных теорий российских ученых-географов пространственно- го развития А.И. Тревиша и О.Г. Грицая), сколько *подходы к анализу конкретных экономических взаимосвязей и порожд-*

¹ Теоретичный – абстрактный, умозрительный, оторванный от практики [72]. Теоретичность, к сожалению, проблема значительного числа обществовед- ческих исследований, в которых отвлеченные знания, рассуждения не опирают- ся и не соотносятся с реальной действительностью.

*дающих их механизмов между регионами-субъектами Российской Федерации*¹.

Среди теоретических основ межрегиональных экономических взаимодействий отдельной строкой мы выделили теории международной торговли и интеграции, рассматривающие абсолютные и сравнительные преимущества и представления о мобильности факторов производства [76]. Наш интерес в данном случае был обусловлен возможностью использования имеющихся в этой области наработок для достижения целей исследования (см. гл. 2.2 монографии).

Анализируя теоретические работы по основам межрегионального экономического взаимодействия, нельзя также не упомянуть ряд популярных в настоящий момент теорий: пространственной конкуренции, новой экономической географии, отраслевых рынков, позиционирования региона в конкурентной среде².

Даже простое перечисление имеющихся теорий и концепций трансформации и развития экономического пространства свидетельствует об их многочисленности и разнообразии. Обобщенную оценку состояния теоретической базы, остающуюся, на наш взгляд, актуальной до настоящего времени³, дал Х. Ричардсон. «Региональная экономика, – писал он, – еще находится в эмбриональном состоянии, и теоретический простор все еще довольно свободен. Однако время для главного синтеза может быть близко. Такой синтез объединит акцентированный анализ связей внутри региона с межрегиональным анализом потоков и одновременно объяснит пространственную организацию регионов, городов, фирм и домашних хозяйств» [81].

Вместе с тем, рассуждая о теоретических основах исследования, нельзя оставить без внимания один из важнейших его эле-

¹ Сказанное вовсе не исключает необходимости и полезности ознакомления с рядом публикаций, рассматривающих теоретические аспекты применительно к нашей теме [73–75].

² Конкурентоспособность региональных социально-экономических систем как, с одной стороны, результат, а с другой, предпосылка межрегиональных взаимодействий – одно из наиболее распространенных направлений региональных исследований (см. об этом [77–80]).

³ По нашему мнению, ответ на вопрос о возможности создания такой интегрирующей теории, объясняющей трансформацию экономического пространства и межрегиональных экономических отношений, даст только время.

ментов. Речь идет о *формировании понятийного аппарата исследования межрегиональных экономических отношений*.

По нашей оценке, научная ситуация в этой области весьма непростая: неопределенность и неоднозначность понятий, используемых при исследовании межрегиональных связей – «ахиллесова пята» регионалистики. Каждый исследователь, особенно молодой, считает своим долгом дать собственную трактовку дефиниций и даже ввести в научный оборот новые понятия, не затрудняя себя их соотносением с уже существующими и формированием стройной системы понятий¹.

В частности, это наглядно прослеживается при анализе работ, посвященных понятию межрегиональной экономической интеграции (от латинского *integration* – «восстановление», «восполнение», «соединение») – процесс объединения частей в целое. Их отличительная особенность – акцент на одной или, в лучшем случае, нескольких чертах (особенностях) многогранного и многоаспектного процесса интеграции.

Так, к примеру, А.С. Терехова считает, что межрегиональная интеграция – это территориальная интеграция в определенных пространственно-временных рамках [82].

В.В. Герасимова определяет «региональную экономическую интеграцию как процесс экономического взаимодействия открытых и развивающихся социально-экономических систем пространственного типа через установление и развитие экономических связей и отношений между субъектами экономической деятельности, приводящий к сближению хозяйственных механизмов и воспроизводственных процессов» [62].

Е.А. Колодина, рассуждая об экономической интеграции регионов, говорит о «взаимопроникновении и сращивании воспроизводственных процессов различных субъектов хозяйствования,

¹ При исследовании межрегиональных экономических отношений используются такие понятия, как «межрегиональное взаимодействие», «межрегиональная интеграция», «межрегиональная кооперация», «межрегиональное сотрудничество» и др. Найти статью, результатом которой была бы взаимосвязанная система вышеупомянутых понятий, оказалось делом затруднительным (за исключением рассуждений о соотношении понятий «интеграция» и «кооперация», о чем речь пойдет ниже). При таком подходе рассчитывать на развитие региональной науки не приходится.

разделенных в пространстве, превращающих их в целостный, внутренне слитый хозяйственный механизм» [83].

Г.А. Гагарина под региональной экономической интеграцией понимает *«координацию и взаимодействие хозяйственных комплексов регионов на основе трансформации и взаимоувязки их экономических интересов»* [84].

Наиболее полная и удачная, на наш взгляд, характеристика региональной интеграции дана в мировой экономике, где «интеграция понимается как процесс взаимного приспособления, расширения экономического и производственного сотрудничества, объединения национальных хозяйств двух и более государств, форма интернационализации хозяйственной жизни» [74].

Как справедливо отмечают Ю.Г. Лаврикова и В.В. Акбердина, в современной зарубежной и отечественной научной литературе существует многообразие трактовок понятия «межрегиональное взаимодействие», но при всем их разнообразии, все предлагаемые трактовки объединяет следующее: «для большинства исследователей межрегиональное взаимодействие – это взаимоотношения, возникающие между регионами в сферах экономики, политики, культуры, образования, охраны природы и т.д.» [85].

Нельзя не отметить в рассматриваемой сфере ряд *научных работ методологического толка* [63, 86–88]. Вопросы теоретико-методологического характера нашли отражение и в отмеченных нами ранее монографиях. К сожалению, о чем уже говорилось, предлагаемые методики не соотнесены с имеющимися в этой области работами; как правило, не рассмотрены многочисленные и существенные ограничения исследования, в том числе со стороны государственной и ведомственной статистики. Это, как показал наш опыт, касается буквально всех взаимосвязей: от торгово-экономических до миграционных, не говоря уже о кооперационных связях организаций (см. подробнее об этом раздел VI настоящей монографии).

Проведенный нами анализ научных публикаций с позиции их доминирующей направленности¹ показал, что заметная их часть

¹ Мы отдаем себе отчет в том, что выделенные направления исследований межрегиональной интеграции тесно связаны между собой, в силу чего предложенная группировка носит весьма условный характер.

ориентирована по-преимуществу на раскрытие содержания, оценку состояния (в том числе проблем) и перспектив развития межрегиональной интеграции [57, 85, 89–92 и др.]¹. При этом использовались различные подходы к оценке интеграции: как результата либо как процесса. Наряду с этим имеют место работы, продолжающие устоявшиеся в регионалистике традиции анализа интеграции в двух ипостасях одновременно – как результата и как процесса².

В качестве примера приведем исследование С.Н. Растворцевой. Она рассматривает межрегиональную экономическую интеграцию с помощью процессного и содержательного подходов, выделяя постепенное углубление слияния экономик регионов и при этом качественные изменения каждой из них [86].

Широко распространенный сюжет в анализируемых научных трудах – *классификация видов и форм межрегионального взаимодействия*. Так, по мнению А.Г. Шеломенцева, Т.В. Терентьева, О.А. Козлова и М.Н. Макаровой к формам межрегионального взаимодействия относят: участие в ассоциациях экономического взаимодействия, реализацию федеральных целевых программ социально-экономического развития, разработку и реализацию региональных целевых программ и стратегий социально-экономического развития [95].

Однако в этих формах далеко не всегда «просматривается» предмет нашего научного интереса – межрегиональная кооперация и интеграция. По мнению А.В. Белоусовой, межрегиональная интеграция включает в себя, прежде всего, взаимодействие торговое, производственное, по перевозке грузов, перераспределение трудовых ресурсов, но этим не исчерпывается. Она охватывает и другие социально-экономические сферы: освоение и использование природных ресурсов, культурное взаимодействие, научно-технический обмен, сотрудничество в области энергетики и связи [87].

К формам межрегиональной интеграции относят: особые экономические зоны, межрегиональное экономическое сотрудни-

¹ Особо укажем на работу В.Л. Берсенева, сделавшего обзор работ по межрегиональному и межмуниципальному сотрудничеству в России [93].

² В 1960-х годах венгерский экономист Б. Балашша утверждал, что «интеграция – это динамичный процесс и достигнутое состояние» [94].

чество, сетевое взаимодействие в рамках науки и образования, торгово-производственные комплексы, кластеры.

Наиболее полно и системно, на наш взгляд, виды и формы интеграционных взаимосвязей регионов представлены в монографиях Е.В. Лукина и Т.В. Усковой [57] и С.Н. Растворцева и А.О. Лебедевой [86]. Особо хотелось бы отметить монографию псковских ученых М.Ю. Махотаевой, О.А. Бакуменко, Д.П. Малышева, в которой проведена систематизация подходов к обоснованию роли межрегионального взаимодействия в развитии региональных социально-экономических систем, используемых понятий, типов межрегиональных отношений и их ключевых форм, ограничивающих и стимулирующих факторов, видов межрегионального взаимодействия и критериев их оценки [70, с. 45–61].

Обобщить и подвести упомянутые выше работы под «общий знаменатель», как и сделать их сравнительную оценку, с нашей точки зрения, нереально в силу ряда вышеназванных причин. Немаловажны и различные цели работы, преследуемые авторами. Так, можно сказать – в отличие от общепринятых оснований классификации межрегиональных взаимодействий (сотрудничество – конкуренция¹) В.Л. Береснев в основу классификации положил такой признак, как «доминирование региона», выделив, соответственно, два типа взаимодействий между регионами: вертикальное – между передовыми регионами, донорами и реципиентами; горизонтальное – сотрудничество, конкуренция без доминирования какой-либо территории [93].

При выделении *факторов межрегиональной экономической интеграции* наиболее распространенный подход состоит в их раз-

¹ Рассматривая в настоящей монографии эту проблему, мы указываем на возможность некоего промежуточного и, по-видимому, наиболее распространенного варианта межрегиональных экономических отношений – соконкуренцию. Для нас здесь принципиально важным является тот момент, что кооперация осуществляется исключительно в рамках сотрудничества, с учетом интересов обеих сторон, а интеграция регионов – как при сотрудничестве, так и при конкуренции и соконкуренции. И, далее, не всякое взаимодействие в рамках сотрудничества относится к кооперации. Подробнее об этом см. главу 1 настоящей монографии.

делении на стимулирующие и тормозящие процессы¹. Так, А.О. Лебедев в качестве усиливающих факторов рассматривает исторические и социально-культурные предпосылки, сопоставимый уровень экономического развития, схожие системы хозяйствования и уклады, географическую близость и наличие общей границы, общность интересов и возможность совместного решения проблем. К замедляющим – неразвитость инфраструктуры, разобщенность региональных социумов, недостаточное развитие финансовой системы, региональный протекционизм, низкий уровень уже налаженных экономических связей, неоднородность пространства по социально-экономическим показателям [61].

О.А. Бакуменко в качестве стимулирующих факторов рассматривает усиление экономических связей, основанных на интеграционных процессах; усиление политических связей, основанных на кооперации; усиление социальной интеграции, основанной на сотрудничестве бизнес-структур, мобильности на рынке труда, и т.д. [91]; О.П. Богданова: уровень промышленной и производственной кооперации, уровень ресурсной зависимости, уровень инфраструктурной интеграции, уровень инвестиционного развития (например, доля совместных инвестиционных проектов) [60].

Иной перечень факторов в рамках вышеупомянутых классификаций предлагается другими исследователями. В частности, к факторам, сдерживающим межрегиональную интеграцию, ими отнесены: уровень экономической самодостаточности региона; уровень территориальных предпочтений; уровень политического сопротивления; уровень управленческих ограничений; чрезмерную заинтересованность в получении средств из федерального бюджета; межрегиональную конкуренцию; отсутствие конкретных методов и рычагов стимулирования межрегионального взаимодействия; неэффективность региональных целевых программ [57, 96].

По-видимому, в попытках обозреть и классифицировать факторы интеграции «поставить точку» нельзя. Теоретичный,

¹ К сожалению, нам не удалось найти публикации, раскрывающие движущие силы интеграции и кооперации, которые, по нашему представлению, не просто влияют на ход процесса как факторы, а «запускают» его. См. об этом подробнее раздел VI настоящей монографии.

без попыток апробации, взгляд на факторы межрегиональной интеграции допускает различный их перечень и основания классификации.

Исследователи из Волгоградского университета, к примеру, совокупность факторов региональной интеграции разделяют на трансформационные и транзакционные в зависимости от их соотносимости с территорией.

В первую группу включаются: экономические, трудовые, природные, инфраструктурные; ко вторым относятся институциональные, организационные, информационные (коммуникационные). Транзакционные действуют безотносительно к территории и определяются как интегрирующие. Особенности каждого регионального хозяйства авторы называют дифференцирующими [97]. Оценивая в целом «факторный подход» к анализу интеграции, обратим внимание на два момента. Первый из них, как уже отмечалось выше, состоит в том, что многие из перечисленных факторов так и останутся достоянием теории, поскольку либо совсем, либо в существенной мере не сориентированы на операционализацию и использование в исследованиях интеграции, имеющих эмпирический характер.

Второй момент с точки зрения планируемой нами работы имеет также существенный характер. Многие из перечисленных факторов по сути – те или иные характеристики региона как территориальной социально-экономической системы. Фактически речь идет о выявлении *влияния специфики социально-экономического развития региона на количественные и качественные характеристики интеграции*, в частности, пространственное развитие [98], стратегические приоритеты региона [84], самореализацию территорий [99, 100].

С содержательных позиций это направление исследований – «зеркальное» по отношению к оценке *влияния межрегионального взаимодействия развития региона* [56, 95]¹.

¹ Как показал наш анализ, детальные и научно обоснованные методики изучения влияния специфики региона на характер межрегиональных связей, как и влияния интеграции на социально-экономическое развитие региона либо вообще не обнаруживаются, либо приводятся в публикациях в крайне сокращенном виде, не позволяющем рассмотреть их предметно и «принять на вооружение».

На наш взгляд, оба этих направления имеют недостаточно проработанную методологическую основу, позволяющую доказательно выделить из совокупного влияния многих факторов именно влияние изучаемого фактора.

В рамках этого направления ведутся дискуссии об *эффективности межрегиональных связей*¹ и, в частности, о ее наиболее заметных результатах, в качестве которых выступают тенденции и результаты регионального развития (конвергенция – дивергенция, к примеру) [61, 90].

Отметим, что проблема эффективности межрегиональной интеграции наиболее детально проработана по отношению к глобальной экономике, где в качестве регионов выступают суверенные страны. При анализе международного сотрудничества акцент делается на количественных и качественных характеристиках внешней торговли.

Традиционно эффективность экономической интеграции отдельных стран, оценивается как доля внутрирегиональной торговли регионов в общем объеме товарооборота. При анализе товарной структуры внешнеторгового оборота в первую очередь обращается внимание на «сыроемкость» экспорта и импорта, т.е. на долю сырья и продукции с высокой добавленной стоимостью [101]. Чем выше «наукоемость» экспорта, тем более высокую оценку получает регион. При этом экспорт сельскохозяйственного сырья оценивается выше, чем минерального (экспортируемые товары принято классифицировать по степени переработки). Оценивается также динамика товарооборота, географическая структура ввоза/вывоза, отраслевая структура инвестиций; количество субъектов и предприятий, вовлеченных в процессы производственной кооперации.

Наконец, особо следует сказать о таком направлении исследований, как *систематизация отечественной практики регулирования и управления межрегиональными взаимодействиями*. Управленческий аспект проблемы, бесспорно, находится в центре внимания многих исследователей [62, 75, 82, 83 и др.]. Однако это не исключает доминирование в соответствующих статьях констатации наблюдаемых фактов без внятного ответа на вопрос, почему охарактеризованная ситуация в области межрегиональных

¹ Укажем на содержательную работу (вплоть до показателей оценки эффективности межрегиональной интеграции), выполненную Л.М. Капустиной, применительно к международному экономическому сотрудничеству [92].

экономических отношений сложилась именно так, а не иначе и какова в этом роль управленческого фактора¹.

Нельзя не обратить внимание еще на один момент. Процесс интеграции регионов и присущие ему механизмы имеют двойственную природу. С одной стороны, этот процесс – результат целенаправленного воздействия органов управления. В гораздо же большей мере – самоорганизующийся процесс, движущие силы которого зиждутся на требованиях рынка. Несмотря на очевидную доминанту последнего, основное влияние исследователей, на наш взгляд, привлекает рассмотрение интеграции и ее механизмов как управляемого (корректнее сказать, частично управляемого) процесса.

Резюмируем все вышесказанное о степени научного исследования проблемы (научной актуальности). Исследование межрегиональных связей и взаимодействий, на наш взгляд, не получило в регионалистике столь широкого распространения, как, к примеру, сравнительный анализ развития территориальных социально-экономических систем, обеспечения конкурентоспособности регионов и их устойчивого развития, вопросы регионального стратегирования и ряда других научных направлений. По-видимому, основной причиной этого наряду с широким кругом явлений и процессов, охватываемых понятием «межрегиональные взаимодействия», является сравнительно слабая информационная обеспеченность (за исключением межрегиональной миграции насе-

¹ В силу отсутствия в ряде публикаций детальной методики работы, приводимые там содержательные результаты, на наш взгляд, носят откровенно дискуссионный характер и требуют дополнительных исследований. Чтобы не быть голословными, приведем лишь два примера с нашим кратким комментарием.

Как пишут Ю.В. Дубровская и В.В. Козоногова, если инициатором возникновения или углубления межрегиональных связей являются регионы либо дислоцируемые в них предприятия и организации, а не федеральное правительство, то, по оценкам экспертов, может наблюдаться противоположный эффект [98]. Практика показывает, что нередки случаи, когда федеральное правительство, будучи инициатором тех или иных начинаний, не достигает желаемого результата.

Слабо аргументированным нам представляется вывод о том, что если корреляция между темпами экономического роста двух регионов будет иметь отрицательное значение, то это свидетельствует о наличии между ними конкурентных отношений и, как следствие, ускоренное развитие одного из них будет негативно отражаться на развитии другого [61]. С этим умозаключением можно было бы согласиться при одном условии – если регионы имеют общую ресурсную базу.

ния России и, в определенной мере, межрегиональной торговли и межрегиональных кластеров).

Преодоление ограниченности информации по рассматриваемой проблеме требует создания авторского инструментария и проведения отдельных исследований, что, как известно, с одной стороны, достаточно трудоемко и дорого, а с другой – подвержено быстрому устареванию результатов с силу высокой мобильности экономической ситуации.

Подытожим. Проведенный нами детальный анализ научной литературы, изданной за последние десятилетия¹, не позволяет говорить о недостаточном внимании российской науки к исследованию межрегиональных взаимодействий и их принадлежности к периферии научных региональных исследований. Об этом свидетельствуют не только многочисленные статьи по рассматриваемой теме, но и упомянутые выше монографии и диссертации.

В них изложены теоретико-методологические аспекты исследования межрегиональных взаимодействий, определение интеграционных возможностей региона, проанализированы факторы межрегиональной интеграции. Особое внимание уделено исследованию кластеров и других сетевых форм пространственной организации производства. Ключевое место занимает раздел по совершенствованию государственного управления этим процессом.

Что касается многочисленных статей по рассматриваемой тематике, то следует отметить географическую широту работ и их разнообразие в части направленности исследований – от оценки условий, уровня и перспектив межрегиональной интеграции до анализа ключевых факторов-детерминант.

Вместе с тем наши попытки изучить и использовать в ходе дальнейшего исследования полученные наукой методические и содержательные результаты по рассматриваемой тематике ока-

¹ В настоящем аналитическом обзоре использовано более пятидесяти научных публикаций, раскрывающих результаты теоретических и эмпирических исследований межрегиональных экономических отношений. Однако с высокой достоверностью можно утверждать, что в обзоре получила отражение лишь незначительная часть всего массива информации по рассматриваемой теме. Заметим попутно, что обзор работ, раскрывающих конкретные виды межрегиональных взаимодействий, сделан нами в соответствующих разделах монографии (параграфы 12.1, 14.1, 16.1, 17.1).

зались во многом малорезультативными в силу ряда причин: отсутствия единых и, главное, сопоставимых методологических и методических подходов к анализу закономерностей и тенденций развития экономического пространства (в части связанности), а также обеспечивающих его единство видов и форм межрегионального взаимодействия, эффективности сложившегося организационно-экономического механизма как на федеральном, так и на региональном уровнях и т.п.

В имеющихся многочисленных статьях по рассматриваемой тематике совершенно четко просматривается «умозрительный» подход к анализу межрегиональных взаимодействий (оценки их значимости, роли в развитии экономики, потенциальных выгод участников и т.п.), не подкрепленный зачастую результатами эмпирических исследований.

Как правило, межрегиональные связи рассматриваются обособленно, вне процесса усиления (ослабления) связанности экономического пространства, его целостности. В таком случае вне поля зрения исследователей, как правило, остаются вопросы сравнительной значимости тех или иных видов и форм межрегиональных связей, их пространственной структуры, социально-экономических последствий для интеграции территориальных образований и т.д.

Совокупность причин описанной выше ситуации достаточно широка. Они, по преимуществу, лежат на поверхности научного знания – начиная от сложности изучаемого объекта, обусловленного многообразием межрегиональных связей и заканчивая зачастую весьма скромным их информационным обеспечением со стороны органов статистики. Наука, со своей стороны в силу ряда причин не считала и не считает нужным сконцентрировать внимание исследователей на многочисленных и серьезных ограничениях на пути эмпирической верификации имеющихся теоретических концепций и выдвинутых гипотез.

Очевидно, что наработанный российской наукой обширный материал, как в теоретико-методологическом, так и в эмпирическом плане, требует дальнейшего обобщения и систематизации, начиная от используемого понятийного аппарата и заканчивая содержательными результатами исходя из целей проектируемого исследования.

Глава 2

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОБЩИЕ КОНТУРЫ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

2.1. Ключевые понятия и подходы к исследованию

Международная и межрегиональная экономическая интеграция: уместны ли параллели? Применительно к нашему исследованию под экономической интеграцией территориальных социально-экономических систем понимаются процессы их взаимного приспособления, расширения и укрепления межрегиональных взаимодействий в части (вос)производства и движения товаров, а также полупродуктов и услуг, капитала, населения и рабочей силы, формирования общей экономической, транспортной и социальной инфраструктуры и т.п., в результате которых усиливается связанность экономического пространства, а также изменяется структура экономики интегрируемых регионов. Интеграция в этом смысле столь же многомерна, как и экономическое пространство.

При этом само развитие экономики нам представляется как результат двух взаимодополняющих, но противоположных процессов – сегментации экономической деятельности (проявляющейся в углублении разделения труда и факторов производства и появлении достаточно устойчивых профильных сфер региональных экономик) и интеграции как процесса взаимопроникновения экономических систем регионов страны, приводящей к формированию более устойчивой пространственной системы. Отметим при этом, что, если интегрированность в рамках общенациональной системы в России в целом очевидна, то с позиций более локальных систем (макрорегионов) существуют значимые проблемы, приводящие к некоторой разорванности экономического пространства страны, его разреженности.

Наиболее широко понятие «интеграция» используется при характеристике процесса международной интеграции, подразумевающего объединение национальных хозяйств двух и более государств, форму интернационализации хозяйственной жизни [102, с. 240]. При этом нельзя не отметить, что параллель между международной экономической интеграцией суверенных государств и интеграцией регионов – субъектов Российской Федерации, достаточно условна, хотя понимание интеграции как более общей экономической категории позволяет это делать. В литературе известны достаточно интересные попытки спроецировать теорию международных экономических отношений на случай межрегионального взаимодействия регионов страны, однако, это касается торговых отношений – лишь одной стороны интеграционных процессов [103].

Опираясь на теорию международной экономической интеграции, Россию изначально следует рассматривать как экономикополитический союз – высшую стадию интеграции, предполагающую единое экономическое пространство движения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и опирающуюся на единую инфраструктуру и макроэкономическую политику. Необходимость в этих условиях создания таких первоначальных форм интеграции, как зона свободной торговли, таможенный союз и общий рынок, в целом отпадает. Тем не менее размеры страны и незавершенность рыночных преобразований сохраняют существенную сегментацию национальной экономики, что проявляется, в частности, в углублении региональной дифференциации. Исходя из этого можно отметить незавершенность и недостаточность деятельности в части интеграции как в рамках страны в целом, так и в границах макрорегионов.

Вместе с тем представляется, что теория, разработанная применительно к международной интеграции, может высветить новые аспекты межрегионального взаимодействия в рамках единой страны, а также подчеркнуть и усилить значимость общих для международных и межрегиональных интеграционных процессов моментов. Это касается прежде всего предпосылок формирования интеграционного пространства, в числе которых сходство уровней экономического развития и (или) взаимная до-

полняемость экономик¹, высокий уровень хозяйственного (в том числе инфраструктурного) освоения, географическая близость² и, главное, открытость (в той или иной степени) территориальных хозяйственных систем. При этом, несомненно, значимыми являются и другие предпосылки неэкономического порядка, имеющие, к примеру, социологический или психологический характер [109].

В связи со сказанным выше возникает вопрос: если в условиях международной экономической интеграции поэтапно формируются новые целостные образования³ (зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз), то как это знание можно применить к исследуемой нами проблеме межрегиональной интеграции? Вероятно, следует обратить внимание на то, что, несмотря на уже существующее в границах России общее экономическое и политическое пространство (экономический и политический союз федеративного характера), по-видимому, имеют место определенные разрывы в этом едином пространстве, реальные барьеры на пути его формирования, что изначально характерно при создании объединений стран [111]. Среди таких барьеров межрегионального взаимодействия, в частности, есть транспортная составляющая, различия в ресурсном потенциале и мобильности ресурсов, наличие коррупционных процессов, сохраняющиеся различия в системах управления, незаинтересованность и неготовность институтов управления регионами решать общие для макрорегиона проблемы и др.

¹ На необходимость обмена товарами или услугами как предпосылке развития территориального хозяйства более тридцати лет назад указывал Нобелевский лауреат П. Кругман [104]. Формирование постиндустриальной экономики, информационного общества повлекло за собой необходимость обмена таким специфическим товаром, как знания и информация [105].

² Географическое положение региона относится к числу общепризнанных и наиболее часто упоминаемых в научной литературе факторов интеграции территориальных социально-экономических систем как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях [106–108]. Согласно результатам нашего исследования, географическая близость во многом предопределила высокую тесноту торговых (по выборочной номенклатуре товаров) и миграционных связей Алтайского края с регионами СФО, доля которых составляла свыше половины от общего объема межрегионального товарооборота и миграционного оборота.

³ Интегрировать – объединять в одно целое. См. об этом [110, с. 244].

Поэтому, в первую очередь, речь должна идти о существенном снижении подобных барьеров для усиления и развития межрегионального рынка (товаров, труда, капитала) как необходимым условием укрепления единого экономического пространства страны, его большей однородности, а также о новом качестве регионов и макрорегионов (субрегионов) России вследствие их более активного участия в межрегиональных связях¹.

С учетом сказанного несомненно, что единое интегрированное пространство России все еще нуждается в углублении и развитии интеграционных процессов как с точки зрения интеграции регионов в границах макрорегионов (например, СФО), так и в их интеграции, но уже в пространстве всей страны². Отметим также важность и нового, международного аспекта проблемы – интеграционные процессы в ЕАЭС.

В силу изложенного целесообразно выделить три различных вектора такой интеграции: каждый макрорегион (и его субъекты) взаимодействует с другими как внутри субрегиональной системы/макрорегиона, так и за ее пределами, что и обеспечивает единство экономического пространства страны в целом, а теперь уже и формирующегося ЕАЭС. Представляется, что результаты интеграционных процессов пока далеки от оптимальных, что проявляется, в частности, как уже отмечалось, в существенном разрыве уровней социально-экономического развития регионов.

На этом фоне есть также опасность появления разрушительных центробежных тенденций, действующих в противовес центростремительным процессам, обеспечивающим интеграционную целостность национальной экономики. В этом смысле проблемы и противоречия функционирования экономики Европейского союза могут помочь осознать не только существующие и возмож-

¹ Если же в качестве результата интеграционных усилий рассматривать создание новой территориально-административной структуры, то межрегиональные связи административно-территориальных единиц являются, очевидно, необходимым, но недостаточным условием интеграции. Нужно соответствующее решение территориальных органов управления, выполняющих функции интегратора.

² Идея о необходимости усиления степени интегрированности российского экономического пространства нашла широкое отражение как в директивных документах, так и в научной литературе. См., например, [112, 113] и др.

ные проблемы ЕАЭС, но и экономики России как федеративной союзной системы.

Формирование интегрированного пространства, как и любой другой процесс, проходит последовательно присущие интеграции (как общего процесса) стадии (ступени). О «зрелости» интеграции можно, на наш взгляд, судить по наличию и степени выраженности ее признаков, в числе которых:

- взаимопроникновение и переплетение экономических и социальных региональных процессов, оцениваемое по тесноте тех или иных связей интегрируемых территориальных образований;

- структурные изменения в экономике и социальной сфере объединяемых территорий, происходящие под влиянием интеграционных процессов;

- наличие управленческих органов, включая общественные объединения, основная функция которых состоит как в регулировании межрегиональных взаимоотношений, так и, в отдельных случаях, в управлении развитием вновь образованной межрегиональной системы и др.

Отметим, что подобные процессы в рамках Европейского Союза трактуются как процессы «углубления» интеграции (наряду с расширением при включении в системы новых стран).

Очевидно, чем полнее представлены и ярче выражены признаки интеграции, тем на более высокой стадии она находится. Достижение высшей ступени (стадии) интеграции – это такое состояние интеграционного процесса, внешним проявлением которого является формирование нового целостного социально-экономического территориального образования, получившего формальный статус с созданием соответствующих государственных (муниципальных) органов управления и власти.

В процессе межрегиональной интеграции целесообразно выделить три уровня взаимодействия экономических субъектов. Первый уровень – микроэкономический, в котором реализуется деятельность фирм и домашних хозяйств. Второй уровень – взаимодействие на уровне систем управления отдельными регионами. Третий уровень – взаимодействие территорий, регулируемое институтами (формальными и неформальными) уровня макрорегионов. (Есть также и четвертый и пятый уровень, которые уже имеют отношение к функционирова-

нию единой национальной экономики и развитию ЕАЭС и потому не являются в контексте исследуемой проблемы предметом обсуждения). При этом эти уровни пересекаются, образуя сложную и многомерную систему.

Важно отметить, что интеграция в субрегиональном плане (на уровне макрорегионов) никак не может быть вариантом того, что в теории международной интеграции трактуется как «закрытый регионализм». Здесь, скорее, актуальна только модель «открытого регионализма». Последняя, несомненно, предполагает и полностью основывается на свободе интеграционных процессов для всех субъектов. Их участие в интеграции должно носить добровольный характер, опираться на их экономические интересы, которые, однако, должны грамотно стимулироваться и регулироваться институтами управления посредством создания экономических условий для интеграции (при этом элементы принуждения, обязательности участия не практикуются). Содействовать интеграционным процессам могут также и общественные организации, особенно в сфере бизнеса.

Заметим, что эмпирическая оценка стадии (ступени), глубины интеграции представляет собой «задачу со многими неизвестными», т.е. при этом должны быть:

1) приняты во внимание различные направления интеграции (экономическое, социальное, научно-техническое, информационное, культурное и т.д.);

2) охарактеризованы ее типы (институциональный и частно-корпоративный, с ведущей ролью, соответственно, региональных властей и частного предпринимательства);

3) охвачены основные формы межрегиональных взаимодействий, различающихся каналами и объектами связей: межрегиональная торговля, обеспечивающая движение товаров и услуг; миграция населения и обмен рабочей силой; производственная кооперация¹, с присущим ей движением полупродуктов; наконец,

¹ Производственная межрегиональная кооперация должна быть, на наш взгляд, в центре исследовательского проекта. При этом должны быть учтены как корпоративный, так и региональный ее уровень, наряду с основными устоявшимися формами кооперации – созданием совместных производственных кластеров, холдингов с участниками из различных регионов, а также современных форм (франчайзинг, аутсорсинг, субконтрактинг) [57, с. 55; 114].

движение капитала в различных формах – предпринимательского капитала, осуществляющего вложения в реальный сектор экономики, и ссудного капитала в виде займов.

Здесь следует отметить, что в теории международной экономической интеграции особо отмечается решающая роль движения капитала (особенно прямых инвестиций, производственной кооперации), рынка капитала в целом и различных его форм для углубления интеграционного взаимодействия.

Механизмы межрегиональной интеграции. Обратимся далее к трактовке ключевого понятия исследования – механизма интеграции в контексте целей и задач нашего исследования. В качестве механизма экономической интеграции мы рассматриваем межрегиональные взаимодействия, проявляющиеся в форме интеграционных процессов. Такой подход соответствует принятому в науке определению механизма как совокупности процессов, в результате которых формируется некое новое явление – в случае нашего исследования – интегрированное внутри- и межрегиональное (точнее, объединяющее несколько регионов) социально-экономическое пространство [102, с. 377].

Понятие «механизм» крайне важно с познавательной точки зрения. Раскрыть механизм какого-либо процесса – это значит найти ответ на вопросы: «почему (движущие силы) и как (факторы) протекает процесс?». В частности, применительно к нашему исследованию, во-первых, выявить движущие силы интеграционных процессов; во-вторых, определить ключевые факторы, детерминирующие ход и характер процесса формирования экономического пространства¹.

В научной литературе существует общепринятое мнение об общественном разделении труда и сложившейся специализации регионов как наиболее общих структурах, порождающих необходимость и возможность межрегиональной интеграции [115]. Мы,

¹ Проведенный нами анализ научной литературы показывает, что раскрытие движущих сил межрегиональных взаимодействий зачастую подменяется описанием стимулирующих и ограничивающих их факторов. Центральное место при анализе последних процессов занимают наличие и эффективность инструментов государственного регулирования рассматриваемых процессов [70, с. 51–52].

естественно, разделяем эту точку зрения, но считаем при этом, что такой подход не исчерпывает и не раскрывает в полной мере понятия движущих сил интеграции¹.

С нашей точки зрения, территориальное разделение труда и специализация регионов, учитывая исторический характер их формирования и относительное постоянство, являются основополагающими, «запускающими» интеграционный процесс, в силу чего мы обозначим их как движущие силы «первого порядка».

Наряду с этим имеет смысл выделять и изучать движущие силы «второго порядка», имеющие более конкретный и частный характер, отражающий специфику межрегионального движения мобильных ресурсов региона – товаров и полупродуктов, капитала, населения и рабочей силы. В самом общем виде, очевидно, под движущими силами «второго порядка» следует понимать межрегиональное движение территориальных мобильных ресурсов, обусловленное выгодами и преимуществами, которые получают субъекты интеграции в результате реализации интеграционных процессов [103]. Другими словами, за межрегиональными связями скрываются экономические интересы хозяйствующих субъектов, включенных в интеграционный процесс. Именно экономические интересы субъектов хозяйствования представляют собой в конечном счете движущие силы пространственной экономической интеграции².

¹ Очевидно, что предложенный нами подход к определению содержания дефиниции «движущие силы пространственной экономической интеграции» не исчерпывает всего многообразия имеющихся представлений о роли и месте межрегиональных связей в интеграционном процессе. Так, наиболее распространенным в международной и отечественной регионалистике, как отмечалось выше, является интерпретация межрегиональных связей как форм межрегионального экономического взаимодействия. Возможна и трактовка интеграционных связей с позиции выполняемых ими функций, как, к примеру, индикатора степени глубины экономической интеграции регионов и т.д.

² С нашей точки зрения, различные экономические интересы хозяйствующих субъектов находят свое проявление в определенных конкретных видах межрегиональных связей, различающихся между собой спецификой каналов и предметов связи. Это дает нам основания рассматривать экономические интересы в неразрывном единстве с олицетворяющими их интеграционными связями.

Экономические интересы субъектов интеграции базируются на их потребностях. При этом интересы предполагают особый формат достижения этих потребностей посредством ориентации только на тех участников отношений, взаимодействие с которыми обеспечивает субъектам дополнительные выгоды и преимущества. Но это также предполагает и реализацию интересов другой стороны, поскольку экономические отношения – это единство интересов как минимум двух субъектов. Изменения в потребностях и интересах происходят постоянно, реализуясь на разных рынках (товаров, капиталов, рабочей силы), что меняет и развивает структуру и масштабы самого интегрируемого экономического пространства.

Все это также означает, что субъектами собственно интеграционных процессов на субрегиональном уровне являются фирмы, домашние хозяйства, институты регионального и муниципального управления, институты управления формирующимся макрорегионом (учитывая все возможное многообразие форматов макрорегиона как системы) [116] под регулирующим воздействием федеральной управляющей системы. Интересы этих субъектов, их динамика, формируемая большим количеством внутренних и внешних, включая и международные, факторов, стимулируют (или, напротив, не стимулируют) формирование интеграционных связей, определяют их глубину и качество. При этом взаимодействие в рамках макрорегиона не исключает взаимодействие с другими территориями России (и с границей). И на кого будут направлены интересы субъектов экономики (на внутренних или на внешних для субрегиона участников), зависит от условий сделок (договоренностей).

Так, к примеру, в межрегиональной торговле движущей силой ввоза товаров является удовлетворение потребностей хозяйствующих субъектов и населения региона, насыщение регионального рынка товарами производственно-технического назначения и продовольственными товарами; движущей силой вывоза товаров – сбыт продукции, изначально ориентированной на потребление в других регионах России, либо не находящей в силу разных причин устойчивого платежеспособного спроса на внутрирегиональных рынках. В целом для оптовой торговли

движущей силой является поиск наиболее выгодных условий ее ведения. Движущей силой межрегиональной производственной кооперации¹, обеспечивающей в ходе своего функционирования движение полупродуктов, является стремление хозяйствующих субъектов в условиях конкурентной среды рационально организовать производство, снизив при этом издержки и увеличив прибыль.

Движущей силой межрегионального вывоза капитала² в различных его формах, включая инвестиционное сотрудничество³, является поиск наиболее выгодных условий его использования. Более сложная ситуация с выявлением движущих сил межрегиональной миграции и обмена рабочей силой. Здесь имеет место целая палитра разнообразных причин и мотивов населения в части смены места жительства и поиска рабочих мест в других регионах, охарактеризованная в ряде монографий [118].

Перейдем далее к характеристике *факторов, предопределяющих ход и характер интеграционных процессов*. Аналогично подходу к группировке движущих сил, разделим их на факторы первого и второго порядка. В числе факторов первого порядка, детерминирующих в главном масштабы, интенсивность и харак-

¹ С позиции теории эндогенного роста производственная кооперация является реакцией экономических агентов (хозяйствующих субъектов) на вызовы со стороны конкурентной бизнес-среды, в результате которой кооперируемые предприятия осуществляют так называемое подрядное сотрудничество – комбинацию различных его форм – от совместного строительства и использования рабочей силы до переработки давальческой продукции с последующим возвратом ее в регион. Основной формой производственной кооперации, как уже отмечалось, является создание совместных предприятий и производств. Межрегиональная производственная кооперация тем самым способствует удлинению цепочек добавленной стоимости на территории России и обеспечивает большую связанность ее регионов [117].

² Под вывозом капитала понимается перемещение капитала из региона, где находится его собственник, в другой регион РФ с целью извлечения прибыли.

³ Подразумевается максимально возможный охват всех форм межрегионального инвестиционного сотрудничества, а именно создание в регионе хозяйствующими субъектами, дислоцированными в других регионах РФ, дочерних компаний, совместных предприятий на контрактной основе, совместных разработок природных ресурсов, наконец, покупка предприятий.

тер межрегиональных взаимодействий – пространственная структура экономической активности населения России.

Регионы с высокой концентрацией экономической активности населения характеризуются, как правило, большим объемом ресурсов в качестве потребителя продукции других регионов РФ и поставщика продукции дислоцированных на его территории предприятий на рынки других регионов России. Так, например, результаты проведенного нами эмпирического исследования торгово-экономических связей Алтайского края с регионами СФО свидетельствуют о том, что в 2011–2015 гг. на долю трех крупнейших регионов СФО (Новосибирскую, Кемеровскую и Омскую области) приходилось 82% общего объема ввезенной в край из регионов округа продукции (в стоимостной оценке).

К числу специфических факторов первого порядка можно, по-нашему мнению, отнести и характеристику фазы развития экономики (рост, стагнация, падение), оказывающей заметное влияние на масштабы и характер межрегиональных взаимодействий. Согласно результатам наших исследований, в годы трансформационного кризиса 1990-х годов, к примеру, традиционные для края поставки продовольственной продукции на межрегиональные рынки России уменьшились в зависимости от вида продовольствия в 2–5 раз.

Что же касается факторов второго порядка, имеющих более частный характер и раскрывающих особенности развития отдельных отраслей и сфер региона, то их разнообразие и широта ставит под сомнение даже попытку их классификации¹. В силу сказанного, ограничимся на этом этапе исследования наиболее

¹ Тем не менее в научной литературе можно найти примеры систематизации факторов межрегионального взаимодействия субъектов Российской Федерации [70, с. 53–54]. Предложенная авторами классификация видов факторов (экономические, социальные, государственного управления, инфраструктурные) и, главным образом, ее наполнение представляет собой, на наш взгляд, не завершенную систему с четкими критериями отбора факторов в классе, а попытку их комплексного обзора и первичного свода. Это и неудивительно в силу многогранности и многогранности исторически сложившихся устойчивых видов и форм взаимоотношений регионов, отсутствия общепринятого языка для оценки межрегиональных взаимодействий, наконец, различия целей, стоящих перед авторами статей.

наглядными примерами факторов второго порядка. Для масштабов межрегионального обмена товарами, к примеру, важнейшее значение имеет наличие транспортной сети, развитой логистической инфраструктуры и стоимость перевозок. Этот фактор на определенных этапах экономического развития играет основополагающую роль и в производстве и перемещениях товаров¹.

Движение капитала предопределяется целым рядом факторов, детерминирующих его эффективное использование и отдачу. В их числе наличие и стоимость квалифицированной рабочей силы в регионе, наличие свободных площадок для строительства новых объектов, возможные преференции и гарантии со стороны региональных властей и т.д.

В дальнейшем для обозначения совокупности имеющихся средств и возможностей участия регионов в межрегиональных взаимодействиях используем понятие «интеграционный потенциал региона». Интеграционный потенциал региона в самом общем виде включает в себя всю совокупность основных факторов социально-экономического развития территорий, способствующих либо ускорению процессов ее интеграции в более широкую территориальную систему (факторы – катализаторы), либо их замедлению (факторы – ингибиторы).

Социально-экономические последствия межрегиональных взаимодействий. Наиболее распространенной в регионоведческой литературе является точка зрения на межрегиональные взаимодействия как на процессы межрегиональной конкуренции за ограниченные ресурсы. Напротив, при исследовании интеграционных процессов доминирует односторонний подход, не позволяющий различать межрегиональное взаимодействие и межрегиональное сотрудничество. Как правило, при обсуждении проблемы межрегионального взаимодействия акцент делается на взаи-

¹ В середине 1990-х годов в промышленности Алтайского края сложилась патовая ситуация, когда доставка товаров потребителям из других регионов сравнялась либо превысила по стоимости их производство, что повлекло за собой снижение объемов производства и даже его остановку. Переход ряда промышленных предприятий края на трехдневную рабочую неделю, а впоследствии, нередко, их полная ликвидация – типичная картина состояния промышленности края в эти годы.

мовыгодности отношений территориальных систем, следствием чего является развитие каждого из регионов – участников взаимодействия.

Этот момент особо подчеркивается в имеющихся определениях. Так, к примеру, Б.А. Тамова рассматривает межрегиональное взаимодействие как «совокупность экономических отношений между двумя или несколькими регионами, реализуемых ими в рамках установленных государством правовых и социально-экономических отношений, исходя из интересов каждого из взаимодействующих регионов на условиях баланса интересов всех участников этого процесса [119]. Рубцов Г.Г., Литвиненко А.Н. определяют межрегиональное взаимодействие как взаимовыгодное сотрудничество, способствующее решению региональных проблем с рынками сбыта и ограниченностью собственных ресурсов [120].

С нашей точки зрения, при этом упускается из виду, что межрегиональные взаимодействия в рыночной экономике могут носить и конкурентный характер, при котором интересы одной стороны достигаются за счет ущемления интересов другой¹. Типичный пример – межрегиональный обмен населением и рабочей силой, при котором происходит их переток из сравнительно слабых в экономическом отношении регионов в сильные. Так, по результатам нашего исследования в Алтайском крае для межрегионального движения населения, начиная с 1997 г., была характерна механическая убыль, в результате которой край теряет наиболее молодое, трудоактивное и образованное население. Так, в последнее пятилетие на 100 человек в трудоспособном возрасте, прибывающих в край из других регионов России, в обратном направлении выбывало от 128 до 143 человека соответствующего возраста, а на 100 прибывающих с высшим образованием выбывало от 152 до 160 человек с таким же образованием.

¹ На этот аспект межрегионального взаимодействия указывают А.Г. Полякова и И.С. Симарева. По их мнению, к противоречиям развития межрегиональных связей относятся межрегиональная конкуренция и конфликт интересов в процессе разработки и реализации федеральной и региональной экономических политик [121, с. 35–36].

В результате интеграции в этом случае происходит не сближение регионов по уровню социально-экономического развития (конвергенция)¹, а, напротив, – дивергенция, проявляющаяся в усилении дифференциации в межрегиональном развитии и в потере устойчивости экономической системы. В этом случае межрегиональные интеграционные отношения складываются по типу отношений «центра» и «периферии»².

По-видимому, при исследовании процессов формирования интегрированного пространства следует опираться на другую, более реальную концептуальную основу, подразумевающую возможность одновременного существования как сотрудничества, так и конкуренции (так называемой соконкуренции) регионов России³. В связи с этим особую значимость приобретает характер взаимоотношений институтов управления экономическими системами разных уровней (регионального, субрегионального, национального), призванных обеспечить гармонизацию этих противоречивых тенденций [122]. Отметим также, что опыт международной экономической интеграции в целом показывает большое значение институтов интеграционного взаимодействия, их целенаправленных усилий по содействию углублению интеграции в рамках единого субрегионального экономического пространства. При этом само управление может быть реализовано разными способами, соответствующими тому или иному формату макрорегиона [116].

¹ Речь в данном случае идет, естественно, о так называемой прогрессивной (выравнивание «вверх»), а не регрессивной (выравнивание «вниз») конвергенции.

² Согласно концепции периферийной экономики Р. Пребиша, периферийные регионы находятся в экономической зависимости от «центра», что препятствует их развитию и обуславливает их отсталость.

³ Ярким примером соконкуренции является насыщение потребительского рынка Алтайского края, в процессе которого предприятия регионов России поставляют на алтайский рынок продукцию, не производимую в крае либо производимую в недостаточных количествах (сотрудничество регионов), а также продукцию, производимую в крае в достаточных для насыщения внутреннего рынка объемах, усиливая конкуренцию на нем.

2.2. Цель, задачи и теоретическая схема объекта исследования

Ключевая идея исследования, как отмечалось ранее, «заимствована» нами у одного из основоположников региональной науки У. Изарда. В своем введении в науку о регионах он указывал на необходимость объединения экономической динамики регионов и пространственной структуры их взаимодействий [123].

Применительно к нашему исследованию речь идет о том, чтобы изучение масштабов и характера включенности региона в интеграцию, а также обеспечивающих ее механизмов осуществлять во взаимосвязи с процессами его социально-экономического развития или, другими словами, выявить и оценить влияние так называемых «региональных факторов» на масштабы и характер включенности региона в экономическое пространство.

С учетом сказанного, *цель исследования* заключается в систематизации методологических основ и разработке методических подходов к комплексному анализу механизмов и результатов формирования и развития экономического пространства в контексте социально-экономического развития региона и на этой основе – в оценке его включенности в территориальную интеграцию.

Объект исследования – интегрированное экономическое пространство, образуемое в результате реализации межрегиональных взаимодействий.

Предмет исследования – механизмы формирования и развития экономического пространства, детерминирующие масштаб и характер включенности в него региона.

Эмпирическим объектом исследования является типичный агропромышленный регион России – Алтайский край¹.

¹ Мы исходим из предположения, что агропромышленные регионы России представляют собой особую группу территориальных социально-экономических систем с присущей им ролью в территориальном разделении труда, особенностями социально-экономического развития и характером экономической динамики, масштабом и характером «вписанности» в экономическое пространство страны.

Попытки эмпирического исследования механизмов формирования и развития пространственной интеграции в указанной логике работы наталкиваются, прежде всего, на высокую степень «размытости» и неопределенности состава факторов, относящихся к региональным. В самом деле, если обратиться к материалам приведенного выше обзора научных работ по межрегиональной интеграции, то большинство из упомянутых там факторов с той или иной степенью условности, исходя из различных критериев, может быть отнесено к региональным, т.е. раскрывающим разные стороны развития региона (к примеру, экономико-географическое положение, темпы экономического развития и уровень диверсификации экономики, уровень жизни населения региона и т.д.).

В обобщенном виде, опираясь на работы акад. А.И. Татаркина, можно сказать, что на степень включенности региона в экономическое пространство влияет потенциал территории, в основе которого лежит совокупность имеющихся в ее границах ресурсов¹. Это, на наш взгляд, справедливое утверждение. Как правомерны и подходы, выделяющие производственный, трудовой, инфраструктурный, финансовый, инновационный, институциональный потенциалы региона в качестве «частных» региональных факторов интеграции.

Из сказанного выше следует два важных для нашего исследования вывода. Первый из них состоит в понимании нереальности полного и всеобъемлющего перечня региональных факторов-детерминант, раскрывающих различные характеристики территориальной социально-экономической системы. Выход из этой ситуации нам видится в научно обоснованном выборе наиболее важных, доминирующих (с точки зрения влияния на

¹ Академик А.И. Татаркин определял потенциал территории как «совокупность всех имеющихся в ее границах ресурсов (средств, запасов, источников) – материальных и духовных, природных и человеческих, как уже вовлеченных в процессы общественного производства и социального развития, так и тех, которые могут быть использованы для наращивания экономических возможностей, установления и укрепления социально-политической стабильности, повышения уровня и качества жизни населения данной территории» [124].

межрегиональные взаимосвязи как с количественной, так и с качественной стороны) факторов. Второй вывод: невозможно, на наш взгляд, дать оценку такого многопланового явления, как межрегиональная экономическая интеграция, с помощью одного обобщающего показателя¹.

Этот тезис подтверждается имеющимися в науке классификациями различных видов «открытости» региона². Среди них: товарная, инвестиционная, инфраструктурная, информационно-технологическая, финансово-бюджетная, миграционная, гуманитарная (отражает связи в сфере культуры, искусства, экологии, образования, выравнивания стандартов потребления и других параметров качества жизни населения) [125].

С учетом сказанного выше, в качестве важнейших характеристик региона, детерминирующих масштаб и характер его включенности в интегрированное экономическое пространство, мы рассматриваем следующие: 1) отраслевую специализацию хозяйства региона; 2) степень его центропериферийности; 3) уровень и динамику социально-экономического развития региона на разных этапах экономики страны; 4) уровень и динамику развития производственно-хозяйственной инфраструктуры межрегиональной связанности.

¹ Уточним этот тезис: с формальных позиций сформировать такой интегральный индикатор можно, но с содержательных позиций эта работа, на наш взгляд, не будет иметь особого смысла.

² Под открытостью региона понимается зависимость его развития от факторов и процессов вне его границ, а также отсутствие барьеров (ограничений) в осуществлении межрайонных и международных связей. Открытость региона, таким образом, отражает степень его включенности в национальную и, преимущественно, в мировую экономику.

В мировой экономике открытость региона оценивается, прежде всего, по его активности в обмене товарами и услугами. В качестве основных показателей степени открытости региона в этом случае выступают: доля экспорта (вывоза в другие регионы страны), импорта (ввоза), внешнеторгового оборота в ВРП, экспорт и импорт на душу населения; доля импорта в розничном товарообороте региона; индексы экспортной локализации отраслей; отраслевая и географическая структура экспорта; сальдо межрайонных связей, сальдо внешней торговли; прибыль предприятий от внешнеторговой деятельности на душу населения [92].

Соответственно, в теоретической схеме объекта исследования¹ отражены четыре ключевые направления исследования, отражающие в конечном счете влияние каждого из региональных факторов на масштаб и характер включенности региона в экономическое пространство (рис. 1.1, блоки I–IV).

Остановимся тезисно на методологии исследования каждого из обозначенных выше региональных факторов, не вдаваясь в особенности методики, детально изложенной в соответствующих разделах монографии.

Специализация региональной экономики. Общая идея, положенная в основу выявления специализации экономики Алтайского края, состоит в том, чтобы оценить ее отраслевую ориентацию на фоне всей совокупности агропромышленных регионов России (блок I, стрелки 1, 2 на рис. 1.1).

Логикой анализа предусмотрена двухшаговая процедура:

1) типологизация регионов России в многомерном пространстве, учитывающем одновременно распределение регионов по осям «аграрности» и «индустриальности» с использованием соответствующих обобщенных факторов и выделением особого типа агропромышленных регионов;

2) характеристика специфики социально-экономического развития агропромышленных регионов России, оказывающей существенное воздействие на развитие интегрированного пространства.

Центропериферийное положение региона. Этот региональный фактор, как и предыдущий, также выявляется в результате двухшаговой процедуры (блок II, стрелки 3–4 на рис. 1.1).

На первом из них выстраивается типология агропромышленных регионов России по степени периферийности, базирующихся одновременно на двух критериях – «экономических» и «географических». Далее, на втором шаге описывается социально-экономический «портрет» каждого из выделенных типов регионов.

¹ Теоретическая схема (абстрактное представление) объекта исследования – квинтэссенция эмпирического изучения социально-экономических явлений и процессов. В самом общем виде она представляет собой упрощенную логическую блок-схему, алгоритм проектируемого исследования, включающую в себя:

- характеристику основных направлений исследования;
- характеристику промежуточных результатов, полученных по каждому из направлений;
- «увязку» результатов между собой (что и для чего используется в дальнейшем для достижения конечного результата).

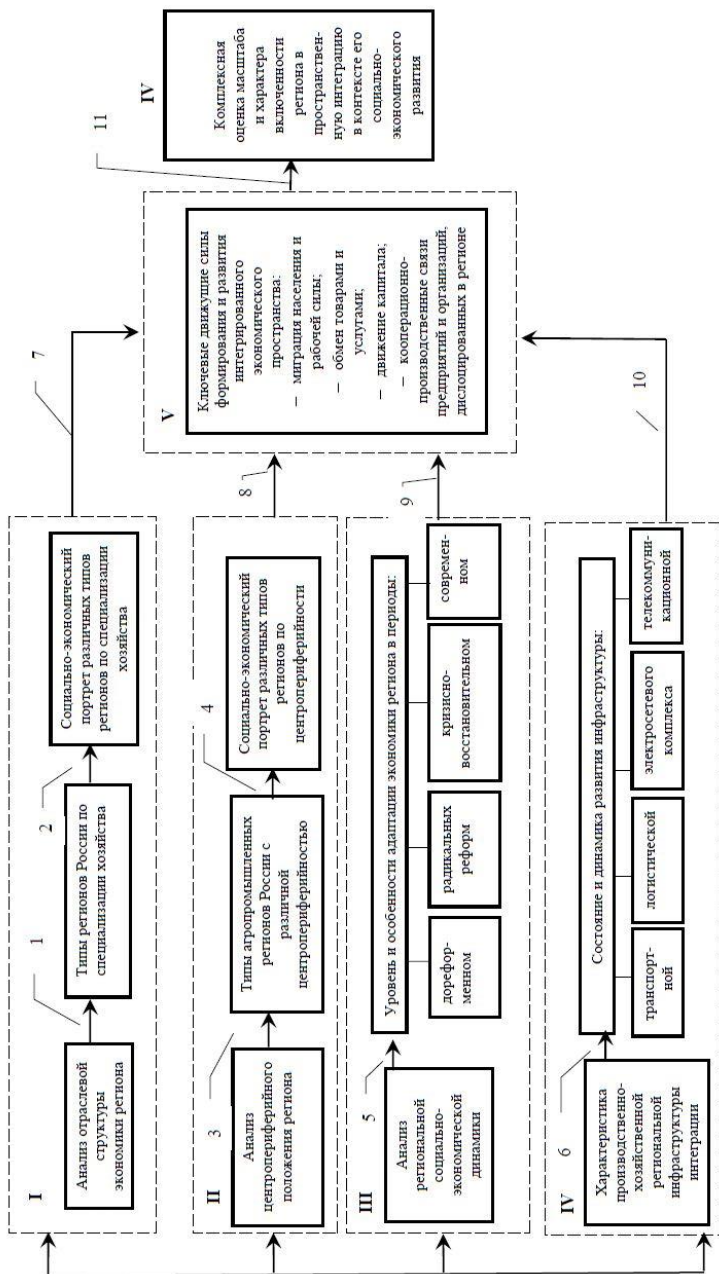

Рис. 1.1. Теоретическая схема (абстрактное представление) объекта исследования

Уровень и динамика социально-экономического развития региона. При разработке методологии изучения влияния этого регионального фактора на интеграцию мы исходили из предположения, что оно существенно зависит от специфики этапа, переживаемого экономикой страны и края (рис. I.1, блок III, стрелка 5).

Методологией исследования предусмотрено выделение четырех различных этапов:

- 1) дореформенного этапа;
- 2) этапа вступления в рынок и радикальных структурных сдвигов в региональной экономике;
- 3) кризисно-восстановительного этапа дальнейшей адаптации экономики края;
- 4) современного этапа экономического развития¹.

Из других методологических особенностей анализа рассматриваемого фактора отметим, во-первых, охват как экономических, так и социальных характеристик региона; во-вторых, концентрацию наиболее острых проблем социально-экономического развития края; в-третьих, характеристику современного этапа экономического развития, главным образом, через демонстрацию уровня и проблем развития регионообразующих отраслей края (промышленности, сельского хозяйства, строительного комплекса).

Уровень и динамика производственно-хозяйственной инфраструктуры (рис. I.1, блок IV, стрелка 6). Региональная инфраструктура, обеспечивающая межрегиональные экономические взаимодействия, является, бесспорно, одним из важнейших ключевых факторов пространственной интеграции. В силу этого методологией исследования изначально предусмотрен максимально возможный охват ее видов: транспортно-логистической, телекоммуникационной, инфраструктуры электросетевого комплекса края, научно-технической инфраструктуры (см. рис. I.1).

Следующий этап исследования состоит в изучении влияния региональных факторов, с одной стороны, на формирование предпосылок и ограничений, детерминирующих ход процесса

¹ Названия этапов носят условный характер и не претендуют на научную строгость. Качественные отличия этапов и критерии их выделения раскрыты в настоящей монографии ниже.

пространственной интеграции, а с другой – на его движущие силы (рис. I.1, блок V, стрелки 7–10).

Суть последних, как отмечалось ранее, состоит в межрегиональном движении важнейших мобильных ресурсов региона, связывающих воедино экономическое пространство. Образно говоря, движущие силы интеграции представляют собой «ключевые скрепы» формирования и развития экономического пространства.

В качестве движущих сил пространственных интеграционных процессов в исследовании выступают, во-первых, межрегиональная миграция населения и рабочей силы; во-вторых, межрегиональный обмен товарами и услугами; в-третьих, межрегиональное движение капитала; наконец, в-четвертых, межрегиональные кооперационно-производственные связи предприятий и организаций, дислоцированных в регионе.

Наконец, на завершающем этапе исследования предполагается комплексная оценка масштаба и характера включенности региона в экономическое пространство под воздействием движущих сил и с учетом влияния региональных факторов-детерминант (рис. I.1, блок VI, стрелка 11).

Сформированная теоретическая схема объекта исследования позволяет нам сформулировать ряд *ключевых задач*, а именно:

- 1) систематизировать методологические основы и разработать методические подходы к анализу включенности региона в экономическое пространство, выявлению и характеристике предпосылок, ограничений и механизмов этого процесса;

- 2) выявить влияние, оказываемое отраслевой специализацией агропромышленных регионов России на масштаб и характер межрегиональных взаимодействий;

- 3) изучить взаимосвязи между центропериферийным положением агропромышленных регионов России и их включенностью в интегрированное пространство;

- 4) проанализировать динамику социально-экономического потенциала Алтайского края на различных этапах экономики как фактора пространственной экономической интеграции;

- 5) дать оценку состояния и динамики региональной инфраструктуры Алтайского края, обеспечивающей формирование и развитие межрегиональной интеграции;

6) охарактеризовать ключевые движущие силы, обеспечивающие межтерриториальный обмен мобильными ресурсами Алтайского края и других регионов (населением и рабочей силой, производимыми товарами и услугами и др.);

7) произвести комплексную оценку интеграционного потенциала Алтайского края, раскрыть уровень и характер его включенности в экономическое пространство России, Южно-Сибирского макрорегиона и мировую экономику и др.

Разнообразие и многогранность поставленных задач с необходимостью повлекли за собой *ограничения исследования*. Перечень их в силу полифункциональности и полиструктурности изучаемого объекта достаточно широкий. Остановимся на главных, с нашей точки зрения, ограничениях.

Прежде всего, в исследовании рассматривается межрегиональное бизнес-взаимодействие по-преимуществу как процесс самоорганизации хозяйствующих структур, в основу организации которого положены рыночные принципы.

Государственному регулированию межрегиональной экономической интеграции, осуществляемому на принципах административного взаимодействия, как в целом межрегиональных интеграционных процессов, так и, в частности, одного из ее основных механизмов – кооперационно-производственных связей предприятий и организаций, уделено существенно меньшее внимание.

В силу этого «выпали» из рассмотрения такие значимые формы межрегионального взаимодействия, созданные по инициативе и при участии структур управления, как ассоциации стратегического партнерства, ассоциации экономического взаимодействия, межрегиональные кластеры, договора о межрегиональном сотрудничестве, межрегиональные интегрированные структуры, инфраструктура межрегионального партнерства и т.д.

Далее, согласно разработанной нами методологии исследования выделены ключевые движущие силы интеграции территорий. Однако в силу недоступности информации в монографии не получила должного отражения важнейшая движущая сила интеграции, каковой, на наш взгляд, является межрегиональное движение

(переток) капитала. Остальные движущие силы, надо признать, изучены с разной степенью глубины. Акцент в исследовании сделан на анализе кооперационно-производственных связей предприятий как ключевом и, в то же время, наименее изученном аспекте межрегиональных взаимосвязей.

Разработка специального инструментария и его апробация на порядке одной тысячи предприятий и организаций Алтайского края позволила детально охарактеризовать локальные межрегиональные и международные связи, раскрыть производственно-технологические, организационные, инфраструктурные, информационные и прочие факторы, влияющие на масштаб и характер производственной кооперации в крае; описать наряду с оценкой масштаба и интенсивности кооперационных взаимодействий их пространственную структуру, основные виды и формы, ожидаемую и реальную эффективность с точки зрения хозяйствующих субъектов, и др. (см. главы 17–20 настоящей монографии).

Аналогично, с существенно разной степенью глубины детализации освещены в монографии различные уровни пространственной экономической интеграции. В центре внимания – межрегиональная экономическая интеграция; локальная территориальная интеграция так же, как и международная, охарактеризована в монографии лишь в отдельных своих аспектах.

Что же касается инфраструктуры межрегиональных связей, то в исследовании дано определенное представление только о двух ее видах, имеющих, однако, принципиальное значение с позиций развития межрегиональных взаимосвязей (логистической и транспортной региональной инфраструктуры).

Заметим, что наряду с указанными выше ограничениями «общего порядка» имеются и более частные, касающиеся конкретно исследования межрегионального движения товарных потоков и населения (см. об этом главы 14–15 настоящей монографии).

Естественно, список ограничений исследования не исчерпывается лишь перечисленными моментами. Все это, с одной стороны, обедняет результаты исследования, а с другой – обрисовывает перспективы его совершенствования.

Глава 3

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

3.1. Международное сотрудничество в условиях трансформации экономической системы

Современное мироустройство и геополитические риски стали причиной масштабных изменений, распространившихся на все сферы экономики и поведение субъектов социально-экономической деятельности. Мировой рынок как составная часть всемирного хозяйства, с одной стороны, является площадкой для обмена между участниками торговых операций, базирующуюся на устойчивых межгосударственных товарно-денежных отношениях, с другой стороны – это сфера столкновения возникающих противоречий между участниками рыночной торговли и борьбы за конкурентные рынки. Нарушение международных хозяйственных, межрегиональных и межсубъектных связей вследствие изменения конфигураций в цепочке создания стоимости, диспропорции распределения вновь созданной стоимости между участниками торговых отношений ограничивает возможность применения ранее сформировавшихся механизмов и инструментов международного сотрудничества и становится фактором поиска новых точек соприкосновения и новых партнеров в процессах международного и межрегионального взаимодействия.

Актуальность исследования международного сотрудничества продиктована ключевой задачей национального и международного развития – трансформацией экономической системы, необходимостью обеспечения ее устойчивости и жизнеспособности в условиях турбулентности и неопределенности, накопленного опыта, возможностей и ограничений.

Существующая международная экономическая система, как результат многовековой эволюции взаимодействия государств, переживает существенную трансформацию через столкновение интересов между ведущими державами и интеграционными объединениями по вопросам перемещения ресурсов, финансовой и инвестиционной политики, цифрового и информационного

пространства. Меняются ее структурные элементы – участники, правовые нормы, методы регулирования, идеологическая составляющая.

Усиление кризиса экономической глобализации формирует многополярную международную систему экономических отношений: меняется соотношение права и силы на международной арене. Основным фактором формирования новой трансформационной экономики становятся экономическая, военно-политическая, информационная силы.

В условиях глобализации отдельные страны, интеграционные объединения и крупные международные организации опирались в своих решениях на унифицированные национальные системы права, и международные партнерства и соглашения постепенно сводились к правовому единообразию в ключевых областях и вопросах.

Несмотря на возникающие иногда длительные согласования и переговоры, действующая ранее система международного права и складывающаяся на ее основе международная интеграция были призваны предотвращать и урегулировать конфликтные ситуации в международных отношениях, возникающие при осуществлении торговых операций, пересечении таможенной границы, заключении новых долгосрочных контрактов и соглашений в масштабах различных интеграционных объединений, способствовали унификации международного права в области качества и бухгалтерского учета, развития экономических процессов, образования и здравоохранения, международного разделения труда и т.п.

В современных условиях трансформации мировой и национальной экономической системы являются значимыми вопросы формирования новых и укрепления уже имеющихся отношений, развития международных связей как для национальной экономики, так и для достижения глобальных целей социально-экономического развития. Многогранность и многовариантность направлений трансформации социально-экономической модели, с одной стороны, и взаимосвязь трансформационных процессов – с другой, требует ее рассмотрения не только на уровне отдельного государства, но и в масштабах мирового сообщества. При этом актуальными остаются вопросы устойчивого развития территорий, поддержки социально-культурной среды, демографических изме-

нений, экологических проблем, развития культуры и науки на национальном и межстрановом уровне, в границах развития перспективных интеграционных объединений.

Современное состояние научных исследований по исследуемой проблематике¹ характеризуется относительной фрагментарностью научных наработок, в том числе в мировой науке. Данное обстоятельство обусловлено ускорением трансформации национальных экономик и международных связей, разбалансированностью национальных интересов в вопросах межстранового краткосрочного и долгосрочного сотрудничества, длительностью диалога в вопросах согласования общих целей сотрудничества в пространстве мировой экономики.

Научные труды российских и зарубежных авторов в контексте глобальных процессов [133–136] позволяют применить результаты и выводы научных достижений в понимании глобальных трансформационных процессов и социально-экономических отношений, в том числе базовых условий устойчивого развития любой социально-экономической системы.

В условиях усиления социально-экономической и политической напряженности между странами, прослеживается концентрация ресурсов мировой экономики в сфере развития глобального рынка систем и технологий искусственного интеллекта, платформ обработки данных, мировых электронных валют, укрепления национальной безопасности и национального суверенитета, усиления конкуренции за влияние на международной политической арене, что находит отражение в исследовательской среде современной и мировой науки.

Многообразие задач и условий эффективности интеграционных процессов становится полем для междисциплинарных научно-практических дискуссий, предложений и рекомендаций развития отношений, в том числе в рамках интеграционных объединений [137].

¹ Вопросы глобальной трансформации экономической системы, экономический рост и развитие на основе факторов производства обоснованы в трудах А. Смита [126] и К. Маркса [127]. Современные теории промышленного развития обобщены в работах Н.Д. Кондратьева [128] и Й. Шумпетера [129], которые впервые рассмотрели данный процесс как волнообразное явление, положив начало формированию взглядов Д. Китчина [130], К. Жюглара [131] и С. Кузнецца [132] на происходящее с позиций циклов.

Основная мысль современной научной концепции формирования и развития интеграционных объединений в контексте глобальной экономики заключается в том, что в качестве условий их создания как правило выступают один или несколько факторов, таких как общность исторического прошлого и культурных ценностей, единый геополитический противник, способствующие интеграции экономические предпосылки в виде сложившихся межрегиональных хозяйственных связей, торговых отношений и т.д. В условиях усиливающегося геополитического давления мировых лидеров, с одной стороны, и тесных, исторически и культурно обусловленных хозяйственно-экономических связей стран-участников интеграционных объединений – с другой, делают более вероятным положительный сценарий успешного развития и углубления интеграции в рамках уже созданных интеграционных объединений, таких как ШОС, БРИКС, ЕАЭС. При этом грамотно предпринимаемые стратегические решения, сбалансированные с мировыми технологическими трендами и ресурсами территорий, и новые интеграционные инициативы, поступающие от третьих стран, имеют глобальный характер и способны привести к реструктуризации мирового порядка.

Базой перестройки международных отношений, на наш взгляд, следует считать три параметра.

Во-первых, это правовые основы регулирования международных отношений.

Правовое поле трансформации социально-экономической системы России определяется Конституцией РФ, Стратегией научно-технического развития РФ, Стратегией национальной безопасности РФ, Стратегией экологической безопасности РФ, Указом Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2030 г.», Стратегией пространственного развития РФ. Энергетической стратегией РФ [138–144] и др.

Особенности современного трансформационного периода экономики, кризис глобализации и многополярность правового миропорядка нашли отражение в принятой Концепции внешней политики России 31 марта 2023 года [145]. Современное правовое поле международных отношений представлено международным правом, национальным правом и интеграционным

правом, которое распространяется на все отрасли и сферы экономики, а также направления международного сотрудничества и партнерства¹.

В.М. Шумилов в своей статье «Трансформация глобального экономического правопорядка в условиях формирования многополярного мироустройства» [135] выделяет наличие элементов наднационального и транснационального регулирования отношений в международной системе.

Если наднациональные инструменты связаны с надгосударственным правом, формируются и развиваются в межгосударственных структурах, реализуются вне зависимости от воли государств-участников и напрямую внешне непосредственно на их территории – например, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в части управления Таможенным союзом, то транснациональное право формируется транснациональными корпорациями для регулирования отношений международного характера в нужных им сферах, например в торговле, финансовой и инвестиционной среде, в информационном поле.

В этих условиях возникает ситуация, при которой области межгосударственных отношений, не регулируемых международным правом, становятся объектом транснационального права, попадая под влияние транснациональных корпораций, которые, в свою очередь, получают поддержку от государственных структур. В условиях неоднозначности и противоречивости международного правового поля возникают конфликтные ситуации, в том числе военно-политического характера, оказывающие существенное влияние на международное экономическое развитие, международное сотрудничество, интеграцию и глобализацию.

Во-вторых, это мировые политические и экономические события и смещение акцентов от глобализации в сторону суверенитета отдельной страны и взаимовыгодного сотрудничества с другими странами.

В современных условиях на смену международному праву приходит доктрина правопорядка, основанная на правилах и нор-

¹ Несмотря на то что ряд соглашений перестали действовать, возникли новые.

мах, придуманных западными странами и транснациональными компаниями в рамках замкнутых форумов и организаций.

Глобализация изменила свою форму, содержание и направления развития, превратившись из глобального однополярного мира в горизонтальную интеграцию многополярного мира, в которой каждый отдельный полюс или каждая отдельная страна опирается на свои ценности и региональные нормы международного права.

Международные противоречия становятся причиной смены вектора развития отношений России с запада на восток, создания партнерств межконтинентального и межрегионального характера как центров экономической силы и основы соответствующих локальных цивилизаций и полюсов нового мироустройства.

Во взаимодействии России со странами Востока формируется нормативная и организационно-экономическая основа международного правопорядка на принципах равноправного сотрудничества, взаимной выгоды, суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела (ЕАЭС, ШОС, БРИКС). Внутри каждого объединения развивается международное экономическое сотрудничество по разным, значимым для определенной стороны направлениям, формируются институциональные системы, укрепляется суверенность государств.

В-третьих, национальные интересы, культурные особенности и взгляды по направлениям международного сотрудничества, потребность в его поддержке или создания и развития.

Представители современной экономической научной мысли рассматривают культурные факторы с позиции влияния национальных ценностей на формирование уникальных характеристик культуры (Н.М. Лебедева [146], М.К. Горшков, С.Н. Комиссаров, О.И. Карпухин [147]) и ее воздействие на выстраивание отношений в глобальном пространстве (Л.Г. Ивашов [148], И.Ф. Кефели [134] и др.).

Освещая проблемы культуры в крупных компаниях, таких как Google, Yandex, Twitter, IKEA, Сбербанк, Netflix, Facebook, Adobe, Тайота и др., ученые констатируют существенные различия в характеристиках культурного кода в зависимости от национальных приоритетов, мотивационных предпосылок к сотрудничеству со стороны ее субъектов и географического размещения территории-носителя культурных ценностей.

Национальная культура является значимым фактором в построении и укреплении деловых и интеграционных коммуникаций. В разделе «Приоритетные направления внешней политики Российской Федерации» в качестве одного из базовых принципов формирования справедливого и устойчивого многополярного мироустройства обозначено «многообразие культур, цивилизаций и моделей организации общества, опора на единый для всех мировых традиционных религий и этических систем духовно-нравственный ориентир», а в качестве направлений государственной поддержки – «обеспечение уважения и защиты универсальных и традиционных духовно-нравственных ценностей и конструктивного диалога, партнерства и взаимообогащения различных культур, религий и цивилизаций, сохранение традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов» [145].

Факторами формирования устойчивой национальной экономики посредством трансформационных процессов и международной интеграции авторам видятся:

1. Технологическое развитие, базирующееся на достижениях науки и техники, и формирующее значительную базу для развития отраслей экономики, национальную независимость и устойчивость реального производственного сектора. В настоящее время большое внимание в этом направлении уделяется развитию сквозных цифровых технологий, в частности технологий искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности, цифровых двойников, нейросетей и др. Перспективность и значимость направления подтверждается массовым распространением сквозных цифровых технологий на все отрасли экономики и сферы жизни, существенной финансовой поддержкой со стороны государства, в том числе научных исследований, направленных на создание программного обеспечения национальными производителями, с целью сокращения уровня зависимости от иностранных поставщиков ИТ-услуг.

Оценивая текущее состояние технологического развития, следует отметить наличие необходимых административно-правовых условий и инструментов и вместе с тем потребности в кооперации между реальным сектором экономики, государственными научно-исследовательскими и образовательными учреждениями, как в части идентификации, формирования

и уточнения потребностей, так и в области объединения усилий для организации эффективной инновационной деятельности и формирования технологических инноваций.

В целях формирования и развития предпринимательской и инновационной инициативы реализуется ряд образовательных и научных проектов, таких как УМНИК, Стартап, и пр., целью которых становится ориентация на отбор наиболее эффективных технологических решений как с позиции удовлетворения государственных нужд научно-технологического, социально-экономического и экологического развития, так и с точки зрения коммерческой и социальной эффективности.

2. Формирование и развитие инновационной инфраструктуры, содержащей комплекс организационно-экономических механизмов, производственно-хозяйственных платформ и коммуникационных инструментов, поддерживающей реальное технологическое и инновационное развитие в условиях технологической трансформации.

В качестве базовых форм инфраструктуры могут быть полезны созданные кластеры и технопарки, центры коллективного использования и бизнес-инкубаторы, тем более, что уже накоплен положительный опыт их формирования и развития, доказана результативность. Ограничивающим фактором до сих пор остается неравномерность их распределения по территории Российской Федерации, повышенная концентрация в крупных инновационных центрах и недостаток на периферии.

Кластеры, несмотря на их рост в количественном выражении, остаются на среднем уровне развития чаще, чем на более высоком, инновационном. Это доказано исследованием, проведенным в 2022 г. Гришиным С.Ю. в статье «Трансформация российской социально-экономической системы в современных условиях» [149], в рамках которого автором были выделены крупные российские кластеры с различной ключевой специализацией (фармацевтика, химическое производство, промышленные биотехнологии, автомобилестроение, и статусом участия в инновационных проектах России, с численностью сотрудников от 3600 до 36000 человек. Результаты исследования подтвердили высокий уровень развития кластеров с ключевой специализацией «Информационно-коммуникационные технологии» и «оборонная

промышленность», что еще раз подтверждает зависимость уровня развития кластеров от приоритетов в научно-технической политике и национальных интересов.

Исследования Гришина С.Ю. дополняют ранее сделанные выводы Рудаковой О.Ю. [150], проводившей исследование инновационной инфраструктуры Южно-Сибирского макрорегиона о низком уровне взаимодействия элементов инновационной инфраструктуры и сложности формирования единого научно-технологического пространства.

Результаты расширения программ научно-технологического развития с привлечением образовательных учреждений и научных организаций, предпринимательских структур и крупных компаний до сих пор достигают недостаточного для эффективной экономической трансформации уровня.

3. Активное развитие интеграционных процессов, ориентированных на долгосрочное сотрудничество с учетом ценностно-ориентированной социально-экономической политики в разрезе базовых стратегических направлений. В том числе по вопросу определения глобальных стратегий межстранового взаимодействия на мировом, национальном и региональном уровнях (участие в международных организациях и соглашениях, в разработке и реализации совместных международных проектов и программ, соглашений о международном сотрудничестве, создании и развитии интеграционных образований).

Интеграционные процессы рассматриваются с позиции обеспечения демографической безопасности и здоровья населения как стратегического ресурса, развития человеческого потенциала через образовательную среду, производственного потенциала посредством углубления эффективных кооперационных связей, активизации процессов реструктуризации производств и перехода их на качественно новый уровень, реализации стратегии цифровизации и преодоления сдерживающих этот процесс факторов [150].

Сужение экономического сотрудничества с партнерами из Европы и Северной Америки, закрепление и развертывание внешней торговли со странами Азии и Ближнего Востока (Китай, КНР, Турция, Индия, ОАЭ, Сербия, Египет и др.) как в рамках действующих торговых соглашений и интеграционных объединений, так и в формате новых партнерств, ускоряется. Несмотря на

сложность политической ситуации, курс на открытость и полномасштабное сотрудничество со всеми заинтересованными странами, активное участие в многосторонних торговых соглашениях, создание условий для развития внутреннего рынка, запуск механизма параллельного импорта, уже сейчас приводит к более сбалансированному торговому балансу и формированию новых устойчивых торгово-экономических связей.

Так, в целях содействия адаптации глобальной экономики к новым условиям функционирования планируется: укрепление потенциала и повышение международной роли интеграционных объединений БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений; поддержка региональной и субрегиональной интеграции в рамках дружественных многосторонних институтов, диалоговых площадок и региональных объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке.

На наш взгляд, внешний контур интеграционных объединений (включение новых стран в действующие международные союзы и организации) требуется развивать параллельно с внутренним, устраняя внутренние коммуникационные барьеры, обусловленные неравномерностью социально-экономического развития и уровня цифровизации стран-участников, через формирование единой стратегии развития отношений с внешними партнерами, в том числе с учетом потребностей в поставках промежуточных и готовых товаров, необходимых для достижения технологического суверенитета, подготовки зонтичных соглашений для объединения всех заинтересованных внешних партнеров в углубленной интеграции.

Проведенное теоретико-методологическое исследование, ориентированное на выявление факторов и направлений эффективного международного сотрудничества в период глобальных трансформационных преобразований, позволяет определить возможности использования полученных результатов в целях:

– подготовки и реализации стратегических решений о формировании и развитии стратегических объединений, формировании системы мотивации и стимулирования участников стратегических объединений;

- при реализации управленческих функций и выполнении задач в разрезе приоритетных направлений национального развития на макро- и микроуровне;
- выстраивания деловых коммуникаций в межсубъектном, межрегиональном и межстрановом коммуникационном поле;
- формирования научных и технологических заделов повестки стратегического развития и реализации приоритетных национальных целей на основе технологий применения ценностно-ориентированного подхода к социально-экономическому развитию субъекта;
- обеспечения совершенствования региональной и межрегиональной политики в масштабах межстранового взаимодействия, в том числе в составе различных интеграционных объединений.

3.2. Исследование феномена глобальных цепочек создания стоимости: научный задел и возможности эмпирического анализа

Актуальность исследования. Особенностью современной глобальной экономики является дробление технологических процессов на составные этапы с размещением производств и вспомогательных операций, ответственных за их выполнение, в разных странах. Это отражается в росте доли поставок продукции промежуточных технологических переделов и полуфабрикатов в экспорте и импорте при сокращении поставок готовых продуктов. Организационными форматами подобных отношений выступают как внутрифирменные интеграционные взаимодействия многонациональных предприятий, так и международная кооперация независимых партнеров. В специальной литературе данное явление получило название «глобальные цепочки создания стоимости» (ГЦСС).

По своему смыслу ГЦСС представляют собой устойчивый механизм наращивания стоимости на разных стадиях технологических и инфраструктурных процессов, являющийся результатом взаимодействия их участников из разных стран, при производстве и реализации товаров и услуг. Основными мотивами их создания

является оптимизация издержек и налогообложения из-за различия национальных юрисдикций. Также ГЦСС позволяют расширить экспортные рынки сбыта для производителей, обеспечить повышение их конкурентоспособности на внутреннем рынке, способствуют привлечению иностранных инвестиций, диффузии используемых зарубежных инновационных технологий, а также росту уровня занятости и доходов населения.

В мировой практике проблемы функционирования глобальных цепочек стоимости привлекают внимание, прежде всего, с позиции сбора информации для статистического наблюдения хозяйственных процессов в системе национальных счетов в странах, входящих в экономические объединения и союзы. Так, еще в 2007 г. Конференцией европейских статистиков была учреждена группа экспертов по влиянию глобализации на национальные счета, которая была организована совместно Европейской экономической Комиссией ООН (ЕЭК ООН), Статистической службой Европейского союза (Евростат) и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). А в дальнейшем Бюро КЕС учредило Целевую группу по глобальному производству (ЦГГП), задача которой сводится к изучению практики, разработке концептуальных вопросов и измерению процессов [151].

В силу высокой значимости для экономики стран глобальные цепочки оказались в центре внимания многих международных институтов: группы двадцати (G20), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Всемирной торговой организации (ВТО). Поэтому не случайно в разделе «Инновационное развитие, поддержка науки» «Основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2018 года» (утв. Правительством РФ 14.05.2015) была намечена поддержка процессов встраивания производства российских высокотехнологических товаров и услуг в глобальные цепочки создания стоимости и формирование условий для трансфера критических технологий в российскую юрисдикцию.

Историография вопроса. В исследовании цепочек создания стоимости представлен довольно широкий перечень работ. Зарождение самой концепции можно отнести ко второй половине XX века, когда цепочку создания стоимости стали широко приме-

нять в стратегическом конкурентном анализе. В частности, М. Портер [152] предложил классическую цепочку, состоящую из пяти основных звеньев (логистика поставок, производство, логистика распределения, продажи, послепродажное обслуживание) и четырех – вспомогательных (инфраструктура, кадры, исследования, закупки), реализация которой обуславливает трансформацию ресурсов и приводит к созданию товаров (услуги), имеющих ценность для клиента, за которые он готов платить. При этом разные звенья реализуются разными субъектами (за одной компанией может быть закреплено лишь одно звено).

Дальнейшие исследования развивались в рамках теории фирмы. Здесь можно выделить работы Эдит Пенроуз [153] с ее ресурсной концепцией построения транснациональных корпораций, которая объяснила стремление к кооперации наличием у компании-партнера специфических ресурсов и компетенций, привлекательных с точки зрения минимизации затрат. Причем, важным моментом является структурное оформление такой совместной деятельности: либо в виде рыночной кооперации, либо в форме вертикальной интеграции. Если виды деятельности взаимодействующих фирм комплементарны и имеют небольшие различия, то более вероятна интеграция. Виды деятельности с низкой комплементарностью между собой с большей вероятностью координируются рынком.

Работы исследователей в области сетевой экономики (Хуан Карлос Джарилло [154], Вальтер Пауэлл [155] и др.) расширили перечень факторов, влияющих на выбор формы организации и выделили среди них такие, как терпимость в отношении проявлений оппортунизма, регулярность транзакций, взаимозависимость.

В 2000-е годы контекст оценки ресурсного обеспечения, производственной целесообразности и организационной конфигурации дополнился новым содержанием, связанным с исследованием схем бизнеса, предполагающих международное разделение труда. В связи с этим все акценты больше смещаются с вопросов международной производственной кооперации к проблемам освоения глобальных рынков.

Ведущую роль в этом процессе приобрели вопросы управления схемами взаимодействия участников глобальных цепочек и оценки тех выгод, которые они при этом приобретали. В связи

с этим Мешкова Т.А. и Моисеечев Е.Р. [156] выделили две условные теоретические школы: интернационализма и индустриализма.

Направление интернационализма, представленном такими исследователями, как Г. Джереффи [157], Р. Каплински [158], большее внимание уделяло макроэкономическим аспектам ГЦСС как с точки зрения методики, объектов анализа, так и в отношении рекомендаций. К ключевым типам управления в рамках ГЦСС вышеупомянутые авторы отнесли: 1) *законодательное*, направленное на установление правил и условий функционирования участников; 2) *контролирующее*, ориентирующееся на постоянный мониторинг и контроль деятельности участников; 3) *исполнительное*, заточенное на обеспечение правил со стороны участников.

Индустриалисты, в свою очередь, сфокусировали свое внимание на микроуровне и пытались выработать свои рекомендации в отношении развития отраслей и локальных кластеров в страновом разрезе (например, электроники, сельского хозяйства и т.д.).

Актуальность вопроса применительно к развитию российской экономики привлекла внимание отечественных исследователей. Помимо упомянутых Мешковой Т.А. и Моисеечева Е.Р. [156], рассматривающих концепцию ГЦСС в контексте взаимодействия международных организаций, можно выделить исследования Т.В. Андреевой [159], В.Б. Кондратьева [160], В.В. Перской [161], А.Н. Пономаренко, К.Ю. Мурадова [162], И.А. Журавлевой [163] и др.

В частности, В.Б. Кондратьев анализирует сдвиги в относительных издержках, которые обуславливают схемы аутсорсинга компаний. В.В. Перская весьма аргументированно критикует сложившиеся представления о ГЦСС, утверждая, что в том виде, в котором они рекомендуются экспертами ОЭСР и ВТО, они отвечают лишь интересам США с их стремлением к монополярной конфигурации мирового хозяйства. А.Н. Пономаренко и К.Ю. Мурадов сфокусировали свое внимание на совершенствовании методологии оценки добавленной стоимости и разработке аппарата идентификации добавленной стоимости в международных торговых потоках, а также выявлении мультипликационных эффектов, возникающих в результате деятельности нефтегазовой отрасли России.

Особое значение тематика ГЦСС приобрела с началом функционирования Евразийского экономического союза, позволяющего существенно расширить кооперационные и торговые связи Российской Федерации на принципах партнерства и равноправия.

Элементы добавленной стоимости. Несмотря на устоявшееся в обиходе понятие, природа добавленной стоимости разными авторами определяется по-разному [159], что ставит перед нами необходимость ее конкретизации. На наш взгляд, наибольшее соответствие содержанию имеет следующее определение добавленной стоимости: «Разность между выручкой от реализации и суммой приобретенных организацией результатов прошлого труда. Она объединяет в себе финансовые интересы наемного персонала, государства, собственников фирмы и самой организации как юридического лица, а в случае привлечения заемного капитала – и заимодавца» [164]. Таким образом, добавленная стоимость складывается из амортизации, налоговых платежей, процента за кредит, заработной платы, прибыли и таможенных платежей. Фактически все эти элементы ведут к наращиванию величины стоимости и включаются в полном объеме в себестоимость продукции в следующем звене (табл. I.1).

Таблица I.1

Состав добавленной стоимости и выгодоприобретатели

Элементы добавленной стоимости	Выгодоприобретатели
Таможенные платежи	Государственный бюджет
Акцизы, НДС и другие налоговые платежи	Государственный бюджет
Прибыль	Предприятие в виде: ренды, получаемой за предпринимательские способности и контроль над цепочкой; среднеотраслевой рентабельности
Процент за кредиты	Банк
Отчисления на заработную плату	Внебюджетные фонды
Заработная плата	Работники предприятия
Амортизация	Предприятие

Понятие цепочек ГЦСС. Для того чтобы раскрыть содержание глобальной цепочки добавленной стоимости, нужно понять ее отличие от других видов цепочек, которые описаны в [151] и представлены на рис. 1.2. Это «глобальная цепочка поставок» и «глобальная производственная цепочка». Рисунок иллюстрирует последовательность звеньев, отсчитывая от позиции Производителя интегратора. На схеме он осуществляет взаимодействие с цепочкой поставщиков, глубина которой зависит от числа стадий технологического передела (в данном примере их всего две), а также с цепочкой покупателей в виде непосредственного клиента, который приносит свою добавленную стоимость, а также конечного потребителя. В качестве дополнительного звена цепочки могут появиться сервисные организации, генерирующие свою собственную добавленную стоимость.

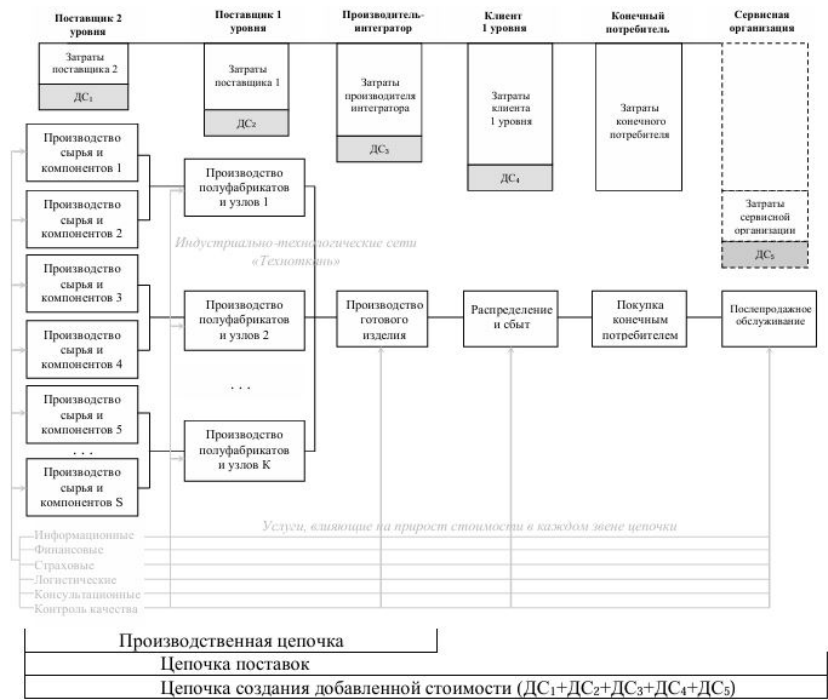

Рис. 1.2. Схематичное отображение цепочки создания стоимости

Нижняя часть рисунка очерчивает границы производственной цепочки, цепочки поставок и цепочки создания стоимости, которые при трансграничном взаимодействии приобретают глобальный контекст. Таким образом, можно определить следующие понятия различных цепочек.

Глобальная производственная цепочка – совокупность связей между предприятиями из разных стран по производству товаров или услуг. В ней отражено то, как головные предприятия организуют свои сети поставщиков, осуществляя контроль производственных процессов на разных этапах, включая проектирование, поставки ключевых ресурсов, использование международных брендов, работу с конечными потребителями. Производственные цепочки завершаются после окончания процесса производства.

Глобальная цепочка поставок фактически представляет собой сеть международных деловых связей, посредством которой осуществляется многозвеньевое движение товаров и услуг от поставщика к клиенту. Она охватывает все этапы от научно-исследовательских работ (создающих нематериальные активы) до производства и сбытовой деятельности со всеми финансовыми, транспортными и иными вспомогательными операциями. Основное внимание в ней фокусируется на технических аспектах: логистике и организационных механизмах взаимодействия участников сети, которые определяются отраслью, используемыми технологиями и ресурсами, структурой взаимосвязей, информационным сопровождением.

Наконец, *глобальная цепочка создания стоимости* – последовательность стадий технологических и вспомогательных процессов, реализуемых участниками из разных стран, по продвижению товаров и услуг от производителей к конечному потребителю, охватывающих НИОКР, производство, сбыт, а также всю совокупность сопровождающих операций (логистика, финансы, контроль качества, маркетинг и т.д.). Глобальная цепочка создания стоимости фокусирует внимание на этапах, которые влияют на прирост добавленной стоимости. Очевидно, что операции цепочки поставок содержательно могут не совпадать с цепочкой добавленной стоимости. Так, цепочки поставок могут зафиксировать фактические произведенные затраты, но могут «не заметить» эффект от нематериальных активов (гудвилл), который становится явным при анализе ГЦСС.

Описательная модель ГЦСС. Описательная модель глобальных цепочек добавленной стоимости должна содержать, как минимум, следующие аспекты, связанные с их функционированием:

- схемы взаимодействия предприятий в процессе деятельности,
- организационные структуры и структуры распределения собственности,
- права на объекты интеллектуальной собственности,
- факторы, влияющие на специфику отнесения затрат (источники данных, институциональные факторы).

Рассмотрим их более подробно.

Схемы взаимодействия характеризуют конфигурацию поставок или взаиморасчетных операций при совершении сделок. Из наиболее широко применимых в специальных источниках [151] выделяются следующие схемы:

- материалы, направляемые за границу для переработки. Суть схемы в том, что предприятие, владеющее неким сырьем, направляет его для переработки заграничному партнеру, оплачивая его услуги по переработке в готовый товар. Собственность как на сырье, так и на произведенный продукт остается за предприятием-заказчиком. Схема может иметь варианты, например, передача сырья напрямую в страну переработки без завоза их в страну заказчика;

- схема перепродажи, когда предприятие закупает готовый товар у иностранного поставщика с целью его перепродажи в другой стране, т.е. купленный товар не претерпевает физических изменений. Особенность схемы в том, что товар, проходя цепочку, минует страну предприятия-организатора схемы, поступая напрямую в страну-покупатель;

- схема бесфабричных товаропроизводителей заключается в том, что предприятие-интегратор не обладает собственными производственными возможностями, но имеет объекты интеллектуальной собственности, проектную документацию, ноу-хау и т.д. Оно организует цепочку среди иностранных производителей на принципах аутсорсинга, передает спецификацию на производство товара. Как правило, при подобной схеме производитель не имеет права продавать продукт третьей стороне. Производитель сам управляет процессом производства;

- вынесение части производственных процессов на аутсорсинг иностранным исполнителям с сохранением прав на интеллектуальную собственность;

- передача операций на аутсорсинг, которые никак не связаны с правами на интеллектуальную собственность.

Смысл декомпозиции цепочки на фрагменты и отдельные операции связан со стремлением бизнеса к повышению его маржинальности и конкурентоспособности. Поэтому при выстраивании схем необходимо учитывать и, по-возможности, нивелировать влияние любых сдерживающих факторов. А без таковых, к сожалению, не обходится. В частности, обобщение опыта отечественных машиностроительных компаний позволило сформулировать следующие негативные эффекты от кооперационного взаимодействия [165]:

а) участники цепочки, поставляя детали, узлы и устройства смежникам для изготовления готовой продукции, тем самым лишают себя доли добавленной стоимости после реализации готовой продукции. Механизмы для поиска компромиссов существуют; они различны для вертикально-интегрированных структур и для двусторонних контрактных отношений. Но это обуславливает дополнительные транзакционные издержки;

б) наращивание объема поставок продукции механообработкой создает предпосылки перехода предприятия из сферы машиностроения в менее престижную группу предприятий по металлообработке. Ставка на выпуск продукции с низкими требованиями к технологиям снижает уровень «незаменимости» предприятия (следовательно, и его переговорных позиций), что повышает риски его замены в цепочке поставок на другого партнера;

в) несоблюдение баланса в продуктовом портфеле, политика наращивания производства продуктов, имеющих аналоги у других производителей, превращает предприятие в «дублера» и ведет к потере части конкурентных преимуществ.

Структура собственности участников глобальных цепочек может представлять собой запутанную «паутину», охватывающую разные страны и континенты. Это, в свою очередь, может повлиять на тип организационных структур. Разнообразие довольно велико – от независимых компаний, организующих сетевое взаимодействие, до вертикально-интегрированных корпораций:

- выполнение операций цепочки дочерними структурами, филиалами и ассоциированными корпорациями;

- организация ГЦСС на базе предприятий, право собственности на активы которых принадлежит головной структуре;

– наличие прав собственности только лишь на производимый продукт, выпуск товаров и услуг в пределах ГЦСС;

– наличие прав собственности исключительно на интеллектуальные разработки.

Последний пункт в глобальной экономике становится наиболее значимым. Поскольку владелец интеллектуального капитала фактически выступает в качестве ядра любой цепочки, вокруг которого формируются производственные, энергетические мощности и необходимые ресурсы. Конкурентоспособность участников цепочки зависит от того, насколько современную и инновационную продукцию они выпускают и каков уровень их допуска к используемым технологиям. Фактически владелец интеллектуальной собственности, осуществляет отбор: кого допустить к новым технологиям, а кого – нет. И может оказаться, что других носителей подобных технологий может и не быть. Поэтому не случайно этим вопросам уделяется очень много внимания.

Передача интеллектуальной собственности может проявлять себя в ГЦСС в следующих схемах:

- владелец новых продуктов и технологий юридически не оформляет прав на свои разработки, хотя и передает свою техническую документацию иностранным производителям (так часто поступают отечественные предприятия);

- владелец интеллектуальной собственности предоставляет ее заинтересованным получателям в обмен на плату (единовременную или по схеме процента с продаж);

- полная передача прав на объекты интеллектуальной собственности посредством их продажи;

- безвозмездная передача интеллектуальной собственности дочерней компании;

- компания предоставляет доступ к объектам интеллектуальной собственности в обмен на предыдущие инвестиции.

К числу факторов, *влияющих на специфику отнесения затрат*, можно отнести особенности финансового и налогового учета, а также различные институциональные факторы, обуславливающие процессы регулирования. Например, компания, производственные подразделения которой разнесены по разным странам, находится одновременно под юрисдикцией разных

стран, с разными режимами налогообложения. Следовательно, у нее появляются возможности для оптимизации налоговых схем и перераспределения финансовых потоков среди участников цепочки. Немаловажны и страновые юридические аспекты, связанные с оформлением деятельности, с уровнем регулирования и контроля.

Таким образом, любая задача, связанная с исследованием феномена глобальных цепочек создания стоимости, имеет многовекторную природу, решение которой способно принести ощутимые дивиденды для региона и страны. Формирование адекватной теоретической модели в целях дальнейшего ее прикладного использования обязано учитывать все вышеперечисленные аспекты как на страновом, так и на региональном уровнях.

Участие предприятий реального сектора экономики в цепочках выступает важным фактором повышения региональной конкурентоспособности и роста экономики. Но для этого важно создавать условия в виде развития инновационных технологий, обновления и модернизации функционирующих технологических линий.

Если не будут проведены позитивные институциональные и структурные трансформации, российская экономика рискует войти в режим асинхронного воспроизводства с развитыми странами, в которых активно развиваются производственные цепочки пятого и шестого технологических укладов.

Циклический характер воспроизводства глобальных цепочек создания добавленной стоимости позволяет использовать стратегию технологического рывка, не догоняя развитые страны по уже существующим макро- и критическим технологиям, а используя «эффект лифта».

С позиции формирования цепочек создания стоимости в глобальном аспекте большую роль играют стейкхолдеры. Мировая практика показывает, что контроль над ключевыми производственными цепочками, цепями поставок и цепочками добавленной стоимости осуществляется владельцами нематериального капитала, который приобрел доминирующее значение по сравнению с материальным капиталом. Именно они определяют конфигурацию участников, уровень и объем передаваемых технологий и, соответственно, выступают в качестве ключевых стейкхолдеров производственно-технологических взаимодействий.

Краткие выводы по разделу

Экономико-социальные взаимосвязи регионов России и обусловленные ими процессы межрегиональной интеграции во многом остаются «белым пятном» регионалистики и теории национальной экономики, как и в целом концепции развития пространственной экономики. Имеющиеся теоретические разработки по рассматриваемой тематике, как правило, не подтверждаются результатами эмпирического анализа, достоверно раскрывающего состояние и динамику межрегиональных связей во всей их широте, включая межрегиональное движение капитала, товаров, полупродуктов и услуг, населения и рабочей силы.

Отсутствуют в принципе методики комплексной оценки происходящих интеграционных процессов и их социально-экономических последствий для интегрируемых регионов, подходы к измерению степени «зрелости» интеграции таких территориальных образований, как макрорегионы, хотя некоторые подходы к решению этой проблемы в научной литературе есть. В этих целях возможно использование методических наработок исследований международной интеграции, но делать это следует крайне корректно в силу большой условности проведения параллелей между экономической интеграцией суверенных государств и интеграцией регионов – субъектов единого государства.

Нуждается в уточнении и корректировке понятийный аппарат исследования хода и результатов взаимодействий регионов России, формируемых интегрированных пространств. В научной литературе в качестве механизма интеграции рассматриваются по преимуществу факторы разного порядка (с приматом управленческих факторов). Авторами предложено интерпретировать механизм интеграции не только как факторы, детерминирующие процесс межрегионального взаимодействия, но и как движущие силы, его «запускающие». С точки зрения авторов понятие «движущих сил» интеграции в совокупности с ее «факторами» – категория, позволяющая глубже и точнее раскрыть механизмы межрегионального взаимодействия.

Многообразие видов и форм межрегиональных связей диктует не только необходимость их классификации по разным основа-

ниям, но и упорядочения с точки зрения значимости, масштабов влияния, оказываемых, с одной стороны, на процессы формирования единого экономического пространства, его взаимосвязанности и взаимообусловленности, а с другой – на структурные сдвиги в экономике интегрируемых регионов, их социально-экономическое развитие в целом. Исходя из этой логики, в разделе предложено рассматривать движущие силы интеграции первого порядка (как наиболее значимые) и второго порядка. Аналогичный подход предложен и для ранжирования факторов, обуславливающих масштаб и интенсивность межрегиональных взаимодействий.

Анализ социально-экономических последствий интеграции для регионов – участников этого процесса позволил сделать вывод об их неоднозначности. Выигрыш и получение преимуществ, рост региональной конкурентоспособности в процессе интеграции по одним позициям вполне может сочетаться с потерей позиций и снижением конкурентоспособности по другой, о чем свидетельствует в целом растущая дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития. По-видимому, при исследовании процессов формирования и развития интегрированного пространства следует исходить из концепции соконкуренции регионов России.

С учетом полифункциональности и полиструктурности процессов формирования и развития интегрированного экономического пространства предложена авторская методология исследования, включающая в себя ряд этапов и взаимоувязанных направлений исследований.

Суть **первого этапа** исследования состоит в характеристике уровня и специфики развития Алтайского края как типичного агропромышленного региона, рассматриваемых в исследовании в качестве ключевых факторов включенности его экономики в пространственную интеграцию. В этих целях выделены и охарактеризованы важнейшие предпосылки интеграции, отражающие специфику развития региона и детерминирующие его включенность в экономическое пространство разных уровней, а именно:

- отраслевая структура региональной экономики;
- центропериферийное положение региона;
- уровень и особенности его социально-экономического развития;
- транспортно-логистическая инфраструктура региона.

Соответственно теоретической схемой объекта исследования предусмотрена оценка состояния и динамики каждого из вышеупомянутых факторов.

Второй этап исследования состоит в раскрытии основных движущих сил формирования и развития интегрированного экономического пространства, сформированных под влиянием региональных факторов. В их числе:

- внутри- и межрегиональная миграция населения и рабочей силы;
- межрегиональный обмен товарами и услугами;
- межрегиональное движение капитала;
- кооперационно-производственные связи дислоцированных в регионе организаций.

На третьем, заключительном этапе исследования дана оценка масштаба и характера включенности экономики региона в пространственную интеграцию под влиянием ранее выделенных региональных факторов и под воздействием движущих сил.

Проведенный в монографии анализ международного сотрудничества, в том числе формирования глобальных цепочек создания стоимости, позволил использовать полученные результаты и выводы применительно к задачам нашего исследования. В частности, очевидно «пересечение» перечня экономических предпосылок формирования и развития интеграционных объединений в контексте глобальной интеграции, с одной стороны, и межрегиональной интеграции субъектов Российской Федерации, с другой. В числе основных их видов хозяйственные связи, торговые отношения, обмен населением и рабочей силой, формирование единого рынка труда и пр.

Список литературы к I разделу

1. **Минакир П.А.** Стратегия пространственного развития в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. – 2018. – № 4. – С. 8–20.

2. **Гранберг А.Г.** О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 2. – С. 166–182.

3. **Новая** программа фундаментальных исследований пространственного развития России/ В.М. Котляков [и др.] // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 2. – С. 24–44.

4. **Минакир П.А.** Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2016.3.007-015.

5. **Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н.** Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (Ч. I) // Регионалистика. – 2016. – Т. 3. – № 3. – С. 48–60.

6. **Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н.** Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (Ч. II) // Регионалистика. – 2016. – Т. 3. – № 6. – С. 69–79.

7. **Сибирская** школа региональных исследований в программе Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» / В.В. Кулешов [и др.] // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 2 (74). – С. 3–23.

8. **Буфетова А.Н.** Пространственное распределение экономической активности в России: основные тенденции постсоветского периода. – Новосибирск, 2023. – 218 с.

9. **Новый** импульс Азиатской России: источники и средства развития: в 2-х т. Т. 1 / под ред. В.А. Крюкова [и др.]; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2023. – 418 с.

10. **Новый** импульс Азиатской России / под. ред. В.А. Крюкова [и др.]; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2022. – 572 с.

11. **Оценка** перспектив формирования Южносибирской конурбации / под ред. Е.А. Коломак. – Новосибирск. – 2022. – 224 с.

12. **Крюков В.А., Суслов Н.И., Ягольницер М.А.** Восточный вектор экономики России – в основе успеха синергия взаимодействия и межрегиональной кооперации // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 230, С. 90–102. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-90-102.

13. **Ягольницер М.А., Колобова Е.А., Бурук А.Ф.** Оценка влияния развития кластеров на экономику региона // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 3. – С. 218–241. DOI: 10.15372/REG20200309.

14. **Ягольницер М.А., Колобова Е.А.** Институциональные аспекты управления кластерной политикой // Институциональная трансформация экономики: ресурсы и ин-ты (ИТЭРИ – 2019): материалы 6-й Междунар. науч. конф., Красноярск, 9–12 октября 2019 г. / отв. за вып. И.С. Пыжев. – Красноярск, 2019.

15. **Ягольницер М.А., Колобова Е.А.** Измерение влияния институциональных условий на образование инновационных кластеров в регионах России // Вопросы инновационной экономики. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 661–678. DOI: 10.18334/vines.8.4.39485.

16. **Кулешов В.В., Селиверстов В.Е.** Роль Сибири в пространственном развитии России и ее позиционирование в стратегии пространственного развития РФ // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 4 (96). – С. 3–24. DOI: 10.15372/REG20170401.

17. **Пространственное** развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / под ред. Е.А. Коломак. – Новосибирск, 2020. – 502 с.

18. **Инфраструктура** пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / под ред. О.В. Тарасовой. – Новосибирск, 2020. – 456 с.

19. **Минакир П.А., Демьяненко А.Н.** Очерки по пространственной экономике. – Хабаровск, 2014. – 272 с.

20. **Минакир П.А.** Пространственная неоднородность России и задачи региональной политики // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 10. – С. 150–153.

21. **Минакир П.А.** Системные трансформации в экономике. – Владивосток: Дальнаука, 2001. – 536 с.

22. **Минакир П.А., Демьяненко А.Н.** Экономическая интеграция в территориальном аспекте // Экономическая интеграция: пространственный аспект. – М, 2004. – С. 14–26.

23. **Вардомский Л.Б.** Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. – 2017. – № 4. – С. 23–40.

24. **Троцковский А.Я., Наземцева Ю.Ю.** Исследование и регулирование пространственных аспектов развития экономики на региональном уровне. – Барнаул, 2014. – 200 с.

25. **Троцковский А.Я., Мищенко И.В.** Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование. – Барнаул, 2013. – 176 с.

26. **Методические** подходы к оценке дифференциации на уровне социально-экономического развития муниципальных образований агломерации/ Волчкова И.В. [и др.] // Вопросы управления. – 2017. – №2 (45). – С. 57–69.

27. **Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г.** Теоретико-методологические аспекты понятия нивелирования гетерогенности экономического пространства // Фундаментальные исследования. – 2017. – №8. – С. 368–372.

28. **Васильева Л.В.** Оценка уровня межрегиональной дифференциации // Устойчивый экономический рост: политические и социальные предпосылки: сб. тр. / под ред. С.В. Приходько. – Орел. – 2017. – С. 144–147.

29. **Коломак Е.А.** Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 85–106.
30. **Поляризация** российского пространства: экономико-, социально- и культурно-географические аспекты / отв. ред. В.Н. Стрелецкий. – М., 2018. – 416 с.
31. **Данилова И.В., Богданова О.А., Телюбаева А.Ж.** Влияние внешних институциональных шоков на дифференциацию экономического пространства РФ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: экономика и менеджмент. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 23–32.
32. **Нефедова Т.Г.** Усиление поляризации сельского пространства и интеграционно-дезинтеграционные процессы в нечерноземной полосе России (на примере Костромской области) // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-дезинтеграционных процессах: матер. межд. научн. конф. в рамках VIII Ежегодной науч. ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. – Пермь. – 2017. – С. 52–55.
33. **Нефедова Т.Г.** Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15. – № 4. – С. 36–56.
34. **Калугина З.И., Фадеева О.П. Братюшенко С.В.** Социально-экономическая поляризация сельского пространства России // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 3 (87). – С. 123–145.
35. **Тургель И.Д., Победин А.А.** Территориальная дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований в субъекте Российской Федерации: опыт вариационного анализа (на примере Свердловской области) // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – № 12. – С. 12–23.
36. **Буфетова А.Н.** Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России // Пространственная экономика. – 2016. – №3. – С. 38–56.
37. **Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.** Центр и периферия в региональном развитии. – М., 1991. – 168 с.
38. **Буфетова А.Н.** Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России // Пространственная экономика. – 2016. – №3. – С. 38–56.
39. **Лукин Е.В.** Тенденции развития социально-экономического пространства России // Экономика территорий. – 2014. – №7 (17). – С. 1–8.
40. **Нефедова Т.Г.** Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С.С. Артоболевского [и др.]. – М. – 2010. – С. 128–145.
41. **Сжатие** социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С.С. Артоболевского [и др.]. – М., 2010. – 428 с.
42. **Городские агломерации** в стратегии пространственного развития // Регионалистика. – 2020. – Т. 7. – № 3. – С. 43–78.
43. **Демьяненко А.Н.** Российское экономическое пространство: диалектика процессов интеграции и дезинтеграции // Регионалистика. – 2017. – Т. 4, № 2. – С. 5–10.

44. **Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е.** Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. – 2007. – Т. 5. № 2. – С. 179–200.
45. **Троцкий А.Я.** Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. – Новосибирск, 1997. – 249 с.
46. **Горюнов А.П., Белоусова А.В.** Процессы интеграции и фрагментации экономического пространства: структура систем расселения // Пространственная экономика. – 2017. – № 4. – С. 81–89.
47. **Лексин В.Н.** Настоящее и будущее системы расселения – главная проблема России // Федерализм. – 2011. – № 1 (61). – С. 57–74.
48. **Бородин В.А., Гагарина Г.Ю.** Экономическая интеграция регионов как механизм выравнивания и роста их потенциалов // Федерализм. – 2020. – № 2 (98). – С. 76–91.
49. **Экономическая интеграция территорий: теоретические и прикладные аспекты.** – Барнаул, 2016. – 245 с.
50. **Условия расширения и оценка уровня региональной интеграции в целях обеспечения экономической безопасности (на материалах Сибирского федерального округа).** – Барнаул, 2020. – 245 с.
51. **Ли Н.О., Кибиткин А.И.** О пространственном развитии экономики регионов России // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 747–756. DOI: 10.18334/vines.10.2.100913.
52. **Ибрагимов З.Ф., Франц М.В.** Неравенство возможностей: роль пространственного фактора // Пространственная экономика. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 44–67.
53. **Раицкая Л.К., Тихонова Е.В.** Обзор как перспективный вид научной публикации, его типы и характеристики // Научный редактор и издатель. – 2019. – №4 (3–4). – С. 131–139.
54. **Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока/ П.А. Минакир [и др.]** // Пространственная экономика. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 66–99.
55. **Гранберг А.Г.** Экономическое пространство России // Экономика и управление. – 2006. – № 2 (23). – С. 11–15.
56. **Авезов А.Х.** Межрегиональное взаимодействие и устойчивость экономической системы региона. [Электронный ресурс], 2018. URL: https://vestnik.tj/soc_doc/2018/n2/RU/Avezov%20A.H.pdf (дата обращения: 10.02.2024).
57. **Лукин Е.В., Ускова Т.В.** Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы. – Вологда, 2016. – 148 с.
58. **Голобородко С.Л.** Межрегиональное экономическое взаимодействие как основа развития единого экономического пространства федерального округа: дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. – М., 2006. – 193 с.
59. **Улькина Е.С.** Развитие экономической интеграции на межрегиональном уровне: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Улан-Удэ, 2011. – 20 с.
60. **Богданова О.П.** Развитие межрегиональных интеграционных процессов в условиях реализации стратегических интересов участников: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Улан-Удэ, 2010. – 19 с.

61. **Лебедев А.О.** Развитие методов оценки факторов и форм межрегиональной экономической интеграции: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Белгород, 2016. – 196 с.

62. **Герасимова В.В.** Управление интеграционными процессами в региональном экономическом пространстве: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – СПб, 2011. – 22 с.

63. **Николаев М.А., Махотаева М.Ю.** Методологические аспекты межрегионального сотрудничества субъектов Российской Федерации // Научно-технологические ведомости Санкт-Петербургского политех. ун-та. Экономические науки. – 2012. – № 2. – С. 53–60.

64. **Селиверстов В.Е.** Три вектора пространственной конфигурации Сибири и Дальнего Востока и роль Китая на востоке России // Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2014. – № 7 (4). – С. 49–64.

65. **Сибирский** вектор развития: в основе кооперации и взаимодействия/ В.Е. Селиверстов [и др.] // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 5. – С. 46–60.

66. **Крюков В.А., Карпик А.П.** Организационно-структурные и пространственные проблемы развития экономики Сибири // Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: материалы 2-й конф. ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию (Россия, Новосибирская область, 23–24 марта 2020 г.). – Новосибирск, – 2020. – С. 7–18.

67. **Селиверстов В.Е.** Сибирь и её регионы в экономическом пространстве России: позиционирование, перспективы, институциональные условия // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. / отв. за вып. В.С. Ефимов. – Москва: НИЦ ИНФРА-М; Красноярск: СФУ, 2014. – С. 298–330.

68. **Об утверждении** Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 10.02.2024).

69. **Методические** рекомендации по организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества в сфере реализации расходных полномочий и вопросов местного значения (разработаны Минрегионом РФ, 2010 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126480/b26b2e47bd38905e1b2e8e82c424a69d639de743/ (дата обращения: 10.02.2024).

70. **Махотаева М.Ю., Бакуменко О.А., Малышев Д.П.** Межрегиональное взаимодействие как инструмент развития стратегических приоритетов региона: коллективная монография. – Псков, 2017. – 120 с.

71. **Павлов К.В.** Система показателей, характеризующих социально-экономические взаимосвязи между приграничными регионами // Экономический вестник Донбаса. – 2017. – № 2. – С. 66–74.

72. **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь трудностей русского языка. – М., 1986. – 704 с.

73. **Савельев Ю.В.** Теоретические основы современной межрегиональной конкуренции (оценка вклада научных теорий) [Электронный ресурс].

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-sovremennoy-mezhreionalnoy-konkurentsii-otsenka-vklada-nauchnyh-teoriy?ysclid=lujm7a35ie349711735> (дата обращения: 10.02.2024).

74. **Губин А.М.** Концептуальные основы экономической интеграции в условиях глобализации и устойчивого развития региональной экономики // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 10. – С. 2601–2622.

75. **Булатов А.Н.** К вопросу о сущности промышленной кооперации // Российский экономический Интернет-журнал. – 2010. – № 4. – С.95–99.

76. **Михеева Н.Н.** Региональная экономика и управление. – Хабаровск, 2000. – 400 с.

77. **Конкурентоспособность** и стратегические направления развития региона / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск, 2008. – 527 с.

78. **Конкурентоспособность** региона: новые тенденции и вызовы / под общ. ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург, 2003. – 360 с.

79. **Конкурентоспособность** регионов: теоретико-прикладные аспекты / под ред. Ю.Н. Перского [и др.]. – М., 2003. – 472 с.

80. **Данилов И.П.** Конкурентоспособность регионов России (теоретические основы и методология) / И.П. Данилов. – М., 2007. – 368 с.

81. **Гранберг А.Г.** Основы региональной экономики: учебник для вузов / Гранберг А.Г. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 492 с.

82. **Терехова С.А.** Межрегиональная интеграция в системе управления социально-экономическим развитием // Вестник Челябинского университета. Экономика. – 2010. – № 28. (30). – С.52.

83. **Колодина Е.А.** Регулирование межрегиональной экономической интеграции в России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. – Иркутск. – 2004. – 37 с.

84. **Гагарина Д.А.** Высокоразвитая информационно-образовательная среда вуза как средство формирования гуманитарной составляющей высшего профессионального образования: на примере курса отечественной истории: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – М. – 2009. – 23 с.

85. **Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В.** Приоритеты и механизмы межрегиональных взаимодействий: опыт уральских регионов в проекте «Арктический вектор Уральского созвездия» // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 4 (100). – С. 168–191. DOI 10.15372/REG20180407.

86. **Растворцева С.Н., Лебедев А.О.** Развитие методов оценки факторов и форм межрегиональной экономической интеграции. – М., 2016. – 213 с.

87. **Белоусова А.В.** Методологические аспекты исследования межрегиональной экономической интеграции (на примере ДФО) // Труды Братского государственного университета. – Сер. Экономика и управление. – 2013. – Т. 1. – С. 20–21.

88. **Растворцева С.Н., Бондарева Я.Ю., Лебедев А.О.** Методика оценки экономической интеграции: макро- и мезоуровни // Современная экономика: проблемы и решения. – 2016. – № 5 (77). – С. 145–151.

89. **Соболева Ю.П.** Содержание процессов кооперации и интеграции в промышленности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/15.PNR_2007/Economics/21956.doc.htm (дата обращения: 10.02.2024).

90. **Батов Г.Х.** Проблемы и перспективы межрегиональной экономической интеграции // Федерализм. – 2013. – № 2. – С. 119–126.

91. **Бакуменко О.А.** Организационно-экономический механизм управления межрегиональным взаимодействием субъектов РФ (на примере Северо-Западного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – № 3. – С. 117–131.

92. **Капустина Л.Н.** Регионы в мировом и национальном экономическом пространстве. – Екатеринбург, 2000. – С. 29–37.

93. **Берсенов В.Л.** Межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество в России: обзор // История и современное мировоззрение. – 2022. – Т. 4, № 4. – С. 25–32.

94. **Balassa B.** The Theory of Economic Integration. – L., 1961. – P. I.

95. **Межрегиональное** сотрудничество как институт реализации стратегий развития регионов Дальнего Востока / А.Г. Шеломенцев [и др.] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 11. – С. 418.

96. **Полякова А.Г., Симарова И.С.** Обоснование регионального развития с учетом связанности экономического пространства. – Тюмень, 2014. – 102 с.

97. **Социоприродохозяйственные** контуры регионального человеческого развития / О.В. Иншаков [и др.]. – Волгоград, 2001. – 62 с.

98. **Дубровская Ю.В., Козоногова Е.В.** Оценка влияния интенсивности межрегионального взаимодействия на пространственное развитие национальной экономики // Известия Дальневосточного федер. ун-та. Экономика и управление. – 2019. – № 3 (91). – С. 25–39.

99. **Важенин С.Г., Важенина И.С., Берсенов В.Л.** Самореализация территории в экономическом пространстве. – Екатеринбург, 2009. – 100 с.

100. **Важенина И.С.** Территория в системе экономических отношений. – Екатеринбург, 2008. – 80 с.

101. **Капустина Л.М., Ся. Г.** Экономическое сотрудничество России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества. – Екатеринбург, 2001. – 122 с.

102. **Современный** словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994. – 752 с.

103. **Павлов К.В.** Об использовании теорий международных экономических отношений при изучении межрегиональных взаимодействий // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 47. – С. 54–68.

104. **Krugman P.R.** Increasing returns and economic geography // Journal of Political Economy. – 1991. – Vol. 99. – No. 3. – Pp. 483–499.

105. **Feldman M.** The new economics of innovation, spillovers and agglomeration: a review of empirical studies // Economics Innovation and New Technology. – 1999. – № 8. – Pp. 5–25.

106. **Бакуменко О.А.** Проблемы и перспективы межрегионального взаимодействия периферийных регионов Северо-Западного федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – № 3 (438). – С. 459–470.

107. **Lucas R.E.** On the mechanics of economic development // Journal of Monetary Economics. – 1988. – Vol. 22. – Pp. 3–42. DOI: 10.1016/0304-3932(88)90168-7.

108. **Torre A., Rallet A.** Proximity and Localization // *Regional Studies*. February 2005. Vol. 39, iss. 1. – Pp. 47–59. DOI: 10.1080/0034340052000320842.

109. **Ota M., Fujita M.** Communications technologies and spatial organization of multi-unit firms in metropolitan areas // *Regional Science and Urban Economics*. – 1993. – Vol. 23. – Pp. 695–729.

110. **Ожегов С.Н., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. 3-е изд., стереотипное. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.

111. **Кульков В.М.** Экономическое пространство: теоретические аспекты и современные процессы // *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика*. – 2014. – № 1. – С. 3–18.

112. **Крюков В.А., Коломак Е.А.** Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2021. – Т. 227, №1. – С. 92–114. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114.

113. **Крюков В.А., Кулешов В.В., Селиверстов В.Е.** Формирование организационно-экономических механизмов ускорения социально-экономического развития Сибири // *Регион: экономика и социология*. – 2012. – № 1. – С. 102–122.

114. **Лукин Е.В., Ускова Т.В.** Проблемы структурной трансформации региональной экономики // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2018. – № 6. – С. 26–40.

115. **Абдулманапов С.Г.** Межрегиональная экономическая интеграция: мировой опыт и перспективы развития на Северном Кавказе // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. – 2012. – № 47. – С. 127–132.

116. **Кузнецова О.В.** Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // *Федерализм*. – 2019. – № 4. – С. 112–125. DOI: 10.21686/2073-1051-2019-4-112-125.

117. **Бочаров С.Н.** Глобальные цепочки создания добавленной стоимости как фактор повышения эффективности экономики региона / под ред. С.Н. Бочарова, В.И. Беляева, Р.А. Самсонова и др. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 216 с.

118. **Миграция** сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край: коллективная монография / под ред. А.М. Сергиенко; Мин. науки и высш. обр. РФ, ИЭОПП СО РАН, Алтайский государственный университет. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2019. – 324 с.

119. **Тамова Б.А.** Межрегиональное экономическое взаимодействие как фактор регионального стратегического развития // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика*. – 2015. – № 4 (170). – С. 130–133.

120. **Рубцов Г.Г., Литвиненко А.Н.** Роль межрегионального сотрудничества в системе современной региональной экономики РФ // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 97–110. DOI: 10.18721/JE.12108.

121. **Полякова А.Г., Симарова И.С.** Концептуальная модель управления развитием региона с учетом уровня пространственной связанности // *Экономика региона*. – 2014. – № 2 (38). – С. 32–42.

122. **Положенцева Ю.С.** Экономическое пространство: теоретические подходы к изучению и методы анализа // Экономика и управление. – 2006. – № 12. – С. 58–69.

123. **Изард У.** Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. Сокр. перев. с англ. – М.: Прогресс, 1966. – 659 с.

124. **Татаркин А.И.** Социально-экономический потенциал региона: проблемы оценки, использования и управления. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 1997. – 379 с.

125. **Капустина Л.М.** Трансформация межрегиональных и внешнеэкономических связей региона: На примере Свердловской области: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05 / Уральский гос. экономич. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 39 с.

126. **Смит А.** Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

127. **Маркс К.** Капитал / Карл Маркс; сост., предисл., коммент. А.В. Цветкова; пер. И.И. Степанова-Скворцова. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 352 с.

128. **Кондратьев Н.Д.** Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / под ред. И.А. Волковой. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.

129. **Шумпетер Й.А.** Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко и др. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.

130. **Kitchin, Joseph.** Cycles and Trends in Economic Factors // Review of Economics and Statistics. – 1923. – Vol. 5. – No. 1. – Pp. 10–16.

131. **Juglar C.** Des Crises Commerciales Et De Leur Retour Periodique En France. – Paris, 1862.

132. **Kuznets S.** Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations. – Boston: Houghton Mifflin, 1930.

133. **Абылгазиев И.И., Кошмаров М.Ю., Манойло А.В., Трубецкой А.Ю.** Политические технологии и пропаганда в контексте глобальных революционных трансформаций // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 1 (27). – С. 92–108.

134. **Кефели И.Ф.** Ренессанс цивилизационной геополитики: исторические замыслы и современные уроки / сб.: Политическая география и геополитика в России: исторический опыт современности. (Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В.П. Семёнова-Тян-Шанского). – Санкт-Петербург, 2021. – С. 114–124.

135. **Шумилов В.М.** Трансформация глобального экономического правопорядка в условиях формирования многополярного мироустройства // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 9. – С. 9–16.

136. **Шумилов В.М.** Международная экономическая система и международное право // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11. № 3. – С. 26–31.

137. **Абрамов Н.М., Рудакова О.Ю.** Вектор устойчивого развития Евразийского экономического союза: ретроспектива и перспектива // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2023. – № 3. – С. 5–13.

138. **Конституция** Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.03.2024).

139. **Указ** Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития РФ» (В ред. Указа Президента РФ от 15.03.2021 № 143). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46506> (дата обращения: 29.03.2024).

140. **Указ** Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 29.03.2024).

141. **Указ** Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879/> (дата обращения: 29.03.2024).

142. **Указ** Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728/> (дата обращения: 29.03.2024).

143. **Распоряжение** Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 29.03.2024).

144. **Распоряжение** Правительства РФ от 9 июня 2020 года № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии РФ на период до 2035 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565068231/> (дата обращения: 29.03.2024).

145. **Указ** Президента РФ «Об утверждении внешней политики Российской Федерации» № 229 от 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811/> (дата обращения: 29.03.2024).

146. **Лебедева Н.М.** Межкультурные отношения, идентичности, психологическое благополучие: посткоммунистический опыт // Культурно-историческая психология. – 2021. – Т. 17. № 4. – С. 4–6.

147. **Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И.** На переломе веков: социодинамика российской культуры: [монография] / М.К. Горшков, С.Н. Комиссаров, О.И. Карпухин; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН. – 2022. – 703 с.

148. **Ивашов Л.Г.** Место и роль России в системе мировых цивилизаций // сб.: Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение (Материалы международной научно-практической конференции) / под общей редакцией А.Я. Касюка, И.К. Харичкина, 2019. – С. 17–24.

149. **Гришин С.Ю.** Трансформация российской социально-экономической системы в современных условиях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 6. – С. 91–96.

150. **Рудакова О.Ю.** Инновационная инфраструктура Южно-Сибирского макрорегиона в контексте межрегионального взаимодействия: аналитический

аспект // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. – 2019. – № 10. – С. 9–22.

151. **Руководство** по измерению глобального производства. – Нью-Йорк, Женева: Европейская экономическая комиссия ООН, 2016. – 194 с.

152. **Porter M.E.** Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. Competitive Strategy. Simon and Schuster. – 2008. – 442 с.

153. **Penrose E.T.** The Theory of the Growth of the Firm. 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press.

154. **Jarillo J.C.** On strategic networks. Strategic Management Journal, – 1988, – Vol. 9. – No.1. – Pp. 31–41.

155. **Powell W.** Neither market nor hierarchy: network forms of organization // Markets, Hierarchies and Networks. SAGE, 1991. – 316 p.

156. **Мешкова Т.А., Моисенчев Е.Я.** Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России // Вестник финансового университета. – 2015. – № 1. – с. 83–96.

157. **Gereffi G.** The value of value chains: spreading the gains from globalization. The value of value chains Institute of Development Studies, 2001 – Vol. 32.

158. **Каплински Р.** Распространение положительного влияния глобализации. Какие выводы можно сделать на основании анализа цепочки накопления стоимости. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 68 с.

159. **Андреева Т.В.** Цепочка создания стоимости продукта: формирование и оценка эффективности. – М.: РИОР: Инфра-М, 2013. – 170 с.

160. **Кондратьев В.Б.** Глобальные цепочки стоимости как форма транснационализации промышленности // Проблемы теории и практики управления. – 2017. – № 6. – С. 8–20.

161. **Перская В.В.** Глобальные цепочки стоимости и их значения для развития национальных хозяйств ЕАЭС // Экономические стратегии. – 2015. – № 5–6. – С. 22–31.

162. **Пономаренко А.Н., Мурадов К.Ю.** Новая статистика движения добавленной стоимости в международной торговле // Экономический журнал ВШЭ, – 2014. – № 1. – С. 43–79.

163. **Журавлева И.А.** Роль создания глобальных цепочек создания добавленной стоимости на современном этапе развития экономики // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 6. – С. 44–47.

164. **Булыга Р., Кохно П.** Теория добавленной стоимости, основанная на концепции интеллектуального капитала // Общество и экономика. – 2007. – № 8. – С. 120–136.

165. **Помаева И.В., Киселева А.А., Бажанов В.А.** Стратегические задачи оборонно-промышленного комплекса: пути решения // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2020. – № 2. – С. 109–114.

РАЗДЕЛ II

ОТРАСЛЕВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА И ЦЕНТРОПЕРИФЕРИЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВКЛЮЧЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

В настоящем разделе дана оценка специализации хозяйства и степени центропериферийности Алтайского края как важнейших факторов его включенности в экономическое пространство.

Мировая и вслед за ней отечественная регионалистика последних двух десятилетий характеризуется заметным сдвигом во взглядах исследователей на движущие силы регионального экономического роста. Обусловлены эти сдвиги, как известно, получившей большое распространение теорией эндогенного роста, поставившей во главу угла не внешние по отношению к региону (экзогенные), а внутренние (эндогенные) детерминанты регионального экономического развития.

Ключевое место среди них занимает формирование экономики знаний, развитие человеческого капитала [1, 2]. Традиционные же факторы развития территорий: транспортная доступность, исторически сложившийся уровень их развития [3], преимущества агломерации [4, с. 188], ресурсная база, экономико-географическое положение, отраслевая специфика экономики (и другие) признаны несущественными и отошли в качестве детерминант регионального экономического роста на второй план.

В какой мере такой подход применим для объяснения движущих сил развития подавляющего большинства регионов России? На наш взгляд, влияние экзогенных факторов (не умаляя значимости ни тех, ни других) зависит от конкретной стадии раз-

вития общества. Можно предположить, что в постиндустриальном обществе на первый план выходят эндогенные факторы; в обществе, где доминирующей является индустриальная либо аграрно-индустриальная экономика, экзогенные факторы (специализация региональной экономики, инфраструктура, производственные факторы, центральное расположение, агломерационные эффекты и т.п.) продолжают играть роль ключевых движущих сил регионального роста¹.

С учетом вышесказанного, одной из первых задач исследования была типологизация регионов России по аграрно-промышленной ориентации хозяйства; выделение на ее основе группы агропромышленных регионов и их оценка с точки зрения уровня социально-экономического и демографического развития.

Очевидно, что с течением времени состав группы агропромышленных регионов (как и других групп – элементов территориально-отраслевой структуры России) не может оставаться неизменным. Высказанная гипотеза требовала проверки, в соответствии с которой должен быть рассмотрен динамический аспект проблемы, позволяющий оценить перемещения регионов между группами, а также сдвиги в их социально-экономическом и демографическом развитии.

Поскольку речь идет о структурных изменениях, то, по понятным причинам, охваченный исследованием период должен быть как можно больше. Исходя из этого, было принято решение о проведении исследования за почти три десятилетия, с начала 1990-х годов.

Однако принятую установку удалось выполнить только по отношению к анализу динамики социально-экономического развития агропромышленных регионов. Что же касается их выделения и выявления сдвигов в территориально-отраслевой структуре, то в силу невозможности обеспечить сопоставимость классификаций регионов по структуре хозяйства, выстроенных на начало и конец

¹ Высказанная гипотеза о зависимости доминирующих факторов роста от стадии общественного развития, конечно, требует верификации. Проверка ее применительно по преимуществу к индустриальной либо индустриально-аграрной экономике регионов России – отдельная научная задача, выходящая за рамки нашего исследования.

периода, от этой идеи пришлось отказаться. В результате исследуемый период был сокращен до 11 лет (2005–2016 гг.)¹.

Полученная картина, раскрывающая состав агропромышленных регионов, динамику и сдвиги в социально-экономическом развитии послужила своеобразным фоном для оценки особенностей развития Алтайского края² и его центропериферийного положения³.

Кратко о степени изученности проблемы. Исследование территориально-отраслевой структуры экономики России и агропромышленных регионов как одного из ключевых ее элементов, бесспорно, может быть отнесено к числу одного из сложившихся направлений научной мысли в регионалистике. В рамках этого направления опубликованы десятки монографий и статей отечественных и зарубежных ученых-регионоведов, накоплен обширный эмпирический материал.

Сформированы основные подходы к типологизации регионов по специализации хозяйства, уровню социально-экономического развития и другим ключевым их характеристикам. Охарактеризованы основные этапы и ключевые процедуры типологизации

¹ Теоретическое представление, методические основы и содержательные результаты исследования, полученные на его предыдущих этапах, изложены в ряде статей [2, 4], что освобождает авторов от необходимости их подробного освещения в монографии. См.: [5].

² Авторы исследования в течение многих лет занимались изучением основных тенденций социально-экономического развития Алтайского края. Базой для сравнения при этом был условный «среднероссийский» регион, на фоне которого Алтайский край оценивался как среднеразвитый регион России. Однако более достоверной, на наш взгляд, была бы оценка особенностей социально-экономического развития и степени периферийности Алтайского края на фоне «родственных» агропромышленных регионов.

³ Периферийность региона определялась с учетом их как географических (отдаленность от центра страны), так и экономических (уровень социально-экономического развития) критериев.

Заметим, что в современных зарубежных исследованиях понимание периферии переосмыслено. Если ранее периферийность территории определялась расстоянием от центра, то современная трактовка этого понятия включает в себя учет экономических, социальных, политических факторов, влияющих на изменение уровня развития территорий и обозначается термином «периферизация» [6]. В их числе: оказание высококвалифицированных услуг [7], информационно-коммуникационные технологии и полицентрическое развитие [8], развитие человеческого капитала [1].

(формирование признакового пространства, оценка его структуры, построение типологии); определены требования как к системе показателей в целом, так и к каждому отдельному показателю [9].

В «багаже» российской регионалистики имеются десятки типологий по специализации и структуре хозяйства регионов, базирующихся на различных показателях и исследовании разнообразных приемов типологизации¹. Достаточно детально российскими географами и экономистами охарактеризованы наиболее типичные черты и признаки периферийного региона, а также основные критерии периферийности – отдаленность и слаборазвитость территории [10].

Что же касается зарубежной регионалистики, то наиболее близкими по замыслу исследования являются работы по изучению социально-экономического положения сельских регионов в бывших социалистических странах.

Развитие сельских регионов, по мнению исследователей, находится под влиянием процессов, характерных для периферии. В связи со сменой плановой системы хозяйствования в странах бывшего социалистического лагеря произошедшие процессы деиндустриализации и реструктуризации сельского хозяйства привели к масштабным потерям рабочих мест. Поскольку предпринимательская активность низка, а инвестиции в основном сосредоточены в городах, многие постсоциалистические сельские регионы характеризуются высоким уровнем безработицы и низким уровнем участия в рабочей силе. Проживающие на этих территориях люди зависят от трансферов и наличия низкооплачиваемых рабочих мест как одного из основных источников средств к существованию [11, 12].

Вместе с тем оценка уровня социально-экономического развития агропромышленных регионов, в том числе Алтайского края, не является конечной целью нашего исследования. Уровень развития рассматривается лишь в качестве одного из существенных факторов, детерминирующих включенность агропромышленных регионов в экономическое пространство.

¹ В целях систематизации накопленного материала далее был проведен обзор подходов к типологизации регионов по специализации и структуре региональной экономики.

Отличительная их особенность, как известно, заключается в относительно высокой связанности внутрирегионального экономического пространства, детерминированной развитием интеграционных процессов в региональном агропромышленном комплексе. Этот аспект функционирования агропромышленных регионов достаточно хорошо изучен – от вопросов формирования интеграционных процессов и кооперативных структур в различных сферах АПК до эффективности их деятельности [13–17].

Значительно слабее изучены кооперационные и интеграционные процессы в агропромышленных регионах, имеющие межрегиональный характер. Центральным вопросом, на наш взгляд, – это влияние интеграции на развитие региона. Высказанные точки зрения об исключительно позитивном влиянии на развитие агропромышленного региона (выравнивание и рост потенциала [18], обеспечение экономической безопасности [19, 20] и др.) вызывают обоснованные сомнения.

Более детальному рассмотрению этих и других вопросов будут посвящены последующие разделы монографии.

Глава 4

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

4.1. Агропромышленные регионы: понятие, подходы и результаты выделения

Под территориально-отраслевой структурой экономики России в данном случае понимается обобщенное представление об ее территориальной и одновременно отраслевой специфике. Элементами территориально-отраслевой структуры экономики России выступают не отдельные регионы, а их типы, различающиеся

между собой по экономической специализации регионального хозяйства. Заметим изначально, что исходя из целей исследования отраслевую специфику экономики регионов мы оценивали фрагментарно, с позиции доминирования аграрного либо промышленного секторов.

Аграрно-промышленные регионы представляют собой особый тип регионов с присущей им экономической специализацией хозяйства, характером системы расселения, уровнем и образом жизни населения. Их отличительной чертой, на наш взгляд, является сильное влияние на социально-экономическое развитие так называемого фактора «унаследованных особенностей» [21, с. 27].

С учетом сказанного ключевая гипотеза исследования состоит в том, что агропромышленные регионы представляют собой качественно отличный и достаточно устойчивый во времени тип территориальных социально-экономических систем, для которого характерны близкие по своим значениям уровень, динамика социально-экономического развития, масштаб и характер вовлеченности в территориальную экономическую интеграцию.

Выделение аграрно-промышленных (индустриально-аграрных) регионов является особенностью российской регионалистики. Для классификаций территориально-административных единиц ЕС по экономической специализации характерно выделение «чисто» аграрных регионов. Появление в российской регионалистике «промежуточных», без ярко выраженной промышленной либо аграрной специализации регионов объясняется спецификой региональной политики в России [22].

Ю.В. Урожаева и Д.С. Иванов писали по этому поводу: «принятие решений о размещении производительных сил в рамках плановой экономики СССР было чрезвычайно сложным процессом, в ходе которого достигался баланс самых различных интересов и точек зрения: отраслевого и регионального лоббизма, военно-стратегических соображений, идеологически мотивированных приоритетов развития национальных окраин и создания «отрядов пролетариата» в недостаточно индустриализованных районах, целей социальной политики (поддержание нулевой безработицы) и, наконец, общестрановой экономической эффективности реализации тех или иных проектов. Таким образом, за советский период сформировалось восприятие региональной политики как «за-

дания специализаций» регионам в зависимости от совокупности местных социально-экономических условий» [23, с. 14].

Судя по названию, исследуемые регионы занимают промежуточное место между промышленными и аграрными. Следовательно, выделение агропромышленных регионов подразумевает их «межевание» с группами, где сельское хозяйство и промышленность являются доминирующими отраслями специализации.

Имеет ли содержательный смысл выделение особого «промежуточного» типа регионов? Ответ, на наш взгляд, может быть положительным в двух случаях:

1) если группа отражает переходное, транзитное состояние регионов из одного типа в другой (в нашем случае – из «аграрных» в «индустриальные»);

2) если «промежуточная» группа регионов характеризуется существенно большей степенью целостности и однородности характеристик по сравнению с соседними группами.

Целостность, однородность группы в данном случае не означает идентичность социально-экономической ситуации в регионах, вошедших в группу. Можно, конечно, предположить, что схожий ресурсный потенциал, детерминирующий функциональную специфику региона, породит в чем-то схожие проблемы развития, однонаправленность социально-экономических процессов, характер адаптации к рынку, вовлеченность в интеграцию и др. Но это вовсе не означает одинакового набора региональных проблем, а также степени их выраженности.

Причины понятны: наряду со структурой хозяйства (специализацией региона) состояние и динамику экономики и социальной сферы региона, как известно, определяет ряд других факторов, в числе которых: экономико-географическое положение; демографический потенциал и структура населения; финансовая обеспеченность; уровень развития при вступлении в рынок; емкость внутреннего рынка и экспортный потенциал и т.д.

И, тем не менее, сравнение разных по экономической специализации типов регионов свидетельствует зачастую о разнонаправленности происходящих в них социально-экономических процессов, о разной их реакции на изменения внешнеэкономической среды. Так, к примеру, в аналитических докладах «Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах»

и «Проблемы сдвигов в региональной структуре экономики России» наглядно продемонстрированы существенные различия в динамике и адаптации развитых (с опорой на обрабатывающую и добывающую промышленность), среднеразвитых (промышленно-аграрных и аграрно-промышленных) и менее развитых регионов (менее развитых аграрных и сырьевых) [24].

Каковы отмечаемые в научной литературе наиболее общие черты, характерные для агропромышленных регионов? Прежде всего, это заметное место в структуре экономики регионообразующих отраслей – промышленности и сельского хозяйства. При этом, с одной стороны, в структуре хозяйства агропромышленных регионов отсутствует заметное доминирование какой-либо одной «якорной» отрасли, что характерно для промышленных и аграрных регионов; с другой стороны, структура экономики имеет несбалансированный характер, очевиден определенный «перекос» в сторону сельхозпроизводства. В целом наибольшее развитие получили отрасли, входящие в состав агропромышленного комплекса, что придает промышленности региона определенную направленность. В частности, последняя характеризуется наличием таких подотраслей промышленности, как пищевая, перерабатывающая, мукомольно-крупяная, предопределяющие характер межрегиональных товарно-экономических взаимосвязей.

За годы реформ в структуре экономики агропромышленных регионов произошли существенные подвижки. Имевшие достаточно высокую долю в структуре экономики ряда агропромышленных регионов машиностроение (в первую очередь, сельхозмашиностроение), легкая промышленность и отрасли оборонно-промышленного комплекса потеряли свою былую значимость. В результате, к примеру, доля промышленности в структуре валовой добавленной стоимости в Алтайском крае упала с 28,1% в 1999 г. до 22,5% в 2016 г.

Аграрная специфика анализируемых регионов зачастую предопределяет наличие отраслей с низкой добавленной стоимостью и сравнительно невысокой производительностью труда. Этот момент сказывается на благополучии аграрно-промышленных регионов и оценке их по преимуществу как среднеразвитых [25]. Так, по итогам развития регионов России в 2000–2012 гг. большинство территорий с ярко выраженной аграрной специали-

зацией вошли в состав подгруппы регионов с низким рейтингом и без определенного либо с нисходящим трендом [26].

В научной литературе упоминаются такие особенности агропромышленных регионов, как обширные зоны депрессии в сельской местности и дефицит инвестиций, низкий уровень жизни населения и наличие социально-демографических проблем [27–32]. Естественно, что для агропромышленных регионов характерен более низкий уровень урбанизации, отсутствие крупных городов (людность региональных центров – 600–800 тыс. человек) и «дисперсная» система расселения, обусловленная спецификой сельхозпроизводства. Все это накладывает свой отпечаток на масштаб и характер связанности регионов, о чем пойдет речь ниже.

Методика и результаты выделения агропромышленных регионов. Существует целая система методов классификации и типологизации объектов, которая включает следующие основные группы:

1) методы, осуществляющие классификацию объектов на основе информации о распределении по одному параметру;

2) методы классификации многомерных объектов на основе предварительного сведения исходного признакового пространства к одномерному;

3) методы построения классификаций непосредственно в многомерном пространстве.

Из множества подходов к решению задач типологического анализа необходимо было выбрать такой, который сочетает в себе процедуры многомерной классификации, позволяющие выявить сходство объектов по большому числу параметров, отражающих экономическую структуру региона, и модифицированные процедуры факторного анализа, направленные на группировку взаимосвязанных параметров с одновременным построением обобщенных факторов для каждой из выделенных групп¹.

Применительно к нашему исследованию возможно использование двух подходов:

• *первый подход* – построение классификаций регионов: а) по степени аграрности и б) по степени индустриальности на основе,

¹ Подобный подход к обработке больших массивов информации в настоящее время разработан и получил название лингвистического. Подробнее см.: [33].

соответственно, обобщенных факторов аграрности и индустриальности и, далее, пересечение названных классификаций с целью получения многомерной типологии;

• *второй подход* – построение искомой типологии регионов в многомерном пространстве, учитывающем одновременно распределение регионов по оси «аграрности» и оси «индустриальности» с использованием соответствующих обобщенных факторов. Именно этот подход в силу его сравнительно меньшей трудоемкости и, одновременно, большей наглядности, был взят нами за основу.

Методика типологического анализа социально-экономических объектов состоит в последовательной реализации набора процедур, объединенных в два крупных блока: 1) формирование признакового пространства для построения типологии (так называемой системы индикаторов и показателей, комплексно описывающих изучаемый объект) и анализ его структуры и 2) построение типологии многомерных объектов¹.

Рассмотрим названные процедуры подробнее.

Формирование признакового пространства и анализ его структуры. Этот этап типологического анализа включает в себя построение исходной системы показателей и индикаторов; выбор информативной подсистемы признаков; сокращение размерности исходного признакового пространства; выделение групп взаимосвязанных индикаторов, характеризующих обобщенные стороны изучаемых объектов.

При построении исходной системы показателей был определен круг всех возможных показателей, характеризующих объект изучения, и затем на основе содержательного анализа отобраны наиболее характерные и значимые показатели. Это чрезвычайно ответственный момент исследования, от которого во многом зависит качество выстраиваемой типологии².

¹ В качестве примера использования лингвистического подхода укажем на работу одного из авторов настоящей монографии: [34].

² По-нашему мнению, формирование различными исследователями системы индикаторов и показателей происходит недостаточно обоснованно. Близких позиций придерживается ведущий специалист в области межрегиональных экономических измерений С.А. Суспицын. По его утверждению, «интереса исследователей к совершенствованию методик межрегиональных сопоставлений, обоснованию корректности методов оценки и достоверности результатов сравнений не наблюдается» [35, с. 97].

Как показал вышеизложенный обзор работ по типологизации регионов, чрезвычайно редко встречаются работы, где бы сформированная система индикаторов и показателей развития территорий оценивалась с позиций соответствия определенным требованиям. Между тем в научной литературе изложены требования как к системе показателей в целом, так и к каждому отдельному показателю.

Так, главным требованием к системе показателей в целом является полнота и относительная пропорциональность отражения различных сторон изучаемого объекта. В числе основных требований к наборам показателей, формирующим индикаторы, следующие: во-первых, каждый набор показателей должен отражать содержание изучаемого явления многосторонне, с разных точек зрения, с помощью разных способов измерения; во-вторых, для отражения каждой стороны явления желательно учитывать не один, а хотя бы два-три показателя; в-третьих, имеет смысл объединять в одном наборе, на базе которого будет строиться индикатор, показатели, большинство из которых сходным образом дифференцируют изучаемые объекты.

Определенные требования предъявляются и к каждому включаемому в проект информационной базы показателю. Во-первых, все проектируемые показатели должны быть практически доступными и в известной мере надежными. Во-вторых, выбираемые показатели должны как можно более непосредственно отражать изучаемое явление, так как косвенные показатели чаще всего бывают многозначными, могут интерпретироваться по-разному. В-третьих, важно, чтобы социально-экономический смысл каждого показателя для всех объектов был стабильным и однозначным. Наконец, желательно, чтобы используемые для построения типологии показатели относились если не прямо к изучаемому объекту, то хотя бы к объектам, границы которых к нему близки [36].

Понятно, что выполнить одновременно все вышеперечисленные требования достаточно сложно. При формировании информационной базы исследования мы ориентировались, прежде всего, на доступность и надежность используемой информации, а также на многостороннее отражение изучаемого явления.

В частности, ориентация экономики региона на развитие аграрного (промышленного) сектора оценивалась с помощью статистической информации, раскрывающей структуру регионального хозяйства с точки зрения привлеченных ресурсов (9 показателей) и полученных результатов (10 показателей). Надежность показателей обеспечивалась дополнительно еще и тем, что они рассчитывались как средние за три года (2014–2016 гг.).

Далее проводилось окончательное формирование признакового пространства, необходимого для типологизации: посредством анализа системы признаков выбирались наиболее информативные и, таким образом, сокращалось их количество. Для приведения исходных величин к одинаковому масштабу была выполнена процедура стандартизации. В ходе ее выполнено преобразование исходных переменных $V_i = \{V_{i,k}, k = 1 \dots N\}$, где N – количество элементов в i -й выборке, равное количеству регионов, к стандартизованным переменным $X_i = \{X_{i,k}, k = 1 \dots N\}$, представляющим собой отклонение от средних значений, нормированных на стандартное отклонение соответствующей выборки.

Для каждой стандартизованной переменной X_i компоненту выборки $X_{i,k}$ можно определить как:

$$X_{i,k} = \frac{V_{i,k} - \overline{V}_i}{S_i},$$

где $i = 1, 2, \dots, 8$ – номер показателя, $k = 1, 2, \dots, N$ – номер региона, N – размер выборки, соответствующий количеству регионов, $\overline{V}_i$ – среднее значение выборки, S_i – стандартное отклонение выборки i -го показателя. Для стандартизованных величин среднее значение всегда равно нулю, а отклонения от средних величин соответствуют величинам стандартных отклонений.

Далее, в результате факторного анализа методом главных компонент было сформировано два статистически независимых обобщенных фактора, представляющих собой линейные комбинации статистически зависимых исходных переменных. В качестве меры информативности отдельных признаков выступали их

факторные нагрузки, получаемые в процессе решения задач экстремальной группировки параметров¹. При этом предполагалось, что тесно связанные между собой показатели характеризуют различные стороны одного и того же явления, а показатели с низкими факторными нагрузками относятся к группе случайных, не отражающих суть изучаемого явления². Тем самым была обеспечена возможность объективной проверки предварительного выбора показателей.

В результате окончательного формирования признакового пространства, первоначально включающего в себя 19 структурных показателей, «на выходе» осталось восемь. Они «разбились»

¹ Анализ структуры сформированного признакового пространства производился путем выделения из исследуемого набора нескольких групп тесно коррелированных показателей. Одновременно с выделением групп формировались обобщенные факторы, наиболее тесно коррелирующие со всеми параметрами групп. При этом задача решалась в нескольких вариантах (для разного числа групп), после чего выбирался нужный вариант.

При поиске общих факторов, оказывающих влияние на зависимость между признаками – либо одного из признаков, определяющих остальные, либо скрытого (латентного) параметра, не включенного в исследуемый набор – анализ сводился, главным образом, к исследованию трех моментов:

- во-первых, это наличие корреляции между признаками (показателями, параметрами), являющееся основанием для применения факторного анализа. Зависимость между показателями существенна, если значение коэффициента парной корреляции по модулю не меньше 0,3 (при уровне существенности 0,05);

- во-вторых, это факторные нагрузки, характеризующие значение каждого из признаков для описания данного фактора. В качестве значимых отбирались лишь те показатели, значения факторных нагрузок для которых по модулю выше 0,7 (значения изменяются в пределах от -1 до 1). Остальные из участвующих в построении данного фактора признаков отбрасывались;

- в-третьих, такой характеристикой может служить оценка значимости фактора – количество объясненной суммарной дисперсии, определяющей существенность фактора в описании исследуемой совокупности признаков. Значимость фактора должна превышать минимум 50%.

² Низкие факторные нагрузки, присущие ряду показателей, не всегда означают «принадлежность» их к другому явлению или процессу. На величине факторных нагрузок отражается как качество информации, так и нелинейный характер связи. Отметим также, что окончательное отбрасывание показателей – «помех» производится не машиной, а исследователем, поскольку возникающая в результате этого шага потеря информации должна быть оценена с содержательных позиций.

на два фактора, отличающихся достаточно высоким качеством¹: 1) степень ориентированности экономики региона на развитие аграрного сектора (далее – степень аграрности региона) и 2) степень ориентированности экономики региона на развитие промышленности (далее – степень индустриальности региона) – табл. II.1.

Построение типологии многомерных объектов. Цель этого этапа работы состоит в автоматической классификации объектов таким образом, чтобы объекты одного класса были гораздо более схожи между собой, чем с объектами других классов. Число классов задается, исходя из вида распределения объектов по фактору (гистограммы) и типа решаемой задачи.

Выделенные на предыдущем этапе анализа группы однородных параметров (факторов) представляют собой частное основание классификации объектов. В принципе, как уже отмечалось, классы «похожих» объектов можно выделить либо в многомерном пространстве всех параметров данного фактора, либо на его одномерной шкале. При классификации в многомерном пространстве каждому параметру фактора придается равная значимость. Напротив, использование обобщенного фактора означает сравнение параметров по их «вкладам» в него².

При использовании одномерной шкалы преимущество состоит в получении классов объектов, упорядоченных на шкале комплексного фактора и поэтому легко интерпретируемых. Классификация в многомерном пространстве имеет свои преимущества, предопределившие приоритет ее использования в исследовании.

¹ В научной литературе предложены критерии качества полученных факторов, а именно: 1) интерпретируемость получаемых факторов с точки зрения теоретической концепции исследования, их высокая социальная значимость; 2) информационная надежность, достигаемая объединением в одном факторе большого числа дополняющих друг друга параметров; 3) компактность факторов, т.е. объединение в них таких (или преимущественно таких) параметров, которые тесно коррелируют с факторами; 4) четкость выстраиваемой структуры пространства типологизации, так называемая существенно меньшая связанность обобщенных факторов между собой, чем с входящими в их состав параметрами; 5) устойчивость структуры признакового пространства, т.е. воспроизводство ее важнейших черт при увеличении числа выделенных факторов. См.: [33, с. 36].

² Этот прием используется в случае существенно разной значимости показателей (с точки зрения концепции исследования), предполагающей процедуру их «взвешивания».

Таблица П.1

**Показатели агропромышленной ориентации региона
и их факторные нагрузки**

№ п/п	Наименование показателей	Факторные нагрузки
Степень аграрности региона		
1	Доля занятых в сельском хозяйстве, охоте и предоставлении услуг в этих областях в общей численности занятых в экономике региона, в среднем за 2014–2016 гг., %	0,83
2	Доля основных фондов сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства в общей стоимости основных фондов экономики региона, в среднем за 2014–2016 гг., %	0,90
3	Доля сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства в ВРП региона, в среднем за 2014–2016 гг., %	0,91
4	Продукция сельского хозяйства в расчете на 1 тыс. чел., в среднем за 2014–2016 гг., руб.	0,92
Степень индустриальности региона		
5	Доля занятых в промышленности в общей численности занятых в экономике региона, в среднем за 2014–2016 гг., %	0,81
6	Доля основных фондов промышленности в общей стоимости основных фондов региона, в среднем за 2014–2016 гг., %	0,82
7	Доля промышленности в ВРП региона, в среднем за 2014–2016 гг., %	0,90
8	Доля товаров промышленности в общем объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг в регионе, в среднем за 2014–2016 гг., %	0,83

В результате предварительной процедуры при помощи метода древовидной кластеризации, исходя из критерия устойчивости классов, было проведено разбиение исходного множества регионов на 12 кластеров. Далее было выполнено разбиение регионов в факторном пространстве посредством метода k -средних для $k=12$. В зависимости от величины отклонения от среднероссийских значений каждый из регионов «нашел свое место» в двух-

мерном пространстве, осями которого были степень аграрности и степень индустриальности региона (рис. II.1).

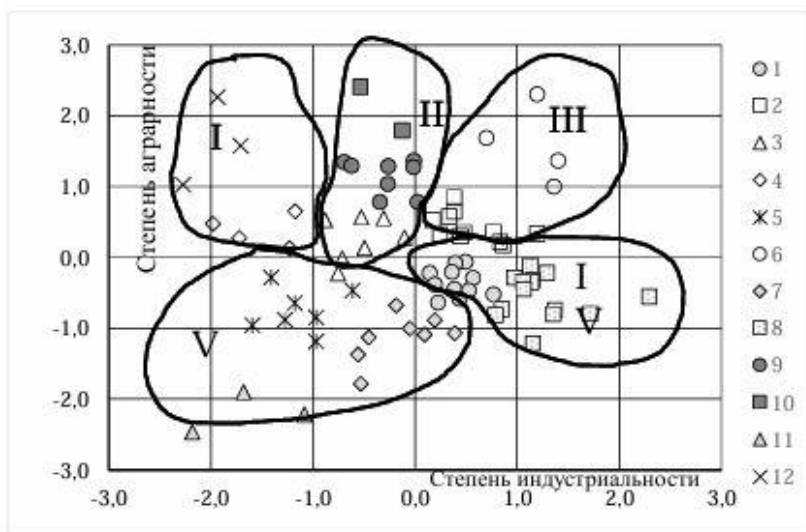

Рис. II.1. Распределение регионов Российской Федерации в аграрно-индустриальном признаковом пространстве в 2014–2016 гг. (цифрами обозначены номера кластеров)

Рисунок II.1 свидетельствует, прежде всего, о многообразии ситуаций, характеризующих положение регионов в аграрно-индустриальном пространстве, зачастую существенно затрудняющем их однозначное отнесение к тому или иному типу. Не исключена принадлежность ряда регионов одновременно к двум типам, свидетельствующем о наличии неких «переходных» типов регионов¹.

¹ При проведении разграничительных линий между типами, на наш взгляд, следует стремиться к максимально возможной однозначности отнесения регионов к типу (исходя из теоретически обоснованных критериев), избегать малой подробности и излишней простоты типологий, не отражающих многообразия реальных ситуаций, обеспечить устойчивость выделенных типов при увеличении их числа. Выполнить названные требования, на наш взгляд, можно в процессе реализации человеко-машинной процедуры выделения различных типов регионов.

Таблица П.2

**Состав различных типов регионов России в зависимости
от агропромышленной ориентации хозяйства в 2014–2016 гг.**

Тип регионов	I (ядро)	II (периферия)
Аграрные	Республика Алтай Республика Дагестан Республика Калмыкия	Республика Ингушетия Республика Северная Осетия-Алания Чеченская Республика Краснодарский край
Агропромышленные (аграрно- индустриальные)	Республика Адыгея (Адыгея) Республика Мордовия Кабардино-Балкарская Республика Алтайский край Ставропольский край Воронежская обл. Орловская обл. Ростовская обл.	Республика Крым Республика Тыва Карачаево-Черкесская Республика Чувашская Республика Амурская обл. Брянская обл. Пензенская обл. Псковская обл. Тамбовская обл.
Индустриально- аграрные	Белгородская обл. Курская обл. Липецкая обл. Оренбургская обл.	Республика Башкортостан Республика Марий Эл Республика Татарстан Удмуртская Республика Астраханская обл. Волгоградская обл. Курганская обл. Ленинградская обл. Новгородская обл. Омская обл. Саратовская обл.
Индустриальные	Республика Саха (Якутия) Республика Хакасия Архангельская обл. Владимирская обл. Калужская обл. Кемеровская обл. Красноярский край Магаданская обл. Пермский край Сахалинская обл. Тульская обл. Тюменская обл. Челябинская обл. Чукотский автономный округ	Вологодская обл. Иркутская обл. Кировская обл. Костромская обл. Рязанская обл. Самарская обл. Смоленская обл. Тверская обл. Томская обл. Ульяновская обл. Ярославская обл.

Тип регионов	I (ядро)	II (периферия)
Регионы без ярко выраженной агропромышленной ориентации хозяйства	г. Москва г. Санкт-Петербург г. Севастополь	Республика Бурятия Республика Карелия Республика Коми Забайкальский край Ивановская обл. Калининградская обл. Камчатский край Московская обл. Мурманская обл. Нижегородская обл. Приморский край Свердловская обл. Хабаровский край Новосибирская обл. Еврейская автономная обл.

С учетом вышеизложенного была проведена экспертная оценка полученного разбиения. При этом одним из значимых критериев была «обозримость» выделенных кластеров. В результате исходные 12 кластеров были сведены в пять укрупненных групп (типов) регионов (табл. II.2).

Средние значения показателей ориентации хозяйства регионов на развитие аграрного и индустриального секторов по типам регионов приведены в таблице II.3¹. Наглядное их отображение дано с помощью радиальной диаграммы (рис. II.2).

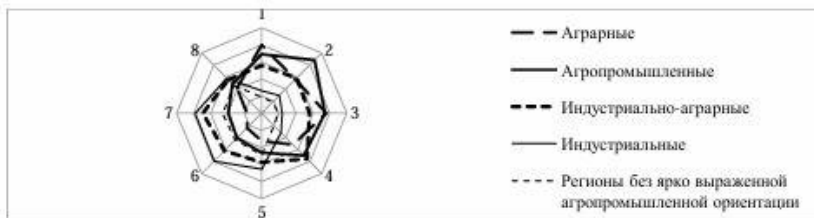

Рис. II.2. «Профілограма» регіонів різних типів по ступеню аграрної та промислової орієнтації господарства

¹ Проведенная нами оценка дисперсии свидетельствует о достаточно низкой вариации показателей, характеризующих тот либо иной тип регионов России по структуре хозяйства.

Таблица II.3

**Степень ориентации экономики регионов различных типов
на развитие промышленного и аграрного секторов**

Показатели Тип региона	Степень аграрности				Степень индустриальности			
	1	2	3	4	5	6	7	8
В целом по совокупности, в том числе	10,9	5,2	10,1	41,9	18,0	24,7	27,0	69,6
Аграрные	17,3	5,9	15,3	43,5	11,7	12,0	9,3	57,5
Агропромыш- ленные	15,1	9,2	14,9	58,8	16,5	20,2	21,2	67,7
Индустриально- аграрные	12,1	6,1	11,4	63,0	20,7	30,7	37,4	77,6
Индустриальные	5,7	3,1	4,9	26,8	23,6	39,1	42,3	80,9
Без выраженной агропромышленной ориентации	4,1	1,9	3,8	17,1	17,6	21,7	24,8	64,1

Примечание.

1. Доля занятых в сельском хозяйстве, охоте и предоставлении услуг в этих областях в общей численности занятых в экономике региона, %.
2. Доля основных фондов сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства в общей стоимости основных фондов экономики региона, %.
3. Доля сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства в ВРП региона, %.
4. Продукция сельского хозяйства в расчете на 1 тыс. чел., руб.
5. Доля занятых в промышленности в общей численности занятых в экономике региона, %.
6. Доля основных фондов промышленности в общей стоимости основных фондов региона, %.
7. Доля промышленности в ВРП региона, %.
8. Доля товаров промышленности в общем объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг в регионе, %.

Используя эти данные, дадим краткую характеристику выделенных типов регионов как основных элементов территориально-отраслевой структуры экономики России.

I тип – аграрные регионы (7 регионов), отличительной чертой которых является минимальная по сравнению со средним регионом России ориентация экономики на развитие промышленности в сочетании с показателями аграрной специализации выше

среднероссийских значений. Так, доля занятых в промышленности в общей численности занятых экономики региона меньше среднероссийского показателя в 1,6 раза; доля промышленности в ВРП – в 2,1 раза. В то же время доля занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве в общей численности занятых выше по сравнению со среднероссийским показателем в 1,7 раза, а доля этих отраслей в ВРП – выше в 1,5 раза (см. табл. II.2). Регионы с более высокой степенью аграрности (Республика Калмыкия, Республика Алтай, Республика Дагестан) могут рассматриваться в качестве ядра¹ этого типа (см. рис. II.1: размещены в левом верхнем углу).

II тип – агропромышленные регионы (аграрно-индустриальные) (17 регионов). По сравнению с аграрными характеризуются большей ориентацией экономики на развитие промышленности. Показатели, характеризующие степень индустриальности, у них выше, чем у аграрных (в 1,6–2 раза), а показатели, характеризующие степень аграрности – ниже (в 1,2–1,8 раза). В состав ядра этого типа входят 8 регионов (Алтайский и Ставропольский края, Воронежская, Ростовская области и др.).

III тип – индустриально-аграрные регионы. Особенность их структуры хозяйства – наибольшая ориентация на промышленность среди регионов, имеющих показатели аграрной специализации выше среднероссийских. К примеру, доля занятых в промышленности в общей численности занятых в экономике в 1,8 раза выше по сравнению с аграрными регионами и в 1,3 раза выше по сравнению с агропромышленными. В целом же степень ориентации их хозяйства на развитие промышленности выше по сравнению со среднероссийским регионом. Что же касается ориентации хозяйства индустриально-аграрных регионов на развитие аграрного сектора, то они, естественно, уступают аграрным и агропромышленным регионам, но по отношению к среднероссийскому региону их показатели выше. На рис. II.1 индустриально-аграрные регионы размещены в правом верхнем квадранте.

¹ Необходимость выделения ядра регионов в каждом из типов обусловлена достаточно разнородным их составом. При этом в состав ядра вошли регионы, которые в наибольшей степени соответствуют ключевым характеристикам типа.

IV тип – индустриальные регионы. Это самый многочисленный тип, включающий 25 регионов. Регионы, вошедшие в него, характеризуются одной общей чертой – относительно низкой ориентацией экономики на развитие сельхозпроизводства. Все соответствующие показатели ниже среднероссийских в 2–2,5 раза. По степени же индустриальности этот тип регионов характеризуется самыми высокими среди прочих типов показателями. Последние превышают среднероссийские в 1,3–1,6 раза (см. табл. II.2). На рис. II.1 эти регионы размещены в правом нижнем квадранте. По степени индустриальности тип индустриальных регионов достаточно неоднороден. В качестве ядра типа выступают регионы с относительно более высокой степенью индустриальности (14 регионов).

V тип – регионы без ярко выраженной ориентации экономики на развитие промышленности и сельского хозяйства (17 регионов). Отличительной их особенностью является то, что показатели, характеризующие степень индустриальности и, в особенности, степень аграрности структуры их хозяйства ниже среднероссийских. Регионы этого типа на рис. II.1 размещены в левом нижнем квадранте. Ядро их представлено так называемыми сервисными регионами – г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь.

В целях оценки надежности результатов исследования соотнесем полученную нами типологию с другими аналогичными типологиями, представленными в научной литературе (табл. II.4)¹.

Как и следовало ожидать, полного совпадения перечня регионов, отнесенных к типу агропромышленных, в рассматриваемых исследованиях нет. Как видно из табл. II.4, представленные типологии существенно различаются между собой по численности регионов, отнесенных к типу агропромышленных². В то же время, нельзя не отметить, что более половины регионов из «сторонних» типологий вошли в авторскую классификацию.

¹ Авторы осознают определенную условность такого сравнения в силу применения исследователями различных методик. К сожалению, наши попытки обнаружить в опубликованных научных статьях изложения методик отнесения регионов к типу агропромышленных, не увенчались успехом.

² Нельзя «сбрасывать со счетов» тот момент, что сравниваемые типологии выстроены на различные моменты времени.

Таблица П.4

Состав агропромышленных регионов в различных исследованиях

Новая синтетическая классификация регионов: Григорьев Л.М., Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. (2010)	Типология регионов, предложенная в настоящем исследовании (2016)	Типология регионов, разработанная Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН (2002)
1. Алтайский край 2. Воронежская обл. 3. Орловская обл. 4. Ставропольский край 5. Тамбовская обл. 6. Псковская обл. 7. Республика Мордовия 8. Брянская обл. 9. Чувашская Республика 10. Пензенская обл. 11. Республика Бурятия 12. Республика Марий Эл 13. Республика Северная Осетия 14. Камчатский край 15. Краснодарский край 16. Астраханская обл. 17. Волгоградская обл. 18. Кировская обл. 19. Курганская обл. 20. Курская обл. 21. Оренбургская обл. 22. Саратовская обл. 23. Ульяновская обл.	1. Алтайский край 2. Воронежская обл. 3. Орловская обл. 4. Ставропольский край 5. Тамбовская обл. 6. Псковская обл. 7. Республика Мордовия 8. Брянская обл. 9. Чувашская Республика 10. Пензенская обл. 11. Республика Адыгея 12. Республика Крым 13. Республика Тыва 14. Кабардино-Балкарская Республика 15. Карачаево-Черкесская Республика 16. Амурская обл. 17. Ростовская обл.	1. Алтайский край 2. Воронежская обл. 3. Орловская обл. 4. Ставропольский край 5. Тамбовская обл. 6. Псковская обл. 7. Белгородская обл. 8. Курская обл. 9. Краснодарский край 10. Курганская обл.

Особо следует сказать о Краснодарском крае, упомянутом в качестве агропромышленного региона в обеих «сторонних» типологиях. В авторской типологии его нет. В результате автоматической обработки данных он вошел в аграрный кластер. Однако его расположение, близкое к границе с агропромышленными регионами, позволяет нам определить его как некий промежуточный тип (см. рис. II.1).

Как трактовать полученные результаты? На наш взгляд, говорить о надежности (ненадежности) результатов можно лишь после того, как будет проведено сравнение методик и их оценка с позиций научной обоснованности. На этом же этапе, по-видимому, следует говорить о существовании неких «базовых» агропромышленных регионов, входящих во все типологии, количество и состав которых варьируется в зависимости от используемой исследователем методики.

Подытожим. Авторами предложена и апробирована методика выявления ключевых элементов территориально-отраслевой структуры экономики России. Выделен один из элементов территориально-отраслевой структуры, в качестве которого выступает тип агропромышленных регионов (17 регионов).

Однако наиболее интересные с познавательной точки зрения вопросы – впереди. Насколько однороден в социально-экономическом отношении тип агропромышленных регионов? Каковы отличия в уровне социально-экономического развития агропромышленных регионов от других типов территориальных образований?

Целый пласт вопросов возникает в связи с анализом динамики территориально-отраслевой структуры в пореформенный период развития России. Подтверждается ли гипотеза об устойчивости выделенных типов регионов? В каком направлении и с какой интенсивностью проходят сдвиги в территориально-отраслевой структуре страны? (И т.д.) Поиску ответов на поставленные и другие вопросы будут посвящены следующие главы монографии.

4.2. Характеристика и сдвиги в типологии регионов России по агропромышленной ориентации хозяйства

Прежде чем оценить изменения, произошедшие в территориально-отраслевой структуре в целом, и в частности в составе агропромышленных регионов России, необходимо, на наш взгляд, вкратце охарактеризовать особенности развития экономики страны в рассматриваемом периоде и их влияние на интенсивность структурных сдвигов.

Социально-экономическое развитие страны в 2005–2016 гг., как известно, включало в себя различные этапы – предкризисный период 2005–2007 гг., характеризующийся стабильно высокими темпами роста ВРП; мировой кризис 2008–2009 гг., сопровождавшийся спадом производства; посткризисное восстановление экономики 2010–2012 гг. с последующим замедлением ее роста и постепенным «вползанием» в рецессию, продолжающуюся вплоть до 2017 г.¹

Такая неоднородность анализируемого периода с точки зрения экономического развития не могла не сказаться на характере и интенсивности происходящих сдвигов в территориально-отраслевой структуре экономики России и социально-экономическом развитии регионов.

Влияние структурных сдвигов на социально-экономическое развитие страны неоднозначно: они могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние на ее развитие. В период 2005–2016 гг., как отмечалось в аналитическом докладе НИУ ВШЭ, индекс интенсивности структурных сдвигов зафиксировал тесную связь между структурными изменениями в экономике России и темпами роста либо падения ВВП. При этом интенсивность структурных сдвигов оказалась тем выше, чем выше по абсолютному значению был показатель экономического роста [38].

¹ Влияние специфики этапов развития экономики на характер процессов социально-экономического развития Алтайского края подробно раскрыто в монографии [37].

Направленность структурных сдвигов предопределялась рядом трендов, важнейший из которых – сервисизация, проявляющаяся в «сжатии» промышленности и сельского хозяйства на фоне расширения сектора, оказывающего услуги¹. Этот процесс получил повсеместное распространение, однако его влияние на характер структурно-отраслевых сдвигов в регионах различной специализации и, соответственно, на масштаб межрегиональной связанности, существенно различалось.

Территориальные различия в сокращении промышленного производства обусловлены, главным образом, его отраслевой спецификой: регионы с развитой добывающей промышленностью (наглядный пример – Кемеровская область) характеризовались наименьшей, а регионы с приматом обрабатывающих отраслей (к примеру, Алтайский край) – наибольшей деиндустриализацией² и сокращением межрегиональных связей.

Что же касается сельского хозяйства, то темпы снижения масштабов сельхозпроизводства в различных регионах России обусловлены прежде всего степенью благоприятности природно-климатических условий его ведения. Как будет показано ниже, в регионах традиционного земледелия значимость сельского хозяйства как якорной отрасли экономики не только не уменьшилась, но и возросла.

В основу исследования трансформации территориально-отраслевой структуры экономики России в настоящем исследовании положена методика анализа динамики многомерных соци-

¹ В научной литературе подчеркивается, что сервисизация является общемировым трендом и структурный «маневр» России в пользу сферы услуг является в этом смысле нормальным процессом. С нашей точки зрения, при внешней схожести процессов глубинные причины, их породившие, в мире и в России различны. Если в мире доминирующее развитие сферы услуг обусловлено формированием постиндустриальной экономики, то в России – это спонтанный процесс, во многом предопределенный характером радикальных реформ 1990-х гг., повлекшим за собой преждевременную и стихийную по сути деиндустриализацию экономики.

² В конечном счете, темпы деиндустриализации региональных экономик предопределены адаптируемостью (в силу различных факторов) подотраслей промышленности к рынку. Наглядно различия по уровню развития и характеру сдвигов в промышленных регионах с опорой на обрабатывающую и добывающую промышленность продемонстрированы в аналитическом докладе «Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003-2013 гг.» [39].

ально-экономических объектов¹. Согласно разработанной методике, на первоначальном этапе выстраивались две независимые типологии регионов России по степени ориентации хозяйства на начало и конец рассматриваемого периода². При этом сопоставимость типологий обеспечивалась идентичной структурой признакового пространства, а надежность полученных результатов – использованием среднегодовых данных за три года (соответственно, 2005–2007 и 2014–2016 гг.). На следующем этапе использовался сравнительный подход, в процессе которого все регионы подразделялись на две группы: сохранившие свою принадлежность к типу и перешедшие в другой тип.

Результаты сравнения типологий свидетельствуют о том, что территориально-отраслевая структура экономики регионов России за исследуемый одиннадцатилетний период заметно трансформировалась: из 81 региона типологии 2005–2007 гг. сохранили принадлежность к своему типу 53 региона, более трети же регионов (38,3%) перешли в другой тип.

Если оценивать процесс трансформации территориально-отраслевой структуры с количественной стороны, то наиболее стабильны (с позиции принадлежности к своему типу) аграрные, аграрно-промышленные регионы и регионы без ярко выраженной агропромышленной ориентации. Напротив, регионы, относящиеся к типам индустриально-аграрных и индустриальных, оказались наиболее мобильными, в силу чего наполненность и, соответственно, доля группы индустриально-аграрных

¹ Следует отметить, что положенный в основу анализа метод типологизации многомерных социально-экономических объектов получил в отечественной региональной науке большое распространение. См.: [9]. Что же касается зарубежных публикаций, ориентированных на изучение проблем социально-экономического развития агропромышленных территориальных образований, то там, как правило, применяется кросс-секторальный подход. Так, исследования территориальных образований с агропромышленной ориентацией хозяйства в Бразилии, Германии, Индии, Китае [40] позволили выделить и описать сельские территории с относительно высоким уровнем агропромышленного производства, что соответствует в большей мере российскому подходу к анализу сельских муниципальных районов, а не регионов типа субъектов Российской Федерации.

² Детальная характеристика типологии регионов России по аграрно-промышленной ориентации хозяйства на начало исследуемого периода (2005–2007 гг.) дана в статье [5].

регионов в территориально-отраслевой структуре заметно упала (на 12,3 п.п.), а промышленных – возросла (на 22,3 п.п.) – табл. II.5.

Таблица II.5

**Наполненность различных типов регионов
в типологиях 2005–2007 гг. и 2014–2016 гг. (ед.)**

Тип регионов	Типологии	
	2005– 2007 гг.	2014– 2016 гг.
Аграрные (I)	8	7
Агропромышленные (аграрно-индустриальные) (II)	18	17
Индустриально-аграрные (III)	24	15
Индустриальные (IV)	7	25
Регионы без ярко выраженной агропромышленной ориентации хозяйства (V)	21	18
Итого	78	82

Примечание. Разница в общей численности регионов в типологиях на начало и конец исследуемого периода обусловлена административно-территориальными преобразованиями.

Общий тренд трансформации структуры хозяйства индустриально-аграрных регионов заключался в «потере» либо ослаблении их аграрной направленности (деаграризации отраслевой структуры хозяйства регионов России) – Рязанская, Смоленская, Тульская, Челябинская, Калужская, Костромская области и ряд других регионов. В целом группа индустриально-аграрных регионов, насчитывавшая в типологии 2005–2007 гг. 25 регионов, сократилась до 15 регионов.

Группа промышленных регионов в типологии 2014–2016 гг., напротив, увеличилась с 7 до 25 регионов в основном за счет перехода регионов индустриально-аграрного типа и регионов без ярко выраженной ориентации хозяйства (табл. II.6).

Что касается агропромышленных регионов, то зафиксированные здесь сдвиги, как отмечалось выше, близки по своим значениям к сдвигам, характерным для всей совокупности регионов России. За рассматриваемый период 2/3 регионов типологии

Таблица П.6

Типология регионов России по агропромышленной ориентации хозяйства в 2005–2007 и 2014–2016 гг.

2014–2016 2005–2007	Аграрные (I)	Агропромыш- ленные (аграрно- индустриальные) (II)	Индустриально- аграрные (III)	Индустриаль- ные (IV)	Регионы без ярко выраженной агропромышлен- ной ориентации хозяйства (V)	
1	2	3	4	5	6	7
Аграрные (I)	Респ. Алтай Республика Дагестан Республика Ингушетия Республика Северная Осетия – Ала- ния Чеченская Республика Краснодарский край	Республика Тыва (7)				Еврейская автономная обл.
Агропромышлен- ные (аграрно- индустриальные) (II)	Республика Калмыкия	Брянская обл. Воронежская обл. Орловская обл. Пензенская обл. Псковская обл.	Курганская обл. Республика Марий Эл Саратовская обл.	Кировская обл., Ульяновская обл.		Республика Бурятия

1	2	3	4	5	6	7
			Республика Адыгея Ростовская обл. Чувашская Республика Кабардино- Балкарская Республика Карачаево- Черкесская Республика Тамбовская обл.			
Индустриально- аграрные (III)			Алтайский край Республика Мордо- вия Ставропольский край	Белгородская обл. Курская обл. Липецкая обл. Оренбургская обл. Республика Башкортостан Республика Татарстан Астраханская обл. Волгоградская обл. Ленинградская обл. Новгородская обл. Омская обл. Удмуртская Респ.	Красноярский край Владимирская обл. Вологодская обл. Калужская обл. Костромская обл. Республика Хакасия Рязанская обл. Смоленская обл. Тульская обл. Челябинская обл.	

Окончание табл. II.6

1	2	3	4	5	6	7
Индустриальные (IV)					Кемеровская обл. Магаданская обл. Пермский край Республика Саха (Якутия) Самарская обл. Томская обл. Тюменская обл.	
Регионы без ярко выраженной агро-промышленной ориентации хозяйства (V)			Амурская обл.		Архангельская обл. Иркутская обл. Сахалинская обл. Тверская обл. Чукотский автономный округ Ярославская обл.	г. Москва, г. Санкт-Петербург Камчатская обл. Хабаровский край Ивановская обл. Калининградская обл. Московская обл. Мурманская обл. Нижегородская обл. Республика Карелия Республика Коми Свердловская обл. Новосибирская обл. Читинская обл.

Примечание. Полужирным шрифтом обозначены регионы, сохранившие свою принадлежность к типу.

2005–2007 гг. остались в своей группе. Три региона (Курганская и Саратовская области, Республика Марий Эл) перешли в группу индустриально-аграрных регионов; Кировская и Ульяновская области – в группу индустриальных регионов; Республика Калмыкия вошла в тип аграрных, а Республика Бурятия – в тип регионов без ярко выраженной агропромышленной ориентации хозяйства. С другой стороны, группа агропромышленных регионов образца 2014–2016 гг. пополнилась за счет Алтайского и Ставропольского краев, Республики Мордовия, входящих в 2005–2007 гг. в группу индустриально-аграрных, Республики Тыва (аграрный тип в 2005–2007 гг.), Амурской области (регион без ярко выраженной агропромышленной ориентации) и вошедшей в состав России Республики Крым.

Очевидно, что установленные выше общие тенденции изменения территориально-отраслевой структуры экономики России сочетаются с отдельными нетипичными сдвигами в агропромышленной ориентации экономики ряда регионов, к примеру Амурской области, Республики Бурятия, Еврейской автономной области и др. (см. табл. II.6). Поиск причин относительно радикальных сдвигов в 2005–2016 гг. в их агропромышленной ориентации требует более углубленного анализа.

Изменился не только состав группы агропромышленных регионов, но и их роль и место в экономике России. Доминирующий в последние десятилетия тренд концентрации экономической активности в центральных районах страны негативным образом сказался на роли агропромышленных регионов в экономике¹. Прежде всего это касается располагаемых ресурсов: в 2018 г. по сравнению с 1990 г. удельный вес агропромышленных регионов в среднегодовой численности занятых, основных фондах, инвестициях в основной капитал уменьшился. Соответственно, заметно снизилась доля агропромышленных регионов в совокупном ВРП России – с 9,7% в 1995 г. до 8,3% в 2018 г. – табл. II.7.

Как следует из таблицы, в результате деиндустриализации экономики страны без малого в два раза уменьшился удельный вес агропромышленных регионов в общем объеме промышлен-

¹ Здесь и далее расчеты произведены применительно к группе агропромышленных регионов России, выделенных в типологии 2014–2016 гг.

ной продукции, на 22% – работ, выполненных по договорам строительного подряда. Вместе с тем доля агропромышленных регионов в общероссийском производстве сельскохозяйственной продукции возросла с 22,2 до 28,0%. В целом же можно сделать вывод, что агропромышленные регионы, наряду с рядом других периферийных регионов России, вытесняются на «обочину» экономической жизни (без учета их вклада в обеспечение страны продовольствием).

Таблица II.7

**Удельный вес агропромышленных регионов
в общероссийских показателях
социально-экономического развития в 1990 и 2018 гг., %**

Показатель	1990	2018
Численность населения	15,70	16,0
Среднегодовая численность занятых в экономике	15,61*	14,6
ВРП**	9,70	8,3
Основные фонды в экономике, на конец года, по полной балансовой (учетной) стоимости	13,21*	8,3
Объем промышленной продукции	11,70	6,2
Продукция сельского хозяйства	22,02	28,1
Объем работ, выполненных по договорам строительного подряда	13,40	11,0
Инвестиции в основной капитал	12,80	10,6

Примечание. * Данные по среднегодовой численности занятых, основным фондам в Республике Адыгея, Карачаево-Черкесской Республике – за 1991 г.

** Данные по ВРП – за 1995 г., 2017 г.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Таким образом, нами дана общая картина сдвигов в территориально-отраслевой структуре регионов России и, в частности, в группе агропромышленных регионов. Раскрыт только «первый пласт» проблемы региональных отраслевых изменений. Углубление работы, ее развитие диктует необходимость проведения более детального анализа полученных результатов.

4.3. Экономическая динамика агропромышленных регионов России

Валовой региональный продукт и особенности отраслевой структуры его формирования в агропромышленных регионах. Общеизвестным показателем, характеризующим уровень развития региональной экономики, является объем валового регионального продукта в расчете на душу населения (далее – душевой ВРП). Исследование динамики ВРП на душу населения, проводимое многими отечественными исследователями в области региональной экономики, способствовало выявлению уровня развития территорий. Среди таких работ можно выделить статьи М.В. Морошкиной [41], В.С. Антонюк, Е.Л. Корниенко, Э.Р. Вансович [42], Е.А. Коломак [43], В. Кашина, А. Нецадина [44], Д.В. Колечкова [45] и др.

Характерным признаком всех агропромышленных регионов, как уже отмечалось, является отставание по рассматриваемому показателю от среднероссийских значений. Вместе с тем имеет место заметная дифференциация по показателю объема душевого ВРП и внутри самой группы агропромышленных регионов. Ориентируясь на его среднегрупповое значение, выделим три группы регионов – с душевым ВРП на среднегрупповом уровне, ниже и выше среднегруппового. Расчеты проведем на две точки – 1996 г. и 2018 г. (табл. II.8).

Сдвиги, произошедшие в распределении регионов по душевому ВРП, не могут быть оценены однозначно. С одной стороны, рост доли крайних подгрупп со значением душевого ВРП выше и ниже среднегрупповых значений свидетельствует об усилении поляризации. С другой стороны, различия между средними значениями душевого ВРП в крайних подгруппах составили в 1996 г. 2,3 раза, в 2018 г. – 1,9 раза, что говорит о нивелировании различий.

Назвать произошедшие сдвиги в наполнении анализируемых групп радикальными трудно: изменения коснулись 6 из 16 регионов. Заметно улучшили свои позиции Тамбовская область наряду с Ростовской областью и Республикой Мордовия; существенно потеряли в объемах душевого ВРП Амурская область, Алтайский край и Чувашская Республика. Сдвиги в распределении регионов

по объему душевого ВРП детерминированы, главным образом, различными темпами регионального экономического роста¹.

Таблица II.8

**Распределение агропромышленных регионов
в зависимости от объема душевого ВРП
в сравнении со среднегрупповым значением, в ценах 1996 г.**

Критерий	1996	2018
Выше среднегруппового	Амурская обл.	Ростовская обл. Республика Мордовия Тамбовская обл.
На уровне среднегруппового значения по агропромышленным регионам	Воронежская обл. Орловская обл. Ставропольский край Брянская обл. Пензенская обл. Псковская обл. Чувашская Республика Алтайский край Республика Мордовия Ростовская обл.	Воронежская обл. Орловская обл. Ставропольский край Брянская обл. Пензенская обл. Амурская обл.
Ниже среднегруппового	Тамбовская обл. Республика Адыгея Республика Тыва Кабардино-Балкарская Республика Карачаево-Черкесская Республика	Алтайский край Псковская обл. Чувашская Республика Республика Адыгея Республика Тыва Кабардино-Балкарская Республика Карачаево-Черкесская Республика

Общей тенденцией для всех агропромышленных регионов является практически идентичная траектория изменения валового регионального продукта до 2000 г., с большим или меньшим отставанием от российских тенденций, что во многом объяснимо влиянием кризиса российской экономики. Изменения темпов роста ВРП после 2000 г. обусловлены формированием и проявлени-

¹ Исследование сложившейся дифференциации российских регионов по темпам экономического роста за 1990–2013 гг. представлено в статье Б.Л. Лавровского и Е.А. Шильцина [46].

ем специфики отраслевой структуры экономики агропромышленных регионов, позволившей им по-разному адаптироваться к процессу трансформации 1990-х годов.

Особенностью проявления данного процесса стало выделение с начала 2000-х годов трех групп агропромышленных регионов в российском экономическом пространстве, отличающихся в сравнении со среднероссийским уровнем: 1) опережающими темпами производства ВРП; 2) темпами роста ВРП на уровне среднероссийских показателей; 3) с отстающими темпами производства ВРП.

В состав *первой группы* регионов, характеризующихся более высокими в сравнении со среднероссийскими темпами роста валового регионального продукта (в ценах 1996 г.), вошли Ростовская, Тамбовская и Воронежская области, Кабардино-Балкарская Республика, Республики Мордовия и Адыгея, а также Ставропольский край¹ (рис. П.3).

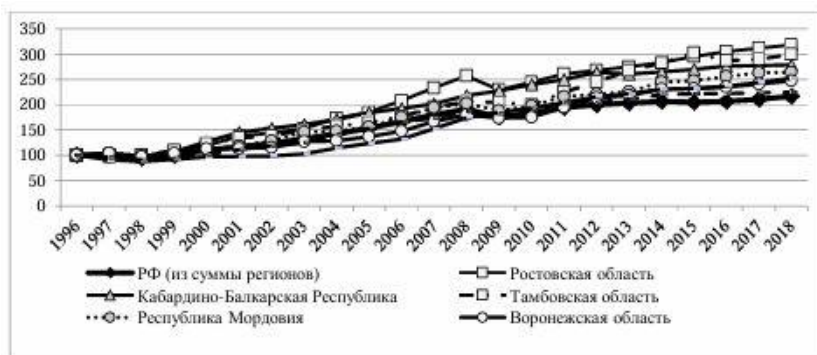

Рис. П.3. Агропромышленные регионы с опережающими темпами роста ВРП, 1996–2018 гг., 1996 = 100%

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

¹ Заметим, что сохранение опережающих темпов роста ВРП на протяжении всего рассматриваемого периода (1997–2018 гг.) наблюдалось в Ростовской и Тамбовской областях, Кабардино-Балкарской Республике и Республике Мордовия. В Воронежской области данная тенденция проявилась в 1997–2000 гг. и в 2011–2018 гг., в Республике Адыгея и в Ставропольском крае – с 2009 г.

Таблица II.9

**Отраслевая структура формирования валовой добавленной стоимости
в агропромышленных регионах в 2017 г., %**

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Строительство	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Транспортировка и хранение	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	Образование	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
Группа 1: с опережающими темпами производства ВРП по сравнению со среднероссийским уровнем											
Воронежская обл.	14,4	0,5	13,9	2,9	9,1	19,0	6,6	11,1	4,7	3,5	3,7
Ставропольский край	14,9	0,6	13,6	4,8	6,8	16,3	7,6	4,6	7,4	4,1	8,1
Тамбовская обл.	21,7	0,0	12,3	2,5	13,8	16,5	7,2	4,6	6,4	3,4	4,2
Республика Мордовия	13,3	0,0	25,5	4,2	11,8	10,5	4,9	4,3	7,5	3,9	5,0
Республика Адыгея	15,1	1,0	16,5	1,6	6,1	16,0	4,2	9,6	8,7	5,1	5,6
Ростовская обл.	11,1	1,2	20,6	4,4	7,7	17,9	6,8	7,5	4,8	3,3	4,6
Кабардино-Балкарская Республика	18,4	0,3	11,3	4,1	11,7	16,7	2,9	2,1	10,1	7,3	6,5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Группа 2: на уровне среднероссийских темпов ВРП											
Карачаево-Черкесская Республика	18,5	2,1	14,8	5,8	9,1	9,4	2,4	3,3	14,4	6,3	6,2
Брянская обл.	19,7	0,1	17,3	3,2	4,1	18,1	8,5	3,6	6,9	3,5	4,4
Орловская обл.	15,9	0,1	17,7	3,7	7,4	16,2	9,5	4,7	6,8	5,9	4,8
Пензенская обл.	13,0	0,2	20,4	2,3	6,8	14,1	7,1	9,7	5,8	3,6	5,7
Группа 3: с отстающими темпами производства ВРП по сравнению со среднероссийским уровнем											
Чувашская Республика	9,0	0,1	26,3	4,6	5,9	13,7	5,7	7,8	6,4	4,2	5,3
Псковская обл.	11,1	0,4	17,3	3,8	6,6	16,0	9,8	3,9	10,1	3,8	6,2
Республика Тыва	5,7	24,1	0,9	2,5	6,0	8,5	2,0	2,7	18,2	11,5	11,1
Алтайский край	13,7	0,9	19,6	2,7	6,0	14,0	5,7	9,7	7,2	4,3	5,7
Амурская обл.	6,3	12,1	5,1	6,7	9,6	13,0	16,8	2,8	8,8	4,8	5,9

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости¹ регионов агропромышленного типа наибольший удельный вес составляют отрасли сельского хозяйства и обрабатывающих производств (табл. II.9). Из регионов *данной группы* наибольший удельный вес отрасли сельского хозяйства в структуре валовой добавленной стоимости (далее – ВДС) 18–22% был сформирован в Тамбовской области и Кабардино-Балкарской Республике. Другой составляющей, положительно влияющей на формирование опережающих темпов роста в данных регионах, является объем ВДС, создающийся в сфере строительства.

Вторая группа регионов, темпы роста производимого ВРП в которых соответствовали среднероссийским значениям, представлена Орловской, Пензенской и Брянской областями, а также Карачаево-Черкесской Республикой. В регионах данной группы поддержание темпов роста валового продукта осуществлялось за счет сельского хозяйства и обрабатывающих отраслей, а также сферы торгового капитала (см. табл. II.9).

В *третью группу* регионов агропромышленного типа с относительно низкими темпами роста ВРП вошли Алтайский край, Республика Тыва и Чувашская Республика, а также Псковская и Амурская области. Отличительной особенностью выделенной группы является то, что отставание темпов роста ВРП от среднероссийского уровня сохранялось на протяжении всего анализируемого периода². При этом общей чертой для этой группы регионов явилось увеличение отставания темпов роста ВРП от среднероссийских показателей в 2018 г. по сравнению с началом 2000-х годов (рис. II.4).

Среди регионов, вошедших в состав третьей группы, преобладают те, в структуре формирования валового продукта которых, как и в предыдущих двух группах, ключевую роль играют сельское хозяйство и обрабатывающие отрасли (Псковская область

¹ Структура формирования ВРП рассматривалась в исследовании Л.И. Розановой, М.В. Морошкиной, С.В.Тишкова, из которого авторами сделан вывод о том, что уровень социально-экономического развития региона определяется сложившейся в нем структурой валовой добавленной стоимости [47].

² Исключение составила Республика Тыва, где отставание темпов роста ВРП было зафиксировано с 2002 г.

и Алтайский край), либо, главным образом, – обрабатывающие производства (в Чувашской Республике – 26,3%).

Рассмотренные подотрасли в структуре обрабатывающих производств в регионах данной группы с преобладанием в отдельных из них производства электрического оборудования, автотранспортных средств, прицепов, химического производства и производства прочей неметаллической минеральной продукции не позволили на протяжении 2000-х годов в значительной мере увеличить их вклад в обрабатывающие производства и тем самым повысить темпы роста валового регионального продукта до среднероссийского уровня.

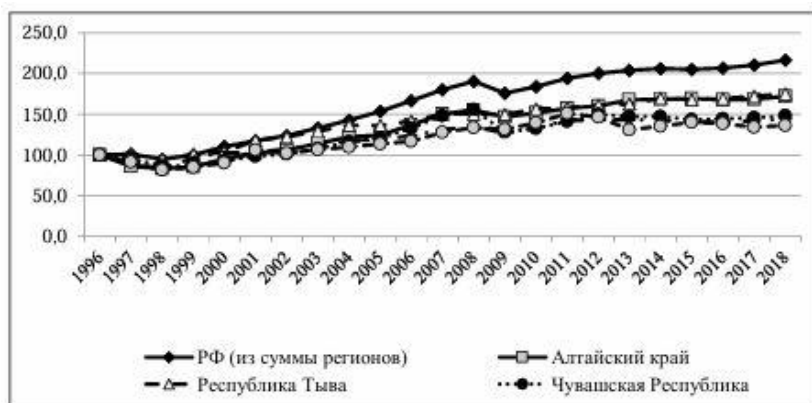

Рис. II.4. Агропромышленные регионы с отстающими темпами роста ВРП, 1996–2018 гг., 1996=100%

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Анализ драйверов роста ВРП в агропромышленных регионах России позволил выделить в качестве ключевых, присущих большинству из них, сельское хозяйство и обрабатывающие производства. Вместе с тем в каждом из них имеются специфические, присущие конкретному региону отрасли и производства, вносящие весомый вклад в формирование ВРП, и в этом смысле каждый из рассмотренных агропромышленных регионов уникален.

В заключение отметим, что проведенный анализ отраслевой структуры валовой добавленной стоимости не может в полной мере объяснить различий в темпах роста ВРП. К примеру, сельское хозяйство и пищевая промышленность являются доминирующими отраслями как в подгруппе регионов с высокими, так и с низкими темпами роста ВРП. Для полноты картины необходимо, очевидно, дополнить его качественным анализом показателей эффективности работы хозяйствующих субъектов, дислоцированных в регионе, вносящих наибольший вклад в формирование его валовой добавленной стоимости.

Инвестиционная привлекательность агропромышленных регионов. В сравнении со среднероссийским уровнем агропромышленные регионы отличаются меньшей инвестиционной привлекательностью. Различия между средним агропромышленным и средним регионом России по уровню душевых инвестиций в исследуемом периоде достигали более двух раз (2000 г.). В 1990 г. инвестиции в основной капитал на душу населения в среднем агропромышленном регионе составляли 80,7% от среднероссийского уровня, в 2018 г. – 66,3%.

Отмечено, что в объемах душевых инвестиций агропромышленные регионы в исследуемом периоде характеризовались большими или меньшими внутригрупповыми различиями. Наиболее однородной по показателю инвестиций на душу населения группа агропромышленных регионов была в 1993 г. (коэффициент вариации 25%), а наименее однородной – в 2018 г. (коэффициент вариации 35%). При этом тенденция нарастания различий внутри группы преобладала в периоды 1994–2001 гг. (с 2,4 до 8,1 раза между крайними регионами) и в 2016–2018 гг. (с 3,8 до 9,3 раза), в то время как в 2002–2015 гг. имела место тенденция их уменьшения (с 8,1 до 3,8 раза).

Выявлено, что общими для агропромышленных регионов и России в целом тенденциями в инвестиционной сфере в 1990–2018 гг. являются падение объемов инвестиций в 1991–1997 гг., восстановительный рост в 1998–2014 гг. и более или менее быстрое сокращение в 2015–2018 гг.

4.4. Демографические трансформации в агропромышленных регионах

В территориальных социально-экономических системах население выступает главным системообразующим фактором. Оно обеспечивает их связанность, равновесие, устойчивость. Население снабжает экономику и социальную сферу трудовыми ресурсами, является потребителем благ и услуг, создаваемых в них, выступает хранителем и транзитером культурных ценностей. В силу сказанного сокращение населения воспринимается обществом, как угроза сохранению и развитию территориальных систем различного уровня.

Демографическая сфера агропромышленных регионов в сравнении с общероссийской характеризуется рядом общих и специфических черт. В первую очередь, отметим существенный вклад населения этих регионов в формирование демографического пространства страны. В 2018 г. в них проживало 16% ее населения или в абсолютном выражении 23,5 млн человек.

Следующая характеристика, анализ которой заслуживает более пристального внимания, касается неоднородности демографического пространства агропромышленных регионов. Она распространяется на подавляющее большинство демографических структур и процессов. В рассматриваемой группе территорий находилось восемь регионов-миллионников, пять – с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн человек и три – с населением менее 500 тыс. человек (табл. II.10).

В одиннадцати агропромышленных регионах численность населения меньше среднегрупповой, и они попали в нижнюю подзону вариации. И только шесть, где численность населения больше средней, вошли в верхнюю подзону. Сопоставление максимальных и минимальных значений анализируемого показателя друг с другом и со средним свидетельствует о том, что при значительной межрегиональной дифференциации агропромышленных регионов по численности населения в целом (коэффициент асимметрии – отношение максимального значения показателя к минимальному – равен 13), их дифференциация в нижней и верхней подзонах вариации была заметно слабее и между подзонами отличалась несущественно (коэффициент асимметрии равен 3,8 и 3,2 соответственно).

Таблица II.10

**Численность, плотность и коэффициент прироста населения
в агропромышленных регионах России**

Субъект Федерации	Численность населения, тыс. чел.		Плотность населения, чел. на 1 кв. м		Коэффици- ент прироста населения в 1997– 2018 гг., ‰
	1997	2018	1997	2018	
Российская Федерация	147915	146831	8,64	8,57	–7,4
Агропромышленные регионы, в том числе:	23621	23458	19,43	19,29	–6,9
Брянская обл.	1454	1206	41,65	34,54	–186,6
Воронежская обл.	2478	2331	47,46	44,65	–61,0
Орловская обл.	898	743	36,36	30,10	–188,5
Тамбовская обл.	1269	1025	36,78	29,70	–212,8
Псковская обл.	817	633	14,74	11,43	–253,4
Республика Адыгея	450	454	57,75	58,21	8,0
Республика Крым		1913		73,29	
Кабардино-Балкарская Республика	853	866	68,27	69,28	14,7
Карачаево-Черкесская Республика	440	466	30,75	32,58	57,7
Ставропольский край	2714	2798	41,00	42,27	30,5
Ростовская обл.	4492	4211	44,47	41,70	–64,4
Республика Мордовия	939	800	35,97	30,66	–159,4
Чувашская Республика	1341	1227	73,25	67,06	–88,3
Пензенская обл.	1530	1325	35,25	30,53	–143,6
Республика Тыва	305	323	1,81	1,92	56,4
Алтайский край	2674	2341	15,91	13,94	–132,4
Амурская обл.	968	796	2,68	2,20	–195,7

Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

Относительные показатели вариации также демонстрировали значительную неоднородность выделенных агропромышленных регионов по численности населения, внутригрупповой коэффициент вариации был равен 0,725 [48–51].

Со временем межрегиональная дифференциация агропромышленных регионов по численности населения в целом, а также в нижней и верхней подзонах снижалась (табл. II.11).

Таблица II.11

**Средние величины и показатели вариации численности населения
в агропромышленных регионах России**

Показатель	1997	2018
Среднее значение, тыс. чел.	1476,3	1379,9
Минимальное значение, тыс. чел.	305,4	323,1
Максимальное значение, тыс. чел.	4491,7	4211,4
Размах вариации, тыс. чел.		
в целом	4186,3	3888,3
в верхней подзоне	2961,9	2298,6
в нижней подзоне	1148,4	1001,8
Коэффициент асимметрии, ед.		
в целом	14,7	13,0
в верхней подзоне	2,9	2,2
в нижней подзоне	4,8	4,1
Среднеквадратическое отклонение, тыс. чел.	1070,2	1001,1
Коэффициент вариации, ед.	0,725	0,725

Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

Кроме того, анализируемые регионы характеризуются большей людностью. Плотность населения в них более чем в два раза выше по сравнению с Российской Федерацией в целом. Внутри группы она колеблется от 1,9 человек на 1 кв. км в Республике Тыва до 69,3 человек на 1 кв. км в Кабардино-Балкарской Республике.

Выделенная группа регионов характеризуется долговременным сокращением населения. Вместе с тем темпы его сокращения здесь были несколько ниже среднероссийских, и в пяти из них – в республиках Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Тыва и Ставропольском крае – депопуляционные процессы в рассматриваемый период не наблюдались. Самыми высокими темпами население прирастало в Карачаево-Черкесской Республике и Республике Тыва, а самыми низкими – в Республике

Адыгея. При этом в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Тыве рост населения происходил только за счет превышения рождаемости над смертностью, а в Республике Адыгея и Ставропольском крае он обеспечивался только миграционным приростом. Почти все эти регионы находятся в Южном федеральном округе, за исключением Республики Тыва.

В двенадцати агропромышленных регионах доминировала тенденция сокращения численности населения. Наиболее интенсивно оно убывало в Тамбовской и Псковской областях. Несколько отставали от них Брянская, Орловская и Амурская области. Далее по скорости сокращения населения шли Республика Мордовия, Пензенская область и Алтайский край. Замыкали группу депопуляционных агропромышленных регионов Ростовская область и Чувашская Республика. Во всех этих регионах убыль населения осуществлялась за счет естественной составляющей, а в девяти из них – еще и в результате миграционного оттока населения. Только в трех регионах: в Воронежской и Ростовской областях и Республике Крым (с 2016 г.), наблюдался миграционный прирост, но он не компенсировал естественную убыль населения.

Депопуляционные агропромышленные регионы рассредоточены почти по всей территории России. Они расположены в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Половина из них имеет приграничный статус. Убыль населения здесь представляет угрозу не только их социально-экономическому развитию, но и сохранению социального контроля над ними и обеспечению национальной безопасности.

Особую тревогу вызывают приграничные регионы с убывающим населением и низкой плотностью населения (см. табл. II.10). Это – Алтайский край, Амурская и Псковская области. При оценке демографических угроз важно также учитывать и тот факт, что по территории выделенных агропромышленных регионов население распределено крайне неравномерно. Алтайский край является одним из крупнейших представителей агропромышленных регионов. На момент исследования его демографический потенциал превышал 2,3 млн человек, а доля в населении группы составляла 10%. По численности населения край занимал третье место среди агропромышленных регионов.

По степени заселенности территории Алтайский край уступал подавляющему большинству регионов анализируемой группы, плотность населения здесь была почти на 40% ниже среднegrupпового показателя. Обращают на себя внимание и существенные пространственные диспропорции в размещении населения края. Более половины его жителей было сосредоточено в городах Барнаул, Бийск, Рубцовск и прилегающих к ним сельских районах, при этом они занимали лишь 14% площади края. А двадцать два сельских района с плотностью населения менее пяти человек на 1 кв. км занимали 40% его территории, и здесь проживало только 10% населения. Край отличался повышенной интенсивностью сокращения народонаселения, коэффициент убыли населения в 20 раз превосходил средний показатель по группе агропромышленных регионов в целом.

Следующий момент, на котором хотелось бы заострить внимание, касается вопросов взаимосвязи между численностью населения и социально-экономическим развитием агропромышленных регионов. Начиная по крайней мере с Мальтуса, утверждается о наличии положительной связи между численностью населения и масштабами экономики, между демографическим ростом и экономическим. И, если первое не вызывает сомнения, то относительно существования такой связи между ростом населения и ростом экономики возникают вопросы. По мнению ряда исследователей [52–54] убедительных научных доказательств наличия такой связи не получено до сих пор. Результаты нашего анализа подтверждают их выводы. Коэффициент корреляции между численностью населения и валовым региональным продуктом близок к единице, однако динамика рассматриваемых показателей за последние почти четверть века разнонаправлена (рис. II.5), коэффициент корреляции между темпами их роста (убыли) составил $-0,62$. Объясняется это в первую очередь динамикой производительности труда, темпы роста которой в анализируемый период позволили не только компенсировать сокращение населения, в этом случае трудоспособного, но и обеспечить экономический рост. Подобные связи наблюдаются и между изменением численности населения и реальных доходов. Относительно их абсолютных значений можно утверждать лишь об умеренных связях, коэффициент корреляции равен $0,39$.

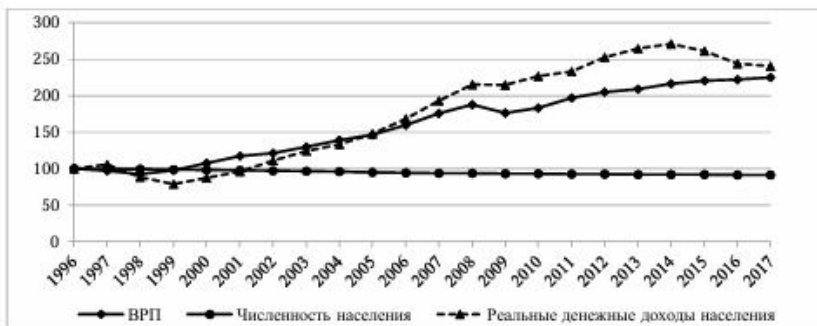

Рис. II.5. Динамика численности населения, ВРП и реальных денежных доходов в агропромышленных регионах России, в % к 1996 г.

Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

Об этом же свидетельствует распределение агропромышленных регионов по численности населения, валовому региональному продукту, денежным доходам и пересечение групп регионов с низкими, средними и высокими их значениями (табл. II.12).

Нам представляется, что изучать влияние динамики населения на экономический рост и, тем более, на устойчивое развитие регионов, необходимо в более широком контексте с учетом многочисленных функций населения (экономических, социальных, демографических, политических и других) и условий их реализации. В этой связи сокращение населения в России с ее огромной, слабозаселенной и недостаточно освоенной территорией, как и в большинстве российских регионов, ограничивает при прочих равных условиях их социально-экономическое развитие и угрожает сохранению государственного и общественного контроля над их территорией.

Таким образом, проведенный анализ показал, что по численности населения агропромышленные регионы стабильно занимают значимое место в демографическом пространстве России. Сокращение населения в них происходит с меньшей скоростью, чем в целом по России. В эту группу входят пять субъектов Российской Федерации, в которых наблюдается прирост населения.

По численности населения агропромышленные регионы не образуют однородной совокупности и характеризуются значительными внутригрупповыми различиями. В целом по группе за анализируемый период эти различия несколько снизились.

Таблица П.12

**Распределение агропромышленных регионов Российской Федерации
по численности населения, валовому региональному продукту
и доходам в 2017 г.**

Показатель		Регионы
Численность населения, тыс. чел.	До 800	Республика Тыва, Республика Адыгея (Адыгея), Карачаево-Черкесская Республика, Псковская область, Орловская обл.
	От 800 до 1500	Амурская обл., Республика Мордовия, Кабардино-Балкарская Республика, Тамбовская обл., Брянская обл., Чувашская Республика – Чувашия, Пензенская обл.
	Свыше 1500	Республика Крым, Воронежская обл., Алтайский край , Ставропольский край, Ростовская обл.
Валовой региональный продукт, млрд руб.	До 200000	Республика Тыва, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея (Адыгея), Кабардино-Балкарская Республика, Псковская обл.
	От 200000 до 500000	Республика Мордовия, Орловская обл., Амурская обл., Чувашская Республика – Чувашия, Тамбовская обл., Брянская обл., Республика Крым, Пензенская обл.
	Свыше 500000	Алтайский край , Ставропольский край, Воронежская обл., Ростовская обл.
Среднедушевые денежные доходы, руб.	До 21000	Республика Тыва, Карачаево-Черкесская Республика, Чувашская Республика – Чувашия, Республика Мордовия, Республика Крым, Кабардино-Балкарская Республика
	От 21000 до 26000	Пензенская обл., Алтайский край , Псковская обл., Ставропольский край, Орловская обл., Республика Адыгея (Адыгея), Тамбовская обл.
	Свыше 26000	Брянская обл., Ростовская обл., Воронежская обл., Амурская обл.

Источник: Данные Росстата.

Алтайский край является типичным представителем агропромышленных регионов, в котором общетиповые демографические характеристики сочетаются со специфическими. Среди последних можно выделить более высокий демографический по-

тенциал, более низкую степень заселенности территорий, более интенсивную убыль населения и др.

Между численностью населения и объемом валового регионального продукта отмечается прямая корреляционная связь, а между их динамикой – обратная. Последнее объясняется движением производительности труда, рост которой в рассматриваемый период позволил не только компенсировать убыль населения в трудоспособном возрасте, но и обеспечил рост валового регионального продукта. Подобная картина наблюдается и во взаимосвязи между численностью и реальными доходами населения.

Вместе с тем сокращение населения в агропромышленных регионах может привести и в отдельных регионах уже приводит к обезлюдению значительных территорий, фрагментации экономического пространства и утрате социального контроля над ними, недостатку кадров и ограничению возможностей для экономического роста и усиления кооперационных связей, сокращению человеческих ресурсов для развития социальной сферы и демографического воспроизводства. Особую опасность эти процессы представляют для устойчивого инклюзивного развития приграничных регионов.

Изучение демографического пространства агропромышленных регионов, его строения, внешних связей и механизмов эволюции позволит полнее задействовать интеграционный потенциал этих территорий и повысить эффективность демографической и региональной политик.

4.5. Агропромышленные регионы: динамика доходов населения, неравенства и бедности

Социально-экономическое развитие аграрно-промышленных российских регионов (далее – АПР) в последние годы привлекает все большее внимание научного сообщества. Это связано как с усилением аграрной политики и позитивными результатами развития сельского хозяйства, аграрно-промышленного производства в последние годы, так и с большим фокусированием ресурсов на пространственное развитие страны и сельских территорий.

Уходят в прошлое объяснения социально-экономической отсталости и негативной динамики агропромышленных регионов, основанные исключительно на аргументации барьеров развития в силу их аграрной специализации.

Так каковы же особенности социально-экономического развития таких регионов? Какие позиции они занимают на фоне страны и как они развивались с 1990-е годы? Насколько такие регионы однородны, каковы масштабы внутригрупповой дифференциации? Какие регионы являются «лидерами» и «аутсайдерами», как изменялся их состав? Как повлияли кризисные ситуации и другие факторы на их позиции? Попытаемся ответить на эти вопросы на примере ключевых показателей доходов населения.

Доходы населения и их распределение относятся к важным результирующим показателям социально-экономического развития региона. Во многих исследованиях авторы отмечают сравнительно низкий уровень доходов и более значительную бедность в агропромышленных регионах, связанных с несбалансированностью экономики и другими во многом «унаследованными» особенностями их развития [37, 55–59]. В данном параграфе рассмотрим динамику трех ключевых показателей доходов населения агропромышленных регионов: среднедушевые денежные доходы, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (отражающего официальный показатель уровня бедности) и коэффициент фондов. Причем особое внимание будет обращено на кризисные периоды, когда происходили заметные изменения значений изучаемых показателей¹.

Выбор данных показателей не случаен. Важно было, чтобы все эти показатели отражались в государственной статистике по российским регионам с 1990-х годов, что позволяет изучить сдвиги в динамике позиций группы агропромышленных регионов на фоне России, изменения в масштабах внутригрупповых различий. К примеру, мы не смогли воспользоваться для анализа долгосрочной динамики таким информативным показателем, как соотно-

¹ Подробнее о поведении показателей доходов в кризисные периоды развития экономики на примере одного из аграрно-промышленных регионов (Алтайском крае) см.: [60].

шение доходов с прожиточным минимумом, поскольку в открытой государственной статистике за ряд лет эти данные не представлены. В связи с этим данный показатель рассмотрен лишь на последнем этапе анализа.

В мировой литературе при анализе социально-экономических процессов развития территории используется кросс-секторальный подход, но он касается, как правило, изначально выделенных сельских территорий как территорий с относительно высоким уровнем агропромышленного производства, что в российском варианте все-таки ближе к анализу развития сельских муниципальных образований, а не регионов – субъектов РФ. Ученые Бразилии, Германии, Индии, Китая и других стран активно анализируют развитие таких сельских территорий под влиянием политики и рынка [40, 61, 62]. Что же касается выбора показателей доходов населения, проживающих на территориях с той или иной специализацией, то в зарубежных страновых и региональных исследованиях он почти идентичен, за исключением специфики измерения показателя бедности [63].

Падение доходов, поляризация и обеднение в 1990-х. В период активного перехода к рынку (1991–1996 гг.) в России и в частности ее агропромышленных регионах масштабная (а в первые два года галопирующая) инфляция определила картину быстрого роста номинальных среднедушевых денежных доходов населения, лишь в незначительной части погашающего ее влияние. Агропромышленные регионы (АПР) кардинально проиграли в гонке доходов за инфляцией и вплоть до дефолтного 1998 г. эта группа регионов ухудшала свои позиции на российском фоне, тогда как «поднимались» «сырьевые» (специализирующиеся на добыче сырьевых ресурсов) и «столичные» регионы, концентрирующие финансовые потоки [37, с. 230–239]. Если в 1990 г. доходы жителей АПР почти не отличались от средних по стране, то в 1997 г. Во всех регионах данной группы они уже были значительно ниже среднероссийских и составляли в целом по группе 61,6% от аналогичной величины для России¹ (табл. II.13).

¹ Здесь и далее в качестве основного источника использованы данные Росстата за разные годы – см.: [64, 65].

Таблица II.13

**Среднедушевые денежные доходы населения России
и агропромышленных регионов в 1997–2018 гг.***

Показатель	1997	2000	2010	2017	2018
Российская Федерация, руб. в месяц	942	2288	18958	31897	33266
Агропромышленные регионы, руб. в месяц	580	1328	12480	23985	24580
Алтайский край, руб. в месяц	506	1224	11029	22139	22829
Отношение доходов населения АПР к доходам населения России, %	61,6	58,0	65,8	76,3	73,9
Отношение доходов населения Алтайского края к доходам населения АПР, %	61,6	58,0	65,8	76,3	92,9

* Здесь и далее в таблицах и рисунках в 2017–2019 гг. в состав агропромышленных регионов включена Республика Крым.

Доходы жителей АПР понесли более существенные потери и в годы финансового кризиса 1998–1999 гг. в сравнении со страной в целом; в 2000 г. отставание составило уже 42% (против 38,4% в 1997 г.) – см. табл. II.13.

В 1990-х гг. в России, как известно, наблюдались процессы интенсивной поляризации по доходам, вызванные формированием рыночной экономики и приватизационными процессами в стране, причем основной рост неравенства приходился на 1991–1994 гг., когда значение коэффициента фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее обеспеченного населения и такой же доли – наименее обеспеченного) увеличилось в 3,4 раза (с 4,5 до 15,1 раза)¹. После этапа массовой приватизации, с 1995 г. в стране и АПР наблюдалась уже относительная стабилизация данных показателей. И в 1997 г. коэффициент фондов

¹ Подробнее о показателях доходов населения в этот период экономического развития в Алтайском крае и других агропромышленных регионах см.: [37, 59, 60, 66].

в АПР зафиксирован на отметке 10,6 раз, что было заметно ниже аналогичных среднероссийских показателей (13,6 раза) – табл. II.14, рис. II.6.

Таблица II.14

Показатели бедности и неравенства по доходам населения агропромышленных регионов относительно к показателям по России, %

Показатели	1997	2000	2010	2017	2018
Коэффициент фондов	77,9	66,9	73,8	73,7	75,0
Уровень бедности	140,9	156,2	139,2	120,9	119,0

Примечание. Рассчитано автором на основе [64].

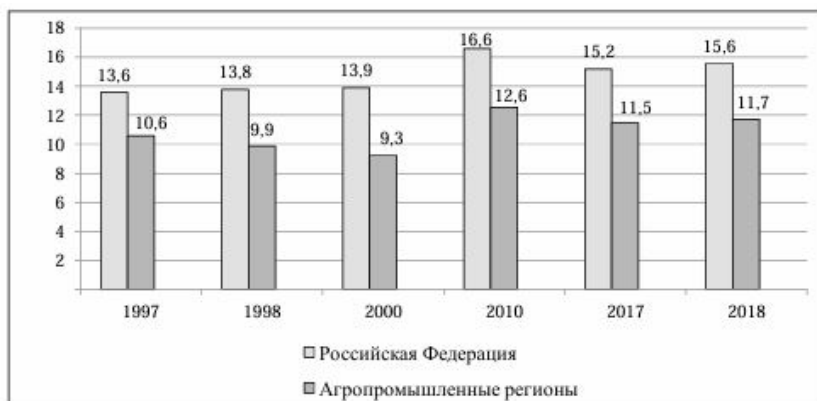

Рис. II.6. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (коэффициент фондов) в России и АПР в 1997–2018 гг., раз

Примечание. Рассчитано автором на основе [64].

Масштабы неравенства по доходам в Алтайском крае лишь незначительно превышали среднюю величину по АПР (коэффициент фондов – 11,2 раза в 1997 г.).

В отличие от общероссийских трендов финансовый кризис 1998–1999 гг. в агропромышленных регионах способствовал сокращению неравенств по доходам в группе агропромышленных регионов, что отчасти было связано с ростом возможностей мало-

го бизнеса таких регионов в реализации собственной аграрной продукции из-за значительного повышения цен на импортируемую. Коэффициент фондов в АПР уменьшился с 9,9 раз в 1998 г. до 9,3 раз в 2000 г., тогда как в РФ, напротив, немного повысился (с 13,8 до 13,9 раза) – рис. II.7. «Отставание» же от России по данному показателю увеличилось с 32,1 до 43,1%. «Первенство» по неравенству среди АПР за этот период перешло от Адыгеи к Алтайскому краю (10,7 раза в 2000 г.).

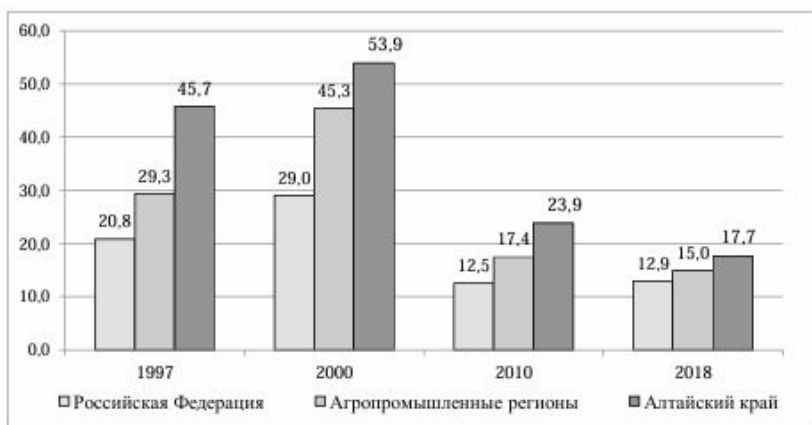

Рис. II.7. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (уровень бедности) в России, агропромышленных регионах и Алтайском крае в 1997–2018 гг., %

Примечание. Рассчитано автором на основе [64, 65].

Проявлением роста неравенства является увеличение бедности. В первой половине 1990-х гг. рост бедности населения (с доходами ниже прожиточного минимума) наблюдался во всех регионах России, но обеднение жителей аграрно-промышленных регионов было более значительным. Как следствие, уже в 1997 г., накануне финансового кризиса 1998–1999 гг., уровень бедности в АПР превышал средний по России в 1,4 раза (29,3 против 20,8%) – см. табл. II.14, рис. II.7. Только в четырех регионах масштабы бедности были ниже среднероссийских. Алтайский край в 1997 г. занимал второе место среди АПР по величине бедности,

после Республики Тыва (45,7%); превосходил в 1,56 раза среднюю величину по группе и в 2,2 раза – по стране.

Финансовый кризис 1998–1999 гг., как отмечалось ранее, привел к значительно большему росту бедности в агропромышленных регионах в сравнении со страной. И в 2000 г. бедность в таких регионах достигла уже 45,3%, разница же со страной превысила полуторакратную величину. При этом уже не было ни одного агропромышленного региона с более благоприятной ситуацией в сравнении со средним значением данного показателя по России. В 2000 г. Алтайский край уже был четвертым среди регионов АПР по масштабам бедности, а различия со средней по группе уменьшились до 1,2 раз и до почти двух раз – по стране.

Восстановительные процессы 2000-х. Агропромышленные регионы характеризуются более интенсивным, чем в России в целом, восстановительным ростом среднедушевых доходов населения в благоприятные годы экономического роста [37, с. 229–255] и гораздо более чувствительной реакцией на глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., отголоски которого сказались и в неустойчивости показателей доходов в последующие два года.

В целом же за «нулевые» годы агропромышленные регионы заметно восстановили свои позиции по доходам населения на фоне России (см. табл. II.13). Это произошло в основном в годы экономического роста, до 2008 г. включительно. В 2010 г. среднедушевые доходы жителей АПР составили около двух третей аналогичного показателя по России, отставание за десятилетие сократилось на 7,8 п.п.

В период экономического роста в стране усиливаются неравенства по доходам, в 2007 г. коэффициент фондов достигает своего максимума (16,8 раза). Глобальный экономический кризис немного смягчает растущую дифференциацию (16,6 раза в 2010 г.) – см. рис. II.6. В агропромышленных регионах процессы расслоения протекали даже более активно, разница с Россией уменьшилась до 26,2% (см. табл. II.13). В 2010 г. коэффициент фондов в таких регионах составил 12,6 раза, в Алтайском крае было зафиксировано минимальное неравенство (11 раз).

«Нулевые» годы в России ознаменовались устойчивым сокращением бедности, до 12,5% в 2010 г. (в 2,3 раза в сравнении

с 2000 г.), даже глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. не повлиял на этот позитивный тренд (см. рис. II.7). В агропромышленных регионах бедность уменьшалась более быстрыми темпами, в результате бедных стало меньше в 2,6 раза, а различия с Россией по рассматриваемому показателю вернулись на уровень чуть ниже отметки 1997 г. (1,4 раза).

В Алтайском крае, несмотря на значительное сокращение бедности в «нулевые» (в 2,26 раза – с 53,9% в 2000 г. до 23,9% в 2010 г.), оно происходило менее значимыми темпами в сравнении со страной и всеми агропромышленными регионами, что вновь привело к росту различий с ними (до 1,91 и 1,37 раза, соответственно). Край вновь стал вторым среди АПР по рассматриваемому показателю (после Республики Тыва).

Турбулентность 2020-х гг. В текущем десятилетии значительное влияние на ситуацию в России и ее агропромышленных регионах оказал кризис 2014–2017 гг., вызванный структурными преобразованиями и циклическим характером экономики, а также внешними шоками [60, 67]. Эти годы характеризуются непрерывным, ежегодным снижением реальных располагаемых денежных доходов населения в стране¹.

Вместе с тем в этот период продолжилась тенденция сокращения отставания АПР от России по среднему душевому доходу населения (на 6,6 п.п. в сравнении с 2010 г.) – см. табл. II.13. В 2017 г. такие доходы в группе АПР с учетом Республики Крым составляли уже 76,3% от среднероссийского уровня, а в 2018 г. – 73,9%².

За более чем двадцать лет (1997–2018 гг.) отставание по доходам АПР от России сократилось с 38,4 до 26,1%, (почти на треть), а с начала «нулевых» – на 15,9 (см. табл. II.13). Отставание же Алтайского края от АПР осталось минимальным (7,1%), уменьшилось почти в 6 раз в сравнении с 2000 г.

Такое сокращение отставания агропромышленных регионов от России по среднему душевому доходу населения вызвано в целом более благоприятным (в сравнении с «девяностыми» годами) развитием экономики АПР с начала «нулевых», даже несмотря на

¹ Лишь в 2018–2019 гг. реальные доходы не сокращались (100,1% и 101%). См.: [65].

² Без учета Республики Крым – 75,3%.

потрясения двух последних экономических кризисов. Социально-экономическое развитие агропромышленных регионов было простимулировано значительным усилением аграрной политики и поддержкой устойчивого развития сельских территорий, новыми государственными программами развития агропромышленного комплекса, поддержки предпринимательства и занятости сельского населения, частично запущенными еще в «нулевых», о чем пишут С.Ю. Барсукова, О.Н. Банщиков и другие исследователи [68, 69].

С 2010 по 2018 год соотношение среднедушевых денежных доходов жителей АПР с величиной прожиточного минимума (ПРМ) в этих регионах, отражающее по сути покупательную способность таких доходов, в целом практически не изменилось (248,8 и 249,7% от бюджета ПРМ) – рис. II.8. Но в годы кризиса наблюдалось снижение данного показателя (245,7% в 2017 г.), наиболее значительное – в 2015–2016 гг. В 2018 г. покупательная способность доходов жителей АПР составила 78,8% от среднероссийского уровня, т.е. отставание АПР сократилось с 2010 г. с 25,2 до 21,2%.

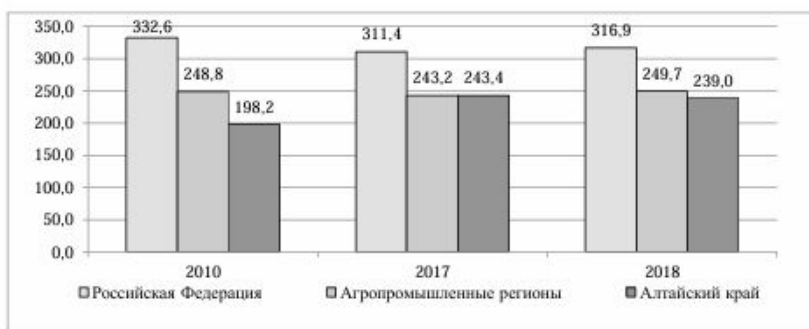

Рис. II.8. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в Российской Федерации, агропромышленных регионах и Алтайском крае в 2010–2018 гг., %¹

Примечание. Рассчитано автором на основе [64].

¹ В состав агропромышленных регионов в 2017 и 2018 гг. входит Республика Крым (245,7 и 249,7 соответственно).

Алтайский край в эти годы значительно улучшил свое положение по покупательной способности доходов населения среди регионов АПР: если в 2010 г. край занимал предпоследнюю пятнадцатую позицию, то в 2018 г. – уже десятую (рис. II.9). Практически нивелировалось отставание от среднего значения по группе АПР (с 20,3 до 4,3%), причем в предыдущем 2017 г. рассматриваемые показатели по краю и по всем АПР были практически равны (см. рис. II.8).

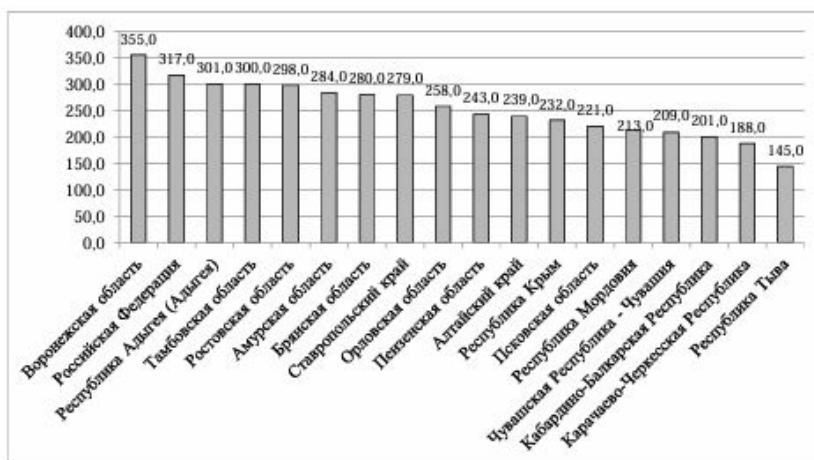

Рис. II.9. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в Российской Федерации и ее агропромышленных регионах в 2018 г., %

Примечание. Рассчитано автором на основе [64].

Турбулентность всего текущего десятилетия, прежде всего кризисные явления 2014–2017 гг., способствовали сокращению неравенства по доходам, но в агропромышленных регионах в меньших размерах, чем в стране в целом (см. рис. II.6). В 2017 г. коэффициент фондов в таких регионах (с учетом Республики Крым) составил 11,5 раза, тогда как в стране – 15,2 раза. И хотя в 2018 г. этот показатель в АПР вырос до 11,7 раза (15,6 раза – по России), разница уменьшилась уже до 25% (см. табл. II.14).

В отличие от некоторого роста бедности по стране, кризисные явления в экономике 2014–2016 гг., не привели к увеличению дан-

ного показателя в среднем среди агропромышленных регионов. Бедность в 2018 г. охватывала 15% жителей АПР против 12,6% в России в целом (см. рис. II.7), различия сократились до 19%.

В Алтайском крае бедность за рассматриваемые годы сократилась более значительно и достигла в 2018 г. 17,7%, что в 1,4 раза выше, чем в стране, и на 18% выше, чем в регионах АПР (как результат – 6-е место в сравнении со 2-м в 2010 г.).

Межрегиональная дифференциация: от сглаживания к углублению. После активного роста в первой половине 1990-х гг. межрегиональные различия по среднедушевым доходам жителей в группе АПР в 1997 г. достигали почти двукратной величины при максимальных доходах в Амурской области и минимальных – в Карачаево-Черкесской Республике (табл. II.15). В 2000 г. разница между максимальным и минимальным значением по доходам среди АПР заметно сгладились (1,6 раза) с сохранением «аутсайдера» и «лидера». В следующее десятилетие дифференциация продолжала медленно сокращаться, составив 1,4 раза в 2010 г.: от самых низких доходов в Республике Тыва до самых высоких – в Ростовской области, отстающей от среднероссийского показателя на 22,7%.

В 2010-х гг. межрегиональные различия по доходам населения значительно выросли. В 2017–2018 гг. дифференциация по среднедушевым доходам в группе АПР достигла более чем двукратной величины (2,1–2,2 раза), т.е. превысила масштабы различий более чем 20-летней давности. И хотя по-прежнему жители всех агропромышленных регионов имели более низкие доходы, чем средний россиянин, в регионе-лидере – Амурской области отставание от среднего значения по России в 2018 г. составило уже 6,6% (2,4% в 2017 г.).

По соотношению среднедушевых денежных доходов жителей АПР с величиной ПРМ группа АПР стала более однородной: дифференциация регионов уменьшилась с 1,8 раза в 2010 г. до полутора раз в 2018 г. (рис. II.10).

В межрегиональных различиях по коэффициенту фондов произошли менее существенные сдвиги: после почти двукратного сокращения с 2,7 раза в 1997 г. до 1,43 раза в 2000 г. и относительной стабилизации в «нулевые» наблюдался небольшой рост (до полутора раз) в 2017–2018 гг. – см. табл. II.15.

Таблица II.15

**Межрегиональные различия агропромышленных регионов,
состав регионов с максимальным и минимальным значениями
по показателям доходов населения в 1997–2018 гг.**

Показатель	1997	2000	2010	2018
Различия между регионами с максимальным и минимальным значением, раз				
Среднедушевые денежные доходы населения	2,0	1,6	1,4	2,1
Коэффициент фондов	2,7	1,4	1,4	1,6
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	3,2	2,4	2,7	3,9
Регионы с максимальным значением показателя				
Среднедушевые денежные доходы населения	Амурская обл.	Амурская обл.	Ростовская обл.	Амурская обл.
Коэффициент фондов	Республика Адыгея	Алтайский край	Тамбовская обл.	Амурская обл.
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	Республика Тыва	Республика Тыва	Республика Тыва	Республика Тыва
Регионы с минимальным значением показателя				
Среднедушевые денежные доходы населения	Карачаево-Черкесская Республика	Карачаево-Черкесская Республика	Республика Тыва	Республика Тыва
Коэффициент фондов	Чувашская Республика	Чувашская Республика, Псковская обл.	Алтайский край	Чувашская Республика
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	Брянская обл.	Ростовская обл.	Тамбовская обл.	Воронежская обл.

Примечание. Рассчитано автором на основе [64, 65].

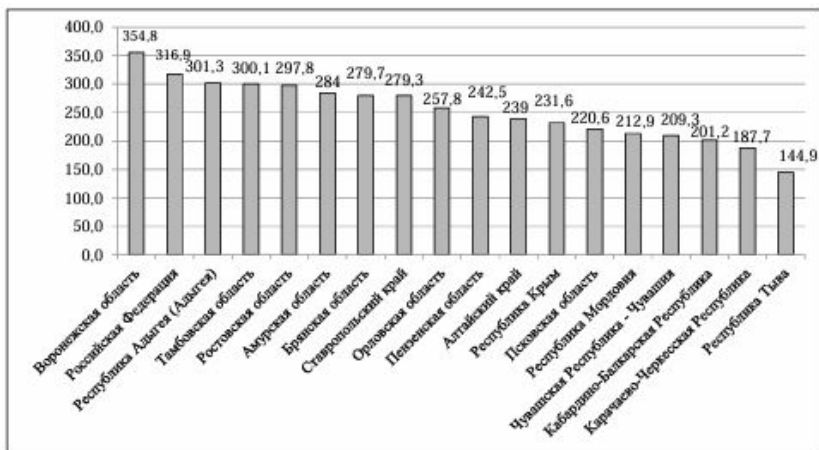

Рис. II.10. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в РФ и агропромышленных регионах в 2018 г., %

Примечание. Рассчитано автором на основе [64, 65].

Состав АПР с максимальными позициями по неравенствам населения отличался крайней неустойчивостью. И, напротив, довольно устойчивым оставался состав регионов с минимальными неравенствами по доходам: в наблюдаемые годы Чувашия лишь однажды уступила нижнюю позицию Алтайскому краю и в 2000 г. – разделила нижний «рейтинг» с Псковской областью.

Наиболее динамичные перемены за наблюдаемое двадцатилетие произошли в межрегиональных различиях по бедности населения. С более чем трехкратной величины в 1997 г. различия между максимальным и минимальным значением сократились до 2,4 раза, слегка подросли в «нулевые» и поднялись до 3,9 раза в 2018 г. – см. табл. II.15. Состав наиболее благополучных регионов постоянно менялся. Самый же высокий уровень бедности стабильно наблюдался в Республике Тыва, в 2017–2018 гг. Он в 2,7–2,8 раза превышал средний уровень по России.

Анализ тенденций изменения показателей доходов населения, неравенства и бедности в агропромышленных регионах за последние более чем 20 лет на фоне России и внутри данной группы позволил выявить следующие особенности.

1. Все агропромышленные регионы стабильно отличались более низкими доходами населения в сравнении с Россией в целом, более высоким уровнем бедности при менее масштабных неравенствах.

Вместе с тем при значительных изменениях трендов на разных этапах экономического развития за весь наблюдаемый период в агропромышленных регионах произошло существенное сокращение бедности, выросли покупательная способность и неравенство по доходам населения.

Влияние кризисных явлений в экономике на снижение покупательной способности доходов и рост бедности жителей АПР было более заметным, чем в среднем по России. После более сильного, чем в стране, падения доходов населения и обеднения в 1990-х гг. в рассматриваемых регионах наблюдались и более интенсивные восстановительные процессы. Результатом было нивелирование различий агропромышленных регионов с Россией, проявляющееся в значимом сокращении отставания от среднероссийского уровня по доходам населения и «дистанции» по уровню бедности. Позиции же АПР по неравенствам на фоне страны почти не изменились.

2. Алтайский край за весь рассматриваемый период (1997–2018 гг.) значительно улучшил свои позиции на фоне агропромышленных регионов. Минимальным осталось отставание края от АПР по среднедушевым доходам. По масштабам бедности край переместился со второй позиции на шестую, а опережение среднего значения по группе АПР сократилось более чем втрое (с 56% до 18%). Существенно повысилась на фоне АПР и покупательная способность доходов жителей края, регион переместился на десятую позицию с близкими к среднему значению по группе. Сократилось «опережение» края относительно среднего значения по АПР по неравенствам, в том числе по коэффициенту фондов почти в два раза (с 5,7% до 2,6%).

3. Драйвером позитивных изменений в позициях агропромышленных регионов по доходам населения на фоне России стало постепенное усиление с «нулевых» государственной аграрной политики и поддержки устойчивого развития сельских территорий, нейтрализующих влияние кризисных явлений в экономике.

Следует обратить внимание на то, что в агропромышленных регионах наблюдаются существенные, а в 2020-х гг. растущие межрегиональные различия по среднему душевому доходу, неравенству и бедности населения. Сохраняется относительная стабильность позиций Республики Тыва как региона-«аутсайдера» с наихудшими показателями по доходам и бедности. Достаточно стабильной является и группа наиболее благополучных регионов, несмотря на то что прослеживается сменяемость лидерских позиций. К ним относятся Амурская область (устойчивый лидер с высокой доступностью международных рынков), а также Брянская, Ростовская и Тамбовская области.

Глава 5

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЦЕНТРОПЕРИФЕРИЙНОЙ СТРУКТУРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

5.1. Центропериферийное положение регионов: понятие, критерии выделения и подходы к изучению

Одним из значимых факторов, предопределяющих включенность региона в экономическое пространство, как отмечалось ранее, является его центропериферийное положение. Последнее определяется его местом в центропериферийной структуре регионов России, применительно к нашему исследованию ее агропромышленных регионов.

Прежде чем приступить к классификации агропромышленных регионов по степени периферийности, попытаемся выявить и систематизировать имеющиеся в отечественной и зарубежной литературе подходы к оценке и измерению такого феномена, как «периферийность» региона, выявлению его ключевых черт и признаков, предложенные многочисленные классификации и типологии.

Понятие «периферийный регион» в регионоведческих исследованиях используется в двух разных, хотя и взаимосвязанных

контекстах: географическом и экономическом¹. В географическом контексте периферия означает, прежде всего, территориальную удаленность от центра страны. Как правило, регионы, расположенные в центре страны, характеризуются высокой плотностью населения и повышенной экономической активностью. Напротив, отдаленные от центра регионы менее заселены и более слабы в экономическом отношении².

Особенности географического положения территорий широко используются в качестве оснований их классификации. Так, к примеру, близость к центру (наряду с уровнем урбанизации) позволила авторам исследования, проведенного в рамках программы SPESP (Study Programme on European Spatial Planning), выделить пять типов регионов [71]:

- метрополитенские;
- полицентрические городские;
- преимущественно сельские;
- полностью сельские;
- периферийные.

В классификации, разработанной в первой половине 2000-х гг. генеральным директором ЕС по региональной политике, одним из дополнительных критериев выделения отстающих территорий было особое географическое положение³. На получе-

¹ На наш взгляд, несмотря на высокую взаимосвязь «географической» и «экономической» периферии, отождествлять эти понятия нельзя. Возможны ситуации, при которых регион, расположенный в отдалении от основной части страны (к примеру, приграничный) имеет выход на мировой рынок, за счет чего обеспечивается его экономическое благополучие.

² Интересно отметить, что к подобным выводам пришел и автор настоящей монографии при изучении проблем развития сельских территорий с различным центропериферийным положением [70].

³ Зачастую географическое положение регионов рассматривается не как базовый критерий их типологизации, а как характеристика, используемая в целях интерпретации полученных типов, выделенных по другим основаниям (например, микрорайонов Бразилии, выделенных по среднедушевым доходам и темпам роста ВРП). В качестве оснований для классификаций географические характеристики регионов рассматриваются в случае очевидных особенностей территории, обусловленных ее местоположением (природные условия и богатства, депопуляция либо миграция населения как следствие территориальной изоляции, особое территориальное положение и др.).

ние средств могли рассчитывать соответствующие этому критерию северные районы Швеции и Финляндии, заморские департаменты Франции, анклав и островные провинции Испании и Португалии.

Географическое положение территории как ключевой признак был использован в классификации регионов Фонда ИНДЕМ (2004 г.) при выделении типа «слабые моноотраслевые регионы». Главным критерием послужило их «окраинное географическое положение» [72, с. 321]. В классификации Л.М. Григорьева и Ю.В. Урожаевой по уровню развития регионов среднеразвитые регионы подразделяются на прибрежные и внутренние, а также регионы Европейской и Азиатской частей России [72, с. 324].

Понятие «экономической» периферии по сравнению с «географической» не столь однозначно. Критерии ее выделения со времени зарождения центр-периферийных концепций устройства экономического пространства¹ прошли определенную трансформацию. Первоначально существенным признаком периферии и, одновременно, причиной ее отсталости называлась экономическая зависимость от Центра; в дальнейшем же – неблагоприятное экономико-географическое положение региона, обусловленное его отдаленностью и частичной изолированностью от зон экономической активности, транспортных узлов и коридоров национального значения, от выходов на мировые рынки [74–76].

Понятие «экономической» периферии по отношению к регионам широко используется в зарубежных работах. Так, в экономико-политической классификации стран и регионов, предложенной в 1993 г. Дюраном и Зеви отражена центр-периферическая структура мирового хозяйства. Страны делятся на следующие типы:

- центр мирового хозяйства;
- полупериферия, интегрированная с центром;
- переходный тип от периферии к полупериферии;
- периферия, активно включенная в региональное экономическое сотрудничество и мировое хозяйство;

¹ Концепция периферийной экономики, как известно, была сформирована в 40-х гг. прошлого века в Латинской Америке, страны которой после политического освобождения остались в экономической зависимости от бывших метрополий (Португалии и Испании), что препятствовало их развитию и способствовало «закреплению отсталости» [73].

– периферия, слабо включенная в мировое хозяйство (глубокая экономическая периферия);

– периферия, полуизолированная от мирового хозяйства (опора на собственные силы).

Несколько крупных стран (Россия, Канада, Австралия, Бразилия) разбиваются на регионы, принадлежащие к разным типам. Полупериферию и периферию в данной классификации составляют развивающиеся страны [77, 78].

Другой вариант классификации регионов ЕС, в основу которого положена их близость и связанность с основной зоной экономического развития Европы, предложен Д. Сэпиком. Им были выделены следующие типы регионов [79]:

- растущие мегаполисы, расположенные в наиболее развитой зоне ЕС («Blue Banana»);

- динамичные городские регионы вне основной зоны экономического развития Европы;

- сельские регионы, расположенные поблизости от крупных городов и интегрированные в глобальную экономику;

- сельские регионы с транзитным положением;

- изолированные сельские регионы;

- депрессивные регионы, характеризующиеся упадком основных отраслей;

- регионы с неблагоприятным географическим положением;

- регионы в состоянии экономического перехода.

В начале 1990-х гг. российские ученые в области экономической географии О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Тревиш разработали типологию периферийных регионов Европы. Основанием для типологизации выступали уровень экономического развития, степень участия в территориальном разделении труда, степень инновационности территории. В результате были выделены следующие типы [80, с. 76]:

- развитые аграрные с преобладанием сельского хозяйства, дающего весомую часть продовольствия в своих странах;

- отсталые аграрные с преобладанием малотоварных хозяйств, экстенсивного землепользования при высокой занятости хозяйств в сельском хозяйстве и в сопутствующих сферах, а в ряде случаев и в базовых отраслях промышленности (добыча сырья,

металлургия, нефтепереработка), сосредоточенных в немногочисленных индустриальных центрах;

- районы длительного ресурсного освоения с очагами тяжелой промышленности, сложившимся (чаще всего среднегодовым) расселением;

- районы нового ресурсного освоения с низкой плотностью населения и отдельными ареалами горнодобывающей и лесной промышленности, гидроэнергетики, обычно на фоне традиционных северных промыслов.

Применительно к российским реалиям одним из наиболее ярких примеров использования экономико-географического положения регионов как объективного фактора, детерминирующего их социально-экономическое развитие, является типология регионов России по социально-экономической ситуации, выстроенная в рамках проекта ТАСИС.

В исследовании выделены группы регионов, имеющих благоприятное экономико-географическое положение, в числе которых:

- регионы европейского Центра и Урала, расположенные в зоне влияния крупных транспортных узлов общенационального значения (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Свердловск);

- приморские регионы с развитым портовым хозяйством (Краснодарский и Приморский края, Мурманская область, Калининградская область, частично – Архангельская, Астраханская, Сахалинская области);

- регионы, примыкающие к западной границе России и расположенные на транзитных путях в Западную Европу (Смоленская, Ленинградская области, Республика Карелия, частично Новгородская, Псковская, Брянская, Белгородская области).

К числу регионов с неблагоприятным экономико-географическим положением отнесены [81]:

- районы Крайнего Севера и Дальнего Востока (за исключением имеющих выходы на мировые рынки);

- расположенные вблизи «полюса» континентальности регионы Восточной и, частично, Западной Сибири, удаленные как от основной части страны, так и от выходов на мировые рынки;

- периферийные регионы со слабыми выходами к национальной транспортной сети (Республика Калмыкия, республики Северного Кавказа, частично – Республики Коми, Марий Эл).

Подведем краткие итоги. Как показал проведенный нами анализ, в исследованиях периферийных территорий, согласно имеющимся теориям пространственного развития¹, выделяются, прежде всего, два ключевых признака периферии – отдаленность и слабо-развитость территории. Отмечается также, что развитие периферийных территорий не имеет больших перспектив в силу «узости» внутреннего рынка, отсутствия достаточного притока капитала, устаревших технологий и замедленной модернизации.

В территориальном разделении труда периферийным территориям с учетом опоры их экономики на природные ресурсы отводится роль поставщика ресурсов для Центра, с одной стороны, и рынка сбыта производимых Центром товаров – с другой. Экспорт незначителен, и возможности его наращивания невысоки.

Рынок труда периферийных территорий характеризуется наличием избыточной и, как правило, неквалифицированной рабочей силы, низким уровнем заработной платы, высокой поляризацией по доходам.

Проведенный нами анализ научной литературы также показал, что наиболее продвинутой областью исследований регионов в рассматриваемом контексте являются работы, объектом наблюдения в которых выступают страны либо группы стран.

Именно по отношению к макрорегионам сформирована теоретико-методологическая база изучения периферийных территорий, проведена их классификация и охарактеризованы присущие им особенности социально-экономического развития. В какой мере наработанная теоретико-методологическая и методическая база может быть использована на мезоуровне, применительно к регионам – субъектам Российской Федерации? Вопрос, на наш взгляд, не имеет готового и однозначного ответа.

Отметим еще один аспект проблемы изучения периферийных территорий. Очевиден, по крайней мере, до 90-х гг. прошлого века, примат в этом вопросе зарубежных ученых. Применительно к СССР причина кроется, на наш взгляд, не только в идеологии,

¹ Здесь имеются в виду теории: «центр-периферия» Дж. Фридмана, «периферийная экономика» (М. Бальбоа, А. Пинто, Р. Пребиш, А. Феррер и др.), «мир-система» (Д. Майнинг, Х. Маккиндер, Н. Спайкмен, К. Хаусхофер и др.).

но и в реальных условиях хозяйствования. Экономика страны, ее хозяйственный механизм, формировались, как известно, по принципу «общего дома», где каждому из регионов была отведена своя роль, а межрегиональные связи были ярко выражены.

С развалом СССР, формированием новых границ Российской Федерации, а также новым характером взаимоотношений между бывшими республиками, экономико-географическое положение регионов России подверглось тектоническим сдвигам. Они касались не столько географического положения (отдаленности от Центра страны), сколько связанности с основными новыми зонами экономической активности и экономического развития.

Можно предположить, что в силу процесса концентрации экономической активности на отдаленных территориях России зона ее экономической периферии заметно расширилась. Очевидно, что сложившаяся ситуация требует постоянного мониторинга и научного осмысления.

5.2. Методика и результаты типологизации агропромышленных регионов России по степени центропериферийности

Методический подход к обоснованию центропериферийности регионов, используемый в настоящем исследовании, базируется на опыте современных и зарубежных исследователей, рассмотренных в главе 5.1 монографии.

Нами были использованы две особенности имеющихся подходов, а именно: 1) опора одновременно на два критерия типологизации регионов – и по степени центропериферийности, и учитывая экономическое и географическое положение регионов; 2) рассмотрение при этом экономического положения региона как базового критерия типологизации.

Таким образом, в основу методики была положена классификация агропромышленных регионов по уровню экономического развития, измеряемого по душевому объему ВРП и темпам его роста (см. параграф 4.1 настоящей монографии).

В целях учета географического положения региона была использована процедура экспертной оценки. Экспертам был предложен специально разработанный экспертный лист с ключевыми характеристиками географической периферии, как-то: территориальная удаленность от центра страны (основной критерий) и ряд дополнительных – отдаленность и частичная изолированность от зон экономической активности, транспортных узлов национального значения, от выходов на мировые рынки, состояние региональных рынков труда и капитала, степень урбанизированности территорий и др.

Исходя из предложенных критериев эксперты проранжировали выделенные ранее агропромышленные регионы по степени центропериферийности, исходя из географических критериев.

Далее нами было проведено пересечение классификаций агропромышленных регионов по степени «экономической» и «географической» периферийности.

Полученные результаты вторично прошли экспертную оценку, в процессе которой эксперты окончательно проранжировали выделенные подгруппы регионов по степени периферийности, учитывая при этом значимость базового критерия и используя дополнительные географические критерии.

В результате апробации методики распределения агропромышленных регионов России по степени периферийности, базирующейся на «экономическом» и «географическом» критериях оценки, было выделено четыре подгруппы агропромышленных регионов.

Первая подгруппа – полупериферийные регионы, с наименьшей степенью периферийности (Воронежская, Орловская, Ростовская, Тамбовская области). Выделенная подгруппа отличается высокой концентрацией населения, значительной внутригрупповой дифференциацией по численности, долговременной убылью населения. Здесь проживает около 40% населения агропромышленных регионов (табл. II.16), коэффициент асимметрии (соотношение между максимальным и минимальным значением численности населения регионов, входящих в данную группу) равен 5,7 раза, коэффициент прироста населения за 1990–2018 гг. составил –80,7‰.

Таблица II.16

**Демографические характеристики агропромышленных регионов
с различным центропериферийным положением**

Субъект Федерации	Единица измерения	1990	2018
Российская Федерация численность населения плотность населения	чел. чел/кв.м	147969407 8,64	146830576 8,57
Агропромышленные регионы численность населения доля в РФ плотность населения	чел. % чел/кв.м	23261969 15,7 19,55	21545699* 14,7 19,29
I. Полупериферия			
Воронежская область	чел.	2470301	2330795
Тамбовская область	чел.	1315807	1024759
Ростовская область	чел.	4326249	4211386
Орловская область	чел.	896691	743357
Всего по группе	чел.	9009048	8310297
Доля группы в АПР	%	38,7	38,6
II. Ближняя периферия			
Республика Мордовия	чел.	963044	800280
<i>Ставропольский край</i>	<i>чел.</i>	<i>2456790</i>	<i>2797958</i>
Брянская область	чел.	1464469	1205584
Пензенская область	чел.	1546957	1324879
Всего по группе	чел.	6431260	6128701
Доля группы в АПР	%	27,6	28,4
III. Средняя периферия			
<i>Республика Адыгея</i>	<i>чел.</i>	<i>435697</i>	<i>454060</i>
<i>Кабардино-Балкарская Республика</i>	<i>чел.</i>	<i>771532</i>	<i>866023</i>
<i>Карачаево-Черкесская Республика</i>	<i>чел.</i>	<i>421980</i>	<i>465934</i>
Чувашская Республика	чел.	1338505	1227256
Псковская область	чел.	843524	633099
Всего по группе	чел.	3811238	3646372
Доля группы в АПР	%	16,4	16,9

Субъект Федерации	Единица измерения	1990	2018
IV. Дальняя периферия			
<i>Республика Тыва</i>	<i>чел.</i>	<i>308511</i>	<i>323073</i>
Алтайский край	чел.	2647109	2341447
Всего по группе	чел.	2955620	2664520
Доля группы в АПР	%	12,7	12,4
V. Регион переходного типа			
Амурская область	чел.	1054803	795809
Доля группы в АПР	%	4,5	3,7

Примечание.

* Без учёта Республики Крым.

1. В затемненной области таблицы отмечены крайние по численности населения регионы.

2. Курсивом отмечены регионы с растущим населением.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Регионы этой группы характеризуются сравнительно высоким (относительно среднегрупповых значений) уровнем экономического развития в сочетании с географически близким положением относительно центра страны. Для них характерен самый высокий уровень среднегруппового ВРП среди всех регионов агропромышленного типа в сочетании с самыми большими темпами его роста в 1996–2017 гг. (104,7% при 103,9 в среднем по агропромышленным регионам).

Относительно высокий уровень развития экономики и концентрация населения в этих регионах определяют их лидирующее положение. На долю рассматриваемых регионов приходится 46,6% совокупного ВРП агропромышленных регионов, 48,6% – объема промышленной и 46,1% сельскохозяйственной продукции; 42,5% основных фондов; 43,1% всех инвестиций и 40,3% объема работ, выполненных по договорам строительного подряда. Регионы с относительно высоким интеграционным потенциалом отличаются сравнительно высокой включенностью в мировые связи: по показателям объемов экспорта/импорта они находятся на первом месте среди регионов агропромышленной ориентации.

Таблица II.17

**Среднедушевые доходы населения в подгруппах
агропромышленных регионов
с различным центропериферийным положением, руб.**

Субъект Федерации	1997	2018
Российская Федерация	942	33266
Агропромышленные регионы	596	25078*
I. Полупериферия		
Воронежская область	672	30289
Тамбовская область	562	26828
Ростовская область	655	29095
Орловская область	651	24895
В среднем по группе	646	28775
II. Ближняя периферия		
Республика Мордовия	513	18651
Ставропольский край	602	23408
Брянская область	595	26585
Пензенская область	562	21804
В среднем по группе	578	23065
III. Средняя периферия		
Республика Адыгея	546	27553
Кабардино-Балкарская Республика	479	20805
Карачаево-Черкесская Республика	438	18051
Чувашская Республика	480	18462
Псковская область	558	23880
В среднем по группе	499	21039
IV. Дальняя периферия		
Республика Тыва	590	15609
Алтайский край	506	22829
В среднем по группе	515	21954
V. Регион переходного типа		
Амурская область	873	30937

Примечание. В затемненной области таблицы отмечены крайние значения по среднедушевым доходам населения.

* Без учёта Республики Крым.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Среднедушевые доходы населения всех регионов данной подгруппы заметно выше среднего уровня по всем агропромышленным регионам (28,8 тыс. руб. против 25,1 тыс. руб. в 2018 г.), причем это опережение является устойчивым во времени (табл. II.17). Наиболее высокие показатели по доходам у жителей Воронежской и Ростовской областей. Еще более заметен отрыв от средней по АПР по соотношению среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума (ПРМ), отражающего покупательную способность населения. Доходы жителей полупериферийных регионов составляли в 2018 г. более 309% от бюджета прожиточного минимума против 269% по всем АПР. Максимальное значение данного показателя по всем АПР зафиксировано в Воронежской области (355%), что существенно выше среднероссийского уровня (317%).

Как следствие, все представители полупериферийных регионов устойчиво отличаются более низкими показателями бедности в сравнении со средним показателем по АПР (табл. II.18). В 2018 г. доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в данной подгруппе составляла 11,8% против 15,0% по всем АПР и варьировала от 8,9% (самого минимального значения среди всех АПР) в Воронежской области до 13,7% в Орловской области.

По показателям неравенства по доходам населения (коэффициент фондов и индекс Джини) среди полупериферийных регионов встречаются как регионы с относительно высокими значениями (выше средней по АПР, но не превышающие среднероссийский уровень), так и с относительно низкими. Так, значение коэффициента фондов, отражающего соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения, в Воронежской и Ростовской областях было равно 14,3 раза против 11,7 раза по всем АПР (табл. II.19).

За рассматриваемый период уровень бедности сократился в 1,7 раза, а неравенство выросло почти на 20%, группа стала менее однородной по всем рассматриваемым показателям.

Таблица II.18

**Доля населения с денежными доходами ниже величины
прожиточного минимума в подгруппах регионов с различным
центропериферийным положением, % от общей численности населения**

Субъект Федерации	1997	2018
Российская Федерация	20,8	12,9
Агропромышленные регионы	29,3	15,0*
I. Полупериферия		
Воронежская область	20,2	8,9
Тамбовская область	20,7	10,2
Ростовская область	20,0	13,4
Орловская область	21,4	13,7
В среднем по группе	20,3	11,8
II. Ближняя периферия		
Республика Мордовия	37,9	18,4
Ставропольский край	35,6	13,5
Брянская область	18,4	13,2
Пензенская область	32,7	13,5
В среднем по группе	31,4	14,1
III. Средняя периферия		
Республика Адыгея	34,5	13,3
Кабардино-Балкарская Республика	44,2	24,2
Карачаево-Черкесская Республика	41,5	24,5
Чувашская Республика	28,4	18,3
Псковская область	27,4	17,5
В среднем по группе	33,6	19,7
IV. Дальняя периферия		
Республика Тыва	59,4	40,1
Алтайский край	45,7	17,7
В среднем по группе	47,1	20,4
V. Регион переходного типа		
Амурская область	26,3	15,1

* Без учёта Республики Крым.

Примечание. В затемненной области таблицы отмечены крайние значения по данному показателю.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Таблица II.19

Коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) в регионах с различным центропериферийным положением, в разах

Субъект Федерации	1997	2018
Российская Федерация	13,6	15,5
Агропромышленные регионы	10,6	11,7*
I. Полупериферия		
Воронежская область	10,7	14,3
Тамбовская область	10,9	11,9
Ростовская область	10,6	14,3
Орловская область	11,0	11,1
II. Ближняя периферия		
Республика Мордовия	10,3	9,7
Ставропольский край	14,1	12,7
Брянская область	9,0	12,6
Пензенская область	8,4	9,7
III. Средняя периферия		
Республика Адыгея	16,0	14,4
Кабардино-Балкарская Республика	9,0	11,3
Карачаево-Черкесская Республика	10,8	9,7
Чувашская Республика	6,0	9,2
Псковская область	8,9	10,0
IV. Дальняя периферия		
Республика Тыва	10,8	10,2
Алтайский край	11,2	12,0
V. Регион переходного типа		
Амурская область	11,6	14,6

Примечание. В затемненной области таблицы отмечены крайние значения по данному показателю.

* Без учёта Республики Крым.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Вторая подгруппа – регионы ближней периферии. К ней отнесены территории с относительно низкой степенью периферийности (с учетом установленного экспертами примата критерия

экономического развития региона) – Республика Мордовия, Ставропольский край, Брянская и Пензенская области. Их отличительные черты заключаются в следующем: меньший по сравнению с предыдущей подгруппой уровень экономического развития в сочетании с относительно близким и средним расположением к центру страны. В рассматриваемой подгруппе сосредоточено примерно 30% населения агропромышленных регионов (см. табл. II.18). По сравнению с первой подгруппой эти регионы отличаются большей однородностью по численности населения (коэффициент асимметрии здесь составляет 2,3 раза) и меньшей интенсивностью его убыли (коэффициент прироста за весь период равен $-48,1\%$).

ВРП выше среднегрупповых значений, но по сравнению с подгруппой регионов с относительно высоким интеграционным потенциалом – ниже в 1,8 раза. Ниже и среднегодовые темпы роста ВРП в 1996–2017 гг., соответственно, 104,7 и 104,0%. По показателям вклада в экономику России анализируемая подгруппа регионов уступает только агропромышленным регионам с относительно высоким интеграционным потенциалом: доля в ВРП агропромышленных регионов 26,5%, сельского хозяйства – 29,2%, инвестиций в основной капитал – 28,1%, основных фондах в экономике – 29,6%, объемах работ, выполненных по договорам строительного подряда – 22,3%. По включенности в мировую экономику регионы этой группы находятся также на втором месте после полупериферийных регионов.

Среднедушевые доходы населения регионов ближней периферии имеют значения несколько ниже среднего уровня по всем агропромышленным регионам, и это отставание от средней во всем регионам подгруппы является, как правило, устойчивым (за исключением более благополучной в этом отношении Брянской области) (см. табл. II.16). В 2018 г. среднедушевые доходы населения данной подгруппы составляли 23,1 тыс. рублей против 25,1 тыс. по всем АПР в среднем. Покупательная способность доходов жителей рассматриваемых регионов также была чуть ниже средней (263% от величины ПРМ), с заметным опережением Брянской области и Ставропольского края (около 280%).

За исключением Мордовии уровень бедности в регионах ближней периферии заметно ниже средней по АПР (см.

табл. II.17). В 2018 г. в Мордовии бедность охватывала 18,4% жителей, во всех остальных регионах подгруппы была равна 13–13,5%, а в среднем составляла 14,1%. Неоднородной является рассматриваемая подгруппа по показателям неравенства по доходам населения: значения коэффициента фондов варьировали в 2018 г. от 9,7 раза, что заметно ниже среднего по АПР, до 12,7 раза (см. табл. II.18).

Третья подгруппа агропромышленных регионов – регионы, уровень периферийности которых может быть условно охарактеризован как «средний» (Республики Адыгея, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чувашия и Псковская область). Характерные черты этих регионов: сравнительно низкий уровень экономического развития в сочетании с относительно близким и средним расстоянием до центра страны. По основным демографическим характеристикам эта подгруппа близка к предыдущей (коэффициент асимметрии равен 2,7 раза, коэффициент прироста населения в рассматриваемые годы составил –44,3‰). Ее специфика заключается в меньшей численности и доле в населении агропромышленных регионов (16%), а также во вхождении в состав данной группы трех Северо-Кавказских республик с приростом населения. Однако на общегрупповых показателях динамики численности это отразилось слабо – см. табл. II.15.

Средний по подгруппе объем ВРП значительно меньше аналогичного показателя в двух предыдущих подгруппах: соответственно, в 4,6 и 2,6 раза. Несколько ниже среднегрупповых и темпы роста ВРП в 1996–2017 гг. – 103,3% при 103,9% среднегрупповых. Доля ВРП в совокупном ВРП агропромышленных регионов составляет 12,6%, основных фондах в экономике – 13,0%, объеме промышленной и сельскохозяйственной продукции – соответственно, 12,1 и 12,0%, инвестициях в основной капитал – 11,1%, объемах работ, выполненных по договорам строительного подряда – 15,4%. Регионы со средним интеграционным потенциалом характеризуются самым низким объемом экспорта в расчете на один регион и средним по размеру объема импорта.

Среднедушевые доходы жителей данной подгруппы устойчиво являются самыми низкими в сравнении со всеми подгруппами, отставание от среднего уровня по всем АПР составило 16%

в 2018 г. При этом внутригрупповые различия еще более существенны: с вариацией от 18,1 тыс. рублей в Карачаево-Черкесской Республике до 27,6 тыс. в Республике Адыгея (см. табл. II.16). Отметим, что более 20 лет назад именно Карачаево-Черкесская Республика отличалась самым минимальным значением среди агропромышленных регионов, но впоследствии это «антилидерство» перешло к Республике Тыва. Покупательная способность доходов в целом по среднепериферийным регионам была минимальной среди всех подгрупп (218% против 269%).

В регионах этой «средней» подгруппы еще больше распространена бедность (см. табл. II.17). За исключением относительно более благополучной Адыгеи, все регионы данной подгруппы в 2018 г. имели более высокий уровень бедности в сравнении со средним значением по АПР. Так, в Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках бедностью были охвачены почти четверть всех жителей. Несколько меньшими масштабами характеризовалось неравенство по доходам, опять же за исключением Адыгеи (с коэффициентом фондов значительно выше среднего по АПР – 14,4 раза) (см. табл. II.18). В эту подгруппу входит регион с устойчиво минимальными размерами неравенства – Чувашия, где коэффициент фондов в 2018 г. был равен 9,2 раза.

Четвертая подгруппа – регионы дальней периферии. Это территории с высокой степенью периферийности. Относительно низкий уровень развития их экономик усугубляется высокой удаленностью от центра страны (Республика Тыва, Алтайский край). Основные характеристики социально-экономического развития подгруппы предопределены в главном показателями развития Алтайского края. В подгруппе проживает в три раза меньше населения, чем в регионах с относительно высоким интеграционным потенциалом (см. табл. II.16). Эта подгруппа самая неоднородная по численности населения (коэффициент асимметрии – 7,2 раза) и отличается более высокой скоростью его сокращения (коэффициент прироста за анализируемый период равен –103,9%). Демографические характеристики группы определяются, главным образом, состоянием и движением населения Алтайского края – его доля в общегрупповом показателе численности превышает 87%.

Средние значения ВРП в регионах с наименьшим интеграционным потенциалом выше, чем в регионах третьей подгруппы

благодаря вкладу Алтайского края, однако темпы роста ВРП в 1996–2017 гг. заметно ниже среднегрупповых (102,5 и 103,9%, соответственно). В силу малочисленности анализируемых регионов, их вклад в экономику страны незначителен: доля подгруппы в совокупном ВРП агропромышленных регионов составляет 12,6%, в объеме промышленной продукции – 12,1%, сельскохозяйственной продукции – 12,0%, в основных фондах агропромышленных регионов – 13%. Регионы отличает сравнительно низкая инвестиционная привлекательность и невысокий душевой объем совокупных работ, выполненных по договорам строительного подряда. Для регионов, входящих в эту группу характерен сравнительно большой объем экспорта и самый низкий (по совокупности анализируемых подгрупп) объем импортируемых товаров в расчете на один регион.

Оба региона с высокой периферийностью в среднем отличаются относительно низкими *среднедушевыми доходами и их покупательной способностью* на фоне всех АПР, но они чуть выше, чем в предыдущей подгруппе (22,0 тыс. руб., что составляло 226% от ПРМ). Различия между регионами данной подгруппы значительны: в отличие от Алтайского края со сравнительно небольшим отставанием от среднего уровня по АПР (в 2018 г. на 7,1 и 4,7%, соответственно) Республика Тыва уже более десятилетия устойчиво занимает нижнюю позицию среди всех агропромышленных регионов по этим двум показателям: 15,6 тыс. руб., что составляло 144% от прожиточного минимума и в обоих случаях менее двух третей от среднего по АПР (см. табл. II.17). Как следствие, Тыва характеризуется наиболее масштабной бедностью среди всех агропромышленных регионов (ею охвачено более 40% жителей республики, что в 2,7 раза выше среднего по АПР), но при этом наименьшим неравенством по доходам (коэффициент фондов составлял 10,2 раза). В Алтайском крае бедность и неравенство по доходам лишь незначительно превышали средний уровень по АПР.

Наконец, «особую точку» образует регион «переходного типа», для которого характерны относительно высокий уровень экономического развития и значительная удаленность от центра страны (Амурская область). Место Амурской области на шкале периферийности неоднозначно: с одной стороны, она

обладает сравнительно высоким на фоне агропромышленных регионов уровнем экономического развития; с другой – по критерию отдаленности от центра – относится к периферийным регионам.

В Амурской области проживает около 800 тыс. человек, примерно в 1,7 раза меньше по сравнению со средним агропромышленным регионом, и она выделяется наибольшей интенсивностью сокращения населения (коэффициент прироста составил –279,8%). Доля Амурской области в совокупном ВРП агропромышленных регионов составляет 4,5%, при этом среднегодовые темпы роста ВРП в 1996–2017 гг. наименьшие (101,4%). Удельный вес области в общем объеме производимой в агропромышленных регионах промышленной продукции и продукции сельского хозяйства невысок – соответственно, 3,2 и 3,3%. По-видимому, сказывается то, что Амурская область «попала» в группу агропромышленных регионов, не имея в прошлом ярко выраженной агропромышленной ориентации хозяйства.

Вместе с тем Амурская область характеризуется достаточно высокой инвестиционной привлекательностью: почти каждый шестой рубль из совокупных инвестиций группы направляется в экономику области. Из всех договоров, выполненных по договорам строительного подряда, 14,1% реализуется в области. Амурская область «богата» основными фондами. Их доля в совокупных фондах агропромышленных регионов была равна в 2018 г. 7,2%. По этому показателю область превзошла показатели предыдущей подгруппы регионов дальней периферии. По объему экспорта она входит в четверку наиболее «продвинутых» агропромышленных регионов, по объему импорта находится на среднем уровне.

Жители Амурской области имели в 2018 г. самые высокие среднедушевые доходы (30,9 тыс. руб.), что почти на четверть выше среднего по агропромышленным регионам (см. табл. II.17). Вместе с тем по покупательной способности Амурская область занимала только пятую позицию среди всех агропромышленных регионов (284%), уступая большинству полупериферийных регионов и Адыгеи. Бедность в регионе соответствует среднему уровню среди АПР при максимальных размерах неравенства по доходам (соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10%

наименее обеспеченного населения составило в 2018 г. 14,6 раза) (см. табл. II.17–II.19).

Подытожим. Полученные результаты наглядно продемонстрировали зависимость экономического регионального роста от отраслевой специфики и местоположения. Тем самым была подтверждена гипотеза, что эти факторы в условиях индустриально-аграрной экономики продолжают играть доминирующую роль.

Анализ экономического роста, демографического и социального благополучия групп агропромышленных регионов, различающихся степенью периферийности, позволил сделать следующие выводы:

- во-первых, зафиксировать определенную связь между уровнем экономического развития агропромышленных регионов России и их отдаленностью от центра;
- во-вторых, установить, что в силу действия центростремительных сил при формировании системы расселения происходит концентрация населения в полупериферийных агропромышленных регионах и регионах ближней периферии (почти 70%);
- в-третьих, показать, что более периферийные регионы характеризуются большей неоднородностью входящих в их состав территорий по численности населения и большими темпами его сокращения;
- в-четвертых, продемонстрировать зависимость между величиной доходов населения, бедностью и их позитивной динамикой, с одной стороны, и степенью периферийности региона, с другой (чем выше уровень экономической отсталости и географической периферийности, тем менее благополучными по данным показателям являются эти регионы);
- в-пятых, выявить степень интегрированности агропромышленных регионов в мировое хозяйство: от сравнительно активных полупериферийных регионов и регионов ближней периферии до слабо включенных территорий со средней и высокой периферийностью;
- наконец, в-шестых, установить отсутствие в России изолированных (полуизолированных) от мирового хозяйства агропромышленных регионов.

Краткие выводы по разделу

Проведенная в настоящем разделе оценка уровня социально-экономического развития агропромышленных регионов однозначно свидетельствует о его более низком значении по сравнению с условным среднероссийским регионом, и по ряду важнейших показателей эти различия либо сохраняются, либо даже нарастают.

Если ориентироваться на ключевой показатель развития региональной экономики – душевой ВРП, то во всех без исключения агропромышленных регионах он был меньше среднероссийского значения. Отмеченная ситуация не изменяется с течением времени: отставание агропромышленных регионов от среднероссийского имело место на протяжении всего обследуемого периода. Проигрывают агропромышленные регионы и в части инвестиционной привлекательности, в динамике тенденция отставания усиливается.

По сравнению с Россией агропромышленные регионы в целом отличались более низкими доходами населения и более высоким уровнем бедности при менее значительных неравенствах. На момент обследования среднедушевые доходы жителей агропромышленных регионов составляли три четверти от среднероссийского уровня, ниже на 20%.

Наконец, в целом агропромышленные регионы России характеризовались долговременным сокращением населения, но темпы его сокращения были ниже среднероссийских. Сверхвысокая убыль народонаселения в одних регионах сочеталась с его приростом в других (как правило, в национальных республиках).

Таким образом, вышеприведенные цифры наглядно демонстрируют более низкий по сравнению с Россией социально-экономический потенциал агропромышленных регионов в целом, что может иметь своим следствием перераспределение в процессе интеграции регионов потоков добавленной стоимости в пользу более сильных в экономическом отношении участников интеграционного процесса¹.

¹ Этот вывод, на наш взгляд, может быть распространен на интегрируемые территориальные образования любого уровня, вплоть до акторов международной интеграции, что, к сожалению, подтверждает и печальный опыт России.

Вторым важнейшим критерием, косвенно отражающим интеграционный потенциал региона, по нашему мнению, является его периферийность. В научной литературе отмечается, что развитие периферийных территорий не имеет больших перспектив в силу «узости» внутреннего рынка, отсутствия достаточного притока капитала, преимущественного использования устаревших технологий и замедленной модернизации. В территориальном разделении труда периферийным территориям с учетом опоры их экономики на природные ресурсы отводится роль поставщика ресурсов для Центра, с одной стороны, и рынка сбыта производимых этим Центром товаров – с другой. Экспорт незначителен и возможности его наращивания невысоки. Рынок труда периферийных территорий на момент исследования характеризовался наличием избыточной и нередко неквалифицированной рабочей силы, низким уровнем заработной платы.

Таким образом, предпосылки вовлеченности в экономическое пространство агропромышленных регионов с учетом уровня их социально-экономического развития по сравнению с большинством регионов России сформированы в меньшей степени. Вместе с тем здесь просматривается и качественная сторона межрегиональных экономических взаимосвязей, связанная с возможностью агропромышленных регионов войти в интеграционный союз на равных партнерских основаниях.

Бесспорно, преодоление пространственной фрагментации, дезинтеграции экономического пространства является одним из центральных направлений повышения эффективности экономики страны и ее регионов. Но «сделать пространство фактором функционирования и развития экономики» (по образному выражению акад. В.А. Крюкова) для каждого из регионов России, в частности, агропромышленных в условиях поляризованного развития, межрегиональной конкуренции, большого числа производителей сельхозпродукции, неэквивалентного обмена продукцией промышленности и сельского хозяйства и т.д. и т.п. – задача, на наш взгляд, со многими неизвестными.

Развиваясь в едином экономическом пространстве регионы России независимо от ориентации хозяйства имеют много общих черт и характеризуются общностью ряда проблем, имеющих, однако, различную степень выраженности. Проведенная оценка внутригрупповой дифференциации агропромышленных регионов

позволяет нам говорить о наличии заметной и растущей вариации показателей социально-экономического развития, что свидетельствует о том, что целостность выделенной группы регионов достаточно условна. В исследовании еще раз продемонстрирован факт уникальности и неповторимости каждого из регионов России, детерминируемый влиянием множества неучтенных в работе факторов.

Так, Алтайский край даже на фоне относительно слабо развитых (по сравнению с показателями «среднероссийского» региона) агропромышленных регионов занимает аутсайдерские позиции. Об этом свидетельствует, прежде всего, вхождение края в группу агропромышленных регионов с наиболее низким объемом душевого валового регионального продукта, наибольшим отставанием темпов его роста от среднероссийского уровня, нарастающий в течение анализируемого периода характер этого отставания.

Социально-экономическое и демографическое развитие Алтайского края по сравнению со средними значениями по группе, как показал проведенный нами анализ, также свидетельствует о его более низком уровне и, соответственно, о большей остроте социальных проблем.

В значительной своей части отмеченные выше негативные моменты в социально-экономическом развитии края были обусловлены потерей им своего промышленного потенциала¹, вследствие чего край «потерял» свой более высокий статус в территориально-отраслевой структуре России, перейдя из группы индустриально-аграрных в группу аграрно-индустриальных регионов.

Сказанное выше не могло не сказаться отрицательным образом на формировании интеграционного потенциала края, масштабах и характере его вовлеченности в экономическое пространство. Конкретные формы проявления этого влияния на миграционные связи края, товарные потоки, производственно-кооперационные связи дислоцированных в крае предприятий будут раскрыты в настоящей монографии в других разделах.

В современных условиях происходят заметные подвижки в территориально-отраслевой структуре России, отражение которых – дело будущего.

¹ Детально процесс деиндустриализации края в период его вступления в рыночно ориентированную экономику охарактеризован в главе 8 настоящей монографии.

Список литературы ко II разделу

1. **Herrschel T.** Regionalisation and marginalisation. Briding old and new divisions in regional governance // *Regional Development in Northern Europe: Peripherality, Marginality and Border Issues*; edited by M. Danson & P. De Souza. London and New York: Routledge. – 2012. – Pp. 30–48. DOI: 10.4324/9780203127247.

2. **Lang T.** Shrinkage, metropolization and peripherization in East Germany // *European Planning Studies*. – 2012. – Vol. 20. – Pp. 1747–1754. DOI: 10.1080/09654313.2012.713336.

3. **Krugman P.** *Geography and Trade*. Cambridge: MIT Press / Leuven University Press, 1991.

4. **Lasuén J. R.** Urbanisation and development. The temporal interaction between geographical and sectoral clusters // *Urban Studies*. – 1973. – No. 10 (2). – Pp. 163–188.

5. **Троцкий А.Я., Юдинцев А.Ю., Сундеева М.А.** Агропромышленные регионы России: понятие, подходы к выделению и его результаты // *Регион: экономика и социология*. – 2019. – С. 101–124.

6. **Kuhn M.** Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // *European Planning Studies*. – 2015. – Vol. 23. – Pp. 367–378. DOI: 10.1080/09654313.2013.862518.

7. **Crone M.** Re-thinking “peripherality” in the context of a knowledge-intensive, service-dominated economy // *Regional Development in Northern Europe: Peripherality, Marginality and Border Issues*/ Edited by M. Danson & P. De Souza. – London and New York: Routledge. – 2012. – Pp. 49–64. DOI: 10.4324/9780203127247.

8. **Copus A. K.** From core-periphery to polycentric development: Concepts of spatial and aspatial peripherality // *European Planning Studies*. – 2001. – Vol. 9. – Pp. 539–552. DOI: 10.1080/09654310123647.

9. **Троцкий А.Я., Перекаренко Ю.А.** Типологический анализ многомерных социально-экономических объектов: основные этапы и характеристика ключевых процедур // *I Ростовские чтения «Современные вызовы региональному социуму: конфликтность и потенциал стабильности»: сборник материалов Международной научно-практической конференции. г. Барнаул, 18–19 мая 2018 г. / под ред. В.В. Нагайцева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – С. 25–29.*

10. **Троцкий А.Я.** Периферийные регионы как элементы центропериферийной структуры экономики России: понятие, критерии выделения, классификация // *Финансовая экономика*. – 2018. – № 7. – С. 2249–2251.

11. **Leibert T.** The Peripheralization of Rural Areas in Post-Socialist Central Europe: A Case of Fragmenting Development? Lessons from Rural Hungary // *Peripeharalization. The Making of Spatial Dependences and Social Injustice* / edited by A. Fischer-Tahir, M. Naumann. – Wiesbaden: Springer. – 2013. – Pp. 101–120. DOI: 10.1007/978-3-531-19018-1.

12. **Smith A., Timar J.** Uneven Transformations: Space, Economy and Society 20 Years After the Collapse of State Socialism // *European Urban and Regional Studies*. – 2010. – Vol. 17. – Pp. 115–125. DOI: 10.1177/0969776409358245.

13. **Сердобинцев Д.В., Лысова Т.А., Алешина Е.А.** Формирование механизма кооперационных процессов в агропромышленном комплексе регионов // *Фундаментальные исследования*. – 2016. – № 10. – С. 201–206.

14. **Развитие** интеграционных процессов в агропромышленном комплексе региона: монография. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – 184 с.

15. **Кочеткова С.А.** Теоретические аспекты формирования интегрированных структур в агропромышленном комплексе // *Фундаментальные исследования*. – 2018. – № 2. – С. 123–127.

16. **Советов П.М.** Агропромышленная интеграция: концепции, механизмы, эффективность. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2007. – 117 с.

17. **Воробьев С.П., Троцкий А.Я., Воробьева В.В.** Интегрированные агропромышленные формирования как опора аграрной экономики Алтайского края: сформированы ли предпосылки? // *Экономика. Профессия. Бизнес*. – 2019. – № 2. – С. 21–26. DOI: 10.14258/epb201915.

18. **Бородин В., Гагарина Г.** Экономическая интеграция регионов как механизм выравнивания и роста их потенциалов // *Федерализм*. – 2020. – № 2. – С. 76–91. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-2-76-91.

19. **Условия** расширения и оценка уровня региональной интеграции в целях обеспечения экономической безопасности (на материалах Сибирского федерального округа): монография / И.Н. Санникова, Т.А. Рудакова, О.В. Кожевина, М.М. Бутакова, О.Н. Соколова, А.Ю. Юдинцев, Г.Н. Трошкина, С.И. Межов, И.Н. Дубина, А.Р. Махотина; под ред. И.Н. Санниковой; Министерство науки и высшего образования РФ; Алтайский государственный университет. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 246 с.

20. **Мищенко В.В., Ютеева О.Н.** Экономическая безопасность агропромышленных регионов Сибири в условиях интеграции в мировое хозяйство (Алтайский край, Новосибирская, Омская области) // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. – 2008. – № 5 (43). – С. 63–68.

21. **Зубаревич Н.В.** Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем / Независимый институт социальной политики. – М., 2005. – 278 с.

22. **Гранберг А.Г.** Основы региональной экономики. – М., 2000. – 493 с.

23. **Урожаева Ю.В., Иванов Д.С.** Проблемы классификации регионов: международный и российский опыт // *Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации* / под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. – М.: ТЕИС, 2011. – С. 9–33.

24. **Голяшев А.В., Григорьев Л.М.** Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах: аналитический доклад (декабрь 2014) [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

25. **Проблема** сдвигов в региональной структуре экономики России: аналитический доклад (ноябрь 2013) [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/1197.pdf> (дата обращения: 19.10.2024).

26. **Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина Н.В.** Тренды развития российских регионов // Экономика региона. – 2014. – № 3. – С. 9–22.
27. **Калугина З.И., Фадеева О.П., Братющенко С.В.** Социально-демографический потенциал развития сельских территорий России // ЭКО – 2015. – № 7. – С. 127–135.
28. **Маркина Е.Д.** Стратегические цели и перспективы развития сельских территорий на примере Ростовской области // Стратегия развития агропродовольственного комплекса России в условиях социально-экономической нестабильности: Материалы Островских чтений 2015. – Саратов: Изд-во ИАГП РАН. – 2015. – С. 407–411.
29. **Нефёдова Т.Г.** Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 456 с.
30. **Нефёдова Т.Г.** Сельская Россия по перепутье. Географические очерки. – М., 2003. – 408 с.
31. **Родионова Л.В.** Миграция и рынок труда в периферийном агропромышленном регионе: взаимосвязь и автономия // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2018. – № 3. – С. 84–88.
32. **Сергиенко А.М., Родионова Л.В.** Социальная сфера села: проблемы и особенности развития в агропромышленном регионе // Стратегическое управление пространственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири / под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – С. 377–393.
33. **Троцкий А.Я.** Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1997. – 249 с.
34. **Развитие** сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных аспектов). – М.: Статистика, 1977. – 295 с.
35. **Суспицын С.А.** Барометры социально-экономического положения регионов России. – Новосибирск, 2004. – 123 с.
36. **Троцкий А.Я., Мищенко И.В.** Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 176 с.
37. **Трансформационные** процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 424 с.
38. **Структурные** изменения в российской экономике и структурная политика. Аналитический доклад / под научн. рук. Е.Г. Ясина. – М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2018. – 252 с.
39. **Голяшев А.В., Григорьев Л.М.** Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах. Аналитический доклад / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf> (дата обращения: 19.10.2024).
40. **Куракин А.А.** Пути сельского развития России и Китая // Крестьяноведение. – 2019. – Т. 4. – № 3. – С. 201–207. DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-201-207.

41. **Морошкина М.В.** Пространственное развитие России: региональные диспропорции // Регионология. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 638–657. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.638-657.
42. **Антонюк В.С., Корниенко Е.Л., Вансович Э.Р.** Закономерности пространственного развития производительных сил Российской Федерации в современных условиях // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 314–327. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.6.
43. **Коломак Е.А.** Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный потенциал // Пространственная Экономика. – 2010. – № 1. – С. 26–35.
44. **Кашин В., Нещадин А.** Динамика развития валового регионального продукта регионов РФ // Общество и экономика. – 2013. – № 6. – С. 157–170.
45. **Колечков Д.В.** Кластерный подход в оценке пространственной дифференциации России по уровню валового регионального продукта // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 112–123. DOI: 10.34130/2070-4992-2019-1-112-123.
46. **Лавровский Б.Л., Шильцин Е.А.** Оценка и прогноз пространственной конфигурации валового продукта регионов России // Экономика региона. – 2016. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 383–395.
47. **Розанова Л.И., Морошкина М.В., Тишков С.В.** Структурные различия в формировании валового продукта в российских регионах // Тренды и управление. – 2014. – № 3. – С. 293–301.
48. **Лавровский Б.Л.** Региональная асимметрия в Российской Федерации: измерение и регулирование // Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. – Новосибирск: Экор, Сибирское соглашение, 2000. – С. 272–306.
49. **Минашкин В.Г., Садовникова Н.А., Шмойлова Р.А., Карманов М.В. и др.** // Статистика: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. – М., 2013. – 448 с.
50. **Вайнберг Дж., Шумекер Дж.** Статистика / пер. с англ. Л.А. Клименко и Б.И. Клименко. – М.: Статистика, 1979. – 389 с.
51. **Минакир П.А.** Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. – 2014. – № 1. – С. 12–39.
52. **Becker G.S., Glaeser E.L., Murphy K.M.** Population and economic growth. American Economic Review. – 1999. – Vol. 89. – No 2. – Pp. 145–149.
53. **Kuznets S.** Population change and aggregate output. In: Demographic and economic change in developed countries. National Bureau of Economic Research, 1960. – Pp. 324–351.
54. **Вишневский А.Г., Щербакова Е.М.** Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 48–72.
55. **Троцковский А.Я., Родионова Л.В.** Региональные типологии по специализации и структуре хозяйства: обзор подходов // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. – 2018. – № 9. – С. 25–31.

56. **Троцкий А.Я., Саламатин А.Ю.** Агропромышленные регионы России: особенности развития в 1990–2016 гг. // Экономическая безопасность: государство, регион, предприятие. Сборник научных статей IV международной научно-практической конференции. Под редакцией Е.В. Барановой, Э.И. Казитовой. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2019. – С. 51–56.

57. **Чертов Н.А.** Стратегия самодостаточного развития агропромышленного региона: Монография. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2003. – 306 с.

58. **Бедность** сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления / Науч. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – 328 с.

59. **Миграция** сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 324 с.

60. **Сергиенко А.М.** Доходы населения агропромышленного региона в периоды экономических кризисов // Экономика устойчивого развития. – 2019. – № 4 (40). – С. 239–246.

61. **Douwé van der Ploeg J., Jingzhong Y., Schneider S.** Rural development through the construction of new, nested, markets: comparative perspectives from China, Brazil and the European Union // Journal of Peasant Studies. – 2012. – No. 39 (1). – Pp. 133–173. DOI:10.1080/03066150.2011.652619.

62. **Kulunda:** Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use/ Editors: M. Fruhauf, G. Guggenberger, T. Meinel, I. Theesfeld, S. Lentz. Cham, Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2020. – 522 p. DOI: 10.1007/978-3-030-15927-6.

63. **Овчарова Л.Н.** Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. – М.: М-Студио, 2009. – 267 с.

64. **Регионы России.** Социально-экономические показатели. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/> (дата обращения: 07.09.2020).

65. **Россия** в цифрах. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993/> (дата обращения: 07.09.2024).

66. **Сергиенко А.М.** Бедность и различия по доходам населения в сибирских регионах аграрной специализации // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2 (78). – С. 257–261.

67. **Май В.А.** Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 488 с.

68. **Барсукова С.Ю.** Аграрная политика России // Общественные науки и современность. – 2017. – № 5. – С. 31–45.

69. **Bunchikov O.N., Shmatko L.P., Yakovenko Z.M., Riabchenko A.V., Udovik E.E.** State regulation of territorial development of agro-industrial region of southern Russia // Revista Espacios. – 2020. – Vol. 41 (01). – P. 15.

70. **Троцкий А.Я., Мищенко И.В.** Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование: монография / под ред. А.Я. Троцкого. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 176 с.

71. **Case Studies on Rural and Urban Partnership.** URL: http://www.mcrit.com/SPESP/SPESP_Rural_Urban_Partnership.htm (date of access: 10.11.2018).

72. **Российские** регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. – М.: ТЕИС, 2011. – 357 с.

73. **Пребиш Р.** Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? – М.: ИЛА РАН, 1992. – 337 с.

74. **География**, общество, окружающая среда. Том. V: География социально-экономического развития. – М., 2004. – 672 с.

75. **География** мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы. – М., 2016. – 400 с.

76. **Горкин А.П.** Траектории развития стран мира и эволюционное страноведение // Вестник МГУ. Сер. 5: География. – 2005. – № 2. – С. 18–27.

77. **География** мирового хозяйства / под ред. Н.С. Мироненко. – Смоленск: СГУ, 1997. – 334 с.

78. **Хасбулатов О.Р.** Развитые страны: центры и периферии: опыт региональной экономической политики. – М., 2009. – 335 с.

79. **Сэпик Д.** Конкурентоспособность регионов: некоторые аспекты // Доклады РЕЦЭП. – 2004. – №2. – 42 с.

80. **Грицай О.В.** Центр и периферия в региональном развитии / О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. – М., 1991. – 328 с.

81. **Бутс Б., Дробышевский С., Кочеткова О. и др.** Типология российских регионов. – М.: РЦЭР, 2002. – 495 с.

РАЗДЕЛ III

УНАСЛЕДОВАННЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И ИХ ДЕФОРМАЦИЯ НАКАНУНЕ ВСТУПЛЕНИЯ В РЫНОК В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Оценка социально-экономической ситуации в регионе и ее детерминант невозможна без учета так называемых «унаследованных» факторов регионального развития. Этот факт является в регионалистике общепризнанным и находит свое постоянное подтверждение при анализе специфики современного развития регионов различных типов.

В настоящем разделе монографии предпринята попытка охарактеризовать унаследованные факторы применительно к развитию Алтайского края. Их роль в качестве детерминант развития агропромышленных регионов, типичным представителем которых выступает Алтайский край, на наш взгляд, является особо значимой. Эти факторы, предопределяя на длительную перспективу «лицо» региональной экономики, тем самым накладывают свой отпечаток и на межрегиональную интеграцию.

В методологическом плане принципиально важно понять, как выглядела пространственная интеграция Алтайского края в плановой экономике, какие изменения претерпела межрегиональная интеграция в переходный период и каким образом характеризует-ся ее сегодняшнее состояние.

Ответы на эти вопросы продиктовали необходимость обратиться к экономической истории края, в частности охарактеризовать особенности социально-экономического развития края в дореформенный период, вплоть до начала радикальных структурных реформ и обусловленные ими процессы пространственной интеграции.

Акцент был сделан на ключевых характеристиках регионального развития:

- 1) население и структура расселения;
- 2) социальная сфера и занятость населения;
- 3) специфика структуры народного хозяйства;
- 4) уровень и ключевые проблемы развития экономики.

Детальное ознакомление с содержанием настоящего раздела монографии позволит заинтересованному читателю проследить, с одной стороны, взаимообусловленность процессов социально-экономического развития региона и формирования характерных черт межрегиональной интеграции, а с другой – своеобразную «преемственность» современных проблем регионального развития и их влияния на межрегиональную интеграцию в настоящее время.

Глава 6

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КРАЯ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

6.1. Население и структура расселения

Особенности демографического развития. К концу 1980-х – началу 1990-х годов край представлял собой один из крупнейших индустриально-аграрных регионов России. По площади территории он занимал 18-е место (с учетом вхождения в его состав Горно-Алтайской автономной области), а по численности населения – 14-е место среди 74 регионов России.

Общая численность населения Алтайского края на 01.01.1990 г. составляла 2834,7 тыс. человек или 1,9% от численности населения РСФСР, в том числе 194,2 тыс. человек – население Горно-Алтайской автономной области. Изменение численности населения края и автономной области за годы Советской власти показано в табл. III.1.

Таблица III.1

Численность населения Алтайского края, тыс. чел.

Год	Всё население	В том числе		В процентах	
		городское	сельское	городское	сельское
1926	2585,8	198,5	2388,3	7,6	92,4
1939	2387,9	411,4	1976,5	17,2	82,6
1940	2429,8	447,6	1982,2	18,4	81,6
1950	2299,9	639,3	1660,6	27,8	72,2
1959	2682,3	882,6	1799,7	32,9	67,1
1970	2670,3	1228,5	1441,8	46,0	54,0
1979	2674,6	1400,0	1274,6	52,3	47,7
1989	2822,3	1581,6	1240,7	56,0	44,0

Источник: Данные переписей населения на соответствующую дату, оценка Алтайкрайстата на 1 января за 1940 и 1950 гг.

Демографическая ситуация начала заметно меняться с 1960 г. и приобрела неблагоприятные тенденции (табл. III.2)¹.

Таблица III.2

**Естественное движение населения края
в расчете на 1000 человек населения**

Годы	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост
1940	37,4	20,9	16,5
1950	33,7	12,0	21,7
1960	28,6	7,2	21,4
1970	15,3	8,5	6,8
1980	17,9	11,1	6,8
1989	14,9	10,7	4,2

Источник: Данные Алтайкрайстата.

За 1960–1979 гг. в расчете на 1000 человек населения рождаемость снизилась с 28,6 до 17,9 человек. Реализация в начале 1980-х годов ряда социально-экономических мер по улучшению

¹ Наиболее детальный анализ демографических процессов в Алтайском крае в 1980-е гг. был проведен сотрудниками Алтайской лаборатории ИЭиОПП СО РАН В.М. Пушкаревым и Л.В. Родионовой. В настоящей работе использованы материалы этих авторов.

демографической обстановки в стране способствовала некоторой стабилизации показателей рождаемости. Но в конце 1980-х годов за счет влияния возрастных сдвигов контингент женщин наиболее детородных молодых возрастов (20–25 лет) уменьшился в полтора раза, в результате чего показатели рождаемости продолжали снижаться.

При этом за тот же период смертность в расчете на 1000 жителей возросла с 7,2 до 11,1 человека, что связано как с общим «постарением» населения (увеличением контингента лиц пенсионного возраста), так и с другими факторами, в том числе недостаточным развитием сферы здравоохранения в крае. Результатом этих тенденций явилось снижение естественного прироста населения в три раза, а к концу 1980-х годов он стал еще меньше.

Существенное влияние на численность и состав населения края оказывало его механическое движение. В первой половине 1950-х годов край резко увеличил население за счет приехавших на освоение целинных земель. В этот период численность рабочих и служащих в совхозах и МТС увеличилась в 2,3 раза, в строительстве – в 3 раза. Но с конца 1950-х гг. край стал ежегодно терять население, миграционные процессы до конца 1980-х гг. характеризовались устойчивым отрицательным сальдо, хотя и с тенденцией его уменьшения по абсолютной величине. По переписи 1979 г. численность населения края по сравнению с 1970 г. увеличилась всего на 0,2%, но не достигла уровня 1959 г. (см. табл. III.1).

Таким образом, край за 1960-е и 1970-е гг. за счет миграционных процессов практически «потерял» весь свой естественный прирост населения (40–50 тыс. человек в год). Эта тенденция изменилась только в 1980-е годы. И все же край и в эти годы продолжал терять часть естественного прироста в обмене с другими регионами республики и страны.

Миграция оказывала серьезное влияние на внутрикраевое перераспределение населения в связи с продолжающимся процессом урбанизации. Свыше трети общего прироста городского населения, особенно в крупных городах края, обеспечивалось за счет миграции сельского населения. Одним из факторов привлечения населения в городскую местность являлось то, что Барнаул и Горно-Алтайск выполняли функции краевого

и областного центров, остальные города края, а также основная часть поселков городского типа были районными центрами, выполняющими административные организационно-хозяйственные функции.

Вследствие этого продолжилась тенденция снижения доли сельского населения в общей численности: на 01.01.1990 г. она составила 43,8%. Заметим, что это значительно выше соответствующего показателя как в других областях Западной Сибири, так и РСФСР в целом. Миграционные процессы в Горно-Алтайской автономной области характеризовались иными тенденциями. Интенсивность их постоянно возрастала, при этом в конце 1980-х годов имел место прирост не только городского, но и сельского населения. Следует отметить, что ежегодный миграционный оборот (отношение прибывшего и выбывшего ко всему населению) в крае оставалось высоким. В целом по краю он составлял около 12%, а в автономной области – 15%.

Половозрастная структура и образование населения. Наибольшее влияние на возрастную структуру населения в послевоенный период оказали людские потери, понесенные страной в 1940-е годы. В связи с этим через каждые двадцать лет структура претерпевает существенные изменения, хотя этот процесс носит затухающий характер. Так, за период 1970–1979 гг. численность населения в трудоспособном возрасте (мужчины в возрасте 16–59 лет, женщины в возрасте 16–54 года) увеличилась на 10,7%, а в 1979–1989 гг. она сократилась на 3,1%. Это обусловлено процессом смены поколений в 1980-е годы. В трудоспособный возраст начали вступать самые малочисленные за все послевоенное время контингенты молодежи, родившиеся в конце 1960-х – начале 1970-х гг., а выбывали за границы этой возрастной группы достаточно многочисленные поколения 1925 г. и последующих годов рождения. Поэтому темпы роста численности лиц пенсионного возраста существенно превысили темпы роста населения края, их доля составила в 1990 г. более 18%.

Принятые в 1980-е годы меры по стабилизации демографической ситуации способствовали увеличению численности детей и подростков, их доля в численности населения в 1990 г. достигла 26,5%. Все это значительно влияло на изменение демографической нагрузки населения трудоспособного возраста: если в 1970 г.

на 1000 лиц трудоспособного возраста приходилось детей и пенсионеров 833 человека, то в 1979 г. – 664, а в 1989 г. – уже опять 803 человека. Несмотря на то, что среди населения трудоспособного возраста уровень занятости в 1989 г. повысился, общий уровень занятости (доля занятых в общественном хозяйстве) населения в 1989 г. снизился до 49,6%. При этом за счет различий в возрастной структуре, большей занятости в домашнем и личном подсобном хозяйстве, доля занятого населения в сельской местности составила 46,5%, а среди горожан – 52%.

Данные послевоенных переписей фиксируют тенденцию улучшения соотношения полов, сглаживающую последствия потерь мужской части населения в годы войны. Эта диспропорция сохранилась только в старших возрастах, более половины жителей края родилось уже в послевоенный период.

К негативным явлениям в демографической сфере конца 1980-х годов относится увеличение числа одиночек, 68% которых составляют женщины; около половины из них – в возрасте 70 лет и старше, а также рост разводов, в связи с чем в среднем на каждые пять вновь зарегистрированных браков приходилось два развода. О неблагоприятных тенденциях в брачно-семейных отношениях свидетельствует и рост внебрачной рождаемости: доля детей, родившихся вне зарегистрированного брака, к концу 1980-х годов превысила 13%. Семьи в крае становились все малочисленнее: в 1970 г. средний размер семьи составлял 3,7 человека, в 1979 – 3,3 человека, в 1989 – 3,2 человека, т.е. большая часть семей имела не более одного ребенка.

Рост образованности населения края является одной из наиболее устойчивых тенденций советского периода. Только за период между переписями 1979 и 1989 гг. численность имеющих высшее образование в возрасте 15 лет и старше увеличилась на 64%, с незаконченным высшим – на 14%, средним специальным – на 63%, средним общим – на 48%, а с неполным средним уменьшилась на 20,5%, начальным – на 26%.

Повышение уровня образования населения имело место как в городской, так и в сельской местности и было характерно для обоих полов. Но по-прежнему сохранялись различия в уровне образования горожан и сельчан: в городской местности значительно выше доля лиц с высшим и незаконченным высшим, а также средним специальным образованием (табл. III.3).

Таблица III.3

**Распределение населения в возрасте 15 лет и старше
по уровню образования, тыс. чел.**

Уровень образования	Всего	Городское население	Сельское население
Все население	2115,5	1208,0	907,5
В том числе с образованием:			
Высшим	173,5	127,4	46,1
Незаконченным высшим	27,2	20,9	6,3
Средним специальным	383,4	250,7	132,7
Средним общим	552,1	332,0	221,1
Неполным средним	457,4	257,1	200,3
Начальным	327,6	143,6	184,0

Источник: Данные переписи населения 1989 г.

Одной из причин этого являются различия в возрастной структуре: для сельского населения характерна повышенная доля лиц пожилого возраста, которые имеют, как правило, более низкий уровень образования.

Особенности системы расселения. По данным переписи населения 1989 г. в крае насчитывалось 44 городских поселения, в том числе 12 городов и 32 поселка городского типа. В городской местности на момент переписи проживало 1581,6 тыс. человек или 56% от общей численности населения края. Только за 1980-е годы городское население увеличилось на 182 тыс. человек, в том числе за счет естественного прироста – на 108 тыс. человек, миграционного притока и преобразования сельских населенных пунктов в городские – на 74 тыс. человек. Но доля горожан в общей численности населения края оставалась существенно ниже, чем в других регионах республики.

В крае имелось три крупных города с населением более 100 тыс. человек: Барнаул, Бийск, Рубцовск. В этих городах проживало 1006,7 тыс. человек или 63,7% численности всех горожан края. Наблюдалась устойчивая тенденция роста численности населения этих городов (табл. III.4).

На начало 1989 г. на территории края было 6 средних городов с числом жителей от 20 до 100 тыс. человек, в них проживало 258 тыс. человек (16,3% от общей численности городского насе-

ления). К этим городам относились Алейск, Заринск, Камень-на-Оби, Новоалтайск, Славгород, Горно-Алтайск. В трех малых городах, население которых не превышает 20 тыс. человек – Белокуриха, Горняк, Змеиногорск – проживало 42,5 тыс. человек или 2,7% всего городского населения.

Таблица III.4

Население крупных городов, тыс. чел.

Годы переписи	Барнаул	Бийск	Рубцовск
1939	148,2	80,3	37,3
1959	306,2	145,7	111,4
1970	439,1	186,3	145,0
1979	533,3	211,6	157,1
1989	601,8	233,2	171,8

Источник: Данные переписи населения.

На территории края насчитывалось 32 поселка городского типа с общей численностью населения 274,3 тыс. человек, что составляло 17,3% от числа всех горожан края. В целом за 1980-е годы численность населения этих поселков уменьшилась, при этом население в крупных промышленных поселках увеличивалось, население остальных поселков городского типа переезжало в более крупные городские поселения.

По данным переписи 1989 г. в Алтайском крае насчитывалось 1864 сельских населенных пункта, в которых проживало 1246,3 тыс. человек постоянного населения (табл. III.5).

Более половины сельских населенных пунктов имели число жителей до 500 человек, но в них проживала лишь шестая часть всего сельского населения края. В 1989 г. по сравнению с 1979 г. число таких населенных пунктов сократилось на 17%, а численность их жителей уменьшилась на 20%. Количество населенных пунктов с числом жителей свыше 500 человек также сократилось на 2%, но их численность увеличилась на 1,3%. Прирост населения происходил только в крупных населенных пунктах с числом жителей свыше 5000 человек, являющихся, как правило, центрами районов.

Таким образом, в крае сохранялась тенденция укрупнения сел: в 1989 г. средняя численность сельского населенного

пункта составила 669 человек против 610 человек в 1979 г. и 415 человек в 1970 г. В крае за 20 лет (1970–1990 гг.) число сельских населенных пунктов сократилось на треть. Только за 1980-е годы в 55 районах края было ликвидировано 218 сельских населенных пунктов в связи с переселением или выездом жителей из них. Жители мелких населенных пунктов были вынуждены покидать их из-за отсутствия дошкольных и школьных учреждений, предприятий и учреждений торгового, бытового и культурного обслуживания, регулярного обеспечения передвижными формами услуг, низкого уровня медицинского обслуживания, плохой организации транспорта, отсутствия надежной системы связи.

Таблица III.5

Население сельских населенных пунктов

Группы	Населенные пункты (единиц)	В них населения (человек)	В процентах к итогу	
			пункты	население
Всего по краю	1864	1246334	100,0	100,0
Из них с числом жителей:				
Менее 50	207	4064	11,1	0,3
50–500	925	216680	49,6	17,3
501–1000	343	248852	18,4	20,0
1001–5000	366	616864	19,7	49,5
Свыше 5000	23	159892	1,2	12,8

Источник: Данные переписи населения 1989 г.

6.2. Развитие социальной сферы и занятость населения

Социальная инфраструктура. Пропорция между производственной и непроизводственной сферами народного хозяйства является одной из важнейших характеристик развития социальной сферы. Как известно, в хозяйстве нашей страны приоритет развития производственной сферы, практически сложившийся и сознательно поддерживаемый со времен индустриализации 1930-х го-

дов, предопределял «остаточный принцип» развития отраслей непроизводственной сферы. В связи с этим по сравнению с развитыми странами мира в Советском Союзе имели место обратные пропорции между развитием производственной и непроизводственной сфер.

Алтайский край не являлся исключением. Доля производственной сферы в народном хозяйстве к началу 1980-х годов по стоимости основных фондов составляла 65%, доля в численности занятых – 75%. Динамика изменения этой пропорции незначительна: в 1985 г. доля производственной сферы по стоимости фондов составляла 67%, по численности занятых – 78,5%. Определенные тенденции в снижении доли производственной сферы наблюдались в 1985–1990 гг. Следует отметить, что изменение рассматриваемой пропорции шло на фоне спада объема услуг отраслей непроизводственной сферы. Рост стоимостных показателей по оказанию платных услуг населению был связан с усиливающейся инфляцией и камуфлировал реально сложившуюся ситуацию на рынке услуг.

Доля ввода в действие основных фондов непроизводственного назначения в 1985–1990 гг. по сравнению с предыдущей пятилеткой возросла с 35,6 до 43%, доля же капиталовложений осталась практически без изменений (36,6%). По отраслям непроизводственной сферы наблюдался заметный рост капиталовложений, особенно в народное образование, культуру, здравоохранения, физкультуру и социальное обеспечение. Вместе с тем по ряду отраслей непроизводственной сферы к концу 1980-х годов проявилась тенденция сокращения объемов капиталовложений.

Основными в структуре капитальных вложений в непроизводственную сферу были государственные вложения, доля которых на протяжении всего анализируемого периода возрастала. Напротив, удельный вес государственных капиталовложений за счет местных Советов сокращался. К концу 1980-х годов на долю колхозов приходилось около 11% всех вложений в непроизводственное строительство, на долю кооперативных и общественных организаций – менее 5%. Незначительна была также доля в непроизводственном строительстве средств населения (табл. III.6).

Таблица III.6

**Структура капитальных вложений
в непроизводственное строительство по источникам финансирования**

Показатель	1976– 1980 млн руб.	%	1981– 1985 млн руб.	%	1986– 1990 млн руб.	%
Капитальные вложения – всего	1682,8	100	2013,3	100	2849,0	100
В том числе государственные	1398,8	83,1	1660,0	82,5	2411,7	84,7
Из них: средства местных Советов	554,1	32,9	634,5	31,5	813,3	28,5
из государственных капиталовложений средства фондов предприятий*	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	607,7	21,3
средства колхозов	214,1	12,7	275,4	13,7	308,4	10,8
средства кооперативных и общественных организаций	70,0	4,2	78,0	3,9	128,9	4,5
средства населения	58,9	3,5	80,3	4,0	98,0	3,4

* Данным по капитальным вложениям за счет средств предприятий введены с 1986 г.

Источник: Данные Алтайкрайстата.

К этому времени сложился определенный механизм формирования и развития социальной инфраструктуры и решение социальных вопросов на территории, отличительными особенностями которого были:

- приоритет (вплоть до 1985 г.) развития производственной сферы в ущерб развитию социальных отраслей;
- преобладающая роль централизованных капитальных вложений (предприятий, местных Советов и т.д.), на долю которых приходилось более 80% средств на развитие непроизводственной сферы [1, с. 7];
- наличие внеплановых финансовых средств на развитие социальной сферы за счет централизованных, дополнительных к плану средств, выделяемых Совмином РСФСР на коммунальное

хозяйство, другие социальные отрасли, а также внеплановых средств предприятий, выделяемых либо по их инициативе, либо по решению исполнительных органов на решение социальных вопросов. Общая сумма внеплановых средств по краю ежегодно составляла до 60% соответствующих затрат [1, с.18];

– доминирующая роль предприятий в строительстве объектов социальной инфраструктуры. По расчетам В.В. Мищенко и В.Т. Мищенко, в Алтайском крае за счет промышленных и сельскохозяйственных предприятий в 1970–1980-х годов ежегодно строилось 70–75% жилья и объектов здравоохранения, 70–80% детских дошкольных учреждений, 90% магазинов и столовых, все клубы.

Промышленные предприятия, нередко вопреки воли министерств, строили для своих коллективов социальные объекты, не предусмотренные планом, несли дополнительные затраты по эксплуатации городского хозяйства, благоустройству, оказанию шефской помощи школам, детским яслям, помощи строителям в возведении жилья, снабжению своих работников дешевыми продуктами питания, содержанию заводских столовых и т.п. В сельской местности колхозы и совхозы, начиная с 1970-х годов на свой риск строили жилье, детсады, школы, лечебные учреждения, незаконно отвлекая средства с основной деятельности и получая в этом поддержку со стороны местных органов власти [1, с. 9; 11, 12].

Рассматриваемый централизованный механизм развития социальной сферы имел как ряд достоинств, так и недостатков. В числе первых:

- возможность концентрации ресурсов на строительстве крупных, жизнеобеспечивающих объектов социальной инфраструктуры, как, например, мосты, крупные поликлиники, больницы, объекты теплоэлектроцентрали, водозаборы, магистральные сети, газопроводы и т.п.;

- относительно устойчивое финансирование строительства социальных объектов в силу наличия плановых и внеплановых (включая «теневые») каналов поступления средств, а также возможностей привлечения колхозами и совхозами кредитных средств (в рамках выделяемых краю кредитных средств), впоследствии списываемых государством;

- обеспеченность выделенных на строительство объектов социальной инфраструктуры финансовых средств материальными и трудовыми ресурсами.

Вместе с тем централизованный механизм распределения ресурсов на развитие социальной сферы порождал приоритет ведомственных интересов над интересами территории, некомплексность ее застройки, углубление территориальных различий по уровню социального развития и, в частности, различий между городом и селом, между крупными и малыми городами.

По многим показателям жизненного уровня населения – средней заработной плате, душевому потреблению основных продуктов питания, обеспеченности жильем и объектами здравоохранения, – край отставал от уровня РСФСР и Западной Сибири. По объему основных фондов непроизводственной сферы на одного жителя (стоимость жилых домов, школ, больниц, объектов культуры и т.д.) Алтайский край занимал 59-е место среди 73 областей и краев Российской Федерации и находился на последнем месте в Западно-Сибирском экономическом районе. Тем не менее в динамике различия сокращались (табл. III.7).

Таблица III.7

Динамика среднедушевой обеспеченности основными фондами непроизводственной сферы в Алтайском крае, % к обеспеченности в Западной Сибири и РСФСР

Показатель	1975	1980	1985	1989
Обеспеченность ОФ:				
К уровню РСФСР	71,5	72,0	76,7	82,0
К уровню Западной Сибири	70,1	72,3	78,8	81,7

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Несмотря на то что край являлся поставщиком основных видов продуктов питания, собственное потребление молока, молочных продуктов, мяса было ниже, чем по России. По продаже продовольственных товаров на душу населения край, согласно статистическим данным, занимал 47-е место в России, по потреблению мяса – 49-е, молока – 18-е, яиц – 37-е, рыбы – 61-е, овощей и бахчевых – 48-е место среди 74 регионов в России. Впрочем, вполне

вероятно, что при более полном учете продукции ЛПХ, потребляемой жителями края, приведенные цифры были бы выше.

Ввод жилых домов в 1970–1990 гг. имел постоянную тенденцию к росту. При этом наиболее высокими темпами рос вклад предприятий и организаций. Доля средств индивидуальных застройщиков была незначительной и имела очевидную тенденцию к снижению: в 1971–1975 гг. – 1,4%, в 1986–1990 гг. – 1,0% (табл. III.8).

Таблица III.8

**Динамика ввода жилых домов в Алтайском крае в 1971–1990 гг.
в зависимости от источников финансирования, тыс. кв. м**

Показатель	1971– 1975	1976– 1980	1981– 1985	1986– 1990
Введено жилья за счет всех источников финансирования	5368,9	6023,7	6392,9	7252,2
В том числе:				
За счет предприятий и организаций	2663,3	3146,0	3401,6	3887,5
За счет местных Советов	1246,0	1450,9	1408,6	1585,5
За счет колхозов	454,0	599,8	699,1	455,2
За счет средств ЖСК	257,0	188,7	221,1	587,6
За счет средств индивидуальных застройщиков	748,6	638,3	662,5	736,4

Источник: Данные Алтайкрайстата.

В общем объеме основных непроизводственных фондов доля жилищного хозяйства составляла более 60%. Это больше, чем по Западно-Сибирскому экономическому району и в среднем по РСФСР (табл. III.9). Средняя обеспеченность одного жителя в городах края составляла 14,1 кв. м, в сельской местности – 16,9 кв. м.

Таблица III.9

**Динамика удельного веса жилищного хозяйства
в структуре основных фондов непроизводственной сферы, %**

Регион	1975	1980	1985	1989
РСФСР	58,7	56,9	55,9	56,0
Западная Сибирь	59,8	57,2	57,0	59,2
Алтайский край	60,3	59,5	60,5	62,2

Источник: Данные Госкомстата.

Высокий и неуменияющийся со временем удельный вес жилищного хозяйства в структуре основных фондов порождал большие проблемы по содержанию жилья, подведомственного местным Советам. Необходимо было тратить огромные средства на благоустройство жилья (17% общей полезной площади жилых домов, принадлежащих местным Советам, было неблагоустроено) и дотации на его содержание (плата за 1 кв. м жилой площади составляла 16 коп. при фактических затратах более 40 коп.). По оценке специалистов края, занимавшихся эксплуатацией жилищного фонда, затраты на содержание жилья составляли порядка 25% от фактической потребности [2, с. 8].

Одним из наиболее «узких мест» в развитии социальной сферы края являлось здравоохранение. Здесь сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, уровень развития материальной базы сферы здравоохранения превышал по ряду позиций (например – обеспеченности населения больничными койками) средне-региональные и среднереспубликанские показатели, а с другой – эта база находилась в крайне неудовлетворительном состоянии, особенно в сельской местности.

В специальных зданиях были размещены лишь 20% больничных коек, менее трети районных и пятая часть участковых больниц, 5% фельдшерско-акушерских пунктов. В 24 районных больницах не было горячего водоснабжения, в 38 была выгребная канализация.

Большой процент коечного фонда больниц был развернут без соблюдения санитарно-гигиенических нормативов. В ряде краевых лечебных учреждений и в большинстве центральных районных больниц на одну развернутую койку приходилось 3 кв. м рабочей площади при нормативе 7–7,5 кв. м. Имеющиеся площади поликлиник позволяли – если исходить из имеющихся нормативов – обеспечить только 1/5 потребности населения в поликлинической помощи.

Оснащение больниц и поликлиник медицинской техникой в 1980-х гг. было явно недостаточно: в общей стоимости основных фондов доля машин и оборудования составляла около 20%.

По объему бытовых услуг, предоставляемых населению, Красноярский край к концу 1980-х годов находился на передовых позициях. Темпы роста объемов бытовых услуг в расчете на од-

ного жителя края, в том числе в сельской местности, значительно опережали среднереспубликанские и среднерегиональные показатели. Это позволило превзойти по среднедушевому потреблению услуг в целом по краю Западную Сибирь и РСФСР. По данному показателю край находился в числе первых 10 регионов РСФСР и занимал первое место по Западной Сибири.

По величине розничного товарооборота Алтайский край в расчете на душу населения отставал от показателей РСФСР и Западной Сибири. При этом следует иметь в виду, что с учетом природно-климатических условий, половозрастной структуры и занятости населения, действующих розничных цен, степени развитости личных подсобных хозяйств населения душевой товарооборот в Алтайском крае, по мнению ученых, должен был быть на 25–30% выше по сравнению со среднереспубликанским уровнем.

Розничный товарооборот края характеризовался несбалансированной, далекой от нормативов ассортиментной структурой. Отставание в потреблении наиболее ценных продуктов питания (молоко, мясо, овощи) возмещалось большим потреблением хлеба и хлебобулочных изделий.

Среди ключевых проблем отрасли – развитие материальной базы торговли и общественного питания. Чтобы повысить фондовооруженность работников торговли активной частью основных фондов (машинами, оборудованием), необходимо было не менее 40–50% капиталовложений направлять на приобретение техники и оборудования.

По обеспеченности населения учреждениями культуры Алтайский край занимал в целом срединное положение как в Западной Сибири, так и в РСФСР. Это относится, в частности, к обеспеченности жителей края книгами и журналами в массовых библиотеках, местами в клубных учреждениях как городской, так и сельской местности, причем по некоторым показателям Алтайский край даже опережал среднереспубликанский уровень. Например, по обеспеченности местами в зрительных залах стационарных киноустановок – в 1,25 раза.

Достигнутый уровень материальной базы культуры края превышал практически все действующие на тот момент нормативы. Однако качественная оценка материальной базы учреждений

культуры (библиотек, клубов, театральных и кинопомещений, музыкальных и художественных школ и т.д.) показывала ее неудовлетворительное состояние. Зачастую эти учреждения располагались в приспособленных, а порой и в аварийных помещениях, очень низка была их оснащенность современным оборудованием, техническими средствами. Темпы развития сферы были крайне низкие, а иногда наблюдалось и абсолютное сокращение отдельных показателей.

Материальная база просвещения отставала от требований реформ школьного образования. Рос удельный вес учащихся, занимающихся во вторую и третью смены. В 1987–1988 учебном году в городской местности он составил 36%, что было существенно выше среднереспубликанского показателя (25%).

Значительная часть школ размещалась в приспособленных, ветхих и аварийных зданиях: 124 школы, в которых обучалось почти 50 тысяч учеников, были размещены в аварийных зданиях, требующих немедленной замены. Низок был уровень инженерного обустройства школ: 46% школ не оборудованы водопроводом, 66% – канализацией, 21% – центральным отоплением. Схожие проблемы стояли перед краем в развитии детских дошкольных учреждений, хотя за годы 11-й и 12-й пятилеток (1981–1990 гг.) среднегодовой объем ввода детских садов значительно возрос, что в какой-то мере снизило напряженность ситуации.

Одним из следствий отставания социального развития стала довольно интенсивная миграция населения за пределы края. При сложившемся в ряде отраслей народного хозяйства дефиците трудовых ресурсов край только в период 10-й и 11-й пятилеток потерял по причине отъезда около 175 тыс. человек. В результате миграции происходило «вымывание» наиболее квалифицированных кадров рабочих и специалистов.

К концу 1980-х годов сформировавшийся ранее хозяйственный механизм развития и функционирования социальной сферы стал давать сбои. Появились трудности с финансированием строительства и содержания социальных объектов, прежде всего на предприятиях легкой, пищевой, местной промышленности и промышленности строительных материалов. Переход предприятий на хозрасчет сопровождался «сбрасыванием» с баланса социальных объектов: клубов, спортивных залов, профилакториев, дет-

ских садов, пионерских лагерей. На вооружение был взят ошибочный, на наш взгляд, лозунг о необходимости избавления предприятий в условиях рынка от несвойственных им функций. Ухудшение финансово-экономического положения работы предприятий также внесло свою лепту в последовавшую далее деградацию социальной сферы.

Занятость населения. Анализируя занятость населения Алтайского края в исследуемый период, необходимо учитывать официальную идеологию и политику в этой сфере, реализуемые в годы социализма. Труд рассматривался как право гражданина и как его обязанность, безработица считалась социальным злом, присущим капитализму. И, говоря о недостатках, присущих социалистической системе использования трудовых ресурсов, нельзя забывать о том, что в значительной мере они являлись обратной стороной обеспечения права на труд.

Обеспечение всеобщей занятости населения (в СССР наблюдался даже дефицит трудовых ресурсов) актуализировало ряд проблем, которые в годы кризиса уступили место ключевой проблеме безработицы. Изучались прежде всего вопросы повышения эффективности использования трудовых ресурсов: производительности труда, отраслевой занятости, качества рабочей силы и т.д. [3, 4].

В советской науке важнейшей пропорцией в распределении занятых традиционно считалось их соотношение между материальным производством и непроизводственной сферой. В 1990 г. в народном хозяйстве края было занято 1,4 млн человек, из них 74,4% – в отраслях материального производства. В расчете на 1000 населения в материальном производстве края было занято 367 человек против 349 человек в СССР. Сравнение аналогичных показателей по Западной Сибири и России приведено в таблице III.10. Как видно из таблицы, ситуация с распределением занятости по двум основным сферам в Алтайском крае была типична для советской экономики: приоритет отдавался развитию производственных отраслей.

Изменения в отраслевой структуре занятости края в наблюдаемый период были характерны и для страны в целом: уменьшалась занятость в традиционных отраслях – промышленности и сельском хозяйстве, незначительно росла занятость в отраслях социальной сферы – здравоохранении, образовании, культуре,

науке и научном обслуживании (табл. III.11). Однако низкие темпы роста занятости в социальной сфере не позволяли качественно изменить пропорцию между производственной и непроизводственной сферой, по которой Советский Союз (и Алтайский край) безусловно отставали от ведущих капиталистических стран. Структура занятости в крае на этом основании оценивалась в 1980-е годы как «экстенсивная, малоподвижная..., отражающая нерациональную, низкоэффективную и социально не ориентированную экономику».

Таблица III.10

Доля занятых в народном хозяйстве по сферам экономики в 1990 г., %

Сфера хозяйства	Алтайский край	Западная Сибирь	РСФСР
Материальное производство	74,4	74,7	73,4
Непроизводственная сфера	25,6	25,3	26,6

Источник: [5, с. 4–5].

Для занятости в промышленности в целом была характерна высокая концентрация рабочей силы в отраслях, производящих средства производства и на предприятиях оборонного комплекса. Из всех работающих в промышленности края в отраслях группы «А» (производство средств производства) было занято 74,2%.

Доля занятых в сельском хозяйстве края в общем числе занятых в материальном производстве в 1990 г. составляла 23%, а численность работников сельского хозяйства приходящаяся на 1000 человек населения, составляла 84 человека, против 96 – в СССР. На основании данных о низкой эффективности живого труда в общественном секторе сельского хозяйства учеными прогнозировалось значительное высвобождение работников. Для сокращения масштабов безработицы в сельской местности предлагалось создавать там предприятия по хранению и переработке сельскохозяйственной продукции, обслуживанию населения, разводить фермерские хозяйства.

По уровню развития отраслей непроизводственной сферы Алтайский край, как будет показано ниже, существенно отставал от большинства регионов Западной Сибири и от среднереспубли-

канских показателей. Так, доля занятых в сфере обслуживания населения в крае на 4 процентных пункта меньше, чем в целом в РСФСР, обеспеченность основными непроизводственными фондами в расчете на одного жителя меньше в 1,3 раза по сравнению со средними показателями по республике. В 1990 г. в сфере обслуживания населения в крае было занято 305 тыс. человек или в расчете на 1000 населения 107 человек против 111 – в СССР.

Таблица III.11

**Динамика отраслевой структуры занятости рабочих и служащих,
% к итогу**

Отрасль народного хозяйства	1970	1975	1980	1985	1990
Всего по народному хозяйству	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Промышленность	33,3	32,1	31,0	31,2	29,7
Сельское хозяйство	20,4	19,6	19,0	18,0	17,1
Лесное хозяйство	0,8	0,7	0,7	0,8	0,6
Транспорт	6,6	6,8	7,0	7,1	6,0
Связь	1,6	1,6	1,5	1,5	1,5
Строительство	7,6	8,5	8,3	8,6	9,2
Торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт, заготовки	8,1	8,5	8,6	8,6	8,9
Прочие виды деятельности, сферы материального производства	0,9	0,8	1,0	1,0	1,2
Жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание населения	2,3	2,9	3,6	3,5	3,7
Здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение	5,1	5,0	5,1	5,3	5,9
Народное образование	8,3	8,0	8,1	8,3	10,0
Культура и искусство	1,5	1,6	1,7	1,7	2,1
Наука и научное обслуживание	1,1	1,2	1,3	1,5	1,3
Кредитование и государственное страхование	0,4	0,6	0,7	0,7	0,8
Аппарат органов государственного и хозяйственного управления, органов управления кооперативных и общественных организаций	2,0	2,1	2,2	2,3	1,7

Источник: Данные Алтайкрайстата.

До начала 1990-х годов величина трудовых ресурсов в крае оставалась практически неизменной. При сокращении численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте расширение объемов занятости осуществлялось, главным образом, за счет лиц, находящихся за пределами этого возраста. В структуре трудовых ресурсов абсолютно и относительно росла доля работающих пенсионеров и подростков. Кроме того, в трудовую деятельность активно вовлекались женщины – домохозяйки и молодежь [5].

Исследователи выделяли ряд негативных тенденций в использовании трудового потенциала как в целом по стране, так и в Алтайском крае. Высокий уровень вовлечения трудовых ресурсов в общественное хозяйство сочетался с относительно низкой эффективностью их использования. Избыточная занятость, сохранение значительных внутрипроизводственных резервов рабочей силы, низкая мобильность кадров затрудняли оптимизацию структуры занятости и повышение эффективности живого труда. В значительной мере это было обусловлено экстенсивным способом развития экономики, превалировавшем в Советском Союзе, и стремлением к поддержанию социальной стабильности.

Показатели качества рабочей силы в крае были несколько хуже среднереспубликанских: ниже был уровень образования населения и обеспеченность народного хозяйства специалистами, хуже – состояние здоровья работников, выше – потери рабочего времени из-за нарушений дисциплины труда.

Для народного хозяйства края в доперестроечный период характерна преимущественная занятость в государственном секторе. В 1985 г. в государственном секторе было занято 1290,1 тыс. человек (89,4%), в кооперативном – 182,3 тыс. человек (10,58%), в индивидуальном – 0,3 тыс. человек (0,02%). Начиная с 1987 г. в крае развиваются предприятия, работающие на новых формах хозяйствования: это арендные и акционерные предприятия, кооперативы, малые предприятия, функционирующие на основе государственной, коллективной, индивидуальной форм собственности и различных их сочетаний. Соответственно наметился переток части работников с госпредприятий в негосударственный сектор экономики. На 1.04.1991 г. на этих предприятиях было за-

нято 16,8% от общей численности работающих в народном хозяйстве, в том числе в арендных коллективах 5,1%, на малых предприятиях 6,7%, в кооперативах 3,4%. Наибольшая концентрация занятости здесь наблюдалась в промышленности, строительстве и торговле.

За годы перестройки (1985–1990) в целом по стране и по краю наметился ряд новых тенденций в процессах занятости, неодинаково влияющих на ее эффективность. Изменились факторы, формы проявления и направления трудовых перемещений. Произошло сокращение организованных форм территориально-го перераспределения рабочей силы. Активизировался процесс высвобождения рабочей силы, с 1987 г. наблюдалась новая волна повышения уровня текучести кадров. Ухудшились условия реализации права на труд для женщин с малолетними детьми, выпускников школ, техникумов и вузов, для лиц вернувшихся из мест заключения и уволенных с работы за нарушение трудовой дисциплины. Новые тенденции в занятости возникали и в связи с расширением экспорта и импорта рабочей силы, которые сопровождались снижением качества трудового потенциала (отток квалифицированных работников).

Глава 7

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КРАЯ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

7.1. Специфика структуры народного хозяйства

Роль и место края в территориальном разделении труда. Развитие экономики края, динамика его отраслевой структуры, место края в территориальном разделении труда складывалось под влиянием двух главных факторов: 1) наличия сравнительно благоприятных природно-климатических условий и 2) выгодного транспортно-географического положения.

Первый фактор еще в дореволюционный период предопределил аграрную специализацию региона. Большие площади плодородных земель, значительная сумма положительных температур в вегетационный период позволили Алтайскому краю стать главной продовольственной базой Сибири и одним из основных продовольственных районов РСФСР. Он занимал второе-третье место по производству зерна и молока в республике, пятое – по производству мяса. За пределы края, преимущественно в северные и восточные районы, вывозилось до трети производимой продукции и до двух третей зерна, главным образом пшеницы сильных и твердых сортов, составляющей в урожайные годы до одной пятой российского экспорта.

Алтайский край в рамках Советского Союза имел выгодное транспортно-географическое положение, являясь местом пересечения важнейших транспортных путей, связывающих восточную зону страны с европейскими районами, Казахстаном и Средней Азией. Именно этот фактор часто оказывался одним из главных при решении вопросов о размещении на его территории предприятий различного профиля.

Близость к хлопкосеющим районам Средней Азии и металлургической базе Кузбасса, развитая сеть железнодорожных магистралей стали в советский период основой быстрого промышленного развития края. Алтай активно включился в общественную систему территориального разделения труда, его роль в производстве целого ряда сложных видов промышленной продукции резко возросла.

Место и роль края традиционно предопределяли оборонный и аграрный комплексы, с которыми теснейшим образом было связано сельскохозяйственное машиностроение. В оборонном комплексе и в сельхозмашиностроении это были, в основном, предприятия-гиганты машиностроения, химической промышленности с численностью занятых до 25 тыс. человек, относительно слабо диверсифицированные и мало мобильные с точки зрения возможности технической и технологической реструктуризации.

Предприятия, построенные в основном в военные и первые послевоенные годы, характеризовались высоким уровнем износа основных фондов, значительной долей ручного труда, экстенсивным материалоемким наращиванием производства в ущерб глу-

бокой модернизации технологических процессов, централизованным механизмом распределения и перераспределения материальных и финансовых ресурсов, в результате чего сформировалась слабая внутрирегиональная кооперация. Наряду с этим в крае имелись современные высокотехнологичные промышленные производства.

Отраслями специализации промышленности края являлись машиностроение (более 40% товарной продукции промышленности), химическая и нефтехимическая (16%) и легкая (12%) промышленность. Новой отраслью специализации в 80-е годы стала черная металлургия в связи с пуском Алтайского коксохимического завода в городе Заринске.

В крае выпускалось более половины паровых котлов, треть дизелей и генераторов, тракторных плугов, до десятой части тракторов, химических волокон и жирных сыров, производимых в РСФСР. Продукция перечисленных отраслей в основном вывозилась за пределы края, преимущественно в западные районы страны. Значительная часть продукции края шла на экспорт.

По данным единовременного обследования ресурсов, завоза, вывоза и рыночных фондов товаров народного потребления, проведенного статорганами в 1989 г., край был активно включен в эти процессы. Из края вывозились как продовольственные (21,8% к произведенному), так и непродовольственные товары (53,4% к произведенному). Однако превышение вывоза над ввозом было зарегистрировано по четырем группам: продукты питания, продукты животноводства и растениеводства и табачные изделия (табл. III.12).

Таким образом, Алтайский край имел свое определенное место в общесоюзном разделении труда, что позволяло ему играть заметную роль в экономике России. По данным Агентства Деловой Информации в 1990 г. среди 74 регионов России по совокупному общественному продукту край занимал 22-е место, по произведенному национальному доходу – 25-е, по национальному доходу, использованному на потребление и накопление – 18-е, по продукции промышленности – 24-е, по валовой продукции сельского хозяйства – 4-е, по капитальным вложениям (1986–1990 гг.) – 23-е, по рыночному обороту – 21-е место [6].

Таблица III.12

**Завоз, вывоз и рыночные фонды ТНП в денежном выражении
по Алтайскому краю за 1989 г., тыс. руб.**

Показатель	Сальдо (завоз + вывоз –)	Всего поставлено	В том числе	
			поставлено по рыночно- му фонду	на пере- работку
ТНП – всего	343197	2994365	2710481	283884
Продовольственные	–109060	1584364	1490364	94000
В том числе продукты питания	–129941	1024001	930001	94000
Из них:				
Продукты животно- водства	–291862	418072	387564	30508
Продукты растение- водства	43979	90856	87026	3830
Продукты промыш- ленной выработки	117942	515073	455411	59662
Алкобольные напитки	20881	560363	560363	–
Непродовольственные	439259	1373220	1263293	109927
В том числе:				
Ткани, одежда, обувь	51815	681744	606280	75464
Товары культурно- бытового назначения	174491	198142	198142	–
Товары хозяйствен- ного назначения	22996	220743	201923	27820
Галантерейные товары	191610	206296	201463	4833
Табачные изделия	–1653	57295	55485	1810

Источник: Данные Алтайкрайстата.

Особенности структуры народного хозяйства края. Национальное богатство Алтайского края (без стоимости земли, лесонасаждений и незаконченного капитального ремонта) оценивалось на начало 1990 г. в 38 млрд руб., из которых 28,7 млрд руб. – стоимость основных фондов. Две трети основных фондов составляли производственные фонды, главным образом промышленные и сельскохозяйственные.

Государственная собственность в структуре национального богатства края была преобладающей – 79,5%: союзно-респуб-

ликанская – 70,9%, местных Советов – 8,6%. На долю кооперативно-колхозной собственности приходилось 11,8% национального богатства края, личной собственности – 8,7% (табл. III.13).

Существенно более значимую роль играли средства населения в формировании совокупной денежной массы. На начало 1990 г., как следует из табл. III.14, вклады населения в Сбербанке, включая срочные, составляли 55,6% всей совокупной денежной массы края.

К началу 1990-х гг. структура экономики края характеризовалась общими для всего народного хозяйства России особенностями:

- преобладанием отраслей общесоюзной специализации, таких как машиностроение и металлообработка, легкая и текстильная промышленность, химия и нефтехимия, с соответствующей высокой долей военно-промышленного комплекса;

- осуществлявшимся в течение многих лет экстенсивным материалоёмким наращиванием производства в ущерб глубокой модернизации технологических процессов;

- многолетним доминированием централизованного механизма распределения и перераспределения материальных и финансовых ресурсов, в результате чего сформировалась слабая внутрирегиональная кооперация, а экономика края была сориентирована на общесоюзный рынок;

- большим удельным весом аграрного сектора, развивавшегося экстенсивными методами, путем наращивания объемов производства первичного сельскохозяйственного сырья в ущерб переработке и производству потребительских товаров.

Характерной особенностью социально-экономического развития края было хроническое отставание непродушенной сферы от уровней, достигнутых Россией и Западной Сибирью. Среднедушевая обеспеченность основными фондами непродушенной сферы к началу 1990-х годов составила 82% к уровню республики и 81% к уровню Западно-Сибирского экономического района.

Традиционно край имел довольно низкий научный и проектный потенциал: основные фонды науки и научного обслуживания составляли в общем объеме менее 1%, в то время, как в Томской области – 7%, Омской – более 2%, Западной Сибири и республике в целом – 5–6% [7, с. 4–5].

Структура национального богатства Алтайского края на 1.01.1990 г., млн руб.

Показатель	Всего	В том числе						
		государ- ственная собствен- ность	союзная	из нее		коопера- тивная	колхозная	лич- ная
				республикан- ская	местных Советов			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Основные фонды – всего	28664	24153	10315	10712	3126	387	2515	1609
в %	100,0	84,3	36,0	37,4	10,9	1,3	8,8	5,6
В том числе:								
Производственные фонды из них:	18961	16384	8475	7809	100	340	1986	251
Промышленные	7975	7782	5680	2042	60	60	133	–
Сельскохозяйственные	5677	3595	140	3439	16	8	1823	251
Строительные	747	724	360	340	24	8	15	–
Транспорта и связи	2744	2744	900	1844	–	–	–	–
Прочие	1818	1539	1395	144	–	264	15	–
Непроизводственные из них:	9703	7769	1840	2903	3026	47	529	1358
Жилищного хозяйства	6096	4298	1104	1794	1400	40	400	1358

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Материальные оборотные средства – всего, в %	4861	3752	994	2743	15	473	636	–
Из них:	100,0	77,2	20,4	56,4	0,4	9,7	13,1	–
В промышленности	1266	1252	899	344	9	14	–	–
В сельском хозяйстве	2200	1569	15	1548	1	–	636	–
В строительстве	157	153	2	146	5	4	–	–
На транспорте	25	23	15	8	–	2	–	–
В прочих отраслях	1213	760	63	697	–	453	–	–
Запасы с/х продукции	1754	934	10	924	–	–	380	440
в %	100,0	–	–	–	–	–	21,7	25,0
Незавершенное строительство	1526	1413	516	754	143	29	84	–
в %	100,0	92,6	33,8	49,4	9,4	1,9	5,5	–
Личное имущество населения	1243	–	–	–	–	–	–	1243
в %	100,0	–	–	–	–	–	–	100,0
ИТОГО (без стоимости земли, лесонасаждений и незаконченного капитального ремонта)	38048	30252	11835	15133	3284	889	3615	3292
в %	100,0	79,5	31,1	39,8	8,6	2,3	9,5	8,7

Источник: Данные Алтайкрайстата.

Структура и динамика совокупной денежной массы Алтайского края

Компоненты денежной массы	На 1.01.1986 г.		На 1.01.1989 г.		На 1.01.1990 г.	
	сумма	%	сумма	%	сумма	%
Наличные деньги в обращении (банкноты, казначейские билеты, разменная монета)	835,4	22,0	1098,8	22,6	1331,6	23,2
Деньги на расчетных, текущих и прочих счетах предприятий, организаций, учреждений	906,7	24,0	956,2	19,7	1181,0	20,6
Вклады до востребования в Сбербанке	1549,9	41,0	2088,9	42,9	2383,4	41,5
Срочные вклады населения в Сбербанке	490,9	13,0	716,9	14,7	809,3	14,1
Сертификаты Сбербанка	–	–	5,0	0,1	26,4	0,5
Депозиты государственных специализированных и коммерческих банков	–	–	–	–	7,4	0,1
ВСЕГО совокупная денежная масса	3782,9	100	4865,8	100	5739,1	100

Источник: Данные Алтайкрайстата.

Ретроспективный анализ, проведенный сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, показал, что край в 1970-х годах входил в группу регионов с замедленным, инерционным развитием промышленности, неустойчивой динамикой сельскохозяйственного производства, с сокращающимся новым производственным строительством. Темпы прироста валового общественного продукта составляли 5% против 6% по стране в целом, с более резким замедлением в последующие годы.

Сравнение структур валового общественного продукта, произведенного национального дохода и занятости в сфере материального производства края и СССР в 1988 г. показывает аграрно-индустриальную направленность хозяйства края: по сравнению с общесоюзными показателями доля промышленности в анализируемых структурах ниже, а сельского хозяйства, соответственно, выше. Обращает на себя внимание сравнительно низкая эффективность материального производства края, сложившаяся к концу 1980-х гг. Удельный вес произведенного национального дохода в совокупном валовом продукте в крае по сравнению с аналогичным показателем СССР был ниже на 5,1 п.п., а производительность труда в отраслях материального производства составляла 77,5% (табл. III.15).

По оценке А.Н. Алисова и В.К. Воронцова по показателям душевого производства валовой продукции промышленности, сельского хозяйства, объема строительно-монтажных работ край заметно отставал от общесоюзных показателей. Индекс уровня экономического развития края, по расчетам упомянутых авторов, был одним из наиболее низких в Западной Сибири (табл. III.16).

С позиций «единого союзного дома» говорить о каких-либо серьезных диспропорциях в отраслевой структуре экономики края было бы неверно. Алтайский край, к примеру, заметно не отличался по структуре хозяйства от близких по отраслевой специализации соседей – Новосибирской и Омской областей (табл. III.17).

Отраслевая структура валового общественного продукта, произведенного национального дохода и занятости в сфере материального производства СССР и Алтайского края, %

Отрасль	Структура совокупного валового продукта		Структура произведенного национального дохода		Структура занятых в сфере материального производства		Удельный вес произведенного национального дохода в совокупном валовом продукте		Производи- тельность труда в Алтайском крае к уровню СССР
	СССР	Алтай- ский край	СССР	Алтай- ский край	СССР	Алтай- ский край	СССР	Алтай- ский край	
Промышлен- ность	59,8	54,2	42,7	28,3	40,0	37,1	29,5	19,5	55,4
Сельское хозяйство	17,0	27,8	22,7	44,8	25,0	28,5	55,1	58,5	99,2
Строительство	10,9	10,3	12,8	13,3	13,7	12,9	48,1	46,9	85,6
Транспорт и связь	4,8	3,6	6,1	5,2	7,8	8,0	52,6	51,8	63,4
Прочие	7,5	4,1	15,7	8,4	18,5	13,5	86,6	75,0	41,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	41,4	36,3	77,5

Источник: Данные Госкомстата.

Таблица III.16

**Показатели экономического развития
регионов Западной Сибири в 1980–1985 гг.
в сравнении с общесоюзными показателями**

Регион	Производство на душу населения, % к СССР			Индекс уровня экономиче- ского развития
	валовой продукции промыш- ленности	валовой продукции сельского хозяйства	строительно- монтажных работ	
Алтайский край	73,4	80,2	81,1	75,23
Кемеровская обл.	110,8	33,5	100,3	89,31
Новосибирская обл.	81,7	59,4	78,8	75,51
Омская обл.	94,4	83,3	91,0	91,04
Томская обл.	65,3	44,1	180,3	75,91
Тюменская обл.	211,8	41,6	869,1	259,72
СПРАВОЧНО: Восточная Сибирь				
Красноярский край	126,2	50,9	159,9	111,42
Иркутская обл.	112,6	32,8	96,2	89,64
Читинская обл.	39,1	55,2	78,7	48,82
Бурятская АССР	59,0	40,6	114,8	62,05
Тувинская АССР	16,5	41,2	87,6	32,85

Примечание. Индекс уровня экономического развития рассчитан авторами путем взвешивания показателей производства на душу населения на соответствующие показатели удельного веса отрасли в структуре национального дохода.

Источник: [8, с. 12–129].

Таблица III.17

**Структура совокупного общественного продукта
в ряде регионов Западной Сибири, % к итогу**

Отрасль	Алтайский край	Новосибирская область	Омская область
Промышленность	47,7	52,2	54,4
Сельское хозяйство	28,7	21,7	22,4
Строительство	12,1	10,2	10,3
Транспорт и связь	4,6	5,2	5,8
Остальные отрасли	6,9	8,9	7,1

Примечание. Расчеты проф. С.А. Суспицына.

В 1990 г. совокупный общественный продукт вырос на Алтае на 7%, в Новосибирской области – на 12%, в Омской области – на 4,7%. Главные же различия между этими регионами состояли в приходящемся на душу национальном доходе (табл. III.18).

Таблица III.18

**Национальный доход на душу населения
в ряде регионов Западной Сибири в 1990 г., тыс. руб./чел.**

Регион	Национальный доход		В том числе	
	произведенный	использованный	потребленный	накопленный
Алтайский край	2,1	2,7	2,0	0,7
Новосибирская обл.	2,6	2,6	2,1	0,5
Омская обл.	2,7	2,3	2,0	0,3

Примечание. Расчеты проф. С.А. Суспицына.

Из этой таблицы наглядно видны различия в экономике этих регионов. Новосибирская область самодостаточна, Омская область даже выступала в роли региона-донора – ее произведенный национальный доход превосходил использованный на 17%. Алтайский край созданным национальным доходом мог лишь прокормить себя на среднем уровне. Ресурсы накопления он получал извне. Как только внешние источники накопления сократились, Алтай был вынужден «проедать» основные фонды. Уже в 1991 г., чтобы удержать фонд потребления, край имел отрицательный фонд накопления [9, с. 12–13].

7.2. Проблемы развития отраслей производственной сферы

Развитие промышленности. Промышленность, образно говоря, являлась одним из краеугольных камней, на котором зиждилось «здание» экономики края. В ведущей отрасли промышленности «машиностроение и металлообработка» к концу 1980-х гг. было сосредоточено 36% основных производственных фондов и 50% численности промышленно-производственного персонала, производилось 40% промышленной продукции. Благополучие

края (бюджет, развитие инфраструктуры, непроизводственной сферы, доходы населения) на 80% зависело от крупных предприятий этой отрасли. По сравнению с другими отраслями народного хозяйства края промышленность характеризовалась наибольшей динамикой.

Становление ее начиналось в 1930-е годы, когда были построены меланжевый комбинат и другие более мелкие предприятия легкой и пищевой отраслей по переработке сельскохозяйственной продукции.

Второй этап развития индустрии края прошел в военные годы, в этот период на его территории были размещены эвакуированные из западной части страны заводы. Именно они явились затем базой для дальнейшего роста промышленного производства на Алтае.

Третий этап диверсификации отраслей промышленного производства в крае прошел в 1960–70-е годы. В этот период были реконструированы или построены заново новые предприятия машиностроения, химии и нефтехимии, черной металлургии. Роль края в межрегиональном разделении труда стала определяться не только производством сельскохозяйственной продукции, но и развитием отраслей обрабатывающей промышленности, в первую очередь, таких отраслей общесоюзной специализации, как машиностроение и химия. Наибольшее развитие в крае получили отрасли тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, котло-, дизель- и вагоностроения, производство химических волокон, автопокрышек и т.д. В связи с вводом в строй в 1980-е годы Алтайского коксохимического завода край стал специализироваться на производстве кокса на базе кузнецких углей. К концу 1970-х годов удельный вес валовой продукции промышленности союзного подчинения в общем объеме валовой продукции промышленности края стал составлять более 60%. Тем не менее отрасли промышленности союзного подчинения были представлены в крае по сравнению с регионами Западной Сибири в меньшей степени (табл. III.19).

Вследствие неравномерного развития динамика отраслевой структуры промышленности претерпела в 1970–1990 гг. серьезные изменения (табл. III.20).

Таблица III.19

**Динамика отраслевой структуры промышленности Алтайского края
по стоимости продукции, % к итогу**

Отрасль	1970	1975	1980	1985	1990
Электроэнергетика	1,8	1,9	2,0	2,7	2,7
Черная металлургия	–	–	0,2	2,1	3,0
Химия и нефтехимия	11,1	15,9	17,7	17,9	17,3
Машиностроение и металлообработка	36,9	39,6	43,5	42,2	40,1
Лесная и дерево- обрабатывающая	4,3	4,6	3,3	3,6	3,3
Промышленность стройматериалов	2,9	2,9	2,0	2,4	2,4
Легкая	15,1	11,4	12,2	11,9	12,1
Пищевая	25,1	20,3	14,2	12,9	16,8
Прочие отрасли	2,8	3,4	4,9	4,3	2,3

Источник: Данные Алтайкрайстата.

Таблица III.20

**Объем и удельный вес промышленности республиканского
и местного подчинения в общем объеме валовой продукции
промышленности в 1980 г.**

Регионы	Объем валовой продукции промышленности, млрд руб.			Удельный вес в общем объеме валовой продукции, %	
	всего	в том числе промышлен- ность, под- чиненная РСФСР	из нее про- мышлен- ность местного подчинения	промыш- ленности, подчинен- ной РСФСР	промышлен- ности местного подчинения
Алтайский край	4,9	1,8	0,20	35,7	4,0
Кемеровская обл.	8,4	1,7	0,28	20,2	3,4
Новосибир- ская обл.	5,7	1,5	0,22	26,3	3,8
Омская обл.	4,7	1,5	0,11	31,9	2,4
Томская обл.	1,3	0,4	0,08	28,5	6,2
Тюменская обл.	6,8	1,0	0,13	15,3	1,9

Источник: [8, с. 32].

Продолжала возрастать доля отраслей специализации, электроэнергетики, появилась черная металлургия. При этом сократилась доля продукции отраслей легкой, пищевой, лесной и деревообрабатывающей промышленности.

В целом сложившуюся к середине 1980-х гг. отраслевую структуру промышленности края нельзя считать удовлетворительной. Объем продукции отраслей группы «Б» не превышал четверти в общей стоимости выпускаемой продукции. В 12-й пятилетке (1981–1985 гг.) проявилась тенденция положительных структурных сдвигов: прирост продукции отраслей группы «Б» составил за пятилетку 38,6%, производство товаров народного потребления в крае возросло на 45,9%.

К концу 1980-х гг. в экономике края в целом и, в частности, в промышленности края накопилось немало проблем. В числе ключевых – низкий технический уровень, высокая степень физического и морального износа основных фондов в большинстве отраслей. Статистические данные свидетельствуют, что фонды промышленности были сильно изношены, только за годы 12-й пятилетки износ увеличился на 5% (с 40,1% в 1985 г. до 45,1% в 1990 г.).

Процесс обновления фондов шел медленно, коэффициент выбытия устаревших основных фондов увеличился с 1,4% в 1985 г. всего до 2% в 1990 г. В первую очередь это относилось к небольшим предприятиям местной, легкой и пищевой промышленности, которые не располагали ни средствами, ни технической базой, ни кадрами специалистов для освоения достижений научно-технического прогресса.

В середине 1980-х гг. в крае на фоне общесоюзных показателей более заметной была тенденция сокращения темпов роста объемов выпуска продукции, в то же время среднегодовые темпы прироста основных фондов были практически на уровне общесоюзных. Сложившиеся тенденции не удалось переломить и в 12-й пятилетке. Прирост производства промышленной продукции за пятилетку составил в целом только 11,6% при росте основных фондов на 22%. Рассматриваемый период характеризовался снижением темпов роста выпуска продукции практически во всех отраслях промышленности. К концу 1980-х гг. динамика

большинства отраслей уже характеризовалась абсолютным снижением объемов выпуска продукции.

Характерной особенностью промышленного сектора хозяйства края была работа на привозном сырье и материалах. Практически только часть перерабатывающих предприятий пищевой промышленности имела местную сырьевую базу, что в дальнейшем, в период «автономизации» экономики, имело для развития последней заметные отрицательные последствия.

Существенным недостатком сложившейся к концу 1980-х гг. промышленной специализации края являлась оторванность ее от нужд восточной зоны страны. В Сибири потреблялась лишь незначительная часть промышленной продукции, производимой в крае.

Развитие сельского хозяйства. Ранее отмечалось, что сравнительно благоприятные природно-климатические условия, большие площади плодородных земель выдвигают край в число главных продовольственных районов Сибири. Процесс урбанизации в крае имел менее выраженный характер, чем в окружающих его областях: в сельской местности проживало более 40% всего населения края.

Предприятия АПК края являлись основными заемщиками: на их долю приходилось без малого 78% долгосрочных и 48% (для сельхозпредприятий) краткосрочных кредитов (табл. III.21).

Основные фонды сельскохозяйственного назначения превышали 18% от стоимости производственных фондов края, численность работающих в сельском хозяйстве составляла свыше 250 тыс. человек, или 20,8% от занятых в народном хозяйстве края.

Общие тенденции развития сельского хозяйства в течение второй половины 1980-х гг. показывают, что объем производства в этой отрасли практически не рос. Анализ динамики среднегодового объема производства продукции по пятилетним периодам выявил рост производства почти на 22% к концу 11-й пятилетки (1985 г.). Достигнутый уровень удалось сохранить и в 12-й пятилетке. Таким образом, производство сельскохозяйственной продукции в 1990 г. осталось на уровне 1985 г.

Имея более благоприятные географические условия по сравнению с соседними сибирскими областями, край входит в зону «рискованного земледелия», в связи с чем объем производства

сельскохозяйственной продукции и экономические показатели существенно зависят от складывающихся погодно-климатических условий и сильно варьируют по годам (табл. III.22). Так, например, в течение 1985–1990 гг. прирост объемов продукции в отдельные годы составлял свыше 10%.

Таблица III.21

Объем и структура кредитных вложений по отдельным звеньям кредитной системы по состоянию на 1.01.1990 г.

Звено кредитной системы	Всего	
	сумма, тыс. руб.	удельный вес, %
Всего кредитов	4858,7	
Из них:		
Долгосрочные кредиты	1412,7	100,0
Государственные предприятия, объединения и организации	149,0	10,5
АПК	1129,0	79,9
Потребкооперация	37,3	2,6
ЖСК	72,4	5,2
Кооперативы	4,0	0,3
Население	21,0	1,5
Краткосрочные кредиты	3446,0	100,0
Промышленность	592,1	17,2
Сельское хозяйство	1655,2	48,0
Торговля	444,5	12,9
Строительство	74,9	2,2
МТС	172,7	5,0
Заготовки	380,0	11,0
Транспорт и связь	30,0	0,9
Жилищно-коммунальное хозяйство	3,6	0,1
Бытовое обслуживание	10,8	0,3
Кооперативы	9,3	0,3
Прочие отрасли	72,9	2,1

Источник: Данные Алтайкрайстата.

Таблица III.22

**Экономические показатели производственно-финансовой деятельности
сельскохозяйственных предприятий Алтайского края, %**

Показатель	1965	1970	1980	1990
Доля убыточных предприятий	...	8,0	59,0	0,0
Уровень рентабельности (убыточности) по всей производственно-финансовой деятельности	-7,9	35,7	-3,3	36,2
Уровень рентабельности (убыточности) – растениеводства	34,2	101,2	45,1	104,6
– животноводства	-0,7	17,0	-7,0	40,1
Уровень рентабельности (убыточности) основных продуктов сельского хозяйства, реализованных государству:				
– зерно	41,9	117,7	56,6	201,2
– подсолнечник	105,4	136,1	120,6	265,6
– сахарная свекла	16,9	7,8	-19,5	26,3
– привес крупного рогатого скота	9,9	32,1	-13,1	30,6
– яйца на 1000 шт.	5,6	52,3	45,5	45,2
– молоко	-11,9	-5,0	12,3	56,8

Источник: [10, с. 8–89].

Дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства края сдерживалось целым рядом накопившихся за десятилетия проблем и диспропорций. Это преимущественно экстенсивные методы ведения хозяйства, низкий уровень механизации и электрификации, грубые нарушения в технологии внесения удобрений, отставание в развитии перерабатывающих и инфраструктурных отраслей АПК, недостатки в развитии социальной сферы села.

Фондооснащенность в сельском хозяйстве края к концу 1980-х гг. была в 2 раза ниже, чем по России, в том числе сельскохозяйственной техникой – на 25%, на 30% ниже была энерговооруженность, меньше – обеспеченность машинами. Инвестиции в сельское хозяйство по всему комплексу работ в расчете на 100 га сельхозугодий составляли в крае в 1990 г. около 50% среднероссийского уровня.

Одной из причин недостаточных и неустойчивых темпов развития агропромышленного комплекса края, наряду с низким уровнем интенсификации земледелия и животноводства, являлось отставание инфраструктурных отраслей – предприятий и произ-

водств, обеспечивающих своевременную уборку, транспортировку, хранение и переработку сельскохозяйственной продукции. Соотношение между основными фондами предприятий переработки и основными фондами производителей сельскохозяйственного сырья составляло 1:3; а соотношение между этими отраслями по численности занятых и по стоимости выпускаемой продукции было равно 1:2. Это не соответствовало оптимальной структуре продовольственного комплекса края, и его развитие сдерживалось возможностями не столько производства, сколько переработки сельскохозяйственного сырья.

Развитие отраслей производственной инфраструктуры.
Строительство. Строительный комплекс края к концу 1980-х гг. был представлен подрядными строительными организациями семи строительных министерств, строительными подразделениями промышленных и других предприятий, предприятий по производству строительных материалов, конструкций и деталей. Как видно из табл. III.23, на долю организаций строительных министерств приходилось около половины всех основных фондов строительного комплекса.

Другая половина производственных основных фондов строительного назначения была сосредоточена в отраслях материального производства и непромышленной сферы, причем около 2/3 из них приходилось на строительные организации непромышленной сферы. Из общего объема строительно-монтажных работ около 20% выполнялось хозяйственным способом, в особенности в сельской местности.

Для развития материально-технической базы строительства в крае имелись благоприятные предпосылки: более 220 месторождений минерально-строительного сырья, из которых эксплуатировалось менее трети; запасы цементного сырья, известняка, глины, строительного камня (гранит, мрамор); мощный машиностроительный комплекс, способный осуществлять производство и ремонт строительной техники. Удобные транспортные выходы на Кузбасс, Новосибирскую и другие области, наличие речных транспортных артерий с выходом в северные районы Сибири, а также относительно благоприятные природно-климатические условия края позволяли рассматривать в перспективе его строительный комплекс в качестве отрасли специализации регионального значения.

Таблица III.23

**Наличие и состав основных фондов в строительном комплексе
Алтайского края, тыс. руб. на конец года**

Показатель	1980	1985	На 1.01.1990	%	
				к 1980 г.	к 1985 г.
Основные фонды – всего	583081	877799	1241570	213	141
Производственные основные фонды строительного назначения – всего	317673	450236	600092	189	133
В том числе:					
здания и сооружения	126777	181680	169860	213	149
передаточные устройства	4069	6431	10724	264	167
машины и оборудование	123267	171912	218613	177	127
транспортные средства	57557	81634	89581	156	110
инструмент производ- ственный, хоз. инвентарь и другие виды основных фондов	6003	8579	11314	188	132
Основные фонды строи- тельного назначения отраслей материального производства – всего	47213	127704	222476	471	174
В том числе:					
промышленности	43379	121232	131361	303	108
торговли и общепита	2715	3718	5620	207	151
Основные фонды строительного назначения непроизводственной сферы – всего	218195	299859	419002	192	140
В том числе:					
жилищного хозяйства	191458	258038	349481	183	135
коммунального и бытового обслуживания	5445	10375	28448	522	274
просвещения	1129	16620	23128	208	139
культуры и искусства	1500	2181	3508	234	161
здравоохранения, физкультуры и соцобеспечения	5799	7403	14437	249	195

Источник: Данные Алтайкрайстата.

Таблица III.24

**Ввод в действие основных фондов и капиталовложения
в народное хозяйство Алтайского края, млн руб.**

Показатель	1981– 1985	1986– 1990	В том числе				
			1986	1987	1988	1989	1990
Ввод в действие основных фондов – всего	7730,3	8889,9	1664	1747,5	1917,9	1847,0	1713,4
В том числе производственного назначения	4981,1	5628,7	993,7	1042,4	1219,2	1155,6	1217,8
Капиталовложения – всего	7780,4	9881,2	1769,0	1869,3	2022,4	2141,0	2079,5
В том числе производственного назначения	4935,2	6267,7	1095,5	1148,7	1247,1	1326,1	1450,3
Строительно-монтажные работы – всего	4495,7	5574,7	1013,7	1066,9	1142,1	1238,0	1114,0
В том числе производственного назначения	2305,2	2766,2	503,5	516,9	540,7	597,1	608,0
Капиталовложения в жилищное строительство	1534,9	2072,2	384,9	406,2	413,5	437,5	430,1*
Капиталовложения в коммунальное хозяйство	401,0	425,1	66,4	71,4	87,4	91,5	108,5
Капиталовложения в здравоохранение, физкультуру и социальное обеспечение	84,7	169,4	24,9	29,4	36,2	43,7	35,3
Капиталовложения в народное образование	186,1	307,1	492	52,8	60,1	63,4	81,5
Капиталовложения в культуру и искусство	28,6	51,0	9,7	12,6	10,8	9,8	8,1

Примечание. Включены затраты населения на индивидуальное строительство 1990 г. – 33052 тыс. руб.

Источник: Данные Алтайкрайстата

Однако к концу 1980-х гг. уже наблюдалось снижение темпов роста объемов строительно-монтажных работ (табл. III.24), а также сокращение численности рабочих и служащих, занятых в строительном комплексе края (табл. III.25). Снижение темпов ввода основных фондов в хозяйстве края предопределялось отчасти ростом объемов незавершенного строительства. Аналогичные процессы были характерны и для страны в целом.

Таблица III.25

Среднесписочная численность работников в строительстве, тыс. чел.

Показатель	1970	1975	1980	1985	1990
Всего в строительстве	74,6	99,2	105,1	114,3	98,7
В том числе:					
рабочих	62,7	84,1	86,2	93,1	79,5
служащих	11,9	15,1	18,9	21,2	19,2
Из всей численности работников – персонал, занятый на СМР и в подсобных производствах – всего	60,0	78,1	78,7	84,7	89,8
В том числе:					
рабочих	52,3	66,6	64,4	68,9	72,36
служащих	7,7	11,5	14,3	15,8	17,2
В обслуживающих и прочих отраслях	14,6	21,1	26,4	29,6	8,9

Источник: Данные Алтайкрайстата.

Топливо-энергетический комплекс. Уровень электрификации народнохозяйственного комплекса в 1980-е гг. не отвечал его растущим требованиям. Объем собственного производства электроэнергии характеризовался снижением в результате старения парка оборудования существующих ТЭЦ, низких темпов реконструкции и строительства новых блоков ТЭЦ в городах края. Около половины потребности в электроэнергии край покрывал за счет объединенной энергосистемы Сибири, которая также была дефицитной. Дефицит электроэнергии в крае вел к снижению надежности электроснабжения и, следовательно, к значительным народнохозяйственным потерям, сдерживал внедрение прогрессивных технологических процессов.

В структуре валовой продукции энергетики края теплоэнергетика занимала более 2/3. Этот факт определял необходимость осо-

бого внимания к этой отрасли народного хозяйства, создающей условия для общественного воспроизводства, удовлетворения коммунальных нужд населения. Однако потребности производственной и непроизводственной сфер края в тепловой энергии удовлетворялись недостаточно. В больших городах – Барнауле, Бийске, Рубцовске – в поселках и сельских населенных пунктах сложился значительный дефицит тепла, общая величина которого оценивалась в 25–30%.

Транспорт. Значительная территориальная протяженность края, сравнительно низкая плотность населенных пунктов предъявляли высокие требования к организации грузовых и пассажирских перевозок, взаимосвязи различных видов транспорта – железнодорожного, автомобильного и речного – к качеству дорог.

Основная доля грузооборота края приходилась на железнодорожный транспорт, который был представлен тремя отделениями железных дорог (Западно-Сибирским и Алма-Атинским управлением), а также промышленным транспортом. Это обстоятельство затрудняло планирование комплексного развития регионального железнодорожного транспорта.

Развитие железнодорожного транспорта характеризовалось ростом основных фондов, капитальных вложений и объемов грузовых и пассажирских перевозок. Однако эти темпы отставали от требований комплексного социально-экономического развития края. Основным лимитирующим фактором являлась низкая пропускная способность железных дорог. Слабое наращивание мощностей станций и узлов, особенно на стыках взаимодействующих видов транспорта, приводило к увеличению простоев вагонов, задержке потоков поездов на подходах к станциям.

Развитие материальной базы автомобильного транспорта происходило достаточно интенсивно. В то же время эффективность использования автомобильного парка снижалась. Так, при росте парка грузовых автомобилей в 1981–1985 гг. на 11% грузооборот практически не увеличился.

Как известно, одним из основных условий совершенствования автомобильных перевозок является улучшение сети автодорог. Следует отметить, что, наряду с увеличением общей протяженности дорог, доля последних с твердым покрытием росла медленнее и составляла не более 40%. Невыполнение планов строительства дорог с

твердым и усовершенствованным покрытием было обусловлено дефицитом материальных ресурсов и мощностей строительных организаций. Устойчивыми дорогами в 1990-х гг. было соединено 84,4% всех центральных усадеб колхозов и совхозов с районными центрами или железнодорожными станциями. Строительство автодорог к малым селам края не осуществлялось вообще. Совершенно не выделялось капвложений на создание придорожной сервисной службы.

7.3. Объективные факторы депрессивности алтайской экономики

Динамика регионов, как известно, непосредственно связана со структурными особенностями их хозяйства, а в конечном итоге – со специализацией экономики. Для Алтайского края сложилась неблагоприятная комбинация основных факторов регионального развития, обусловивших кумулятивный эффект упадка экономики региона.

Одним из важнейших факторов, негативно влияющих на развитие экономики края, явилась низкая доля топливно-энергетического комплекса, составляющая в структуре промышленности края в 1992 г. 7% против 25% по народнохозяйственному комплексу страны в целом и 19% – по Западно-Сибирскому экономическому району. Практически половину электроэнергии край получал по перетоку. При этом выработка ее на предприятиях края осуществлялась на привозном топливе, что обусловило высокую степень зависимости экономики от цен на энергоносители, транспортных тарифов.

Из-за недостатка собственных ресурсов край вынужден ежегодно завозить более 8 млн т угля, 350 тыс. т мазута, 58 тыс. т сжиженного газа. В результате этого в крае сложился один из самых высоких в России тарифов на тепловую и электрическую энергию.

Отсутствие в крае топливно-энергетических ресурсов и недостаточно развитая минерально-сырьевая база, а, следовательно, низкий экспортный потенциал, не позволили компенсировать спад производства продукции для внутреннего потребления экспортными поставками¹. В более выгодных стартовых условиях оказались

¹ Экспортные поставки в объеме промышленного производства края составляют в настоящее время 20%, в том числе в дальнее зарубежье – 4%.

регионы, располагающие сырьевыми и топливно-энергетическими ресурсами, производствами их переработки: Кемеровская область (наличие угля, выплавка стали), Тюменская и Томская области (нефть и газ), Омская область (нефтепереработка).

Второй фактор – относительная отдаленность основных производств края от сырьевых ресурсов и потребителей продукции, обуславливающая высокую степень зависимости конкурентоспособности продукции края, даже на внутреннем российском рынке, от транспортных тарифов. Так, сырье и материально-технические ресурсы для предприятий машиностроения и металлообработки, химии и нефтехимии, черной металлургии, производящих в совокупности около половины объемов промышленной продукции края (металлопродукция, химическое и нефтехимическое сырье и компоненты, высокоэнергетический каменный уголь), ввозятся из-за пределов региона.

Собственная сырьевая база имела только для пищевой и мукомольно-крупяной промышленности, производства ряда лекарственных препаратов и витаминной продукции, отдельных видов химической продукции.

Повышение цен на энергоносители и тарифов на железнодорожные перевозки подорвали конкурентоспособность алтайской продукции. Так, например, цена на сыр, масло, мясо в определенный период превысила стоимость аналогичных импортных продуктов. Отдаленные районы России (крайний Север и Дальний Восток) отказались от закупки товаров отечественного производства. Только по поставкам в северные районы край потерял рынок по 19 тыс. т мясопродуктов, 120 тыс. т молочных продуктов, 26 млн штук яиц, 57 тыс. т муки, 40 тыс. т комбикормов.

Третий важнейший фактор – это «невыгодная» в условиях разрыва кооперационных связей структура промышленности края: суммарная доля сельхозмашиностроения, легкой промышленности и оборонных предприятий, наиболее подверженных кризису, в структуре промышленности края составила 71%. Формирование такой структуры – результат длительного развития экономики края в рамках экономики Союза. Освоение целинных и залежных земель предопределило развитие в крае машиностроения, в значительной степени специализирующегося на выпуске машин и оборудования для сельского хозяйства. В результате, на старте реформ

удельный вес машиностроительного комплекса в 1,6 раза превысил аналогичный показатель в среднем по России, в 3,9 раза – по Сибири и Дальнему Востоку. При этом потребителями значительной части продукции сельскохозяйственного машиностроения, составившей около 30% продукции машиностроительного комплекса, являлись республики Средней Азии и Казахстан.

Длительное формирование и развитие советской экономики во «враждебном» окружении с издержками удерживания статуса космической и ядерной сверхдержавы обусловили наличие в крае крупного оборонного комплекса. Доля продукции специального назначения в общем объеме промышленного производства составляла около 30%.

Наличие двух гигантов легкой промышленности, базирующихся на переработке сырья, поставляемого из республик Средней Азии, определило высокую долю легкой промышленности в структуре промышленного производства края – 10,2%, что, опять-таки, было значительно выше среднего уровня по России (7%) и уступало лишь показателям Центрального (20%) и Северо-Западного (11%) экономических районов.

Распад Советского Союза, а, следовательно, потеря рынков сбыта для сельхозмашиностроения и сырьевой базы для предприятий легкой промышленности, неопределенность и существенное сокращение государственных заказов на оборонную продукцию, потребность в глубокой конверсии предприятий без надлежащей государственной поддержки, предопределили осложнение положения в промышленном производстве края уже на старте реформирования экономики России, о чем пойдет речь в следующей главе монографии.

Наконец, **четвертый фактор** депрессивности экономики края – высокий удельный вес в отраслевой структуре края низкоэффективного сельскохозяйственного производства. Валовый продукт промышленности России составил на начало 1990-х годов 80% от произведенного продукта, а доля продукции сельского хозяйства – 19,6%. На Алтае эти показатели составили соответственно 62 и 38%, т.е. доля сельскохозяйственного производства в 2 раза выше, чем в РФ. При этом показатели эффективности сельхозпроизводства нестабильны и существенно варьируют по годам в зависимости от природных условий.

Краткие выводы по разделу

Рассмотренный дореформенный период с точки зрения формирования и развития межрегиональной интеграции и кооперации для всех регионов России – Алтайский край не являлся исключением – был наиболее благоприятным. Центральным механизмом, обеспечивающим высокую интенсивность межрегиональных связей, был механизм централизованного распределения и перераспределения производимых в регионах материальных благ. Активное и возрастающее участие Алтайского края в территориальном разделении труда, наряду с упомянутым выше механизмом, было предопределено наличием трех основных предпосылок.

Первая из них – выгодное транспортно-географическое положение края в рамках СССР. Регион в силу своего местоположения выполнял роль «транзитного коридора», связывающего восточную зону страны с европейскими районами, а также с Казахстаном и Средней Азией.

Вторая предпосылка заключалась в том, что к концу 1980-х годов Алтайский край представлял собой крупнейший индустриально-аграрный регион России, обладающий заметными человеческими и земельными ресурсами (соответственно, 14-е и 18-е место в России) и достаточно масштабным экономическим потенциалом.

Сложившаяся отраслевая специализация края позволяла ему выполнять роль поставщика продовольствия прежде всего для регионов России. Край занимал второе-третье место по производству зерна, пятое – по производству мяса. За пределы края, по преимуществу в северные и восточные регионы страны, вывозилось в отдельные годы до трети производимой продовольственной продукции, до 2/3 зерна, главным образом, пшеницы сильных и твердых сортов. Последняя в урожайные годы составляла до одной пятой российского экспорта.

Отраслями специализации промышленности края являлись машиностроение (более 40% товарной продукции промышленности), химическая и нефтехимическая (16%) и легкая (12%) промышленность. Новой отраслью специализации в 1980-е гг. стала

черная металлургия в связи с пуском Алтайского коксохимического завода в городе Заринске.

В крае выпускалось более половины паровых котлов, треть дизелей и генераторов, тракторных плугов, до десятой части тракторов, химических волокон и жирных сыров, производимых в РСФСР. Продукция перечисленных отраслей в основном вывозилась за пределы края, преимущественно в западные районы страны. Значительная часть продукции края шла на экспорт.

По данным единовременного обследования ресурсов, завоза, вывоза и рыночных фондов товаров народного потребления, проведенного статорганами в 1989 г., край был активно включен в процессы межрегиональной интеграции на товарных рынках. Из края вывозились как продовольственные (21,8% к произведенному), так и непродовольственные товары (53,4% к произведенному). Превышение вывоза над ввозом было зарегистрировано по четырем группам: продукты питания, продукты животноводства и растениеводства и табачные изделия.

Наконец, третья предпосылка активного участия края в обеспечении связанности регионов была продиктована структурой его экономики в условиях ее формирования по принципу «единого дома». Так, в структуре экономики края очевидно было преобладание отраслей общесоюзной специализации: машиностроение и металлообработка, легкая и текстильная промышленность, химия и нефтехимия, с соответствующей высокой долей военно-промышленного комплекса. В структуре национального богатства края предприятия союзно-республиканской собственности, сориентированные на общесоюзный рынок, занимали на начало 1990 г. свыше 80%.

Интенсивность межрегиональных торговых связей во многом подкреплялась торговыми потоками, обусловленными работой промышленности края в основном на привозном сырье и материалах.

Вместе с тем в крае к концу 1980-х годов прошлого века сформировался ряд труднопреодолимых барьеров на пути его развития и усиления межрегиональной интеграции. Прежде всего это недостаточный в целом уровень экономического и социального развития края, который, как известно, является одним из суще-

ственных условий успешной интеграции. По показателям душевого производства валовой продукции промышленности, сельского хозяйства, объемам строительно-монтажных работ край заметно отставал от общесоюзных показателей. Производительность труда в отраслях материального производства составляла 77,5% по отношению к показателям страны.

Недостаточное развитие получила непроеизводственная сфера края: по отношению к России уровень ее развития составлял 82%, по отношению к уровню развития непроеизводственной сферы Западно-Сибирского региона – 81%.

Существенные «механизмы торможения» интеграции сформировались во всех ключевых отраслях экономики края. В промышленности ключевыми проблемами были низкий технический уровень производства, высокая степень физического и морального износа основных фондов в базовых отраслях промышленности.

Низкая производительность труда в промышленности края (55,4% по сравнению с производительностью в промышленности СССР) в сочетании с сокращением с середины 1980-х гг. темпов роста выпуска промышленной продукции привели к тому, что в конце 1980-х гг. динамика большинства отраслей промышленности уже характеризовалась абсолютным снижением объемов выпускаемой продукции. Последнее не могло негативным образом не сказаться на межрегиональной интеграции.

Для экстенсивно развивающегося сельского хозяйства Красноярского края был характерен низкий уровень интенсификации земледелия и животноводства. Во многом это было обусловлено недостаточным уровнем механизации и электрификации: фондооснащенность в сельском хозяйстве края к концу 1980-х годов прошлого столетия была в два раза ниже среднероссийской, в том числе сельхозтехникой – на 25%; энерговооруженность – ниже на 30%.

Недостаточные и неустойчивые темпы развития перерабатывающих и инфраструктурных отраслей привели к стагнации в производстве сельхозпродукции: во второй половине 1980-х годов ее объем практически не вырос, что не могло не сказаться на интенсивности межрегиональных товарных потоков.

Неблагоприятные тенденции развития сложились к концу 1980-х годов в *строительном комплексе* края. Это проявилось в снижении темпов роста строительно-монтажных работ и ввода основных фондов, росте объемов незавершенного строительства, сокращении численности работников. Тем самым были потеряны имевшиеся предпосылки формирования строительного комплекса края в качестве регионообразующей отрасли и эскалации ее услуг в другие регионы России.

Транспорт играл особую роль в обеспечении межрегиональной связанности. В крае к концу 1980-х гг. накопились проблемы в сфере транспорта, а именно: низкая пропускная способность железных дорог, снижение эффективности использования автомобильного транспорта, недостаточная протяженность (порядка 40%) и низкие темпы строительства дорог с твердым и усовершенствованным покрытием.

Топливо-энергетический комплекс края не отвечал растущим требованиям его хозяйства. В ряде городов и районов края сложился значительный дефицит тепла, оцениваемый в 20–30%. С точки зрения развития интеграционных процессов этот фактор, как это ни парадоксально, способствовал их интенсификации: край получал из других регионов половину электроэнергии, 8 млн т угля, 350 тыс. т мазута, 58 тыс. т сжиженного газа.

Аналогичная ситуация сложилась с *миграцией населения*. Отмеченное ранее недостаточное социально-экономическое развитие края, в том числе массовое сокращение сельских поселений, было одним из важнейших стимуляторов усиления межрегиональной связанности, обусловленной механическим движением населения края и формированием с конца 1950-х и до конца 1980-х годов устойчивого отрицательного сальдо миграции.

Список литературы к III разделу

1. **Мищенко В.В., Мищенко В.Т.** Социально-экономические проблемы края в условиях перехода к рыночным отношениям. – Алтайское краевое правление ВЭО. – Барнаул, 1991. – 26 с.

2. **Сибиркин Ф.А.** Основы системы взаимоотношений между предприятиями, организациями и территориальными органами управления по поводу содержания социальной инфраструктуры территории в переходный период к рынку. – Новосибирск-Барнаул: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 1991. – 96 с.

3. **Родионова Л.В.** Формирование и рациональное использование трудовых ресурсов в крае // Проблемы и перспективы комплексного развития экономики Алтайского края. – Новосибирск. Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 1988. – С. 63–75.

4. **Родионова Л.В.** Проблемы формирования и прогнозирования регионального рынка труда // Формирование рыночных отношений и структурная политика в Алтайском крае. – Новосибирск. Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 1992. – С. 66–78.

5. **Экономические** реформы в Алтайском крае (на примере рынка труда). – Барнаул, 1996. – 196 с.

6. **Бизнес-карта** России, том 4, Западная Сибирь, раздел «Алтайский край». – М.: Бизнес-карта, 1993. – 213 с.

7. **Экономические** реформы в Алтайском крае (на примере рынка труда). – Барнаул, 1996. – 127 с.

8. **Алисов А.Н., Воронцов В.К.** Управление экономикой региона. – Казань: Татарское книжное издательство, 1986. – 280 с.

9. **Основные** показатели экономического и социального развития края за 1990–1993 гг. / Алтайское управление статистики. – Барнаул, 1994. – 27 с.

10. **60 лет** Алтайскому краю. Юбилейный стат. сб. – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 1997. – 120 с.

РАЗДЕЛ IV

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОСТРАНСТВЕННУЮ ИНТЕГРАЦИЮ ЭКОНОМИКИ

Настоящий раздел посвящен оценке развития экономики края за достаточно большой хронологический период общей протяженностью более трех десятков лет.

В зависимости от влияния, оказываемого результатами развития края на том или ином отрезке времени на его включенность в экономическое пространство, весь рассматриваемый период условно можно разбить на ряд этапов.

Бесспорно, важнейший из них – этап вступления региона в рынок и развитие в условиях трансформационного кризиса (1991–1998 гг.). Более глубокий и затяжной по сравнению с общероссийским кризис, повлекший за собой потерю позиций края в общероссийском разделении труда, серьезное ухудшение внутрирегиональной экономической среды, ограничение возможностей регионального экономического роста кардинальным образом повлияли на сложившуюся в дореформенный период (см. раздел III монографии) картину интеграционных связей края.

С рассматриваемых позиций представляют большой интерес первые результаты частичного оздоровления его экономики в 2001–2002 гг. и развитие края в кризисный период 2008–2009 гг.

С учетом вышесказанного, развитие края в это время рассмотрено наиболее детально.

Что же касается последующего развития края (вплоть до 2017 г.), то оно по сравнению с предыдущими периодами изложено в общих чертах в силу того, что подробный анализ развития края на этапе восстановительного роста (включая первую половину 2008 г.), в период кризиса (вторая половина 2008–2009 гг.), на этапе выхода из кризиса (2010–2012 гг.) и, наконец, этапе рецессии (2013–2017 гг.) был сделан авторами ранее и полученные результаты опубликованы в предшествующей монографии [1, с. 63–90]. Особое внимание авторы уделили изложению вызовов и угроз, сформировавшихся в период адаптации и развития экономики края, в 1990–2017 гг.

Наконец, отдельная глава посвящена современному периоду (2018–2022 гг.), в котором восстановительный рост был прерван кризисом 2020–2021 гг. как реакцией экономики на ограничительные меры, сдерживающие расширение коронавирусной инфекции и функционированию региональной экономики в период ужесточения санкций.

Завершает раздел глава, имеющая принципиальное значение для активизации межрегиональных взаимодействий – производственно-хозяйственная инфраструктура края как материальная основа его межрегиональной связанности.

Глава 8

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ НА ЭТАПЕ ВСТУПЛЕНИЯ В РЫНОК И В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ РЕФОРМ

8.1. Основные макроэкономические тенденции

Переходный период для экономики края сопровождался рядом процессов, негативно отразившихся на взаимосвязанности регионов России, в их числе:

- потеря традиционных рынков сбыта;

- недостаточное использование возможностей военно-промышленного комплекса для выпуска товаров народного потребления;
- разбалансированность производства при обвальном снижении его объемов;
- развал имеющейся отраслевой социальной инфраструктуры и снижение уровня обслуживания населения;
- кризисное состояние монофункциональных городов и поселков;
- возрастание дефицита бюджетов территориальных образований и краевого бюджета.

Экономика края в рассматриваемом периоде была в весьма сложном положении, вынуждена функционировать в условиях инвестиционного голода, до предела обострившейся проблемы неудовлетворительного финансового состояния. Общее представление о сдвигах, произошедших в экономике региона за годы реформ, дает табл. IV.1, рис. IV.1–IV.4.

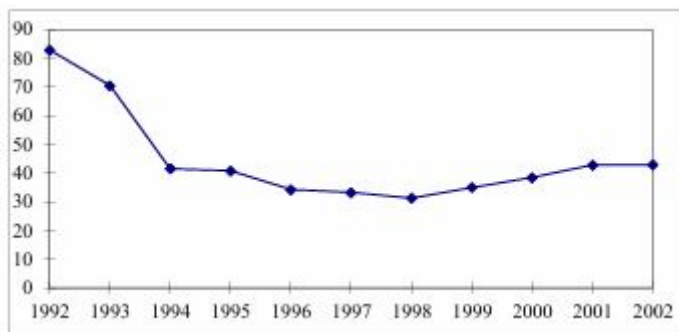

Рис. IV.1. Индекс физического объема промышленного производства (1991 г. – 100%)

Сказанное выше предопределило глубину экономического спада в Алтайском крае, который оказался здесь намного существенней, чем в среднем по России и в большинстве ее регионов. По душевому объему валового регионального продукта край в последние годы стал заметно отставать от среднероссийских показателей и, в частности, от регионов Западной Сибири (рис. IV.5) [2, с. 258–259].

Таблица IV.1

Динамика основных макроэкономических показателей Алтайского края

Показатель	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998 ¹	1999	2000 ⁴	2001	2002
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Объем промышленной продукции, млрд руб.	212	1418	3750	9976	14580	15326	14810	22622	30357	39009	45856
Индекс физического объема, %	83,3	85,1	59,3	98,2	83,9	94,0	94,2	117,9	108,6	111,2	100,2
Производство ТНП, млрд руб.	77,2	515	1302	3320	4127,2	4096,2	4345	9940	12649	17427	19536
Индекс физического объема, %	86,9	91,2	74,2	81,9	83,7	86,0	86,2	112,9	109,7	119,3	108,3
Объем валовой продукции сельского хозяйства, % к предыдущему году	80,4	122,1	75,6	121,6	91,4	77,2	105,7	103,1	122,1	105,1	102,4
Инвестиции за счет всех источников финансирования, млрд руб.	32,5	310,0	916,6	2479,9	2812,7	2739,3	3378,8	4562,3	6731,2	8419,8	9804,9
Темп роста, %	66	77,4	68,8	95,9	64,4	82,3	116,7	105,4	108,7	120,8	102,4
Ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м общей площади	857,6	770,0	555,3	622,8	467,3	454,2	455,32	460,4	415,0	439,4	371,9
Перевезено грузов автотранспортом общего пользования, млн т	29,3	16,6	15,6	10,1	5,3	4,0	3,2	3,3	3,1	2,5	2,5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Темп роста, %	73	56,7	94,0	64,7	52,2	75,0	81,0	104,0	93,3	81,1	...
Оборот розничной торговли по всем каналам реализации, млрд руб.	71,5	778	2523	6635	7040	8265	10154	17321	24402	32311	41369
Темп роста, %	95,5	137,3	92,2	94	71,9	106,2	100,6	91,5	114,0	113,3	116,2
Удельный вес населения, имеющего среднедушевые доходы ниже величины прожиточного минимума ³ , %	–	23,2	36,8	33,3	46,8	45,5	53,6	53,8	43,3	н.д.	39,0 ⁵
Соотношение среднедушевого дохода и величины прожиточного минимума	–	61,7	1,8 р.	1,5 р.	132	135	123	116	140	130	149 ⁵
Численность официально зарегистрированных безработных, тыс. человек (на конец периода) ²	10,2	15,8	28,8	36,0	44,5	35,6	39,6	25,7	22,9	28,6	40,2
Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года, раз	32,0	11,5	2,4	2,7	1,2	1,1	1,7	1,4	1,2	1,2	1,1

Примечание. ¹ 1998 г. – млн руб.; ² По годовым отчетам; ³ В 1992 г. не было методики расчета;

⁴ Оперативные данные; ⁵ Предварительные данные.

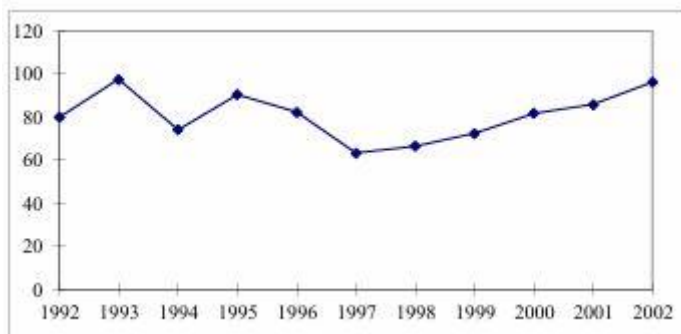

Рис. IV.2. Индекс физического объема валовой продукции сельского хозяйства (1991 г. – 100%)

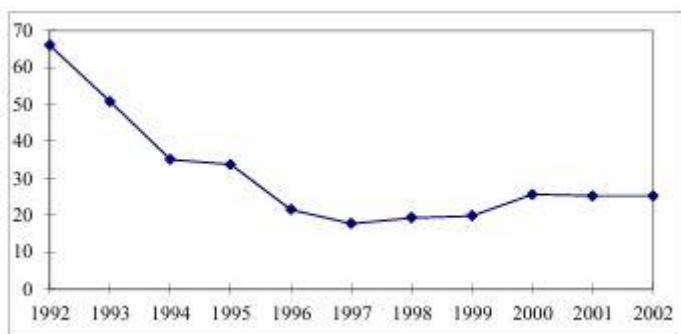

Рис. IV.3. Темп роста инвестиций (1991 г. – 100%)

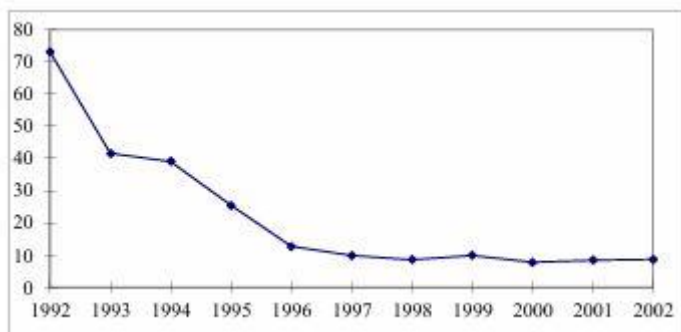

Рис. IV.4. Темп роста объемов перевозок грузов транспортом общего пользования (1991 г. – 100%)

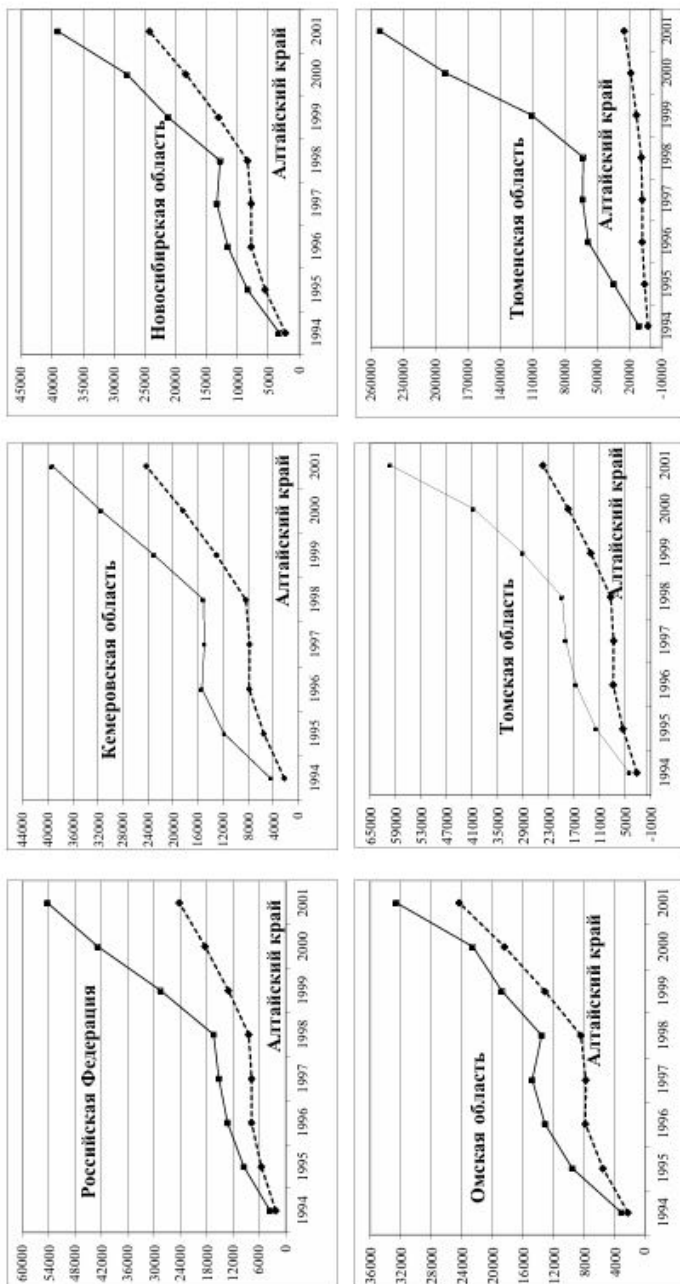

Рис. IV.5. Динамика валового регионального продукта в расчете на душу населения в России и регионах Западной Сибири, руб.

В силу действия стихийных рыночных законов при слабом регулировании экономики со стороны государства произошла поляризация развития регионов. Алтайский край, к сожалению, потерял свои позиции: удельный вес края в формировании валового внутреннего продукта России снизился с 1,1% в 1994 г. до 0,8% – в 2000 г. Край за эти годы по показателю валового регионального продукта на душу населения сместился с 60-го места на 68-е среди 79 субъектов РФ [3, с. 159, 162, 188–199.]. Все это не могло не сказаться на усилении межрегиональной дезинтеграции.

По сравнению с 1991 г. объем промышленной продукции к 2002 г. уменьшился на 56,2%, производство товаров народного потребления – на 52,0%, производство валовой продукции сельского хозяйства – на 29,6%, объем инвестиций за счет всех источников финансирования – на 68,1%. При этом пик падения пришелся на 1994 г. (см. табл. IV.1). Для продукции промышленности края были характерны относительно низкие конкурентные позиции. По данным Главного управления экономики и инвестиций администрации края устойчивые конкурентные позиции на внутреннем и внешнем рынках имела около 10% всей номенклатуры продукции производственно-технического назначения (кокс, дизели транспортные и дизель-генераторы, котлы паровые, прессы механические, вагоны грузовые)¹.

В силу этой и ряда других причин в крае имело место существенное недоиспользование производственных мощностей. В целом по основным товарным группам сельскохозяйственного сырья (продовольственное зерно, мясо, молоко, сахарная свекла, подсолнечник) емкость рынка оценивалась на 20–50% ниже имеющихся производственных возможностей по их переработке. Даже производственные мощности мукомольно-крупяной промышленности, обладающей наиболее высокой конкурентоспособностью и рыночной перспективой, были загружены на 50%. Мощности же предприятий легкой промышленности по производству тканей, трикотажных и швейных изделий были загружены на 10%, прежде всего из-за ограничений в поставках сырьевых ресурсов.

В результате вышеизложенного край практически лишился бюджетной базы, поскольку на промышленность приходилась по-

¹ Оценка конкурентоспособности основных видов промышленной продукции предприятий Алтайского края и их рыночной перспективы дана в монографии [4, с. 115–116].

чти половина всех налоговых отчислений. Доходная часть бюджета края оказалась неспособна обеспечить финансирование даже «защищенных» статей затрат, не говоря уже об инвестиционной поддержке отраслей экономики.

Фактор «близости к земле» народного хозяйства Алтайского края, – в аграрно-промышленном комплексе было занято 2/3 работников края, а в структуре производства потребительских товаров, производимых в регионе, 76,1% занимали продовольственные товары, – крайне важен для понимания происходивших в экономике края процессов. При всех негативных тенденциях, развившихся в регионе за годы преобразований, именно его аграрная специализация нивелировала в первые годы реформ их уничижительные последствия, позволила при существенно более низких доходах населения, чем по стране и другим регионам, избежать крайнего обострения социально-политической ситуации в крае, экономить на затратах, связанных со структурными преобразованиями, государственными вложениями в аграрный сектор.

Аграрно-промышленный комплекс, как отмечалось ранее, оказался единственной крупной отраслью экономики края, базирующейся на собственном ресурсном обеспечении (не считая топливно-энергетических ресурсов) и сравнительно обеспеченной внутренним платежеспособным спросом. По данным Главного управления экономики и инвестиций администрации края спрос на потребительском рынке региона удовлетворялся в целом продукцией собственного производства на 40%, в том числе рынок продовольственных товаров – на 80%, рынок непродовольственных товаров (бытовая техника, одежда, обувь) – в силу отсутствия специализированных производств и низкой конкурентоспособности продукции – всего лишь на 12%.

Вышесказанное предопределило заметно меньшие темпы падения индекса физического объема производства сельхозпродукции по сравнению с аналогичными показателями промышленности (см. рис. IV.1–IV.2). Однако, в силу низкой эффективности и сезонности его основного производства, в условиях крупномасштабной инфляции, существенного диспаритета цен, резкого снижения государственной поддержки кризиса в АПК избежать было невозможно.

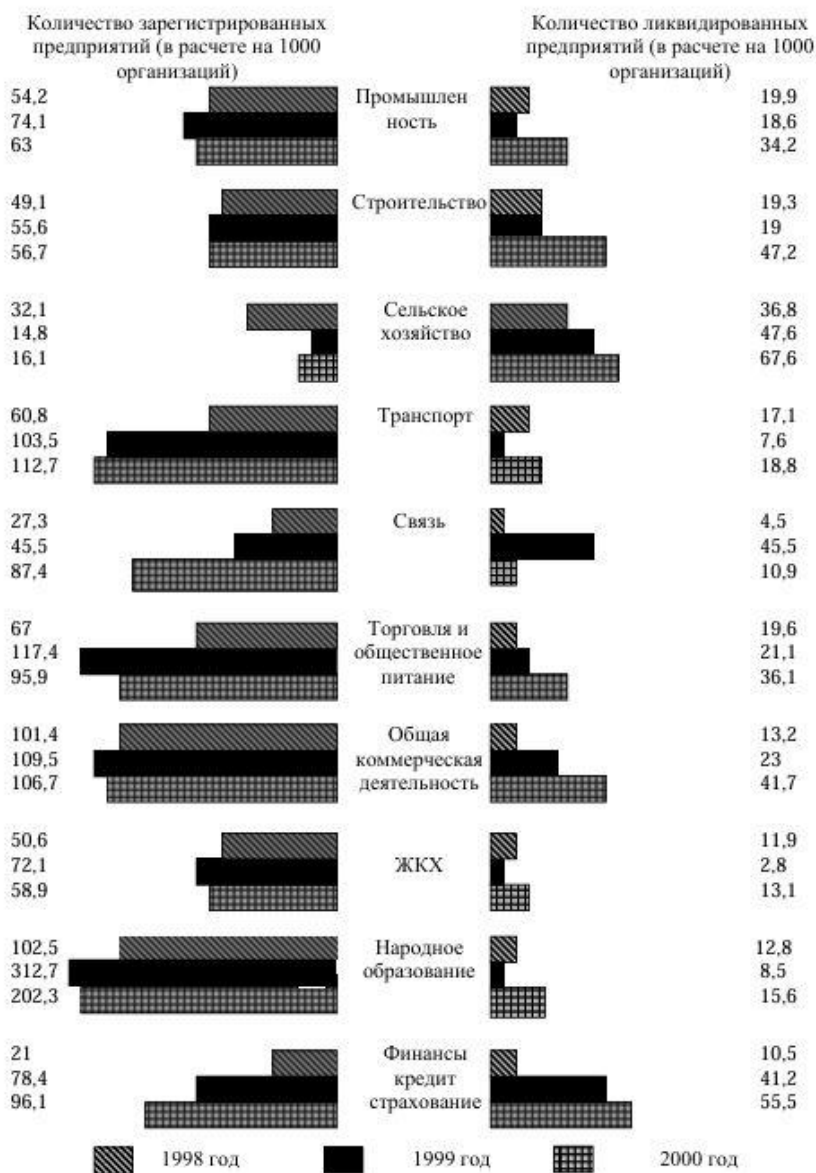

Рис. IV.6. Динамика регистрации и ликвидации предприятий в Алтайском крае

Серьезные подвижки произошли в институциональной структуре края. Это касается как изменения форм собственности предприятий, – на долю государственных и муниципальных предприятий приходилось в 2002 г. 15,9% общего числа предприятий, – так и их количества. Как видно из рис. IV.6, во всех отраслях экономики края с различной степенью интенсивности возникали новые предприятия. Наибольший их прирост отмечен на транспорте, в торговле и общественном питании, в общей коммерческой деятельности, в народном образовании. В целом, по сравнению с 1991 г., число предприятий в Алтайском крае увеличилось более чем в два раза; при этом по темпам роста числа предприятий край заметно отставал как от Российской Федерации, так и от Западной Сибири (рис. IV.7).

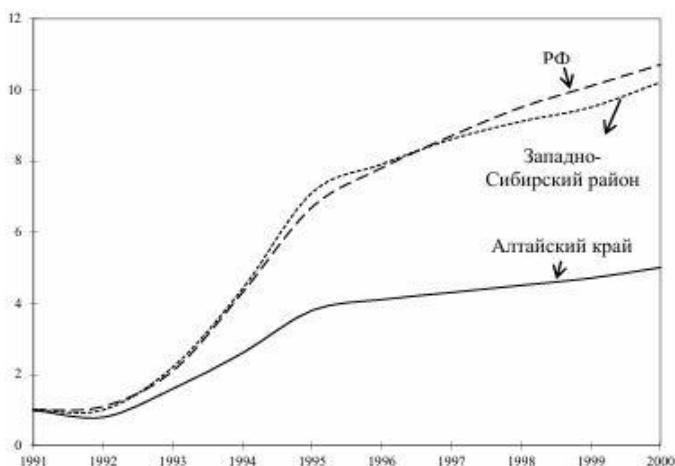

Рис. IV.7. Динамика темпов роста числа предприятий в Алтайском крае на фоне Западной Сибири и Российской Федерации, раз (1991 г.)

В 1999–2001 гг., если судить по данным официальной статистики (см. табл. IV.1) наметилось некоторое оживление экономики края, обусловленное девальвацией рубля в 1998 г., а именно:

- сформировалась тенденция к росту производства в большинстве отраслей экономики;

- выросли денежные доходы населения и, соответственно, увеличился оборот розничной торговли, общественного питания, платных услуг населению;

- улучшились показатели состояния рынка труда;

- заметно выросли доходы консолидированного бюджета края и т.д.

Вместе с тем по ряду важнейших показателей социально-экономического развития края наблюдалось замедление темпов развития. Оно отчасти объяснялось затухающим эффектом девальвации (обесценивания) рубля, произошедшим в августе 1998 г.

Заметим, что вплоть до 1994 г. край имел лучшие показатели в сравнении со средними по России. По сводному рейтингу (обобщающему сравнение регионов более чем по 200 социально-экономическим показателям) край сохранял свое положение среди других регионов-субъектов РФ [5]. Обвал, как отмечалось ранее, произошел в 1994 г., когда объемы производства в крае упали за год более чем на треть. И к началу 1998 г., когда в целом по России ситуация в определенном смысле стабилизировалась, положение в крае продолжало устойчиво ухудшаться.

Ликвидировать это ухудшение, вывести народное хозяйство края на общероссийские тенденции, возможно было лишь при условии участия в этом процессе государства, хотя бы частично компенсирующем отсутствие такой поддержки в начале реформ.

8.2. Развитие промышленности

Развитие промышленности края в 1991–2001 гг. характеризовалось двумя основными тенденциями: 1) существенной потерей промышленного потенциала; 2) «утяжелением» структуры промышленности, сокращением наукоемких производств¹.

Особенно тревожные процессы связаны с частичной деиндустриализацией края, поскольку «полюса роста» формируются, прежде всего, в отраслях промышленности. Как уже отмечалось,

¹ Наиболее детальный анализ состояния и динамики промышленного производства Алтайского края дан в работах: [6–8].

на протяжении ряда лет происходил длительный процесс отставания края по промышленному потенциалу от других регионов Западной Сибири.

Регионы поляризовались на две большие группы: сырьевые (ресурсодобывающие) и несырьевые (перерабатывающие). В несырьевых регионах, каким является Алтайский край, промышленный спад оказался более глубоким, чем в целом по России и в регионах Западной Сибири (рис. IV.8). Оживление промышленности края, имевшее место с 1998 г., не повлияло на сокращение различий с соседними регионами.

В целом структурные изменения, произошедшие в промышленности края, идентичны сдвигам, происходящим в промышленности России, а именно:

- относительно устойчивое развитие получили экспортоориентированные производства, поставляющие источники сырья, материало- и энергоемкую продукцию (черная металлургия);
- умеренное развитие – отрасли пищевой и в большей мере – мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности, имеющие устойчивый платежеспособный спрос на внутреннем рынке;
- резкое сокращение характерно для машиностроения, легкой промышленности, промышленности строительных материалов¹.

¹ Характеризуя развитие ряда отраслей промышленности края как «относительно устойчивое» и «умеренное», мы имеем в виду, прежде всего, увеличение их удельного веса в отраслевой структуре. Сказанное не означает отсутствия кризисных явлений в данных отраслях. Так, ОАО «Алтайкокс», доля которого в черной металлургии является определяющей (порядка 98%), характеризуется неустойчивой динамикой производства. В 1996 г. из-за неплатежеспособности потребителей кокса объемы производства в результате длительного простоя предприятия резко снизились; в 1999 г. ввиду благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры объемы производства выросли вдвое; со второй половины 2000 г. из-за ухудшения ситуации на рынке коксующего угля объемы производства стали падать.

В пищевой и перерабатывающей промышленности края, объединяющей 25 отраслей, из-за падения объемов производства и, отчасти, вывоза сельскохозяйственного сырья снизился выпуск пищевых продуктов (за исключением муки, крупы, макаронных изделий, пива). Для пищевой промышленности характерны высокая доля убыточных предприятий, неудовлетворительное материально-техническое оснащение, низкий уровень механизации труда и использования рабочей силы и т.п. Аналогичные процессы происходят в пищевой промышленности России. См.: [9].

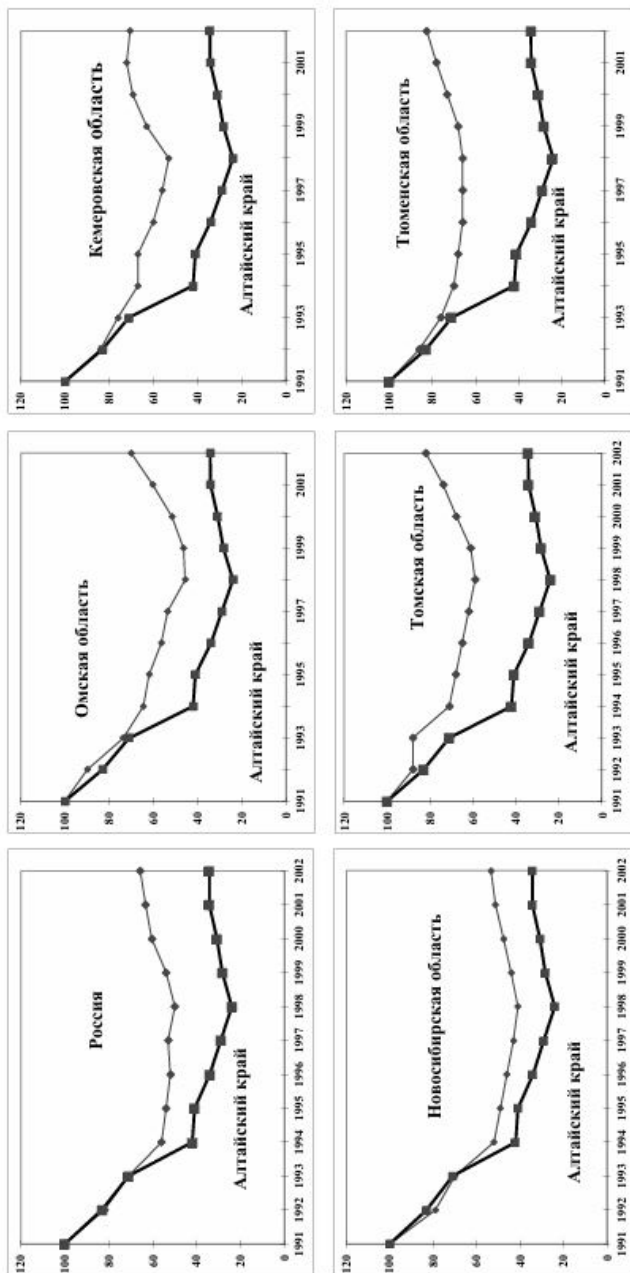

Рис. IV.8. Индекс физического объема промышленного производства в России и регионах Западной Сибири

Как отмечалось выше, происходящие сдвиги в отраслевой структуре промышленного производства с позиций среднесрочной и долгосрочной перспективы края не могут также быть признаны благоприятными. Налицо «утяжеление» отраслевой структуры промышленности, серьезные потери в объемах производства сельхозмашиностроения, промышленности строительных материалов и легкой промышленности (рис. IV.9).

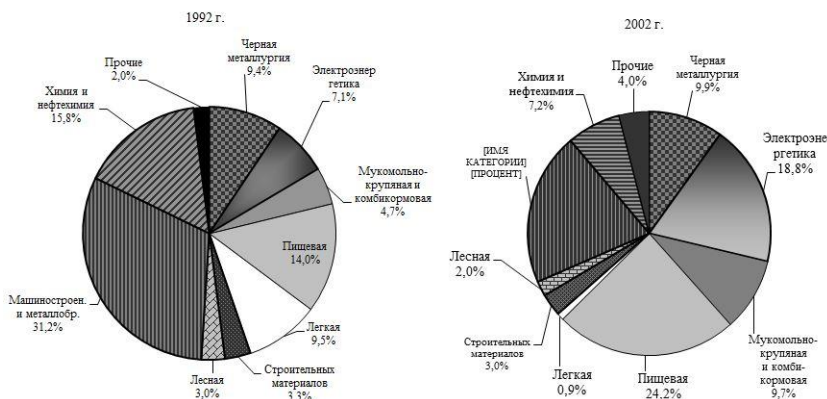

Рис. IV.9. Динамика отраслевой структуры промышленного производства, % к общему объему производства, в действующих ценах

Эти сдвиги являлись следствием стихийной структурной перестройки, в результате которой произошел обвал производства в отраслях и подотраслях промышленности края, не сопровождавшийся, как ожидалось, вытеснением и перепрофилированием неэффективных предприятий. Развитие промышленного производства по принципу «выживает сильнейший» в силу объективных причин сложной адаптации к рынку наукоемких производств привело к деградации отраслей и производств с более высоким технологическим потенциалом.

В 2002 г. по сравнению с 1992 г. промышленность края значительно сократила выпуск основной номенклатуры изделий: тракторов и двигателей к ним, плугов, котлов паровых, кузнечно-прессовых машин, дизелей, химических волокон, вагонов грузовых магистральных и других изделий (табл. IV.2). По ряду това-

Таблица IV.2

Производство основных видов промышленной продукции в Алтайском крае в 1992–2002 гг.

Наименование продукции	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Тракторы, шт.	15110	8328	2073	2382	1279	1521	501	1735	2045	2214	367
Плуги тракторные, шт.	67918	20030	12323	2776	782	535	137	227	890	1375	536
Котлы паровые, шт.	938	1486	584	491	403	379	296	321	314	324	н.д.
Кузнечно-прессовые машины, шт.	628	343	101	138	138	137	132	157	179	182	107
Вагоны грузовые магистральные, шт.	4619	3338	2449	1314	1809	657	346	264	205	1202	2237
Коко в пересчете на 6% влажности, тыс. т	3703	3680	3353	3662	2128	2062	1996	3042	2845	2731	3060
Волокна и нити химические, т	53964	24699	19720	25349	18282	8428	9500	10028	15995	17141	10255
Кирпич строительный, млн шт.	500	386	322	219	138	111	100	114	102	106	96
Ткани хлопчатобумажные, тыс. кв. м	108713	63299	33254	17934	9156	4977	3201	1049	8937	28140	20259
Трикотажные изделия, тыс. шт.	4008	1948	956	308	230	208	117	199	169	135	93
Обувь, тыс. пар	735	393	198	163	147	143	151	167	92	79	49

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Чулочно-носочные изделия, тыс. пар	2686	2694	1751	1554	1047	603	183	309	317	349	269
Мясо и субпродукты 1 категории, т	149118	116723	94132	59186	50620	49383	29426	17398	21996	23631	25417
Колбасные изделия, т	23137	20320	22060	15441	11785	9300	8867	6570	7816	7098	9089
Сыры и брынза жирные, т	24192	21705	20298	16643	13601	11058	11673	16476	18276	23192	30628
Цельномолочная продукция, т	172844	146310	117425	98582	99152	96079	91936	97090	87640	108313	118655
Масло животное, т	24896	21090	15706	16085	13137	10378	8790	11021	10609	11562	12913
Хлеб и хлебобулочные изделия, т	257102	210143	148841	116627	107540	106544	96091	117502	116117	117760	130085
Комбикорма, т	621962	590092	363128	272444	174303	92106	76543	81261	107216	108079	87222
Макаронные изделия, т	16699	10482	13687	14830	13275	10018	16068	30304	24858	42707	51310
Водка и ликероводочные изделия, тыс. дал	2971	3309	2303	2678	1877	2135	1718	2269	1763	2123	2051
Пиво, тыс. дал	5191	4788	3432	2853	4886	4977	6706	7450	8002	8371	8725
Безалкогольные напитки, тыс. дал	2108	1308	930	2830	3334	3786	3022	4925	5531	7936	10736
Мука, т	563955	476173	452025	404447	4623069	500502	583846	644804	660510	957138	1092870
Крупа, т	44400	77279	31201	38194	32875	26915	44684	64378	86382	139361	157679

ров (вагоны грузовые магистральные, кузнечно-прессовые машины, тракторы и др.) доля края в общероссийском производстве оставалась достаточно высокой (12–13%), однако предприятия отрасли «машиностроение и металлообработка» испытывали конкуренцию по многим продуктам не только на внешнем, но и на внутреннем рынках.

Близкая ситуация сложилась в части товаров народного потребления, производство которых в 2002 г. сократилось на порядок: трикотажных изделий – более чем в 43 раза, обуви и чулочно-носочных изделий – без малого в 10 раз, тканей хлопчатобумажных – более чем в 5 раз.

Вместе с тем рост спроса на ряд производимых в крае продуктов стимулировал увеличение объемов их выпуска. В их числе крупа (в 3,5), мука (почти в 2), макаронные изделия (в 3,2), безалкогольные напитки (в 5,1), пиво (в 1,7 раза).

Конкурентоспособность промышленности края существенно снижали три момента:

1) высокая зависимость производства от ввоза топливно-энергетических ресурсов, импорта сырья и комплектующих из стран СНГ и Балтии;

2) крайне низкая эффективность промышленного производства – по уровню рентабельности реализованной промышленной продукции и уровню рентабельности промышленных предприятий край занимал аутсайдерские позиции в России¹;

3) низкая инновационная активность предприятий².

¹ Заметим, что для российской промышленности проблема недостаточной эффективности функционирования крайне остра. Рентабельность по продукции и активам имеет тенденцию к снижению; ухудшаются качественные характеристики работы промышленности – коэффициенты материало- и энергоемкости производства постоянно растут. См. об этом: [10, с. 4–5].

² По данным С.П. Байкалова, 40% предприятий промышленности края не осуществляло технологические инновации. Вместе с тем, по его мнению, в 1999 г. у большой группы значимых для экономики края промышленных предприятий (ОАО «Барнаульский аппаратно-механический завод», ОАО «Геофизика», ОАО «Барнаульский станкостроительный завод», ОАО «Барнаултрансмаш», ОАО «Алтайхимпром» и др.) появились предпосылки повышения технического уровня, внедрения прогрессивных технологий, создания и освоения новой продукции. Однако при этом программы ее выпуска, как правило, не предусматривали освоение принципиально новых изделий, а базировались преимущественно на их техническом совершенствовании. См.: [7, с. 135–156].

Динамику развития промышленности края во многом определила его ведущая отрасль – машиностроение (гражданское и оборонное)¹.

В машиностроении края, как и в России в целом, в наибольшей степени снизился удельный вес наукоемких отраслей – приборостроения и оборонного машиностроения. Доля наукоемких машиностроительных отраслей (станкостроения, электротехнической промышленности и приборостроения) в общем объеме машиностроения края снизилась к 1995 г. до 17%, главным образом, за счет резкого падения объемов приборостроительной продукции.

Специализация оборонных предприятий Алтайского края определялась их отраслевой принадлежностью к химической промышленности и машиностроению. Последняя отрасль была представлена в крае приборостроением, радиоэлектроникой, станкостроением и транспортным машиностроением.

Оборонные предприятия региона в результате обвального сокращения госзаказа оказались в крайне сложном финансовом положении: объем оборонного заказа в среднем по предприятиям ВПК сократился почти в 30 раз, а его доля в общем объеме производства продукции – в 5 раз и составила лишь шестую часть. Это осложнило ситуацию на региональном рынке труда: численность работающих на оборонных предприятиях сократилась за 10 лет в три раза².

Особенно обострилась ситуация в ряде городов края (Рубцовске, Славгороде, в поселке Южном г. Барнаула) в связи с ухудше-

¹ Практически во всех публикациях экономистов, посвященных анализу состояния и перспектив развития машиностроения в этот период, отмечался депрессивный характер отрасли. Сложность ситуации для алтайского машиностроения усугублялась тем, что отрасли его специализации оказались в числе наиболее депрессивных отраслей российского машиностроения [10–13].

² В оборонных отраслях трудности связаны с многократным снижением оборонного заказа и форсированным проведением конверсии их предприятий. По оценкам специалистов, в первой половине 90-х гг. численность персонала, занятого в производстве вооружения и военной техники в мире, уменьшилась с 16 до 11,5 млн человек, причем на Россию пришлось 60% всех ликвидированных в этой сфере рабочих мест. При таких темпах сокращения последних (законодательством развитых стран темп конверсии оборонной промышленности ограничивается примерно 5% в год, и эта норма наблюдается на практике) вряд ли удалось бы осуществить успешную конверсию.

нием ситуации на градообразующих оборонных предприятиях – ОАО «Рубцовский машиностроительный завод», ОАО «Славгородский завод радиоаппаратуры», ОАО АПЗ «Ротор».

Перспективы развития промышленности, выпуска конкурентоспособной продукции напрямую «завязаны» на обновление основных фондов. Здесь было одно из наиболее слабых мест в развитии промышленности края. Средний возраст промышленного оборудования еще в 1992 г. составил 18 лет, а удельный вес машин и оборудования в возрасте до 5 лет – 26%. Уже в эти годы статистика зафиксировала абсолютное сокращение парка оборудования промышленности: коэффициент обновления оборудования (2,4%) стал меньше коэффициента выбытия (3,3%). Удельный вес оборудования, выбывающего по ветхости и износу, во всем выбывающем оборудовании составил: по металлорежущим станкам – 90%, по литейным машинам – 95%, по кузнечно-прессовым машинам – 60%, что свидетельствует об интенсивном и, по-видимому, стихийном процессе его физического выбытия¹.

Переход предприятий к рыночным отношениям не ускорил вывод из эксплуатации старой и излишней техники. Сокращение объемов производства не сопровождалось освобождением предприятий от морально и физически устаревшего основного капитала в силу нехватки финансовых средств для замены выбывающих мощностей. Не оправдались надежды руководителей на использование этой техники в случае увеличения спроса на производимую продукцию. По оценке С.П. Байкалова, для восстановления основных производственных фондов промышленности края в рамках дореформенного технологического уклада необходимо было вложить до 2005 г. 3 млрд долл. [7, с. 7].

Вследствие этого, имевшие место оптимистические прогнозы об ускоренном обновлении в 1996–2000 гг. физически и морально

¹ Уменьшение нагрузки на производственные мощности является естественным для экономического спада и может рассматриваться как первый шаг к обновлению технической базы производства. Однако ситуация на большинстве предприятий была иная: сокращение производственных мощностей происходит в результате износа и выбытия, а капитальных вложений недостаточно даже для простого воспроизводства.

устаревшего оборудования не оправдались [14, с. 139–140]. Динамика основных производственных фондов промышленности характеризовалась следующими основными чертами:

- суженное воспроизводство (объем основных производственных фондов в 2001 г. по сравнению с 1990 г. уменьшился в сопоставимых ценах на 35%);
- объемы ввода обеспечивались, главным образом, за счет реновации, а не прироста мощностей;
- отсутствовала необходимая глубина санаций, процесс модернизации и простого воспроизводства основных фондов за счет капитального ремонта преобладал над реконструкцией, санация основных фондов была растянута во времени;
- снижалась фондоотдача.

В связи с изложенным, состояние основных фондов промышленности края в рассматриваемом периоде заметно ухудшилось: они старели, увеличивалась степень износа (это касается не только активной части основных фондов, но и зданий и сооружений). Коэффициент износа в целом по промышленности составил в 2001 г. 53,6% (в 1992 г. – 42,9%). Устаревший по составу и возрасту парк оборудования неконтролируемо сокращался вследствие того, что объемы вводимого оборудования не покрывали объемы выбывающего.

Вместе с тем ситуация в различных отраслях промышленности края существенно различалась. По оценкам сотрудников Института проблем промышленного развития промышленные предприятия в зависимости от уровня благополучия были представлены следующими четырьмя группами:

I группа – предприятия перерабатывающей, пищевой и фармацевтической промышленности. Характерные черты этой группы:

- емкость рынка стабилизировалась и имела тенденцию к росту;
- большинство предприятий адаптировано к существующей рыночной среде;
- основной стратегией поведения на рынке является увеличение объемов продаж, повышение качества и ассортимента, снижение издержек производства и цены;

– устойчивая тенденция роста инновационной активности, модернизация основных фондов, внедрение новых технологий и оборудования;

– финансово-экономическое состояние большинства предприятий стабилизировано;

– обеспечена положительная рентабельность и платежеспособность, в том числе по налоговым платежам.

II группа – предприятия химии и нефтехимии, отдельные предприятия машиностроения и металлообработки (потребительские товары, отдельные виды продукции производственно-технического назначения). Их основные характеристики:

- оживление платежеспособного спроса, стабилизация объемов производства и продаж;

- нестабильное финансово-экономическое состояние предприятий, ограниченная платежеспособность.

III группа – предприятия машиностроения и металлообработки (сельскохозяйственное машиностроение, производство средств производства, продукция военно-технического назначения), строительная индустрия. На этих предприятиях:

– продолжалась стагнация рынка, сокращение платежеспособного спроса (кроме экспортной и импорто-замещающей продукции);

– финансово-экономическое положение характеризовалось как кризис ликвидности, углублялась неплатежеспособность поставщикам, по заработной плате персоналу, платежам в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды.

IV группа – предприятия легкой промышленности, имеющие высокую зависимость от импорта сырьевых ресурсов. Финансово-экономическое состояние предприятий отрасли в целом неудовлетворительное, большинство из них было убыточно, уровень кредиторской задолженности превышал в среднем годовой объем продаж, большинство предприятий неплатежеспособны как по расчетам с поставщиками, так и по платежам в бюджет и внебюджетные фонды [6, с. 121].

8.3. Проблемы функционирования и развития аграрно-промышленного комплекса

Алтай – один из важнейших продовольственных регионов России. Несмотря на кризис, по объемам производства сельхозпродукции край входил в первую десятку регионов России: его доля в валовой продукции сельского хозяйства России в 2000 г. составила 3,2%. В общем производстве зерна в Сибирском федеральном округе на долю края приходилось 34,1%. Площадь сельхозугодий составляла около 11 млн га, в том числе 6,7 млн га. пашни. В сельском хозяйстве был занят каждый четвертый занятый работник (по России – 12,8%). Алтайский край традиционно являлся основной зерновой базой Сибири, занимал ведущие позиции в производстве твердых сортов пшеницы. Территория края входит в зону рискованного земледелия, но благодаря наличию большого количества плодородных земель, сенокосов и пастбищ, сумме положительных температур в вегетационный период растений, зональным почвоохранным системам земледелия, достаточно прогрессивным технологиям в животноводстве обеспечивалась относительная устойчивость сельскохозяйственного производства. В структуре производства сельхозпродукции более половины занимало растениеводство. В последние годы наблюдалась тенденция снижения доли животноводства (с 45,9% в 1994 г. до 42,4% в 2002 г.) (табл. IV.3).

Отрасли специализации края в значительной мере «завязаны» на сельское хозяйство: сельскохозяйственное машиностроение, мукомольно-крупяная и пищевая промышленность, химия и др. Это обуславливает роль сельского хозяйства как основы экономики Алтая.

Спад сельскохозяйственного производства в 1990-е гг., низкая производительность сельского хозяйства в сочетании с его высоким удельным весом в экономике региона привели к снижению эффективности хозяйства края в целом, значительному недоиспользованию рабочей силы, что проявилось в повышенной безработице, как открытой, так и скрытой. В аграрном секторе края вследствие низкой покупательной способности произошло сужение рынка, обострились социальные противоречия, возникла необходимость безвозмездного субсидирования сельской периферии.

Таблица IV.3
Структура сельскохозяйственного производства по отраслям и категориям хозяйств в 1994–2001 гг., млн руб.¹

Показатель	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001 ²	2002 ³
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Хозяйства всех категорий									
Всего	1717,3	5689,1	7816,1	7205,8	8654,8	15840,4	24427,9	31590,4	31831,2
% к предыдущему году	75,6	121,6	91,4	77,2	105,7	103,1	122,1	105,1	102,4
В том числе:									
растениеводство	928,3	3444,5	4526,0	4132,7	5137,1	8530,4	15155,5	19258,3	18319,0
% к итогу	54,1	60,5	57,9	57,4	59,4	53,9	62,0	61,0	57,6
животноводство	789,0	2244,6	3290,1	3073,1	3517,7	77310,0	9272,4	12332,1	13512,2
% к итогу	45,9	39,5	42,1	42,6	40,6	46,1	38,0	39,0	42,4
Сельскохозяйственные предприятия									
Всего	1044,1	3460,9	3887,3	3534,1	3955,9	7608,7	12947,6	14779,8	14048,1
% к предыдущему году	62,3	103,9	79,5	78,1	110,8	100,4	133,8	102,1	100,1
В том числе:									
растениеводство	450,9	2080,0	1963,0	2024,2	2674,1	4614,8	9434,3	9774,8	8338,3
% к итогу	43,2	60,1	50,5	57,3	67,6	60,7	72,9	66,1	59,4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
животноводство	593,2	1380,9	1924,3	1509,9	1281,8	2993,9	3513,3	5005,6	5709,8
% к итогу	56,8	39,9	49,5	42,7	32,4	39,3	27,1	33,9	40,6
Хозяйства населения									
Всего	637,2	2019,7	3708,8	3473,6	4358,6	7574,2	9817,8	14225,7	15045,6
% к предыдущему году	107,8	148,3	114,4	75,7	97,1	106,4	105,6	106,6	102,6
В том числе:									
растениеводство	446,6	1188,7	2383,4	1945,5	2162,7	3353,6	4176,8	7073,6	7430,5
животноводство	190,6	831,0	1325,4	1528,1	2195,9	4220,6	5641,0	7152,1	7615,1
Крестьянские (фермерские) хозяйства									
Всего:	36,0	208,5	220,0	198,1	340,3	657,5	1662,5	2584,9	2737,5
% к предыдущему году	69,9	160,8	74,4	85,9	167,3	92,2	175,8	119,5	114,5
В том числе:									
растениеводство	30,8	175,8	179,6	163,0	300,3	562,0	1544,4	2049,9	2550,2
животноводство	5,2	32,7	40,4	35,1	40,4	95,5	118,1	175,0	187,3

Примечание. ¹ До 1998 г. – млрд руб., а с 1998 г. – данные с учётом объема скрытой продукции.

² Утвержденные данные. ³ Данные предварительные.

Источник: Главное управление экономики и инвестиций администрации Алтайского края.

В земледелии были практически приостановлены работы по сохранению плодородия и мелиорации земель. Уменьшились валовые сборы зерна: в среднем за год в хозяйствах всех категорий в 1984–1985 гг. было произведено 5574,2 тыс.т (в весе после доработки); в 1985–1990 гг. – 5128,6 тыс.т; в 1991–1999 гг. – 3401,2 тыс.т. Снизилась доля зерна Алтая в общероссийских валовых сборах: соответственно по периодам – 6,10; 4,96 и 4,73%¹. Валовые сборы зерновых и зернобобовых (в весе после доработки) в среднегодовом исчислении в 1996–2000 гг. по сравнению с 1991–1995 гг. снизились по Российской Федерации на 25,9%, по краю – на 16%.

В животноводстве снижались объемы производства всех видов продукции, уменьшилось поголовье скота и птицы, их продуктивность, разрушился накопленный производственный потенциал, выбытие основных фондов значительно превысило их ввод. К середине 1990-х годов по численности поголовья крупного рогатого скота край, по данным Главного управления экономики и инвестиций администрации края, был отброшен на уровень 1942 г., свиней – 1940 г., птицы – 1964 г., овец и коз – на уровень 1930-х годов. Объем производства мяса снизился до уровня 1940-х годов, молока и яиц – до уровня 1958 г.

Состояние материально-технической базы сельского хозяйства края можно было назвать катастрофическим, даже на фоне кризисных общероссийских показателей. В 1999 г. в крае на 1000 га пашни в сельхозпредприятиях приходилось всего 5,4 трактора, при среднем по России показателе 7,7 (76-е место в РФ). Амортизационные сроки основной сельскохозяйственной техники выработаны от 51 до 70%.

«Хозяйства фактически не выполняют необходимый комплекс мероприятий по восстановлению почвенного плодородия, а амортизационный фонд, в силу изношенности техники, включается в себестоимость в суммах, не позволяющих осуществлять нормальное обновление производственных фондов. В сельскохозяйственном производстве многие годы нарушаются требуемые воспроизводственные пропорции не только по основным производственным фондам и почвенному плодородию, но и в социаль-

¹ Рассчитано по: [2, с. 374–375].

ной сфере, а также в плане общего развития сельскохозяйственного производства» [15].

Все это вызывало опасения, что Алтайский край потеряет лидирующее положение в Сибири как базы производства сельскохозяйственной продукции. По некоторым оценкам, сельскохозяйственное производство Новосибирской области и других регионов Сибири может опередить Алтайский край уже в ближайшее время [15, с. 6].

В сельхозпроизводстве возник ряд трудноразрешимых проблем:

- нехватка собственных оборотных средств для сезонного финансирования производства;
- недоступность банковского кредита и высокая кредиторская задолженность, особенно по платежам в бюджеты и внебюджетные государственные фонды;
- вымывание основных средств в результате многократного уменьшения закупок новой сельскохозяйственной техники, машин и оборудования;
- вывод из оборота сельскохозяйственных земель из-за реформирования крупнотоварных механизированных производств;
- резкое сокращение капитальных вложений в развитие социальной инфраструктуры села.

Огромное влияние на кризисное состояние сельского хозяйства оказало разрушение системы управления сельским хозяйством.

По мнению Н.Н. Николаева и В.А. Кундиус, «разобщенность отдельных звеньев АПК, разрыв продовольственной цепи и неадекватная система управления в период перехода от административно-командной к рыночной экономике стали основными причинами снижения общего объема производимых продуктов сельского хозяйства и продовольствия, утраты продовольственной безопасности страны» [16, с. 3].

Схожие идеи высказывали А. Костеев и Г. Никонова, утверждающие, что «потеря управляемости народным хозяйством особенно негативно отражается на агропромышленном комплексе как наиболее сложной системе, функционирование которой происходит под влиянием закономерностей экономического, социального и биологического характера. В значительной степени это связано с отсутствием структур управления, адекватных сложности управляемой системы, а также необходимых при этом страте-

гий, концепций и программ развития, что, в свою очередь, приводит к нерациональному использованию имеющихся финансовых ресурсов» [17].

Иерархическую плановую советскую систему сменил слабоуправляемый конгломерат сельхозпредприятий, фермерских и подсобных хозяйств, посредников и самостоятельных переработчиков. Сложность в управлении усугублялась неопределенностью земельных отношений.

Сельхозпредприятия в большинстве своем оказались не готовыми к работе в новых условиях хозяйствования. При уменьшении в первые годы реформ объемов государственной поддержки в сельском хозяйстве края резко усилилась дифференциация между «сильными» и «слабыми» сельхозпредприятиями. Появились хронически убыточные, «бесперспективные» хозяйства, функционирующие в режиме суженного воспроизводства.

В то же время в АПК формировались сверхприбыльные отрасли. Прежде всего, как отмечалось ранее, это касается перерабатывающей промышленности: пищевой и мукомольно-крупяной. Этому способствовали наличие стабильного платежеспособного спроса на конечную продукцию и незанятой ниши (в силу недостаточного развития сельхозпереработки в крае в до-реформенный период).

Однако главной причиной благополучного финансового положения перерабатывающих предприятий стало их монопольное положение, позволяющее диктовать цены производителям. Также в годы реформ сложилась группа посредников, приобретающих у крестьян зерно или кредитующих их под будущий урожай.

При этом в крае практически не сложились рыночные формы регулирования рынка сельхозпродукции, а административные методы не всегда эффективно действовали в новых условиях. Отсутствие в крае зерновой биржи, слабое развитие агрофирм и других интегрированных структур, сохранение значительных теневых финансовых и материальных потоков приводили к перераспределению доходов сельхозпроизводителей в пользу третьих лиц.

Для Алтая было характерно неравномерное распределение выручки от рыночной реализации товарного зерна, при которой 30–50% денежных средств не возвращалось в сельскохозяйствен-

Таблица IV.4

**Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в Алтайском крае
(в фактически действовавших ценах), %**

Категория хозяйства	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Сельскохозяйственные предприятия	60,6	66,8	60,8	49,7	49,0	45,7	48,0	53,0	46,8	44,1
Хозяйства населения	33,9	37,1	35,5	47,5	48,2	50,4	47,8	40,2	45,0	47,3
Крестьянские (фермерские) хозяйства	5,6	2,1	3,7	2,8	2,8	3,9	4,2	6,8	8,2	8,6
СПРАВОЧНО: Российская Федерация										
Сельскохозяйственные предприятия	57,0	54,5	50,2	49,0	46,5	39,2	41,2	43,4	43,9	
Хозяйства населения	39,3	43,8	47,9	49,1	51,1	58,6	56,3	53,6	52,4	
Крестьянские (фермерские) хозяйства	3,1	1,7	1,9	1,9	2,4	2,2	2,5	3,0	3,7	

Источник: [18, с. 398–401].

ное производство. Так, в 2002 г. средняя цена реализации зерновых культур сельскохозяйственными предприятиями составила 1243 руб./т при рыночной цене 3500 руб./т [15, с. 5–6].

В структуре сельского хозяйства сохраняли свое значение сельскохозяйственные предприятия (табл. IV.4). Наиболее весом их вклад в растениеводство – более 45,5%, причем по зерну их доля достигала 82,9%, по подсолнечнику – 86,4%, сахарной свекле – 98,5%.

Крестьянские (фермерские) хозяйства играли в экономике края большую роль, чем в среднем по России, обеспечивая около 9% продукции сельского хозяйства (по РФ – 4%). Значителен вклад фермеров в производство зерновых (16%) и подсолнечника (11,9%), их роль в животноводстве минимальна.

Хозяйства населения обеспечивали насыщение рынка картофелем (98,6%) и овощами (88,4%), производили более половины продукции животноводства.

Следует учитывать, что роль бывших колхозов в сельском хозяйстве нельзя оценивать только по их доле в производстве продукции. Реально в большинстве территорий сельхозпредприятия являлись стержнем аграрной экономики, а зачастую и «донором», обеспечивая на льготных условиях фермерские и личные подсобные хозяйства техникой, семенами и другими ресурсами. Кроме того, сельхозпредприятия несли на себе значительную долю социальной нагрузки.

Таблица IV.5

Инвестиционная деятельность в сельском хозяйстве (2000–2001 гг.)

Показатель	2000		2001		
	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу	в % к 2000 г.
Финансовые вложения (без учета субъектов малого предпринимательства)	18,6	0,5	67,8	1,5	в 3 р.
Инвестиции в основной капитал	820,8	16,1	1197,3	19,9	123

В последние годы анализируемого периода наблюдалось увеличение инвестиционной активности в сельском хозяйстве. Источником инвестиций служили не только средства краевого

бюджета, но и появившаяся у сельхозпредприятий прибыль (табл. IV.5).

Значительные средства выделялись на поддержку сельского хозяйства из краевого бюджета: в 2001 г. они составили 694 млн руб.

Тем не менее совершенно очевидно, что для преодоления кризиса в сельском хозяйстве необходимы на порядок большие вложения. Так, по некоторым оценкам, потребности в инвестициях для обновления парка сельхозмашин за 2001–2005 гг. составляли 36 млрд руб. [15, с. 28].

По сравнению, как отмечалось ранее, с промышленностью сельскохозяйственное производство характеризовалось меньшими темпами спада. По сравнению с 1991 г. объем валовой продукции в сопоставимых ценах уменьшился на 18,4% (в промышленности – на 61,5%) (см. табл. IV.1). Крестьянам удастся в тяжелейших условиях обеспечивать поддержание сельского хозяйства «на плаву», не допускать обвального падения производства.

За последние три года рассматриваемого периода, как видно из табл. IV.6, наметилась относительная стабилизация сельскохозяйственного производства. В 2000 г. выпуск продукции сельского хозяйства всеми сельхозпроизводителями рос более высокими темпами, чем в 1999 г. (соответственно, 22,1 и 3,1%).

Валовый сбор зерна в крае составил в 2002 г. 4,8 млн т, что почти в 2 раза больше, чем в 1999 г. Рост обусловлен, прежде всего, повышением урожайности. Выросли валовые сборы и урожайность сахарной свеклы, подсолнечника, картофеля.

Годы анализируемого периода для сельскохозяйственных предприятий в финансовом отношении сложились более удачно: возросло число прибыльных хозяйств (особенно по сравнению с засушливым 1997 г.) – табл. IV.7.

Однако, несмотря на сказанное, финансово-экономическое положение предприятий сельского хозяйства в силу низкой эффективности производства, неплатежей, диспаритета цен и других факторов оставалось крайне тяжелым. На 1 января 2002 г. доля крупных и средних предприятий, имевших просроченную дебиторскую задолженность, была равна 88,5%, кредиторскую – 96%; сократились оборотные активы. Просроченная кредиторская задолженность составляла 5652,6 млн руб., причем более 90% ее – свыше трех месяцев.

Таблица IV.6

Валовая продукция сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в фактических ценах), млрд руб.

Показатель	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998*	1999	2000	2001
Россия											
Валовая продукция с/х Индекс физического объема, %	260	2663	22418	73729	203878	286899	309217	307583	607197	774578	962622
	95	91	96	88	92	95	102	87	104	8	107,5
Западно-Сибирский район**											
Валовая продукция с/х Индекс физического объема, %	27,2	277	2584	8259	35488,2	48688	52800,4	52766,7	94359,9	125144,3	154053
	95	89	104	83	101	92	100,6	89,6	101,6	112,1	108,1
Алтайский край											
Валовая продукция с/х Индекс физического объема, %	7,2	73	638	1717	5689	7816	7206	8655	1584,0	24428	31590,4
	97	80	122	76	122	91	77	106	103,1	122,1	105,1

Примечание. * 1998 г. и далее – млн руб. ** Данные утверждены.

Таблица IV.7

**Финансовый результат работы сельскохозяйственных предприятий
в 1991–2000 гг.**

Год	Всего сельскохозяйственных предприятий	В том числе прибыльных	Удельный вес, %	Финансовый результат, млн руб.
1991	708	707	99,7	1,8
1992	718	698	96,0	13,9
1993	727	711	98,0	102,4
1994	727	302	43,0	–47,8
1995	726	426	59,0	155,0
1996	725	123	16,0	–834,5
1997	727	56	7,0	–1707,4
1998	738	110	15,0	–1041,6
1999	747	415	57,0	628,1
2000	760	552	70,0	1330,9

Особенно болезненно на положении предприятий сказывался сохраняющийся диспаритет цен. В 2000 г. по сравнению с 1990 г. за 1 тонну дизельного топлива требовалось отдать зерна больше в 14,8 раза, молока – в 13,7 раза; за 1 тонну бензина, соответственно, зерна – в 6,4 раза больше; молока в 4,7 раза; за трактор К-700: зерна – в 9,4 раза, молока – в 8,5 раза; за трактор Т-4: зерна – в 8,2 раза; молока – в 7,4 раза; за комбайн «Нива» – зерна – в 8,7 раза; молока – в 7,9 раза. При росте стоимости электроэнергии за эти годы в 39,5 раза стоимость зерна возросла в 6,6, скота и птицы – в 4,2, молока – в 7,3 раза.

8.4. Развитие инвестиционно-строительного комплекса

Для инвестиционной сферы края в рассматриваемый период была характерна парадоксальная ситуация: достаточно высокий рейтинг инвестиционной привлекательности, определенный независимыми и авторитетными экспертами¹, с одной стороны,

¹ В качестве экспертов выступали группа финансовых компаний «Пионер Первый» и аналитическая группа журнала «Эксперт», экономический департамент банка Австрии и др.

и отсутствие реальных значимых инвестиций, с другой. По расчетам Минэкономразвития Алтайский край по степени реализации своей инвестиционной привлекательности в 1997–1998 гг. находился на 37-м месте среди субъектов РФ. В 1999–2000 гг. по сравнению с упомянутым периодом степень реализации инвестиционной привлекательности края снизилась [19].

Инвестиционно-строительный комплекс края находился в стадии суженного воспроизводства. Объемы инвестиций в 2002 г. в сопоставимых ценах составили 31,9% к уровню 1991 г.; объемы производства промышленности строительных материалов – 10–25%. Доля инвестиций в основной капитал составляла в 1997 г. 12,2% валового регионального продукта, а в 1998 и 1999 гг. – 13,5%, что ниже соответствующих показателей по Западной Сибири (рис. IV.10). (Для сравнения: удельный вес валовых инвестиций в основной капитал в ВВП Российской Федерации составлял 16,7%, быстроразвивающихся стран Юго-Восточной Азии – около 30%).

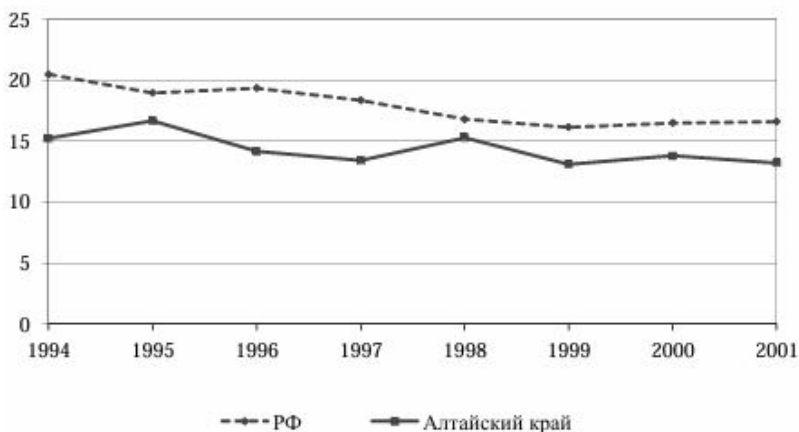

Рис. IV.10. Изменение доли инвестиций в основной капитал в ВРП, %

Темпы падения объемов капитальных вложений в крае в последние годы рассматриваемого периода были ниже среднероссийских и западно-сибирских, что привело к дальнейшему отставанию края по этому показателю, уменьшению, вплоть до 1997 г., доли края в общих объемах капвложений России, обеднению его

инвестиционного потенциала (доля края в общих инвестициях в основной капитал РФ составляла в 1995 г. 0,9%, в 1997 г. – 0,6%, в 1998 г. – 1,1%, в 1999 г. – 0,9%).

Заметим, что проблемы расширенного воспроизводства в крае возникли не с началом перестройки. В дореформенный период, как отмечалось ранее, край систематически получал поддержку от государства, поскольку собственного произведенного национального дохода хватало лишь на непроизводственное потребление.

Ресурсы накопления край получал извне, за счет чего и обеспечивалось его развитие. Когда объем ресурсов извне стал уменьшаться, – уже в 1991 г. регион имел отрицательный фонд накопления, – край для поддержки уровня потребления на приемлемом уровне был вынужден «проедать» основные фонды. Коэффициент обновления основных промышленно-производственных фондов снизился с 6% в 1991 г. до 2% в 1999 г. Если такое положение сохранится, то региону понадобится около 50 лет на полную замену основных фондов (в Японии, к примеру, соответствующий показатель – 8 лет).

С началом широкомасштабных реформ в области ценообразования и налогообложения произошло резкое ухудшение инвестиционного климата края. Цепочка взаимных неплатежей повлекла за собой острую нехватку денежных ресурсов, рост незавершенного строительства, остановку или консервацию объектов. Уже в 1992 г. наблюдалось обвальное падение объемов капитальных вложений (табл. IV.8).

За годы реформ отставание в инвестиционной сфере нарастало: сокращался объем годовых капитальных вложений и их плотность (исчисляемая на 10 тыс. населения). Так, плотность капвложений по всем источникам финансирования составляла в 1985 г. 84,6% от среднероссийского уровня, в 1990 г. – 82,2%, в 1995 г. – 51%, в 1999 г. – 37,3%, в 2000 г. – 31,6%. Удельный вес алтайских инвестиций в расчете на душу населения в соответствующих показателях РФ и Западной Сибири постоянно уменьшался (рис. IV.11). Аналогичная картина характерна и для иностранных инвестиций (рис. IV.12)¹.

¹ Рассчитано по: [18, с. 548–549, 555].

Таблица IV.8

Динамика основных показателей развития инвестиционно-строительного комплекса Алтайского края,
% к предыдущему году

Показатель	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Инвестиции за счет всех источников финансирования	66,0	77,4	68,8	95,9	64,4	82,3	116,7	105,4	108,7	120,8	102,4
В том числе: Производственного назначения	53,0	65,0	68,0	108,0	67,3	68,9	126,9	138,7	117,7	118,0	92,7
Непроизводственного назначения	93,0	83,0	70,0	83,0	60,8	101	107,8	71,0	95,4	128,6	125,2
Объем подрядных работ	98,0	80,0	65,9	92,9	75,0	75,4	91,2	100,8	147,2	57,1	101,0
Ввод в действие жилых домов	88,0	89,7	72,2	112,1	75,0	97,2	100,2	101,1	90,1	105,9	84,7

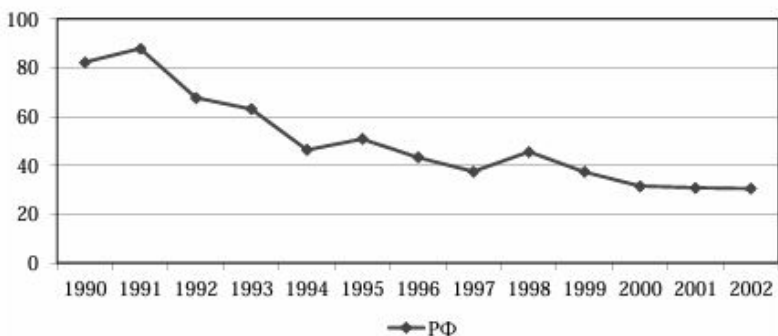

Рис. IV.11. Динамика удельного веса душевых инвестиций в основной капитал Алтайского края в душевых инвестициях РФ, % (РФ – 100%)

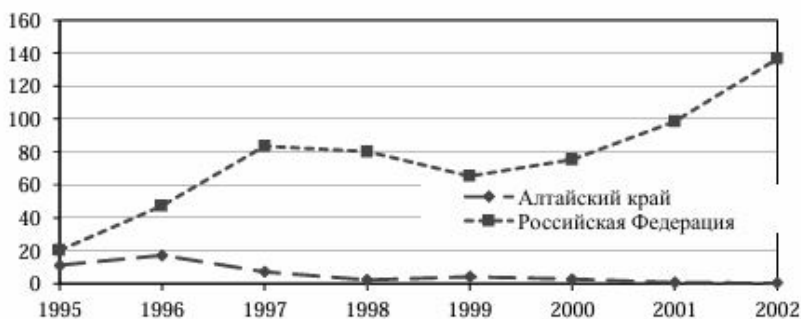

Рис. IV.12. Динамика объема душевых инвестиций, поступивших от иностранных инвесторов, долл. США

Вместе с тем необходимо заметить, что по объемам ввода социальных объектов Алтайский край на порядок опередил существенно более мощные по экономическому потенциалу Кемеровскую, Новосибирскую и Омскую области (табл. IV.9). Этому способствовала политика администрации края по консолидации средств федерального, краевого и местных бюджетов, определение приоритетных объектов финансирования. Кроме того, надо учитывать специфику расселения и административно-территориального устройства края: половина населения проживает в сельской местности, а по числу административных (72) и муни-

ципальных (более 700) образований Алтайский край занимал одно из первых мест в России. Это обуславливало потребность в большем числе объектов социальной сферы.

Таблица IV.9

**Ввод в действие объектов социальной инфраструктуры
в регионах Западной Сибири в 1991–2000 гг.**

Регион	Алтайский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Омская обл.
Жилье, тыс. кв. м	6033,6	6092,4	5372,7	4460,4
Школы, учебных мест	41897	2077	3831	2110
Детские сады, мест	6512	—	140	435
Больницы, коек	2605	402	489	220
Поликлиники, посещений	6317	525	1180	565
Справочно: объем инвестиций, всего (в сопоставимых ценах), млн руб.	31377	67162,1	39526,4	27762,7

Примечание. Ввод жилья – за 1991–2001 гг.

Данные, приведенные в таблице IV.9, позволяют нам утверждать, что по сравнению с соседними регионами в крае реализовалась инвестиционная политика с большей степенью социальной ориентации. Эта политика находилось в русле тенденций мировой экономики, где, по утверждению Н. Новицкого, «вырисовывается новая инвестиционная политика, обеспечивающая переход на социально-инновационный путь накопления воспроизводимого богатства при приоритетном накоплении человеческого капитала» [20].

Ввод в действие жилых домов заметно сократился по сравнению с 1990 г. (рис. IV.13). Тем не менее среди регионов Западной Сибири по общей площади введенного жилья Алтайский край стабильно занимал первое место. В 1998–2000 гг. в крае было построено 15,1 тыс. квартир общей площадью 1330,6 тыс. кв. м (40% из них – в сельской местности).

Резкое падение инвестиционной активности за годы реформ вызвано, главным образом, децентрализацией экономической политики. На долю государственного сектора в 2002 г. приходи-

лось 18,4% общего объема инвестиций, негосударственного – 81,6% (в 1998 г. соответственно – 20% и 80%). Краевой и местные бюджеты были не в состоянии делать крупные производственные инвестиции. Это, кстати, в современной экономической системе не входит в число приоритетных расходов бюджета. Тем не менее доля государства и муниципалитетов в структуре всех инвестиций по формам собственности была достаточно высокой: 59,1% в 2000 г. и 40,4% в 2001 г. Здесь, по-видимому, сказались значительные бюджетные вложения в социальную инфраструктуру.

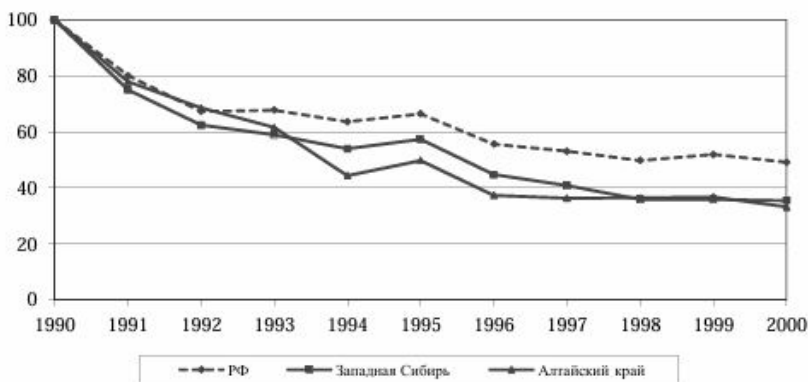

Рис. IV.13. Динамика ввода жилых домов в РФ, Западной Сибири и Алтайском крае, % к 1990 г.

Собственные средства предприятий являлись основным источником финансирования инвестиций. В 2002 г. на их долю приходилось 60,8% капиталовложений. Бюджетные средства составили 24,9% инвестиций в основной капитал по кругу крупных и средних предприятий и организаций, средства внебюджетных фондов – 3,8%, заемные средства других организаций – 4,7%, кредиты банков – 1,4%, прочие – 4,4%. Таким образом, одна из главных проблем края заключалась в отсутствии серьезного фонда накопления, позволяющего обеспечить высокие темпы роста инвестиций, необходимые для структурных преобразований и динамичного развития экономики.

В 1998–2002 гг. в крае, как и в других российских регионах вследствие дефолта рубля, наблюдалась активизация инвестиционной деятельности. Рост инвестиций в основной капитал за указанный период составил в среднем 10,8%. При этом инвестиции в производственную сферу росли опережающими темпами (см. табл. IV.8).

Однако несмотря на сравнительно высокие темпы роста инвестиций в основной капитал, объемы инвестирования (с учетом предыдущего падения) были совершенно недостаточны для обеспечения устойчивого экономического роста. По оценкам Центра инвестиций ИЭ РАН, в целом по России для поддержания воспроизводства основных фондов и предотвращения техногенных катастроф необходимы в период до 2010 г. среднегодовые темпы прироста инвестиций порядка 15–20% [21]. С учетом того, что падение инвестиционной активности в крае выше, чем по стране, для Алтая темпы прироста инвестиций должны быть выше среднероссийских.

Таблица IV.10

**Динамика отраслевой структуры инвестиций в основной капитал
по крупным и средним предприятиям и организациям,
% к общему объему инвестиций по краю**

Отрасль	1998	1999	2000	2001	2002
Всего по краю	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:					
Жилищное хозяйство	17,2	10,5	8,2	9,3	10,0
Коммунальное хозяйство	5,6	4,5	4,6	4,9	4,1
Транспорт	15,8	27,5	35,1	16,7	11,7
Промышленность	27,2	23,1	22,3	22,4	22,8
Сельское хозяйство	14,3	16,7	15,5	20,4	21,5
Строительство	0,4	0,4	0,6	0,4	0,3
Торговля и общественное питание	0,5	0,5	0,8	1,6	1,2
Здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение	5,3	4,9	3,6	6,4	9,4
Образование	5,4	4,2	2,7	5,0	4,7
Связь	4,4	2,8	1,8	3,6	3,5

В последние годы рассматриваемого периода, как видно из табл. IV.10, структура инвестиций в основной капитал в разрезе отраслей претерпела заметные изменения.

В расчете на одного работника в 2001 г. по сравнению с 1998 г. темпы роста инвестиций на крупных и средних предприятиях и организациях, торговли и общественного питания, сельского хозяйства и транспорта росли более высокими темпами, чем в среднем по краю (табл. IV.11).

Таблица IV.11

**Объем инвестиций в основной капитал по крупным
и средним предприятиям и организациям
в расчете на одного работника в отраслях реального сектора, руб.**

Отрасль	Объем инвестиций			2001 г. к 1998 г., раз
	1998	2000	2001	
Всего по краю В том числе:	2880	7084	7992	2,8
Жилищно-коммунальное хозяйство	13077	18565	21886	1,7
Транспорт	10144	57097	30838	3,0
Строительство	398	1148	1117	2,8
Торговля и общественное питание	527	1795	5503	10,4
Связь	6249	5655	15246	2,4
Промышленность	3821	8285	8778	2,3
Сельское хозяйство	1584	4318	6489	4,1

Внутри отраслей также весьма заметна дифференциация по инвестиционной привлекательности. Характерная ситуация, типичная для последних лет, сложилась в различных отраслях промышленности в 2001 г. (рис. IV.14).

Главным показателем инвестиционной привлекательности отрасли было не соотношение дебиторской и кредиторской задолженности, а гарантированный платежеспособный спрос. Инвестиции в сложившееся производство, не имеющее потенциал роста на рынке и не обеспеченное платежеспособным спросом, являлись

рискованными. С учетом этого, доля отраслей, обеспеченных гарантированным платежеспособным спросом – пищевой, мукомольно-крупяной, комбикормовой промышленности, – в общей структуре капиталобразующих инвестиций заметно возросла.

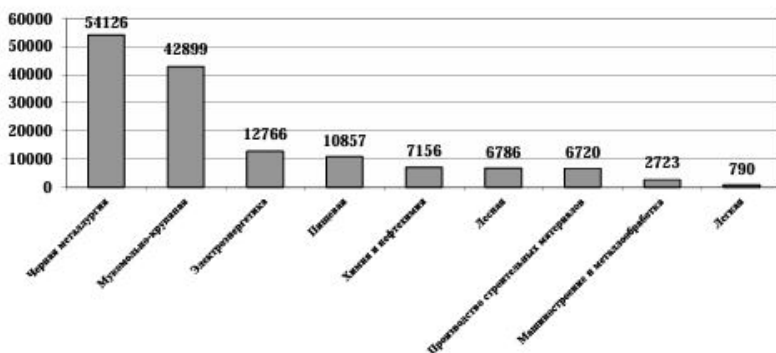

Рис. IV.14. Инвестиционная привлекательность отраслей промышленности края в 2001 г. (в расчете на 1 работника, руб.)

Заметим, что один из основных показателей эффективности использования инвестиций – объем инвестиций в расчете на 100 руб. произведенной продукции, остается невысоким (рис. IV.15). По крупным и средним предприятиям на 100 руб. промышленной продукции приходилось в 2001 г. всего 4,3 руб. инвестиций в основной капитал.

Сложное положение, сохраняющееся в агропромышленном комплексе края, также во многом объяснялось резким уменьшением объема инвестиций. Если до 1992 г. доля инвестиций, направляемых в агропромышленный комплекс края за счет всех источников финансирования, составляла от 48 до 53% всех инвестиций в экономику края, то в 1997–1998 гг. – порядка 18–22%, а в 2002 г. – 38,1%. Инвестиции в сельское хозяйство по всему комплексу работ в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий, как отмечалось ранее, составляли в крае в 1990 г. около 50% среднероссийского уровня, а за годы реформ этот показатель еще более упал. Если же оценивать динамику инвестиций в АПК в сопоставимых ценах, то по отношению к 1994 г. их объем составил в 1997 г. 38,5%, а в 1999 г. – 55,4%, а в 2002 г. – 123,6%.

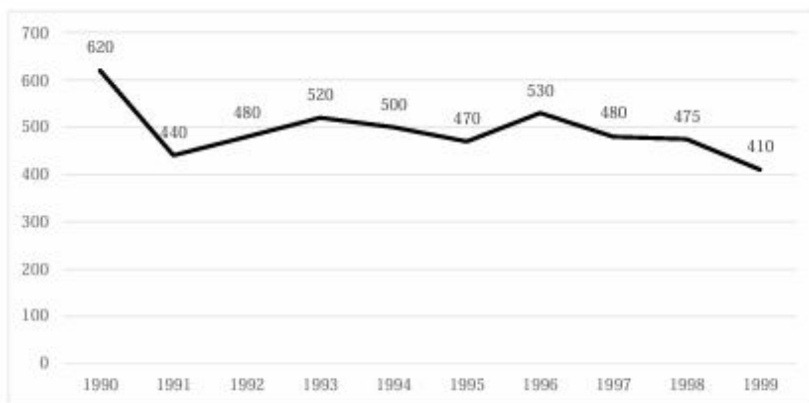

Рис. IV.15. Объем инвестиций на 100 рублей
произведенной промышленной продукции по Алтайскому краю, коп.

В распределении финансовых вложений между различными отраслями экономики края качественных изменений не наблюдалось. По-прежнему происходило перераспределение капитала в пользу сферы обращения и, в частности, финансового сектора и торговли. Крупные и средние предприятия и организации края во все возрастающей мере вкладывали свои средства в капиталы и ценные бумаги банков и страховых организаций, процентные облигации государственных и местных займов. В структуре финансовых вложений крупных и средних предприятий и организаций края в 1998–2001 гг. доля вложений в финансово-кредитную сферу увеличилась с 38,1 до 49,5%, в торговлю – с 1,2 до 24,3%; соответственно, доля отраслей материального производства уменьшилась в 1,5–2 раза (табл. IV.12).

Данную ситуацию можно объяснить не только низкой инвестиционной привлекательностью предприятий реального сектора, но и неразвитостью алтайского фондового рынка (как, впрочем, и российского). Если организации новых секторов экономики (общая коммерческая деятельность, финансово-кредитная сфера, в значительной мере торговля) возникали изначально как «рыночные», то предприятия традиционных отраслей с большими сложностями привыкали работать в новых условиях: искать инвесторов, выпускать ценные бумаги и т.д.

**Динамика отраслевой структуры финансовых вложений крупных
и средних предприятий и организаций, % к объему
финансовых вложений предприятий**

Отрасль	1998	1999	2000	2001
Промышленность	44,3	27,2	16,6	19,1
Сельское хозяйство	1,6	0,7	0,5	1,5
Строительство	3,3	1,9	0,3	0,3
Транспорт	2,8	1,9	0,8	0,4
Торговля	1,2	1,9	20,9	24,3
Общая коммерческая деятельность	1,9	4,4	1,5	3,6
Финансово-кредитные организации	38,1	59,0	58,0	49,5
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	2,0	1,8	0,5	0,3

Иностранные инвестиции, на которые идеологами реформ возлагались большие надежды, не стали сколько-нибудь значимым фактором развития экономики края. По состоянию на 1.01.2002 г. в крае накоплено всего 17 млн долл. США инвестиций в нефинансовые активы. В 2002 г. поступило 972,7 тыс. долл. США, что составляло примерно 0,5% от всех инвестиций в нефинансовые активы.

Иностранные инвестиции, поступающие в край, довольно своеобразно распределены по отраслям, территориям, источникам и фирмам. Так, львиная доля иностранных инвестиций 2002 г. (91,5%) пришлось на финансово-кредитную сферу. Инвесторы из четырех стран (Германии, Бельгии, Кипра, Швейцарии) направили инвестиции всего в две территории края – г. Барнаул и Немецкий национальный район. Таким образом, можно говорить о крайне узкой сфере приложения зарубежных инвестиций в Алтайском крае.

Снижение инвестиционной активности в крае отрицательным образом сказалось в целом на состоянии строительного комплекса, который является одной из базовых сфер экономики региона.

В 2000 г. среднесписочная численность строителей составила 38,6 тыс. человек; из них 8,3 тыс. заняты производством строительных материалов. Под влиянием рыночных преобразований и сдвигов в номенклатуре строящихся объектов структура строительных организаций края существенно видоизменилась. Произошло их разукрупнение, образовалась и с 1995 г. стабилизировалась сеть мобильных мелких строительных организаций с численностью работников до 100 человек (в количестве 1200–1300 организаций). Крупные многоотраслевые строительные фирмы с численностью работников 600–800 человек сохранились только в краевом центре. Заметим при этом, что темпы роста числа действующих строительных организаций в Алтайском крае были ниже, чем в РФ и Западной Сибири (рис. IV.16).

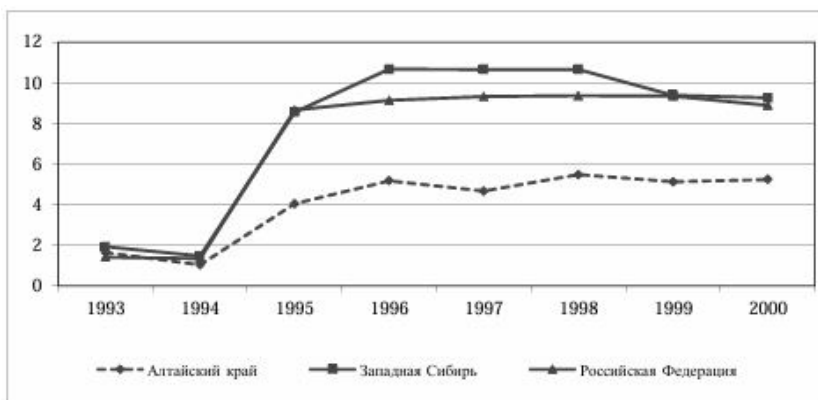

Рис. IV.16. Число действующих строительных организаций различных форм собственности в расчете на 10 тыс. населения, ед.

Оживление инвестиционных процессов сопровождалось в крае заметным улучшением финансового положения строительных организаций. Если в 1998–1999 гг. строительными организациями получено 52,2 млн руб. прибыли, то в 2000 г. – около 174,8 млн руб. Рентабельность строительства выросла до 4%; доля убыточных строительных организаций уменьшилась с 50,4% в 1999 г. до 49,6% в 2000 г. Однако ситуацию в инвестиционно-строительном комплексе нельзя назвать стабильной. Так, уже в 2002 г. по сравне-

нию с 2001 г, несмотря на рост удельного веса прибыльных предприятий, общая сумма прибыли строительных организаций уменьшилась на 34,5%. Уменьшилась доля убыточных предприятий, но вместе с тем сумма убытка выросла на 12,5%.

Среди основных изменений, произошедших в строительном комплексе за годы реформ, специалисты выделяют следующие:

- прекращено финансирование разработки градостроительной документации. Подавляющее число населенных пунктов края имеет устаревшие генеральные планы и, следовательно, устаревшие ориентиры для развития строительного комплекса;

- изменились объемы и структура финансирования подрядных строительных работ. Уменьшилась доля бюджетных средств, частные инвестиции составляют более 90% общего объема инвестиций в строительство;

- изменилась структура и характер социального заказа на строительство жилья и предприятий обслуживания. Появились элитные заказы, и, одновременно, обострилась потребность в недорогом жилье. Повысилось качество архитектурных решений и качество строительства, расширилась палитра строительных материалов;

- изменилась структура управления и формы собственности предприятий строительного комплекса. Подрядные строительные организации, как отмечалось ранее, разукрупнены, появилось множество мелких организаций, что значительно затрудняет координацию развития строительного комплекса края;

- ужесточились требования по сейсмостойкости, по энергосбережению (энергоэффективные технологии производства строительных материалов, эффективная теплозащита зданий, проблема потерь тепла при доставке через трубопроводы и т.д.).

В этих условиях проявилась неготовность предприятий стройиндустрии и стройматериалов к переходу на новые требования. С учетом этого, перспективы развития отрасли были связаны не с ростом существующих мощностей, – их использование составляло 10–25% от проектной мощности при износе оборудования, зданий и сооружений от 40 до 95%, – а с техническим перевооружением, ориентацией на производство пользующейся спросом продукции. После резкого падения восстанавливались существующие производства по выпуску мягких кровельных и изоляционных материалов, керамического кирпича, извести,

был организован выпуск и шло наращивание объемов теплоизоляционных материалов из пенопласта и базальтового волокна, велись работы по техническому переоснащению производственной базы предприятий крупнопанельного домостроения.

Тем не менее, ситуация в промышленности строительных материалов продолжала оставаться крайне тяжелой. В 2001 г. по сравнению с предыдущим годом снизилось на 10–20% производство железобетонных конструкций и деталей, кирпича, стеновых материалов; в два раза упало производство цемента. По динамике производства стройиндустрия края занимала одну из худших позиций среди отраслей промышленности. Из 88 предприятий стройиндустрии 61,4% убыточны, отрасль имела отрицательный сальдированный финансовый результат (–29,3 млн руб.).

Негативные тенденции в развитии экономики края, его отставание по сравнению с другими регионами России нашли свое отражение в общественном сознании жителей края¹. При доминировании отрицательных оценок сложившейся экономической ситуации в целом по России (около 60% опрошенных) в Алтайском крае, по оценке его жителей, ситуация еще хуже (табл. IV.13).

Таблица IV.13

**Сравнительные оценки социально-экономического положения
Алтайского края и России, % ко всем опрошенным**

Вариант ответа	Алтайский край	Россия
Очень хорошее и хорошее	2	5
Среднее	33	41
Очень плохое и плохое	58	44
Затрудняюсь ответить	7	9

Источник: [22, с. 43].

Для населения края в целом характерна ориентация на дореформенную административно-командную экономику, что в значительной части было обусловлено спецификой «консервативного» сознания сельского населения (табл. IV.14).

¹ В работе использованы результаты выборочных социологических опросов населения и руководителей и рядовых работников промышленных предприятий края, полученные в рамках регулярных всероссийских опросов ВЦИОМ.

**Распределение ответов о желаемом устройстве экономической системы
Алтайского края и России, % ко всем опрошенным**

Какая экономическая система кажется Вам наиболее правильной	Городское население края		Сельское население края		В среднем по краю		В среднем по России	
	1998	1999	1998	1999	1998	1999	1998	1999
Основанная на государственном планировании и распределении	58	50	73	60	65	60	47	25
В основе лежат: частная собственность и рыночные отношения	33	38	7	13	20	26	36	45
Затрудняюсь ответить	9	12	20	27	15	14	17	30

Источник: [22, с. 58].

Так, если разность между долей «государственников» и «рыночников» в целом по России в опросах 1998 г. составила 11 пунктов в пользу «государственников», то в городском населении края – 25, а сельском – 66 пунктов. В опросах 1999 г. ситуация в общественном мнении населения края изменилась, хотя все еще резко отличалась от общероссийского «фона». В опросе ВЦИОМ в 1999 г. группа сторонников «возврата в социализм» оценивалась в 20–25%, а в населении Алтайского края – 60%.

В целом по результатам проводимых опросов населения, следует отметить более высокую долю негативного отношения жителей края к проводимым в России реформам (70 и более процентов ответов). Практически ни одно из проводимых преобразований население края не оценивало положительно. На Алтае, особенно в его сельской части, доминировали коллективистские настроения, предпочтения уверенности в завтрашнем дне перед предпринимательским риском, неумение и отсутствие возможностей воспользоваться своим земельным паем «по рыночному» и т.д.

Почти каждый второй житель края предпочитал сравнительно небольшие доходы и уверенность в завтрашнем дне. Четвертая

часть опрошенных выбирала большие доходы сейчас, несмотря на отсутствие гарантий в будущем, и лишь 15% опрошенных среди жителей края являлись экономически инициативными, готовыми рискнуть иметь собственное дело. Таким образом, для большинства населения была важнее стабильность доходов, чем их размер. В основном люди не хотели рисковать и предпочитали гарантированные источники дохода.

Глава 9

АДАПТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ К ИЗМЕНЕНИЯМ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЫ И УГРОЗЫ ЕЕ РАЗВИТИЮ В 2000–2017 гг.

9.1. Общее и особенное в адаптации экономики края в различных фазах экономического цикла

Сравнительный анализ адаптации экономики Алтайского края и России к изменениям внешней среды в период 1990–2017 гг. позволил сделать вывод о том, что характер их адаптации в целом идентичен. Во всех фазах экономического цикла (кризис, депрессия, оживление и подъем), приходящихся на исследуемый период, процесс адаптации экономики Алтайского края и России имел в главном схожие черты, что свидетельствует о сформированном едином экономическом пространстве страны и единой системе управления экономикой.

Вместе с тем в различных фазах экономического цикла реакция экономики Алтайского края имела свои отличительные особенности в сравнении с общероссийскими тенденциями, проявляющимися, главным образом, в разной длительности фаз экономического цикла, времени их начала и окончания.

Спецификой адаптации экономики Алтайского края к негативным изменениям внешней среды *на старте рыночных реформ и в условиях трансформационного кризиса (1990–1998 гг.)*, как

отмечалось выше, явилось большее по сравнению с Россией падение экономической активности в регионе, и как следствие – существенно большие объемы сокращения производства.

Адаптация населения к переходному этапу рыночной экономики, как отмечала д.с.н. А.М. Сергиенко, проявилась в развитии новых практик выживания (в том числе фермерства и других видов бизнеса) при усилении традиционных примитивных форм занятости, таких как занятость в личном подсобном хозяйстве, сбор «даров природы». Поиск безработными жителями края любой, часто неквалифицированной, работы сочетался с чрезмерной интенсификацией труда занятого населения, приводящей к потере здоровья, распространением дополнительной (вторичной и третичной) занятости. Наблюдался массовый отток населения из села и региона, как в форме постоянной, так и сезонной миграции.

Отличительной особенностью процессов адаптации экономики края *в фазе оживления и подъема (1999 г. – первая половина 2008 г.)* была их синхронность с российскими реалиями. Это нашло свое отражение в более слабом по сравнению с Россией росте экономики, влекущем за собой формирование эффекта «расходящихся ножниц». С учетом большей глубины падения экономики края и более низких темпов ее роста краю понадобилось вдвое больше времени по сравнению с Россией, чтобы восстановить объемы ВРП до уровня 1994 г. – соответственно, 12 и 6 лет.

Характер адаптации экономики края к изменениям внешней среды *в период глобального экономического кризиса (2008–2009 гг.)* имел схожие с Россией черты. Краткосрочные колебания экономической активности в стране и в крае происходили в целом синхронно. Падение экономики продолжалось около года, но к концу 2009 г. и в стране, и в крае кризис не был полностью преодолен. Сопоставимыми были и темпы торможения экономики: в 2009 г. по отношению к докризисному 2007 г. ВРП регионов России в основных сопоставимых ценах составил 97,7%, Алтайского края – 97,8%.

Различия в характере циклической динамики экономики страны и края в этот период касались масштабов падения производства в отдельных отраслях. Так, в крае по сравнению с Россией негативные последствия для строительной отрасли оказались более существенными в силу значительного сокращения инве-

стиций в основной капитал (на 6,2 п.п.); производство строительных материалов сократилось более чем на треть. Напротив, несмотря на понесенные потери, промышленность края по сравнению со «среднероссийской» оказалась более адаптированной: темпы снижения ее производства были в 1,8 раза меньше среднероссийских.

Сравнительный анализ адаптационных процессов в стране и в крае к изменениям, произошедшим в периоде 2010–2017 гг. выявил как их общие, так и особенные черты.

Адаптация экономики региона *в фазе оживления (2010–2012 гг.)* по сравнению с Россией была более успешной. Восстановление докризисного уровня экономики края происходило опережающими темпами в силу влияния «эффекта масштаба»: среднегодовые темпы роста промышленного производства в крае составили в 2010–2012 гг. 110% (в России – 105,2%), инвестиции в основной капитал – 114% (в России – 107,9%).

Наибольшие расхождения в характере адаптационных процессов имели место в 2013–2016 гг. В то время как экономика России вступила в фазу депрессии, в Алтайском крае в 2013 г. продолжился ее рост, т.е. имело место асинхронное развитие. Объясняется этот феномен заметными темпами роста одной из базовых отраслей Алтайского края – сельского хозяйства (7% в среднегодовом исчислении при 4,2% в России); в то время как развитие промышленности, можно сказать остановилось.

В существенной мере обострилась ситуация в инвестиционной сфере края, где темпы снижения инвестиций в основной капитал были заметно выше российских (в среднегодовом исчислении в 2013–2016 гг. снижение составило, соответственно, 19,5 и 10,5 п.п.).

Реакция рынка труда края на ухудшение в анализируемом периоде рыночной конъюнктуры аналогична общероссийской. Ее характерные черты: отсутствие массового высвобождения рабочей силы при широком распространении практики частичной занятости работников.

Особая роль в формировании характера адаптации агропромышленного региона принадлежит такому виду экономической деятельности, как сельское хозяйство. С одной стороны, колебания урожайности, характерные для зоны неустойчивого земле-

деля, способствуют замедлению и тормозят оживление региональной экономической активности. С другой стороны, в фазе кризиса именно сельскохозяйственное производство является фактором устойчивости и стабильности региональной экономики, поскольку в случае сохранения совокупного спроса на сельхозпродукцию колебания производимых объемов сельхозпродукции (по сравнению с продукцией промышленности) в меньшей мере детерминированы циклическими колебаниями, чем природными условиями.

9.2. Формирование контура предпосылок активизации межотраслевых социально-экономических связей края с регионами СФО

Развитие интеграционных связей между регионами предполагает наличие соответствующих экономических предпосылок или возможностей для их создания в каждом из интегрируемых регионов. Данный подход содержит в себе предположение, согласно которому интегрируемые регионы должны обладать близким экономическим потенциалом, схожим уровнем социально-экономического развития, родственными либо взаимодополняющими отраслями, выступающими объективной основой для создания успешного альянса.

Рассматривая Алтайский край с этих позиций, важно оценить его накопленный потенциал за предыдущий период экономического развития, сформированный за счет преобладающих отраслей специализации. Такой подход позволит, с одной стороны, выявить имеющиеся предпосылки для формирования новых интеграционных связей между регионами с позиции потенциальных возможностей для развития в Алтайском крае, а с другой – определить сложившиеся ограничения для межрегиональных экономических взаимодействий с позиции сложившихся отраслей специализации.

Проведенный анализ валового регионального продукта Алтайского края в сравнении с аналогичным показателем по регионам СФО показал, что в 1996 г. край превосходил республики Ал-

тай, Тыву, Хакасию и Томскую область. Отставание от лидера по объему произведенного ВРП из сибирских регионов (Красноярского края) составляло 2,7 раза [23].

Сложившаяся динамика темпов экономического роста в Алтайском крае в последующие годы сформировала и укрепила тенденцию его отставания от большинства регионов СФО. Так, среднегодовые темпы роста ВРП Алтайского края на протяжении 1996–2019 гг. оставались ниже темпов роста крупнейших регионов СФО – Красноярского края, а также Новосибирской и Омской областей (рис. IV.17).

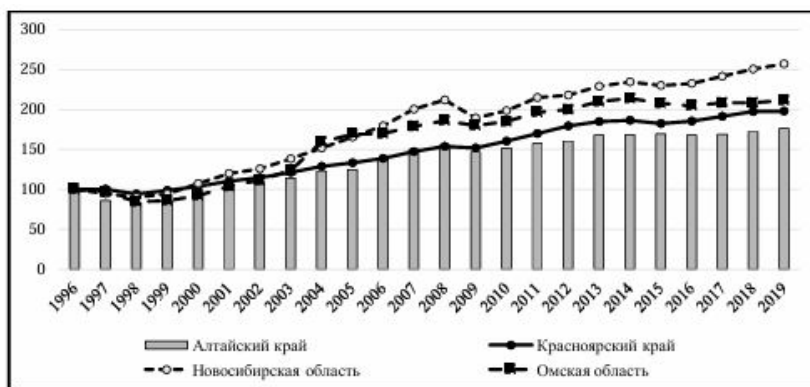

Рис. IV.17. Динамика индексов физического объема ВРП отдельных регионов СФО, % (1996 г. = 100%)

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

В результате в анализируемые годы удельный вес Алтайского края в производимом валовом продукте СФО, инвестициях в основной капитал, объеме производимой продукции в сфере промышленного производства сократился. Отличительной особенностью в этот период стало увеличение доли производимой продукции сельского хозяйства в Алтайском крае в СФО с 18,85% в 1990 г. до 24,25% в 2020 г. (табл. IV.15).

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в целом Алтайский край на сегодняшний день не обладает достаточным экономическим потенциалом, позволяющим ему за счет созданных внутренних источников роста преодолеть накопленное за

предыдущие годы отставание по производству валового продукта от обозначенных сибирских регионов и радикально активизировать межрегиональные связи.

Таблица IV.15

**Удельный вес Алтайского края в основных показателях
социально-экономического развития СФО, %**

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Численность постоянного населения в среднем за год	12,50	12,90	13,00	12,90	12,60	12,30	13,50
Валовой региональный продукт ¹	н/д	7,05	7,10	6,95	7,33	7,15	6,87 ³
Объем промышленной продукции	11,00	6,39	5,55	5,48 ²	5,72	5,12	5,33
Продукция сельского хозяйства	18,85 ⁴	16,03	19,43	19,32	21,50	22,47	24,25
Инвестиции в основной капитал	9,95	7,40	7,20	6,03	6,27	6,64	6,36

Примечание. ¹ Расчет ВРП ведется с 1994 г.

² С 2005 г. – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». В 2019 г. при расчете объема промышленной продукции использованы данные объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха», «Водоснабжение, водоотведение, организации сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений».

³ Данные по ВРП приведены за 2019 г.

⁴ Продукция сельского хозяйства приведена за 1991 г.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Исследование отраслевой структуры формирования валовой добавленной стоимости (ВДС) в Алтайском крае в сравнении с остальными регионами СФО как фактора, предопределяющего характер межрегиональных взаимодействий, позволило выделить здесь значительный удельный вес сельского хозяйства – 12,7% в 2019 г. В Республике Алтай доля сельского хозяйства составляла 10,2%, в остальных регионах удельный вес данной отрасли составлял менее 8%. Наибольший удельный вес в структуре ВРП этих регионов формируется за счет развитой добывающей промышленности (около четверти – в Красноярском крае, Иркутской, Кемеровской и Томской областях).

Значительный удельный вес обрабатывающих производств (более 1/3) предопределил экономическое развитие и межрегиональные связи в Красноярском крае и Омской области – 36,3 и 33,2%, соответственно. В структуре отгруженной продукции обрабатывающих производств данных регионов наибольший удельный вес (более 70%) формируется за счет металлургического производства в Красноярском крае и за счет производства нефтепродуктов – в Омской области (табл. IV.16). Удельный вес обрабатывающих производств в НДС Алтайского края в два раза ниже, чем в Красноярском крае и Омской области. По вкладу данной отрасли в формирование валового продукта Алтайский край из всех регионов СФО сравним с Республикой Хакасия.

Исходя из структуры валового продукта, Алтайский край остается аграрно-промышленным регионом, что видно, с одной стороны, по удельному весу сельского хозяйства в структуре отраслей региона, а с другой – определяется спецификой производимой продукции за счет сосредоточенных в регионе обрабатывающих производств. Имеющаяся развитая пищевая промышленность (более 40%) вместе с сельским хозяйством создают экономические предпосылки для развития региона и его интеграции в социально-экономическое пространство Сибири.

Однако на этом пути есть серьезные препятствия, в числе которых значительные объемы вывозимого за пределы края сельскохозяйственного сырья, относительно низкая добавленная стоимость производимой продукции, высокая конкуренция на продовольственных рынках и т.д. В свою очередь имеющееся производство кокса и нефтепродуктов (17,8%), а также производство машин

Таблица IV.16
Структура объема отгруженной продукции в сфере обрабатывающих производств в регионах СФО в 2020 г., %

Вид обрабатывающих производств	СФО	Республика Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия	Алтайский край	Красноярский край	Иркутская обл.	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Омская обл.	Томская обл.
Производство пищевых продуктов	12,8	46,2	32,2	10,7	42,3	3,9	9,1	8,4	29,6	11,2	20,3
Производство текстильных изделий	0,5	0,4	39,4	0,1	1,8	0,1	0,2	0,3	1,8	0,2	0,3
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,9	1,3	1,5	0,2	2,8	2,4	12,1	0,3	1,6	0,1	8,6
Производство бумаги и бумажных изделий	2,1	0,7	3,3	0,1	1,5	0,1	12,2	0,2	3,5	0,6	2,8
Производство кокса и нефтепродуктов	19,2	3,8	—	0,8	17,8	2,3	6,8	20,8	6,5	70,7	18,2
Производство химических веществ и химических продуктов	6,9	2,2	...	1,5	6,4	3,0	13,8	11,6	7,7	6,0	14,2
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	3,1	7,9	15,7	1,0	2,6	1,7	3,7	3,6	10,3	0,9	2,5
Производство металлургическое	40,4	22,0	...	68,3	9,4	79,2	23,8	44,8	16,0	3,2	8,1
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	3,2	—	—	5,3	2,0	0,8	2,3	0,8	10,0	2,7	17,6
Производство машин и оборудования	5,0	—	—	1,8	11,6	2,6	11,9	4,3	7,6	2,4	2,6
Производство мебели	0,6	0,1	4,1	0,1	0,6	0,5	0,4	0,2	2,0	0,2	0,9
Ремонт и монтаж машин и оборудования	3,3	15,4	3,8	10,1	1,2	3,4	3,7	4,7	3,4	1,8	3,9

Источник: Данные Росстата.

и оборудования (11,6%) вносят не столь большой вклад в формируемый ВРП по сравнению с пищевой промышленностью, но их роль в межрегиональной торговле достаточно заметна.

Исходя из рассмотренной динамики ВРП, его структуры в Алтайском крае, определяемой сложившимися отраслями специализации, можно сказать, что аграрно-промышленный потенциал региона является преимуществом, позволяющим ему быть востребованным в условиях проводимой политики импортозамещения, а также обеспечения других регионов продовольствием.

В то же время сложившаяся структура отраслей в Алтайском крае выступает ограничивающим фактором развития интеграционных связей с другими регионами СФО. Различная отраслевая специализация сибирских регионов не позволяет создавать совместные крупномасштабные производства обрабатывающей промышленности, способные выступать драйвером развития региона. В этом смысле возможным выходом с позиции формирования интегрированных межрегиональных объединений является совместный поиск перспективных направлений развития, опирающихся на имеющийся в регионах экономический потенциал. Основой поиска интеграционных связей между регионами должны стать преобладающие в структуре ВДС взаимодополняющие отрасли и подотрасли.

На сегодняшний день, помимо сельского хозяйства и обрабатывающих производств, значительный вклад (порядка 25%) в ВДС Алтайского края вносит сфера движения торгового капитала и финансового капитала в сфере недвижимости.

Другой важной предпосылкой формирования межрегиональных экономических связей являются доходы населения [24, 25]. Значимо более высокие доходы населения региона на фоне страны, других регионов могут стать драйвером притяжения капитала, инвестиций, рабочей силы из других регионов, развития межрегиональных связей, а существенно более низкие – ограничителем такого развития. Усиление же межрегиональной интеграции воздействует на межрегиональную дифференциацию по доходам населения, изменение позиций регионов по данному показателю, хотя вектор этого воздействия уже не столь однозначен.

Трансформационные процессы в экономике России за три последних десятилетия оказали значительное влияние на межре-

гиональную дифференциацию по доходам населения, наблюдались значимые изменения в позиции Алтайского края по данному показателю на фоне Сибирского федерального округа и России в целом. В благоприятные периоды экономического развития, проявляющиеся отчасти в наращении межрегиональных торговых и бизнес-связей, наблюдался не только рост межрегиональной дифференциации по доходам населения, но и подтягивание к среднему уровню таких отстающих регионов, как Алтайский край. Так, в период экономического роста 2000–2007 гг. межрегиональные различия по доходам населения в СФО выросли до 2,18 раза, значительно сократилось отставание края от регионов СФО (до 22,4%), наблюдалось более значительное увеличение покупательной способности доходов населения в сравнении с Россией и СФО (рис. IV.18) [26].

Рис. IV.18. Соотношение доходов населения и заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума в России и Алтайском крае в 1993–2020 гг.

Источник: Данные Росстата.

Напротив, кризисные периоды в экономике, отражающиеся на ослаблении торговых и бизнес-связей, уменьшении объемов ввоза и вывоза товаров и капитала из регионов СФО, приводили и к сокращению межрегиональной дифференциации населения по доходам [26, 27]. В такие годы более значительные потери

в доходах населения, их покупательной способности чаще несла экономически «слабая часть» сибирских регионов, в том числе Алтайский край (табл. IV.17) [27]. Вместе с тем именно в кризисные периоды последних двух десятилетий все более существенное нейтрализующее воздействие оказывала государственная антикризисная политика поддержки экономики и социальной сферы, способствующая сокращению межрегиональных различий по доходам населения СФО.

Таблица IV.17

**Соотношение среднедушевых денежных доходов населения
с величиной прожиточного минимума в целом по России
и регионам СФО в 2013–2020 гг., %**

Субъект Федерации	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Российская Федерация	351,6	340,5	311,9	314,1	316,2	323,4	324,5	315,4
Респ. Алтай	213,9	214,4	189,4	188,0	191,9	203,6	200,1	199,7
Респ. Тыва	172,7	164,6	158,8	149,4	154,8	156,8	157,4	159,7
Республика Хакасия	235,2	222,8	210,6	214,3	218,0	219,6	208,0	202,3
Алтайский край	242,1	246,4	237,1	239,3	242,9	243,7	240,2	232,1
Красноярский край	298,1	271,4	250,5	253,7	253,9	257,8	254,4	248,7
Иркутская обл.	266,6	235,8	219,0	224,2	234,1	233,3	230,1	223,2
Кемеровская обл.	283,0	266,3	248,2	238,8	240,1	249,7	247,2	239,2
Новосибирская обл.	299,8	269,5	245,0	257,4	257,8	267,8	269,0	261,9
Омская обл.	322,7	326,7	295,9	286,2	278,3	278,8	272,4	264,0
Томская обл.	294,6	282,7	253,6	244,4	248,4	250,3	247,5	240,7

Источник: Данные Росстата.

Кризисные явления в условиях пандемии 2020 г. не явились исключением: межрегиональные различия по доходам сократились, усилилось отставание региона от среднесибирского и среднероссийского уровней. Несмотря на «нейтрализующее» воздействие государственной политики стимулирования агропромышленной сферы, поддержки бизнеса и населения, в том числе путем прямых денежных выплат семьям с детьми,

среднедушевые доходы населения Алтайского края впервые за последние более чем двадцать лет сократились в номинальном выражении в отличие от продолжающегося роста доходов россиян, покупательная способность доходов жителей региона упала почти на 8 п.п.

Итак, несмотря на более высокие темпы восстановительных процессов в межкризисные периоды и позитивное влияние социально-экономической политики, сохранялось значительное отставание Алтайского края от средней по России и СФО по среднедушевым доходам населения (на 33,8 и 14,7% в 2020 г.). Край занимал шестую позицию по покупательной способности доходов населения среди десяти регионов СФО и 69-е из 85-и мест в России (отставание почти на треть от среднего значения по стране) – см. табл. IV.17. Стабильно самая низкая среднемесячная начисленная заработная плата в крае в сравнении с СФО (в 1,5 раза ниже среднего уровня в 2020 г.) и одна из последних – в стране (в 1,7 раза ниже среднего уровня) формирует дополнительный риск для развития межрегиональных экономических связей в СФО и стране в целом. Значительной остается разница в уровне бедности, рассчитанном как доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже прожиточного минимума: в 1,4 раза среднего по России в 2020 г.

Как следствие, сравнительно низкие среднедушевые доходы населения Алтайского края, предопределяющие невысокую покупательную способность и формирующие низкий потребительский спрос и даже значительный уровень недопотребления товаров и услуг в кризисные периоды, представляют собой реальную хроническую угрозу полноценному развитию экономики, являются сдерживающим фактором развития межрегиональных экономических связей края с регионами СФО и России в целом. Негативными последствиями низких доходов и покупательной способности населения края, высокого уровня бедности для экономики края и его интеграционных связей с регионами СФО является, в частности, высокий миграционный отток из региона экономически активной части жителей, особенно молодежи [28].

9.3. Ключевые риски и угрозы, препятствующие развитию региональной экономики и ее включенности в экономическое пространство России

Приведенный в предыдущем разделе детальный анализ развития Алтайского края в дореформенный период и в первое десятилетие реформ позволил нам выдвинуть и проверить гипотезу о том, что ключевые риски и угрозы экономическому развитию края были в главных своих чертах детерминированы трансформационными процессами 1990-х годов. Более того, анализ последующего развития края свидетельствует о том, что риски и угрозы, сформировавшиеся в период трансформационного кризиса 1990-х годов, во многом воспроизводятся и по настоящее время.

Последствия вступления Алтайского края в рынок, даже на фоне упадка экономики всей страны, оказались более существенными, чем в России. В ходе дальнейшего развития края, естественно, появлялись и «срабатывали» другие негативные факторы¹, но, как показал проведенный ретроспективный анализ развития региональной экономики, по глубине и силе воздействия на экономическую безопасность региона равных «трансформационным» факторам 1990-х гг. не было.

Кумулятивное влияние этих факторов вкупе с многочисленными диспропорциями в развитии края повлекли за собой гораздо более глубокое и затяжное по сравнению с Россией торможение алтайской экономики [26]. В самой нижней точке падения, приходящейся на 1998 г., объем ВРП России уменьшился по сравнению с 1998 г. на 12,2%, Алтайского края – на 39,4%. В результате край восстановил уровень ВРП 1994 г. лишь к 2007 г., на 8 лет позже, чем Россия – рис. IV.19.

Более глубокий спад экономики края на этапе вступления в рынок в сочетании с замедленным ее развитием в последую-

¹ С нашей точки зрения оценка вызовов и угроз развитию региона должна включать в себя анализ проблемы в динамике. Такой подход позволяет не только оценить глубину риска на данный момент, но и раскрыть его характер (нивелировка рискованной ситуации, перерастание риска в кризис, приобретение риском хронического характера). Отметим также, что оценка риска (угрозы) развитию экономики края в результате воздействия того либо иного фактора (совокупности факторов) во многом носит субъективный характер.

шие годы, повлекли за собой нарастающее, без видимых перспектив выравнивания, отставание от России: если в 1996 г. душевой ВРП края по отношению к среднероссийскому составлял 62,2%, то в 2016 г. – 44,6%. Эта ситуация чревата для края потерей позиций и переходом из «среднеразвитых» регионов в группу «относительно слаборазвитых». В этом, на наш взгляд, заключается первая и одна из наиболее существенных угроз развития края.

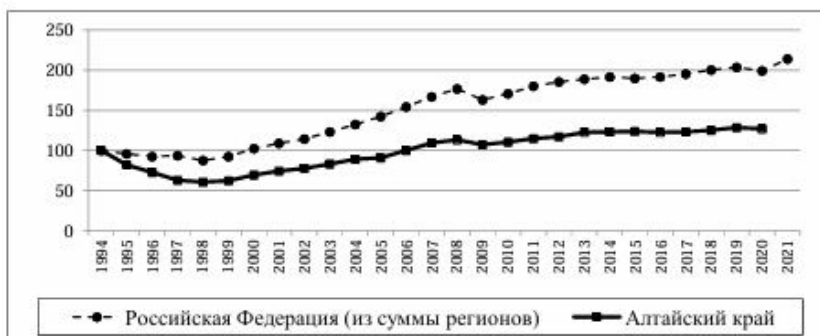

Рис. IV.19. Динамика индексов физического объема ВРП субъектов Российской Федерации и Алтайского края, % (1994 г. = 100%)

Примечание. 1995–1996 гг. – оценка.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Экономические реформы и трансформация государственного управления выявили резкое несоответствие структуры экономики края возможностям его автономного развития и самофинансирования. В промышленности, как отмечалось ранее, были сконцентрированы преимущественно отрасли, подвергшиеся наибольшему спаду как по России в целом, так и в регионе: тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, главным потребителем которого были республики Средней Азии и Казахстан; легкая промышленность, базирующаяся в основном на переработке сырья, поставляемого из Средней Азии; оборонная промышленность. Следует отметить также сильную зависимость Алтайского края от внешних поставок топливно-энергетических ресурсов вкупе со слабым развитием производственной инфраструктуры.

Свою лепту в негативные процессы развития промышленности внесло новое экономико-географическое положение края, обусловленное развалом СССР: край приобрел статус приграничного региона России. Относительная удаленность основных промышленных производств от сырьевых ресурсов и потребителей продукции повлекла за собой чрезмерную зависимость региональной экономики от неограниченного роста транспортных тарифов.

В итоге обвальный спад в промышленности оказался намного существенней, чем в сельском хозяйстве и отраслях по переработке сельхозпродукции, базирующихся преимущественно на собственных ресурсах. Как видно на рис. IV.20, в нижней точке падения (1997–1998 гг.) спад в промышленности был намного больше по сравнению с сельским хозяйством (соответственно 70 и 40%), а темпы восстановления – заметно ниже. В 2017 г. производство продукции сельского хозяйства по отношению к 1991 г. выросло в 1,27 раза (в России – в 1,02), в то время как объем промышленной продукции даже не приблизился к показателям 1991 г. и составил 67,3% (в России – 86,4%).

Рис. IV.20. Динамика индекса производства продукции промышленности и сельского хозяйства в Алтайском крае в 1990–2021 гг., % к 1990 г.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Это, естественно, нашло свое отражение во вкладе края в общероссийское производство: доля Алтайского края в общем производстве сельскохозяйственной продукции России в 2016 г.

по сравнению с 1991 г. почти не изменилась (соответственно 2,9% и 2,8%), в производстве продукции промышленности – уменьшилась более чем в 2 раза (0,59% и 1,3%).

С нашей точки зрения, последствия влияния угрозы утраты краем промышленной специализации, «размывания» его индустриальных начал¹ осознаны не до конца. Промышленность, образно говоря, была одним из краеугольных камней, на котором зиждилось здание экономики края. Так, в ведущей отрасли промышленности «машиностроение и металлообработка» к концу 1980-х гг. было сосредоточено 36% основных производственных фондов и 50% численности промышленно-производственного персонала, производилось 40% всей промышленной продукции края. Его благополучие (бюджет, развитие инфраструктуры, непроизводственной сферы, доходы населения) на 80% зависело от крупных предприятий этой отрасли.

Отмеченное в 7 главе настоящей монографии частичное сокращение производства либо зачастую полное прекращение (перепрофилирование) деятельности предприятий союзного и республиканского подчинения явилось главной причиной появления «бреши» не только в бюджете края и доходах его населения, но и, о чем говорят гораздо реже, в национальном богатстве края. В результате, с учетом сложностей на пути повышения инвестиционной активности в регионе (об этом – ниже) проблемы накопления капитала в Алтайском крае приобрели особое звучание.

Наряду с видимыми последствиями деиндустриализации региона есть, на наш взгляд, и латентные. Речь идет о том, что более быстрый выход из кризиса, более высокий уровень развития, да и большие темпы роста производства сельскохозяйственной продукции во многом «завязаны» на «индустриальность» региона.

Третья угроза коренится в недостаточных воспроизводственных возможностях экономики региона. Она имела и имеет для края принципиальное значение, поскольку недостаточные для развития края его воспроизводственные возможности прочно

¹ Об этом наглядно свидетельствуют цифры, отражающие динамику места промышленности в структуре региональной экономики. Если в 1990 г., как уже отмечалось, в Алтайском крае на долю промышленности приходилось свыше половины совокупного общественного продукта (54,2%), то в 2016 г. в структуре ВРП края ее доля была намного скромнее – 22,5% (в России – 32,1%).

закрепили его в группе регионов-реципиентов, «содержанцев» федерального бюджета.

Ситуация со временем кардинально не изменилась, подтверждением чему служит сложившаяся хроническая зависимость консолидированного бюджета края от Центра. Несмотря на многочисленные перемены в сфере межбюджетных отношений, удельный вес собственных доходов бюджета края хотя и несколько вырос¹, но так и не достиг общероссийских показателей: в 2017 г. доля налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета края составляла 65% при 83,5% в среднем по России.

С учетом сравнительно низких душевых доходов, составлявших на протяжении многих лет порядка половины душевых доходов бюджета «среднероссийского» региона (в 2017 г. – 59%), мы имеем право говорить о *недостаточном объеме финансовых, в частности, бюджетных средств, необходимых для осуществления расширенного воспроизводства и нормального социально-экономического развития Алтайского края*. В этом заключается еще один заметный риск развития региона, имеющий принципиальный характер для его перспективы².

У проблемы обеспечения расширенного производства в крае есть еще один важный аспект, связанный с недостаточным притоком в регион капитала. Отставание в развитии инвестиционной сферы было, можно сказать, «ахиллесовой пятой» края на протяжении всей его истории. Если в условиях централизованной экономики это отставание было не столь заметно, то уже в первые годы реформирования, как показано в главе 7 настоящей монографии, вызовы развитию края в этой области переросли в угрозы.

Как видно из рисунка IV.21, различия в душевых инвестициях в основной капитал в фактически действовавших ценах в крае и России нарастали с каждым годом; в результате чего со временем проявился эффект «расходящихся ножниц».

¹ В 1995 г., к примеру, расходы консолидированного бюджета края на 37% покрывались за счет федеральных средств.

² Исходя из многочисленности регионов-реципиентов в России, нельзя, на наш взгляд, констатировать в данном случае наличие угрозы Алтайскому краю, что само по себе не отменяет серьезность ситуации.

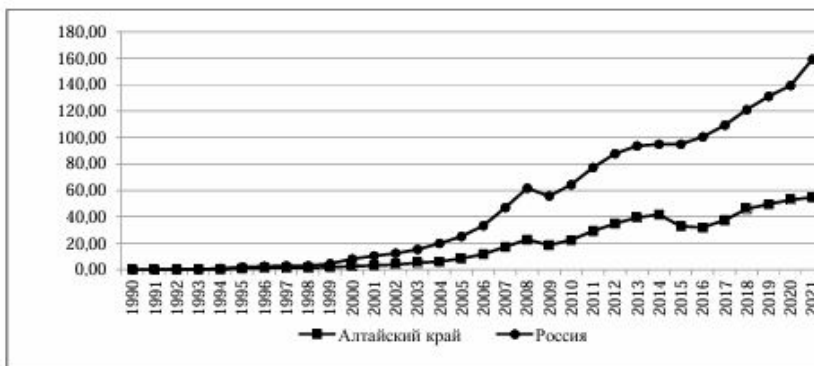

Рис. IV.21. Динамика душевых инвестиций в основной капитал в России и Алтайском крае в фактически действовавших ценах в 1990–2021 гг., тыс. руб. (до 1998 г. млн руб.)

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Для Алтайского края, имеющего существенные ограничения в росте валовых сбережений и их трансформации в инвестиции, рост нормы накопления капитала имеет принципиальное значение. Рисунок IV.22 наглядно демонстрирует, что в течение почти полутора десятка лет в крае имела место позитивная динамика этого показателя (за исключением 2015–2016 гг.), однако, порогового значения ($\geq 25\%$) он так и не достиг.

Вместе с тем показатели нормы накопления в последние годы не только не уступали среднероссийским, но и превышали их. Следовательно, перспективы роста нормы накопления в крае связаны не столько с увеличением доли инвестиций в основной капитал (это чревато усугублением проблем обеспечения роста уровня жизни населения), сколько с ростом ВРП. В данном случае, по нашему мнению, имеет место *риск недостаточного накопления капитала в Алтайском крае в сочетании с ограниченными в этом плане возможностями региона.*

Наиболее острая ситуация, во многом обусловленная отсутствием должных инвестиций, сложилась в части модернизации экономики края. С этой точки зрения норма инвестиций в крае теоретически должна быть как можно более высокой, с тем чтобы обеспечить «рывок» в обновлении основных фондов в экономике и переломить сложившуюся негативную тенденцию роста их из-

носа. Однако в реальной практике осуществить это, на наш взгляд, крайне трудно¹. Очевиден риск, связанный с увеличением степени износа основных фондов в экономике края, вплотную приблизившейся в 2014–2015 гг. к пороговым значениям показателя ($\geq 50\%$) – рис. IV.23.

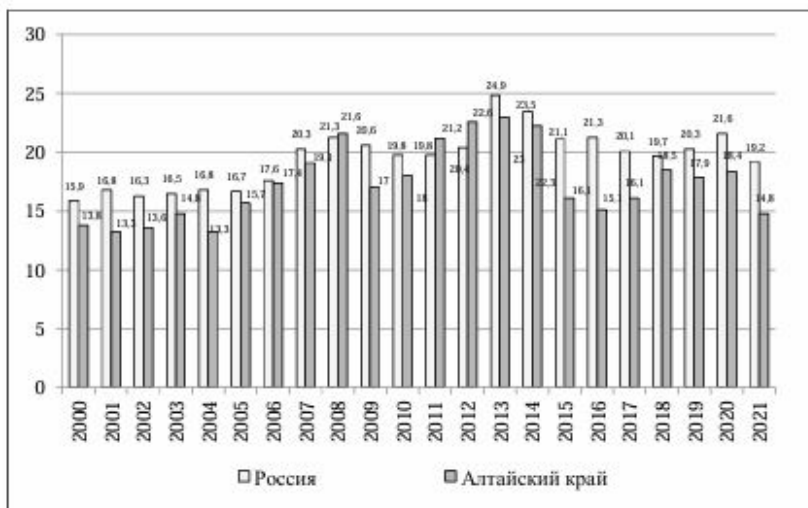

Рис. IV.22. Динамика удельного веса инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте в России и Алтайском крае, %

Источник: Данные Росстата.

Один из самых существенных, можно даже сказать, судьбоносных для края рисков связан с повышением эффективности

¹ В связи со сказанным заметим, что валовое накопление капитала в целом по России, составляющее 24–25% ВВП, оценивается как умеренное. Рост валового накопления с 24 до 27–28% означает рост объема инвестиций примерно в 1,35 раза. С нашей точки зрения, достижение столь высокой планки подразумевает повышение уровня сбережения, возможности которого в крае сравнительно ограничены. С учетом сравнительно небольшого душевого объема ВРП края установка на высокий уровень нормы накопления, как отмечалось ранее, может прийти в противоречие с необходимостью сохранения и повышения достигнутого уровня потребления. В этих условиях на первый план наряду с ростом ВРП выходят проблемы повышения эффективности использования инвестиций.

живого труда. Для Алтайского края эта ключевая для страны проблема имеет особое звучание.

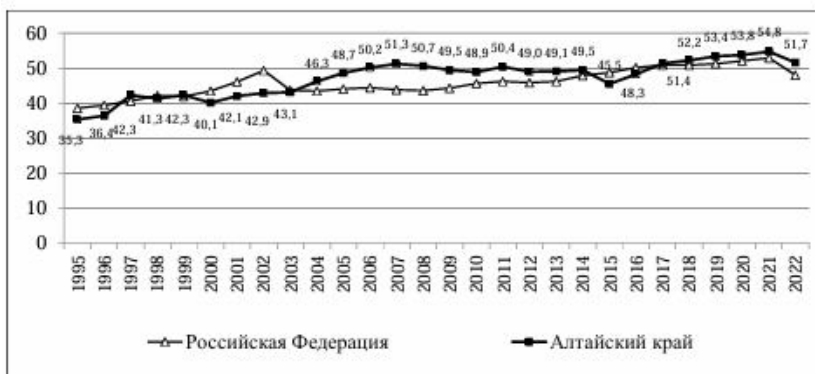

Рис. IV.23. Степень износа основных фондов в экономике Алтайского края и Российской Федерации в 1995–2022 гг., %

Примечание. Данные за 2017 г. – предварительные.

Источник: Данные Росстата.

По уровню производительности труда Алтайский край традиционно уступает большинству регионов России и существенно отстает от средних показателей по стране. Со временем это отставание только нарастало: если в 1990 г. производительность труда в регионе составляла около 70% от уровня Российской Федерации, то в 2016 г. – чуть более 50% (рис. IV.24).

Динамика региональных уровней производительности труда носит ярко выраженный проциклический характер, в ней просматривается несколько волн повышения и понижения, выделяются долговременные позитивные и негативные тренды в сочетании с частыми краткосрочными незначительными колебаниями. Она характеризуется более глубоким по сравнению со среднероссийскими показателями падением в 1990-е гг. (темпами, почти в два раза превышающими среднероссийские) и очень близким к российским показателям ростом и меньшим падением в 2000-е гг. Следует обратить внимание и на то, что дореформенный уровень производительности труда в России был восстановлен в 2005 г., в то время как в крае – лишь в 2016 г. (рис. IV.25).

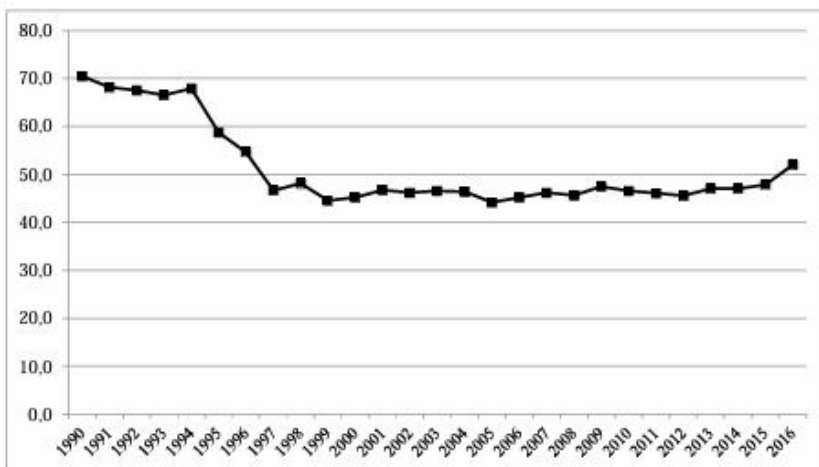

Рис. IV.24. Соотношение производительности труда в Алтайском крае и России (Россия – 100%), в ценах 1995 г., %

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

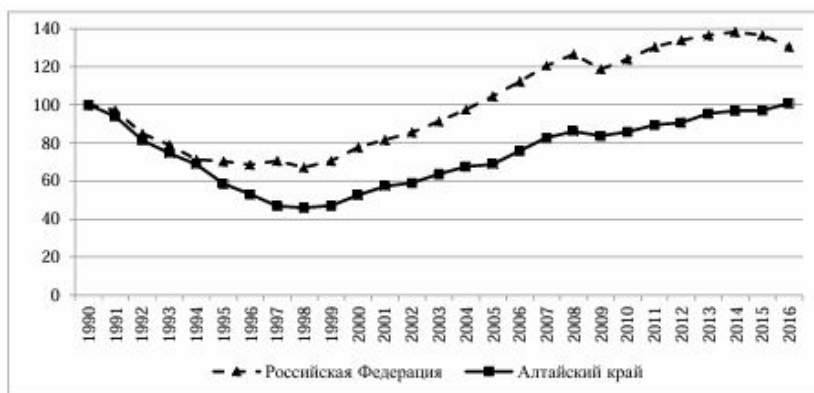

Рис. IV.25. Динамика производительности труда в Алтайском крае и Российской Федерации, % к 1990 г.

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Из вышесказанного следует, что существенно более низкий краевой уровень производительности труда в крае и недостаточные темпы ее роста составляют реальную угрозу развитию Алтайского края.

Глава 10

ЭКОНОМИКА АЛТАЙСКОГО КРАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

10.1. Новые тенденции в развитии промышленности

Общая характеристика промышленности региона. Промышленное производство в 2018–2022 гг. занимало первое место среди всех отраслей экономики по вкладу в валовой региональный продукт края. Так, в среднем в 2018–2022 гг., доля отраслей, относимых к промышленному производству, в отраслевой структуре ВРП составляла 22,8%. Основную долю в валовой добавленной стоимости, создаваемой в промышленности, формируют обрабатывающие производства – в среднем 84% от общего вклада всех отраслей промышленности (табл. IV.18).

Обращает на себя внимание заметное возрастание доли промышленности в структуре ВРП в 2020–2021 гг., происходившее на фоне заметного снижения в структуре ВРП доли ряда услуг (деятельность финансовая и страховая, в области информации и связи, торговли оптовой и розничной), а также строительства. Данный рост может быть отчасти объяснен как прямыми, так и косвенными последствиями пандемии коронавируса. Вместе с тем вероятно наличие и общей долговременной тенденции повышения значимости промышленности в экономике края, что потребует дополнительного изучения после публикации данных по ВРП края в 2023–2024 гг.

Промышленность Алтайского края традиционно представлена прежде всего обрабатывающими производствами, хотя наблюдается постепенное повышение доли в ВРП добывающей промышленности, а также видов экономической деятельности, относящихся к обеспечению электрической энергией, газом и паром, кондиционированию воздуха.

Рассматривая ВРП края, можно отметить, что в структуре выпуска товаров и услуг по видам экономической деятельности вклад промышленности еще выше: так, в 2019 г. обрабатывающие производства занимали 30,1%, а в целом на 4 вида деятельности,

относимых к промышленности, приходилось 35% выпуска товаров и услуг. Вместе с тем доля промышленности в производстве добавленной стоимости значительно ниже (как показано выше) в связи с высокой долей промежуточного потребления в агрегатной структуре выпуска (например, в 2019 г. промежуточное потребление составило 71,9% в обрабатывающих производствах, 74,3% – в добыче полезных ископаемых).

Таблица IV.18

**Доля промышленности в отраслевой структуре
валовой добавленной стоимости в 2018–2022 гг., %**

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	В среднем в 2018– 2022 гг.
Валовая добавленная стоимость в основных ценах – всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Из неё: Раздел В. Добыча полезных ископаемых	0,6	0,5	0,7	0,8	0,7	0,66
Раздел С. Обрабатывающие производства	17,7	17,5	19,3	22,3	18,9	19,14
Раздел D. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,3	2,3	2,4	2,9	2,6	2,5
Раздел E. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,6	0,6	0,6	0,5	0,4	0,54
Итого отрасли промышленности (разделы В, С, D, E)	21,2	20,9	23,0	26,5	22,6	22,84

Источник: [27].

В анализе ВРП, проведенном Алтайкрайстатом по материалам 2018–2020 гг. отмечается, что экономика характеризовалась высокой концентрацией выпуска товаров и услуг и специализацией

отраслей (в том числе по видам деятельности, относимым к промышленности). Уровень концентрации и специализации находился в сосредоточении выпуска преимущественно однородной продукции в отдельных видах экономической деятельности. В целом по совокупности видов деятельности за период средняя величина уровня концентрации и специализации была выше 95% [28].

В объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по добыче полезных ископаемых край занимал в 2022 г. 50-е место в России (в Сибирском федеральном округе (СФО) – 8-е), по обрабатывающим производствам – 31-е место в России (5-е в СФО), по обеспечению электрической энергией, газом и паром; кондиционированию воздуха – 39-е место в России (7-е в СФО), по водоснабжению; водоотведению, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений – 35-е место в России (6-е в СФО) [29, с. 35]. По сравнению с 2018 г. повысились места края на 5 позиций по добыче полезных ископаемых и на 4 позиции – по обрабатывающим производствам (добыча полезных ископаемых в 2018 г. – 55-е место в России, обрабатывающие производства – 35-е место в России и 6-е в СФО) [30, с. 35].

Вклад Алтайского края в промышленность Российской Федерации – сравнительно небольшой, и ощутимо меньше доли края в населении страны. Это связано как с аграрной специализацией края, так и незначительным числом в крае крупнейших предприятий – флагманов российской промышленности. Информация о доле Алтайского края в структуре промышленности России представлена в таблице IV.19.

За период 2018–2022 гг. наблюдается увеличение доли края в российской промышленности. Наибольшими темпами росла доля края в производстве продукции по виду деятельности «добыча полезных ископаемых», что объясняется как реализацией инвестиционных проектов в этой сфере, так и «эффектом низкой базы». Укрепились позиции алтайской промышленности и в обрабатывающих производствах.

По ряду производств промышленность региона занимает весомую долю на общероссийском рынке. Так, промышленными предприятиями края в 2022 г. было произведено (в процентах от общероссийского производства) 58,5% паровых котлов,

15,0% кокса, 53,6% деревообрабатывающих станков, 12,8% железнодорожных вагонов, 6,5% электрических трансформаторов [31].

Таблица IV.19

Доля Алтайского края в промышленности России (2018–2022 гг.)

Вид экономической деятельности	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, млрд руб.				Доля Алтай- ского края в объеме отгруженных товаров, работ, услуг РФ, %	
	Алтайский край		РФ			
	2018	2022	2018	2022	2018	2022
Добыча полезных ископаемых	5,0	13,2	13916,2	27295,8	0,036	0,048
Обрабатывающие производства	322,8	557,2	44599,5	66797,0	0,720	0,830
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондицио- нирование воздуха	47,4	50,4	5641,9	6445,2	0,840	0,780

Источник: Рассчитано по: [29, с. 35].

Некоторые производимые в крае виды продукции практически не имеют аналогов в стране. Только в Алтайском крае на «Алтайском заводе прецизионных изделий» производятся полнокомплектные топливные системы для дизельных двигателей современных экологических стандартов. В 2022 г. в крае было открыто первое и пока единственное в России производство крупногабаритных колёсных дисков для сельскохозяйственной и коммунальной техники. Единственный в стране производитель авиационных шин также работает в Алтайском крае – (компания «ЯШЗ-Авиа», ведущая производственную деятельность на площадке Барнаульского шинного завода). Расположенная в г. Новоалтайске компания «ЗИАС-Машинери» является, по данным региональной

администрации, единственным производителем 3D-принтеров в России. В регионе действует уникальное производство природного сульфата натрия, который является важным компонентом во многих отраслях промышленности (компания «Кучуксульфат»). Значимость таких производств для межрегионального взаимодействия Алтайского края особенно возрастает в условиях введенных против России санкционных ограничений.

Структуру промышленности отличает низкая в сравнении с общероссийскими и сибирскими показателями доля добывающих отраслей. Традиционно отсутствие развитых сырьевых отраслей рассматривалось как один из факторов депрессивности экономики Алтайского края. Вместе с тем ситуация в сырьевых отраслях в наибольшей степени зависит от ценовых колебаний и санкций, что при неблагоприятных условиях может привести к снижению производства. В исследуемый период в некоторых сибирских регионах с высокой долей добычи сырья и связанных с ним отраслей наблюдалось существенное снижение промышленного производства. Так, отрицательный индекс промышленного производства за период 2018–2022 г. сложился в Республике Тыва, Красноярском крае, Томской области, минимальный рост отмечен в Кемеровской области – Кузбассе. (Показательным является и 2023 г., когда данная тенденция проявилась еще заметнее: отрицательный ИПП отмечен в ресурсных регионах: Тыве (97,4%), Красноярском крае (94,2%), Иркутской области (98%), Кемеровской области (98,7%), при этом в Алтайском крае ИПП составил максимальное значение за 16 предшествующих лет – 107,2%).

В специфических внешних условиях, сложившихся в исследуемый период (таких как последствия пандемии, нестабильность на мировых рынках, вводимые санкционные ограничения), традиционно сложившаяся структура промышленности Алтайского края, представленная в основном обрабатывающим производством и ориентированная прежде всего на внутренний рынок, послужила, на наш взгляд, стабилизирующим фактором для экономики региона. Информация об индексе промышленного производства в регионах Сибирского федерального округа представлена в таблице IV.20.

По данным Росстата, приводимым в статистических сборниках «Регионы России. Социально-экономические показате-

ли» за 2019–2023 г., численность занятых в промышленности края, рассчитанная с использованием различных источников (на основе сведений организаций, материалов выборочного обследования рабочей силы, данных органов исполнительной власти), в исследуемый период возросла и составила в 2018–2022 гг. значения, приведенные (по трем разделам ОКВЭД) в таблице IV.21.

Таблица IV.20

**Индекс промышленного производства
в регионах СФО в 2018–2022 гг., %**

Субъект Федерации	2018	2019	2020	2021	2022	2022 г. к 2018 г.
Сибирский федеральный округ	103,4	101,8	96,0	102,9	101,6	102,2
Алтайский край	100,8	101,9	101,1	101,7	103,0	107,9
Республика Алтай	102,5	101,3	130,9	101,1	101,3	135,8
Республика Тыва	99,5	95,3	63,3	105,8	137,4	87,7
Республика Хакасия	107,5	106,7	104,1	106,7	92,1	109,2
Красноярский край	106,4	101,7	91,7	98,1	103,3	94,5
Иркутская обл.	101,0	100,4	102,7	101,2	102,5	107,0
Кемеровская обл. – Кузбасс	101,0	102,9	96,2	106,8	95,8	101,3
Новосибирская обл.	105,2	104,6	96,7	113,7	107,8	124,0
Омская обл.	104,2	99,5	100,5	103,3	105,7	109,2
Томская обл.	99,6	100,3	89,7	106,3	97,8	93,5

В 2018–2022 гг. наблюдается значительный рост занятых в обрабатывающей промышленности при сохранении численности работников добывающей отрасли и энергетики. Данная тенденция, по оперативным данным, сохраняется и в 2023–2024 гг., что в значительной степени связано с ростом потребности в рабочей силе в оборонно-промышленном комплексе.

Рассматривая институциональные характеристики, надо отметить, что промышленность Алтайского края представлена прежде всего частными предприятиями. При этом при сравнении структуры собственности в промышленности края обращает на себя внимание несколько более высокая доля государственного

сектора, чем в целом по России и по СФО, и минимальное значение иностранных и совместных компаний в производстве промышленной продукции. Так, предприятия государственной собственности в обрабатывающей промышленности в 2022 г. обеспечивали 3,4% в объеме отгруженной продукции (в России – 1,8%, в СФО – 1,7%) и 6,3% в среднегодовой численности занятых (в России – 4,7%, в СФО – 5%). При этом на долю предприятий совместной российской и иностранной собственности в обрабатывающей промышленности края приходилось всего 0,3% отгруженной продукции (при 19,3% в России и 21,3% в СФО). Этот факт может быть объяснён слабым развитием или отсутствием в крае отраслей промышленности, которые в значительной мере формируют промышленный облик Сибири и отличаются тесной интеграцией с международными компаниями и мировыми рынками (нефтедобыча и нефтепереработка, черная и цветная металлургия, добыча полезных ископаемых и проч.).

Таблица IV.21

**Численность занятых в различных секторах промышленности
Алтайского края в 2018–2022 гг., тыс. чел.**

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	Динамика, 2018– 2022 гг., %
Добыча полезных ископаемых	4,3	10,4	4,1	4,3	4,3	100,0
Обрабатывающие производства	133,3	149,7	130,7	140,3	154,0	115,5
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	27,0	31,5	25,9	26,2	27,8	102,9

Развитие промышленности в исследуемый период и перспективы ее дальнейшего развития характеризуются, в том числе, показателем ввода в действие основных фондов. Несмотря на общий рост показателя ввода в действие основных фондов по отдельным видам экономической деятельности в 2022 г. по отношению к 2018 г. (добыча полезных ископаемых – 145%, обрабатывающие производства – 137%), в целом рост данного показателя

по промышленности составил 96% – за счет более чем двукратного снижения ввода основных фондов в сфере энергетики [32]. Снижается и доля промышленности во введенных основных фондах в сравнении пятилеток 2018–2022 гг. и 2013–2017 гг. (табл. IV.22).

Таблица IV.22

**Ввод в действие основных фондов в Алтайском крае в 2018–2022 гг.
по видам экономической деятельности, отнесенным к промышленности**

Показатель	2018, млрд руб.	2022, млрд руб.	2022 к 2018, %	За 2018– 2022 гг., млрд руб.	Удель- ный вес в 2018– 2022, %	Удель- ный вес в 2013– 2017, %
Всего по обследуемым видам экономической деятельности	70,3	120,2	170,9	492,9	100,0	100,0
Добыча полезных ископаемых	0,8	1,2	144,8	5,4	1,1	1,7
Обрабатывающие производства	10,3	14,2	138,4	68,3	13,9	16,3
Обеспечение электри- ческой энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	10,0	4,5	44,8	26,3	5,3	9,7 ¹
Водоснабжение; водо- отведение, организа- ция сбора и утилиза- ции отходов, деятель- ность по ликвидации загрязнений	0,7	1,0	141,0	3,6	0,7	...
Промышленность, всего ²	21,8	20,9	95,88	103,6	21,0	27,6

Примечание. ¹ В 2013–2016 гг. – по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

² В 2013–2016 гг. – по трем укрупненным видам экономической деятельности.

Источник: Рассчитано по: [32].

Показательно, что рост показателя ввода в действие основных фондов в ключевой отрасли промышленности – обрабатыва-

ющем производстве – происходит меньшими темпами, чем в целом по экономике. При этом в другой ключевой отрасли экономики края – сельском и лесном хозяйстве, ввод в действие основных фондов за пять лет вырос с 11 млрд руб. до 27 млрд руб., темпы роста показателя составили 235%, что практически вдвое больше темпов роста в обрабатывающей промышленности.

Отраслевая структура промышленности Алтайского края в 2018 и 2022 гг. представлена в таблице IV.23. Объемы выпуска продукции по отрасли производства кокса и нефтепродуктов в Алтайском крае Росстатом не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных. Учитывая значимость данной отрасли для экономики края, экспертным путем, исходя из доступных данных о выручке единственного в Алтайском крае предприятия, производящего кокс, долю отрасли в общем объеме промышленного производства можно определить на уровне 15% (в среднем в год, с учетом значительных ценовых колебаний, свойственных для данной отрасли). К основным отраслям обрабатывающей промышленности края относятся: производство пищевых продуктов и напитков, машиностроение, производство кокса, химическое производство и фармацевтическое производство.

Информация об индексе производства (2022 г. по отношению к базовому 2018 г.) по основным видам деятельности приведена в таблице IV.24.

Среди тенденций в изменении отраслевой структуры алтайской промышленности обращают внимание на себя следующие:

- заметный рост добычи полезных ископаемых (в том числе вследствие активизации добычи на предприятиях «Сибирь-Полиметаллы» и реализуемых на этих площадках крупных инвестиционных проектов);
- снижение показателей энергетики (что в целом отражает общероссийские тенденции);
- заметный рост в пищевой промышленности, превышающий по темпам рост как в промышленности в целом, так и в обрабатывающих производствах);
- ускоренное развитие отраслей легкой промышленности (производство текстильных изделий, одежды, кожи), связанное с возникновением новых производств, таких как компания «Рус-

ская кожа» в г. Заринске, с успешной деятельностью одного из крупнейших промышленных предприятий края – АО «Меланжист Алтая» (ООО «БТК-Текстиль»), а также с деятельностью малых и средних предприятий, производящих одежду, чулочно-носочные изделия, постельное белье, и так далее;

Таблица IV.23

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по отдельным видам экономической деятельности по Алтайскому краю

Вид экономической деятельности	2018		2022	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%
1	2	3	4	5
Промышленное производство	385,6	100,0	634,0	100,0
Добыча полезных ископаемых	5,0	1,3	13,2	2,1
Обрабатывающие производства	322,8	83,7	557,2	87,9
Из них:			0,0	
Производство пищевых продуктов	103,2	26,8	207,7	32,8
Производство напитков	11,0	2,9	13,3	2,1
Производство текстильных изделий	3,3	0,9	6,8	1,1
Обработка древесины и производ- ство изделий из дерева <...>	8,4	2,2	14,5	2,3
Производство бумаги и бумажных изделий	4,6	1,2	6,6	1,0
Производство кокса и нефтепродуктов ¹	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Производство химических веществ и химических продуктов	19,3	5,0	26,0	4,1
Производство резиновых и пластмассовых изделий	20,7	5,4	33,1	5,2
Производство прочей неметалли- ческой минеральной продукции	7,6	2,0	12,4	2,0
Производство металлургическое	6,6	1,7	9,7	1,5
Производство готовых металли- ческих изделий, кроме машин и оборудования	21,8	5,7	34,7	5,5
Производство электрического оборудования	4,2	1,1	7,5	1,2

Окончание табл. IV.23

1	2	3	4	5
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	7,4	1,9	22,5	3,5
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	3,3	0,9	7,5	1,2
Производство прочих транспортных средств и оборудования	29,8	7,7	43,0	6,8
Прочие ²	16,2	4,2	22,9	3,6
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	47,4	12,3	50,4	8,0
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	10,3	2,7	13,2	2,1

Примечание. ¹ Не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных. ² Прочие – сумма видов деятельности, составляющих каждый менее 1% от общего объема.

Источник: Рассчитано по: [33].

Таблица IV.24

Индекс производства по отдельным видам экономической деятельности по Алтайскому краю, относящимся к промышленности, в 2018–2022 гг.

Вид экономической деятельности	Индекс производства, 2022 г. к 2018 г., %
1	2
Промышленное производство (промышленность)	108,1
Добыча полезных ископаемых	112,6
Обрабатывающие производства	109,2
Производство пищевых продуктов	113,7
Производство напитков	102,0
Производство текстильных изделий	108,4
Производство одежды	135,4
Производство кожи и изделий из кожи	166,0
Обработка древесины и производство изделий из дерева <...>	109,5

1	2
Производство бумаги и бумажных изделий	123,7
Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации	378,2
Производство кокса и нефтепродуктов	81,8
Производство химических веществ и химических продуктов	91,6
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	121,6
Производство резиновых и пластмассовых изделий	96,0
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	117,5
Производство металлургическое	115,1
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	105,6
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	63,0
Производство электрического оборудования	149,1
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	132,6
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	150,4
Производство прочих транспортных средств и оборудования	105,8
Производство мебели	174,5
Производство прочих готовых изделий	89,1
Ремонт и монтаж машин и оборудования	63,5
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	95,7
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	112,0

Источник: Рассчитано по: [34].

- ускоренный рост целого ряда машиностроительных производств;

- заметный рост по виду экономической деятельности «водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений», что может быть связано с проводимой в стране и в крае так называемой «мусорной

реформой», предполагающей, в частности, большую легализацию отношений в этой сфере и повышение прозрачности.

Характеристика развития отдельных отраслей специализации. Крупнейшей отраслью промышленности края остается *пищевая и перерабатывающая промышленность*. Сельскохозяйственная специализация Алтайского края исторически создавала базу для развития перерабатывающей промышленности. Сегодня производимая в отрасли продукция во многом определяет место Алтайского края на общероссийском рынке. Так, по данным открытых источников, Алтайский край традиционно занимает 1-е место в России по объемам производства муки и круп, 2-е место – по производству сливочного масла и сыров, входит в первую пятерку регионов по производству макаронных изделий и в десятку по производству растительных масел и так далее.

Производство пищевых продуктов и производство напитков в 2022 г. занимали более 1/3 всего объема отгрузки промышленной продукции. Причем рост производства пищевых продуктов в 2018–2022 гг., несмотря на определенные сложности в мукомольно-крупяной и молочной подотраслях, превышал в целом рост промышленного производства. Это можно объяснить, в том числе, ориентацией производства пищевой продукции прежде всего на внутренний рынок, в связи с чем отрасль в незначительной степени испытала негативное воздействие последствий закрытия международных рынков в период пандемии новой коронавирусной инфекции и введенных против России ограничительных мер.

В настоящее время пищевая и перерабатывающая промышленность края объединяет 21 подотрасль. По данным краевого управления по пищевой, перерабатывающей, фармацевтической промышленности и биотехнологиям в 2022 г. в данных отраслях действует около 1200 предприятий со среднегодовой численностью работников около 30 тыс. человек (29636 человек, в том числе в производстве пищевых продуктов 26081 человек и 3555 человек в производстве напитков).

К ведущим подотраслям данного сектора относятся: мясная, молочная, масложировая, мукомольно-крупяная и комбикормовая промышленность, производство прочих пищевых продуктов и производство напитков. За период 2018–2022 гг. уровень произ-

водства в пищевой отрасли составил 111,7%, в производстве напитков 96,5%. Объем отгруженных товаров в производстве пищевых продуктов в 2022 г. составил 203,3 млрд руб., в производстве напитков – 13,6 млрд руб. Рост объемов отгрузки по отношению к 2017 г. по пищевым продуктам вырос в два раза, по напиткам – в 1,5 раза [35]. Наиболее высокий за последние годы рост производства произошёл в масложировой промышленности края – выработка нерафинированного растительного масла увеличена более чем в 2,5 раза [36].

Вместе с тем по отдельным позициям наблюдалась неоднозначная динамика. В частности, непростая ситуация складывалась в мукомольно-крупяной отрасли, которая в 1990–2000 гг. была одной из наиболее успешных и развивающихся отраслей экономики края. За 2018–2022 г. в отрасли сокращено производство муки на 13,1%. При этом прирост выработки круп за тот же период составил 19,7%, продуктов зерновых для завтрака и прочих продуктов из зерновых культур – 15,2%. Снижение объемов производства по ряду продуктов в мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности является долговременной тенденцией. Так, по данным Союза промышленников Алтайского края, за десять лет производство муки в крае сократилось практически на треть – с 1385 тыс. т в 2012 г. до 937 тыс. т в 2022 г. Производство крупяных изделий за этот же период, напротив, выросло в два раза – с 286 тыс. т в 2012 г. до 578 тыс. т в 2022 г. [37].

При этом на многих предприятиях пищевой и перерабатывающей промышленности наблюдается сравнительно низкий уровень использования среднегодовой производственной мощности. Так, в 2022 г. уровень использования среднегодовой производственной мощности предприятий края по производству колбасных изделий составлял 52,1%, масла сливочного – 58,6%, сыров – 60,5%, мороженого – 28,3%, муки – 58,3%, круп – 57,5%, комбикорма – 39% [38]. Таким образом, существуют серьезные резервы для быстрого и масштабного роста производства основных продуктов пищевой и перерабатывающей отрасли.

Недогруженность предприятий пищевой промышленности объясняется экспертами, в частности, нехваткой сырья (для предприятий, перерабатывающих молоко), ориентацией на экспорт зерна, а не продуктов его переработки. Определенную роль игра-

ет и конкуренция со стороны производителей из других регионов, которые благодаря проникновению в регион крупнейших российских торговых сетей получают дополнительные возможности продвижения своей продукции.

Пищевая и перерабатывающая промышленность региона в значительной степени определяет место края в межрегиональном разделении труда и вносит значительный вклад в усиление межрегиональной интеграции края. Алтайский край традиционно является одним из крупнейших поставщиков продуктов питания на российский рынок. По имеющимся оценкам, в среднем за последние года производство муки в регионе в 26 раз превышает внутреннее потребление населения края, крупы – в 10 раз, макаронных изделий – в 5 раз, масла животного – почти в 3 раза, сыров (без сырных продуктов) – почти в 6 раз, растительного масла – в 9 раз, сахара – почти в 2 раза. При этом ежегодно за пределы Алтайского края вывозится около 80% муки и крупы, около 70% сыров и 60% сливочного масла [36, с. 50].

В последнее время наблюдается рост поставок продукции из края на мировой рынок. Этому способствует реализация федерального проекта «Экспорт продукции АПК» (в рамках Национального проекта «Международная кооперация и экспорт») и вводимые меры поддержки вывоза. По имеющимся данным, экспорт продукции АПК из региона в 2022 г. по отношению к 2018 г. вырос более чем в 2,5 раза.

Высокими темпами растёт экспорт муки и крупяных изделий (при том, что, как упоминалось выше, производство муки в крае сокращается). Так, за период 2018–2022 гг. экспорт муки из Алтайского края вырос в 2,2 раза (с 21,1 тыс. т в 2018 г. до 46,9 тыс. т в 2022 г.), экспорт крупяных изделий вырос на 142% (с 66,8 тыс. т в 2018 г. до 95,5 тыс. т в 2022 г.) [37]. Таким образом, уже сегодня на экспорт уходит 5% всей произведенной муки и более 16% произведенной крупы. При этом, по озвучиваемой в СМИ информации, рост экспорта сдерживается из-за существующих ограничений с отправкой вагонов через железнодорожную сеть Забайкалья и Дальнего Востока.

В целом, пищевая и перерабатывающая промышленность в значительной степени определяют уровень межрегиональной интеграции Алтайского края, так как основная часть производи-

мой продукции вывозится за пределы края. Существуют перспективы увеличения поставок продукции в иные регионы, прежде всего в масложировой отрасли, где реализуются и анонсированы крупные инвестиционные проекты по производству растительного масла, в крупяной отрасли. Большой потенциал имеет и экспорт продукции за рубеж (вместе с тем ускоренный рост экспорта может отразиться как на состоянии продовольственного рынка Алтайского края, так и на уровне межрегиональной интеграции региона, так как часть алтайской продукции будет «уходить» с внутрорегионального и межрегиональных товарных рынков).

В *машиностроении*, занимающем весомую долю в структуре обрабатывающих производств, представлены прежде всего транспортное машиностроение (вагоностроение), предприятия оборонно-промышленного комплекса, сельскохозяйственное, энергетическое машиностроение.

Представляет интерес ситуация в сельскохозяйственном машиностроении, которое на протяжении многих лет дореформенного этапа развития края являлось одной из отраслей специализации экономики края. Несмотря на кризис, приведший к прекращению деятельности некоторых крупнейших машиностроительных предприятий, с 2010-х годов наблюдается заметный рост производства в отрасли, фактически приведший к возрождению аграрного машиностроения в Алтайском крае. При этом, если до 2010-х годов подотрасль была представлена в крае несколькими предприятиями, в основном созданными еще в дореформенный период, то после 2014 г., когда в России был выбран курс на импортозамещение, стали формироваться и активно развиваться многие новые производства.

К факторам, способствующим развитию сельхозмашиностроения, можно отнести крупный аграрный сектор края, формирующий спрос на продукцию, развитую машиностроительную отрасль, обеспечивающую кадровые ресурсы, активную региональную политику, направленную на поддержку производства сельхозтехники и ее продвижение, а также общий тренд государственной политики на импортозамещение. Эта отрасль в течение 2018–2022 годов рассматривалась как одна из ключевых специализаций промышленности края.

По состоянию на 2023 г., более 30 предприятий края производят почвообрабатывающую и посевную технику, запасные части к ней, опрыскиватели, технику для заготовки кормов и оборудование для послуборочной обработки зерна, навесное оборудование и гусеничную технику для сельского и лесного хозяйств. В число ведущих предприятий отрасли в 2018–2022 гг. относились Рубцовский завод запасных частей, Алтайский научно-исследовательский институт технологии машиностроения (АНИТИМ) (входящие в группу компаний «Алмаз»), завод «Алтайлесмаш», Алтайский завод сельскохозяйственного машиностроения, компании «Агроцентр», «ТД Комплекс Агро», «СиСорт».

В отрасли наблюдается повышение уровня локализации производимой техники, предприятия самостоятельно или в кооперации с отечественными партнерами производят большую часть комплектующих, необходимых для сборки готовых изделий (так, по оценкам предприятий, уровень использования собственных и российских комплектующих в 2021 г. составлял порядка 80% (к 2024 г. он вырос до 95%, а по отдельным позициям – до 100%).

Отрасль в рассматриваемый период демонстрировала заметный рост, так, объем производства ведущих предприятий отрасли Алтайского края в денежном выражении выросли почти в 2,7 раза – с 6 млрд руб. в 2018 г. до 16,1 млрд руб. в 2022 г. [39, с. 42]. По данным Ассоциации «Росспецмаш», за 2022 г. в Алтайском крае произведено 43% от общероссийского производства всех типов плугов, 52% всех типов борон, 57% комбинированных почвообрабатывающих агрегатов, 87% глубокихрыхлителей, 31% зерносушилок, 29% прицепных машин для внесения минеральных удобрений, 17% запасных частей к сельскохозяйственной технике [40]. Регион занимает четвертое место в стране по выпуску сельскохозяйственной техники и оборудования (в денежном выражении).

Ряд предприятий отрасли являются лидирующими в стране по выпуску отдельных видов продукции. Так, Рубцовский завод запасных частей занимает первые позиции по производству чизельных плугов и глубокихрыхлителей, компания «Агроцентр» – вторые позиции по выпуску культиваторов для сплошной обработки почвы, глубокихрыхлителей и посевных комплексов, Алтайский завод сельскохозяйственного машиностроения – первое ме-

сто по выпуску секционных и пружинных борон, комбинированных почвообрабатывающих агрегатов.

Развитие сельскохозяйственного машиностроения в регионе проходит при постоянной поддержке региональных властей. В состав Алтайского кластера аграрного машиностроения», образованного в 2010 г. при поддержке региональной администрации, по состоянию на конец 2022 г. входило 21 промышленное предприятие. В 2022 г. в Рубцовске реализован проект по созданию промышленного технопарка «Юг Алтай», базирующегося на отрасли сельскохозяйственного машиностроения. Общий объем инвестиций в проект составил 740 млн руб., в том числе государственная поддержка на федеральном и региональном уровнях – 505 млн руб. Серьезное значение в продвижении на российский рынок продукции алтайского аграрного машиностроения имеет также проводимая краевыми властями ежегодная выставка «День Сибирского поля», которая является, по оценкам экспертов, одной из крупнейших площадок по представлению и продаже сельхозтехники в России.

Сельскохозяйственное машиностроение в Алтайском крае играет серьезную роль в обеспечении межрегиональной интеграции. При этом надо учитывать, что сельскохозяйственное машиностроение, ранее бывшее одной из отраслей специализации региона, фактически возродилось на новых площадках и новой технологической основе в 2010–2020-х гг., и поэтому вновь создаваемая продукция изначально выбиралась с учетом потребностей российского рынка. Учитывая роль края как одного из главных растениеводческих регионов страны, сельхозмашиностроение ориентировано не только на межрегиональные рынки, но и имеет в Алтайском крае значимый рынок сбыта.

Значительный вклад в развитие промышленности края вносит динамично развивающаяся отрасль *биофармацевтики*, представленная как множеством малых и средних предприятий, так и предприятиями-флагманами региональной экономики (такими как ЗАО «Эвалар», входящего в число крупнейших российских предприятий по выпуску БАДов). Для характеристики вклада отрасли в обеспечение межрегиональной интеграции региона достаточно отметить, что по производству БАД Алтайский край занимает 2-е место в России.

Производством фармацевтической продукции, биологически активных добавок к пище (далее – БАД) в Алтайском крае занимаются порядка 80 предприятий. Большая часть из них специализируется на производстве БАД, лицензии на осуществление деятельности по производству лекарственных средств в 2022 г. имели 12 компаний, 19 – занимаются производством медицинских изделий. (Здесь и далее при характеристике отрасли использована информация управления Алтайского края по пищевой, перерабатывающей, фармацевтической промышленности и биотехнологиям [35]).

Крупнейшими представителями фармацевтической отрасли являются АО «Алтайвитамины, ЗАО «Эвалар», ООО «Михайловский завод химических реактивов»; медицинских изделий: ООО Фирма «Технология-Стандарт», АО ФНПЦ «Алтай», ООО «ТММ» и другие; производителями БАД: одними из крупнейших производителей БАД в крае являются ЗАО «Эвалар», АО «Алтайвитамины», ООО «Фармацевтический завод «Гален», ООО «Витамин Продукт», ООО «Грин Сайд», ООО «Компания «Хорст».

Алтайскими предприятиями выпускается более 100 наименований лекарственных препаратов. Производители медицинских изделий осуществляют выпуск наборов и реагентов для оценки системы гемодиализа, медицинской техники, физиотерапевтического оборудования и др.

На территории региона выпускается около 1200 наименований БАД и специализированных пищевых продуктов. Стоит отметить, что Алтайский край является одним из немногих регионов России, где развито пантовое оленеводство и мараловодство, в связи с чем в регионе развита и переработка сырья пантового оленеводства: на его основе около 30 предприятий производят более 400 наименований пищевой продукции и БАД.

По данным управления Алтайского края по пищевой, перерабатывающей, фармацевтической промышленности и биотехнологиям за период 2018–2022 гг. объем производства БАД в натуральном выражении увеличился в 1,7 раз.

Положительное влияние на развитие производства биологически активных добавок оказало внедрение кластерного подхода в управление отраслью, с 2008 г. в крае действует некоммерческое

партнерство «Алтайский биофармацевтический кластер», деятельность которого направлена на интеграцию ресурсов и научных сил биофармацевтических предприятий.

В 2018–2022 гг. в отрасли проходило активное импортозамещение. Так, в ЗАО «Эвалар» в ассортиментный портфель импортозамещенных товаров в 2022 г. входило 22 наименования лекарственных препаратов и 60 наименований биологически активных добавок. АО «Алтайвитамины» осуществлялось производство 15 наименований импортозамещающих лекарственных препаратов. Фармацевтические предприятия края являются активными участниками программы обеспечения лекарственной безопасности страны, выпуская ряд востребованных субстанций.

Одной из характерных тенденций в биофармацевтическом производстве края в исследуемый период стало активное развитие алтайскими компаниями контрактного производства по заказу собственников торговой марки на своих производственных площадках (СТМ). В 2022 г. было зарегистрировано 155 наименований биологически активных добавок, производящихся на контрактной основе под собственной торговой маркой (СТМ), что в 9 раз больше, чем в 2021 г. При этом у крупнейшей компании отрасли – ЗАО «Эвалар» – отмечается самый динамичный рост объемов контрактного производства БАД: с 2018 г. он увеличился в 7,5 раз в денежном выражении (по данным маркетингового агентства DSM group). В 2022 г. уже около 50% региональных предприятий оказывают услуги контрактного производства полного цикла под СТМ: разработка, регистрация, производство и продвижение БАД и лекарственных препаратов. АО «Алтайвитамины» является крупнейшей площадкой контрактного производства (все стадии) лекарственных препаратов различных форм (таблетированные и капсулированные препараты, мази, драже, инфузионные растворы и др.).

Контрактное производство по заказу иных компаний на алтайских предприятиях может рассматриваться как один из движущих сил межрегиональной интеграции – развитие межрегиональной кооперации. Это позволяет обеспечить равномерное использование производственных мощностей, снизить затраты алтайских компаний на продвижение продукции, обеспечить гарантированный рынок сбыта продукции в иных регионах.

Региональная промышленная политика и опосредующие ее факторы. Значительное влияние на развитие промышленности края традиционно оказывает активная промышленная политика, проводимая органами регионального управления. Хотя в рамках монографии межрегиональное экономическое взаимодействие рассматривается прежде всего как процесс самоорганизации хозяйствующих структур в рыночной экономике, масштаб и значимость промышленного производства края определяют важность государственного регулирования межрегиональной экономической интеграции.

Можно выделить некоторые региональные факторы, связанные с деятельностью органов государственного управления, которые прямо или косвенно воздействуют на уровень и глубину интеграционных процессов в промышленности.

1. Региональная промышленная политика. Алтайский край был одним из первых в России, где был принят региональный закон «О промышленной политике» в 1998 г. (характерно, что аналогичный федеральный закон был принят лишь спустя 15 лет, в 2014 г.). Стоит подчеркнуть, что по имеющимся оценкам, закон принимался прежде всего по инициативе самого сообщества директоров промышленных предприятий, которые в тот период видели в государственной поддержке возможность решения текущих проблем. Показательно, что в качестве косвенных мер поддержки промышленности в изначальной редакции закона было указано содействие предприятиям промышленности края в расширении рынка сбыта продукции через развитие внутрикраевой кооперации и внешнеэкономических связей края с другими регионами и государствами. В новой редакции закона (принятой в 2016 г.) к полномочиям Правительства Алтайского края также отнесено содействие развитию межрегионального и международного сотрудничества субъектов деятельности в сфере промышленности.

2. Развитие межрегиональных и международных связей. Органами исполнительной власти края проводится целенаправленная политика по развитию межрегиональных экономических и кооперационных связей, в том числе в промышленности. Одним из инструментов является заключение соглашений о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, социальной, культурной

и иных сферах между Правительством Алтайского края и высшими исполнительными органами власти регионов РФ. Так, по информации, размещенной на официальном сайте Алтайского края, по состоянию на середину 2024 г. заключено 41 соглашение с регионами РФ, а также 13 соглашений с регионами других стран (прежде всего Ближнего Зарубежья). При этом в 2018–2022 гг. заключено 15 соглашений с регионами, т.е. более трети от всех заключенных в истории края соглашений, что говорит об определенной активизации межрегионального сотрудничества.

В частности, в указанный период заключены соглашения с исполнительными органами республик Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Северная Осетия – Алания, Хакасия; Камчатского, Красноярского краев; Кемеровской, Курской, Рязанской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей; г. Москвы, г. Санкт-Петербурга. В заключаемых соглашениях и в процессе их реализации вопросы промышленности занимают значимое место. Так, например, в заключенном в 2020 г. Соглашении между Правительством Алтайского края и Правительством Республики Башкортостан о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, социальной, культурной и иных сферах закреплено, что «стороны содействуют развитию межрегиональной экономической интеграции и укреплению связей в таких сферах, как <...>, промышленность, агропромышленный комплекс..., сотрудничают в сфере разработки, освоения и развития наукоемких производств и технологий, наиболее перспективных направлений и совместных научных тем, имеющих практическое значение, в том числе связанных с диверсификацией промышленного производства» [41]. Формами реализации такого сотрудничества, в соответствии с соглашениями, как правило, выступает содействие реализации проектов, имеющих приоритетное значение для социально-экономического развития обоих регионов, обмен опытом реализации инвестиционных и инновационных проектов, организация бизнес-миссий и презентаций инвестиционных площадок и инвестиционного потенциала регионов и т.д.

Определенную роль в развитии межрегиональной интеграции, в том числе в сфере промышленности, традиционно играет межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия «Сибирское Соглашение» (далее – МАСС), членом которой явля-

ется Алтайский край. В состав Совета МАСС входят руководители исполнительных и законодательных органов власти регионов Сибири, а его заседания, как правило, проходят с участием полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе, что определяет высокий уровень обсуждения и принятия решений.

В рамках МАСС разрабатываются и реализуются программы межрегионального взаимодействия, комплексные инвестиционные проекты, формируются единые каталоги промышленной продукции по разным отраслям, например, «Базовый каталог высокотехнологичной продукции гражданского назначения, производимой организациями ОПК в СФО», каталог продукции строительной отрасли, и др. В рамках деятельности МАСС разработана, например, межрегиональная инновационная программа освоения высокотехнологичной гражданской продукции на предприятиях промышленного комплекса Сибирского федерального округа, Межрегиональная программа «Технет-Сибирь», которая является подпрограммой дорожной карты «Технет» (передовые производственные технологии) Национальной технологической инициативы.

Кроме горизонтальных связей с субъектами Федерации, региональные власти края выстраивают взаимодействие и с крупнейшими российскими государственными и частными корпорациями, которыми предполагается, в том числе, поставка продукции алтайских промышленных предприятий и их включение в кооперационные связи. Так, за рассматриваемый период заключены соглашения Правительства Алтайского края с ПАО «Сургутнефтегаз», ПАО «Татнефть» им. В.Д. Шашина, ООО «ИнтерРАО – Центр управления закупками» и др.

3. Кластерная политика. Формами реализации промышленной политики, направленной в том числе на усиление межрегиональной интеграции и продвижение алтайских товаров на российский рынок, являются внедрение новых форм территориально-производственной кооперации, таких как кластеры, создание территорий опережающего социально-экономического развития, технопарков. Так, на сегодняшний день сформированы и развиваются при поддержке региональных властей «Алтайский биофармацевтический кластер», «Алтайский кластер аграрного ма-

шиностроения», «Алтайский кластер энергомашиностроения и энергоэффективных технологий», «Алтайский полимерный композитный кластер». Например, в состав некоммерческого партнерства «Алтайский кластер аграрного машиностроения» входят 21 промышленное предприятие, а также научные организации, органы власти, общественное объединение. Технопарк «Юг Алтая», запущенный в Рубцовске в 2022 г., специализируется на сельхозмашиностроении. Технопарк «АлтайБиоТех», строящийся в г. Бийске, станет первым в стране технопарком, созданным на базе фармацевтической компании. Создается технопарк «Компонент» в Барнауле, резиденты которого будут специализироваться на производстве комплектующих и компонентов для сельхозмашиностроения, автомобильной промышленности, оборонно-промышленного комплекса и др.

Влияние, которое оказывает специализация промышленности края на масштаб и характер межрегиональных взаимодействий, может быть определено через оценку степени интеграции ключевых предприятий края с общероссийским рынком. С этих позиций можно предварительно выделить следующие группы отраслей и подотраслей промышленности края:

- Отрасли, производство в которых полностью ориентировано на внутренний рынок: обеспечение электрической энергией, газом и паром (с учетом энергодефицитности Алтайского края); водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов;

- Отрасли, ориентированные в значительной степени на внутренний алтайский рынок: производство напитков, производство определенных продуктов питания;

- Отрасли специализации края, определяющие его роль на общероссийском рынке, но при этом имеющие значительный внутрикраевой спрос на производимую продукцию: производство продуктов питания, сельхозмашиностроение, легкая промышленность, биофармацевтика;

- Отрасли, тесно встроенные в общероссийские технологические цепочки и практически не имеющие рынка сбыта внутри региона: производство кокса, значительная часть химического производства, оборонно-промышленный комплекс и др.;

- Изучение степени влияния данных групп отраслей на масштаб и характер межрегиональных взаимодействий является, на наш взгляд, предметом отдельного исследования.

Для оценки включенности промышленности края в межрегиональные связи, как уже отмечалось, важное значение имеют особенности центропериферийного положения края. Периферийность положения Алтайского края традиционно рассматривается как один из важнейших факторов развития его промышленности, удаленной от центра экономического пространства России, в том числе его промышленного ядра. При этом особенностью экономико-географического положения Алтайского края является его относительно благоприятное положение в рамках локальной экономической системы Южно-Сибирского макрорегиона.

В российской региональной науке известно утверждение о том, что эффективное взаимодействие в экономическом пространстве возможно в рамках расстояния не выше 1000 км. Здесь можно отметить, что на расстоянии до 1000 км от столицы края – г. Барнаула (в данном случае речь идет не о географическом, а экономическом расстоянии, с учетом реально существующей транспортной сети), проживает порядка 12 млн человек, т.е. порядка 40% от всего населения Азиатской части России, расположены 3 из 16 городов-миллионников России, а также миллионная Южно-Кузбасская агломерация. Расстояние от г. Барнаула до четырёх городов Сибири, входящих в число крупных и крупнейших, составляет от 250 до 500 км, что немного даже по меркам Европейской части России. Более того, некоторые периферийные промышленные центры края в значительной степени тяготеют к административным центрам и крупным городам соседних регионов Сибири, (например, Славгород и Яровое – к Омску, р.п. Тальменка – к Новосибирску, г. Заринск Алтайского края – к Кузбассу).

Таким образом, периферийность положения края в общероссийских масштабах отчасти компенсируется выигрышным положением в экономическом пространстве Южно-Сибирского макрорегиона. Это позволяет рассматривать перспективы более глубокой интеграции промышленности края и соседних регионов Сибири.

При этом, помимо периферийного положения региона, можно отметить значимый в контексте его промышленного развития фактор пограничного положения. В период реформ разрыв традиционно тесных кооперационных связей Алтайского края с новыми независимыми республиками бывшего СССР стал одним из определяющих факторов депрессивности промышленности региона. Вместе с тем в последние годы географическое положение Алтайского края в непосредственной близости от Казахстана и Средней Азии и в относительной близости от КНР – т.е. «дружественных» для России государств – становится благоприятным фактором для развития промышленности. В рамках провозглашаемого Россией так называемого «поворота на Восток» промышленность Алтайского края получает дополнительные рынки сбыта. При этом в отличие от многих развитых промышленных регионов промышленность Алтайского края и до введения санкций лишь в небольшой степени была связана с рынками западных стран.

Межрегиональная миграция рабочей силы как движущая сила пространственных интеграционных процессов оказывает, на наш взгляд, незначительное и опосредованное влияние на промышленность Алтайского края. В связи со значительным спадом в промышленности в 1990–2000 гг., в Алтайском крае в целом сохраняется возможность привлечения кадров в промышленность за счет собственных трудовых ресурсов, как городского, так и сельского населения.

В период 2018–2022 гг. резко обостряется кадровая проблема в промышленности, причем не только по квалифицированным, но и неквалифицированным специальностям. Однако, учитывая отставание средней заработной платы в промышленности Алтайского края от аналогичного показателя в сопоставимых отраслях промышленности соседних территорий, пока представляется маловероятным привлечение рабочей силы в промышленный сектор края из других территорий России.

Новой тенденцией на рынке труда края, появившейся в исследуемый период, стало привлечение рабочей силы из-за рубежа в сферу промышленности. Отдельные промышленные предприятия Алтайского края, например, предприятия легкой промышленности, активно привлекают рабочую силу из-за рубежа.

Так, например, по информации СМИ, предприятие «Тонар» выкупило отдельное здание для организации общежития для индийских рабочих, которые трудятся на швейном производстве и производстве резиновых лодок, предприятие «Меланжист Алтай» привлечет 200 рабочих-индийцев на швейное производство (при учете общей квоты для промышленных предприятий в 318 человек).

Масштабы участия иностранной рабочей силы в промышленности в 2018–2022 гг. можно оценить как незначительные (даже с поправкой на высокую долю теневых трудовых отношений с участием мигрантов). Согласно официальным данным, в 2022 г. в Алтайском крае трудовую деятельность в обрабатывающих производствах осуществляли порядка 700 человек, что составляет менее 1% от общего числа занятых в промышленности и лишь 7% от общего числа иностранных граждан, официально осуществлявших трудовую деятельность в экономике (9,8 тыс. граждан) [42].

В то же время, наблюдается обратный процесс миграции трудовых ресурсов на промышленные предприятия иных регионов – Кузбасса и северных регионов. Оценка масштаба этого явления в рамках данного раздела представляется затруднительной и не входит в число решаемых задач. В качестве гипотезы можно предположить, что данный процесс, хотя и ухудшает ситуацию с предложением рабочей силы в промышленности, не является критически опасным для развития отрасли, так как значительная часть трудовых ресурсов перемещается в другие регионы из сельской местности края.

Межрегиональное движение капитала. Оценка межрегионального движения капитала в промышленном секторе представляется достаточно затруднительной в силу непрозрачности многих финансовых потоков, наличия большого числа интегрированных предприятий, чьи головные компании или собственники расположены в других субъектах РФ.

В разных сферах промышленности наблюдается разная ситуация и разные тенденции межрегионального движения капитала. Так, например, можно говорить об относительной самостоятельности большей части крупных предприятий мукомольно-крупяной, маслосыродельной, молочной промышленности, произ-

водства напитков и иных подотраслей пищевых производств. По имеющимся оценкам, большинство из крупнейших предприятий данных отраслей имеют в качестве собственников алтайские организации или физических лиц. Вместе с тем с середины 2000-х гг. в сфере переработки появляются и сравнительно крупные проекты «иногороднего» происхождения.

В целом, в сфере промышленности края в 2018–2022 гг. продолжался процесс консолидации активов промышленных предприятий Алтайского края крупными российскими холдингами и финансово-промышленными группами. В ряде случаев это позволило получить дополнительные инвестиции и реализовать масштабные инвестиционные проекты, усилить присутствие на общероссийском рынке.

В 2019 г. предприятие «Алтайвитамины» (г. Бийск) – одно из старейших предприятий биофармацевтической отрасли Алтайского края – вошло в состав зарегистрированного в Ставропольском крае концерна «Арнест», одного из крупнейших российских производителей парфюмерно-косметических изделий и бытовой химии в аэрозольной упаковке. В 2022 г. под контроль государства в лице холдинга «Высокоточные комплексы» госкорпорации «Ростех» перешел завод «Барнаултрансмаш» (производитель двигателей для военной техники), ранее находившийся под контролем частных лиц.

Смена собственников и консолидация активов в руках крупных российских компаний в Алтайском крае произошла в том числе и в рамках так называемой «деприватизации». В 2022 г. было принято судебное решение о возвращении в государственную собственность одного из крупнейших предприятий химической промышленности края – ОАО «Кучуксульфат», единственного в России производителя сульфата натрия (повторно приватизировано в 2023 г.).

Стоит отметить, что за пределами исследуемого периода, в 2023–2024 гг., процесс смены собственников на крупнейших промышленных предприятиях Алтайского края продолжился. Так, в 2024 г. сменило собственника крупнейшее машиностроительное предприятие края – «Алтайвагон» (входившее до этого в крупный многоотраслевой «СДС-Холдинг»). В 2023 г. «Сибэнергомаш – БКЗ» (Барнаульский котельный завод), находивший-

ся ранее в собственности группы ВЭБ.РФ, был приобретен компанией, связанной с крупным российским холдингом АО «Группа компаний “ЕКС”». В 2023 г. управляющей организацией крупнейших предприятий химической промышленности края – «Нортек» и «ЯШЗ-Авиа», работающих на площадке барнаульского шинного комбината, стало акционерное общество «Росхим» – крупная управляющая компания, в которую входят несколько химических производств (ранее выкупившее у государства деприватизированное предприятие «Кучуксульфат»).

Промышленность края в 2018–2022 гг.: краткие выводы.

1. В контексте региональной специализации промышленный комплекс Алтайского края, с одной стороны, находится под опосредованным воздействием структуры производства, сложившейся в советский период развития плановой экономики. Несмотря на произошедшие в 1990–2000-е гг. тектонические сдвиги, эта структура в значительной мере определяет роль и место края в промышленном секторе страны. С другой стороны, в ходе преимущественно стихийной перестройки промышленности произошло ускоренное развитие новых отраслей и секторов, в том числе ранее практически не представленных в крае. В период 2018–2022 гг. в промышленности края сохранялась тенденция восстановления роли традиционных отраслей специализации края (добыча полезных ископаемых, сельхозмашиностроение, оборонно-промышленный комплекс, легкая промышленность). При этом в целом сохраняется сложившаяся в постреформенный период отраслевая структура промышленности с доминированием пищевых производств, металлургии (производства кокса), химической промышленности, машиностроения.

2. Промышленность Алтайского края по сравнению с СФО в рассматриваемый период развивалась ускоренными темпами, что может быть объяснено ее большей ориентацией на внутренний рынок и незначительной долей в структуре промышленности края добывающих производств, чья продукция в условиях ковидных ограничений, нестабильности мировых рынков, логистических сложностей и введенных против России санкций в значительной мере подвержена рискам и колебаниям.

3. К факторам, влияющим на межрегиональную интеграцию промышленности края, можно отнести:

– значимую роль края в общероссийском производстве отдельных видов продукции (крупа, мука, железнодорожные вагоны, продукция сельскохозяйственного машиностроения);

– целенаправленную региональную промышленную политику, направленную на продвижение алтайских товаров на общероссийский рынок, встраивание продукции алтайских предприятий в технологические цепочки крупных российских предприятий;

– межрегиональную кооперацию, одной из характерных черт которой, в частности, стало развитие на алтайских предприятиях по заказу иных компаний контрактного производства продукции так называемых «собственных торговых марок» (СТМ) (например, в пищевой промышленности, биофармацевтике, частично в машиностроении);

– продолжение процессов перераспределения собственности, в том числе в результате деприватизации и иных форм усиления роли государственных и связанных с государством компаний, вхождение ряда алтайских предприятий в состав крупных холдингов межрегионального и общероссийского масштаба.

10.2. Развитие сельского хозяйства: эффекты, противоречия и интеграционные процессы в АПК

Для Алтайского края сельское хозяйство является одной из системообразующих отраслей экономики региона. В силу своей специфики различные элементы рынка сельскохозяйственной продукции формируются и развиваются под влиянием множества внешних и внутренних факторов различной направленности (негативные, положительные) и силы воздействия, испытывают существенное влияние накопленных проблем предшествующих периодов. За период с 1990 г. сельское хозяйство Алтайского края прошло несколько этапов своего развития: 1992–1998 гг., 1999–2005 гг., 2006–2014 гг., с 2015 г. и по настоящее время.

Первый этап характеризовался снижением объемов производства во всех основных отраслях: зерновом полеводстве – на 14%, свекловодстве – на 66%, молочном скотоводстве – на 38%, выращивании и откорме скота КРС – 53%. В птицеводстве были

снижены объемы производства яиц на 30%, а в овцеводстве – шерсти на 87%. На протяжении всего периода 1992–1997 гг. сельскохозяйственные предприятия Алтайского края были нерентабельными (если в 1992 г. в регионе было всего 20% убыточных организаций, то уже в 1997 г. – более 90%), что привело к кризису неплатежей, резкому увеличению доли заемных средств в источниках финансирования.

На втором этапе развития аграрного производства в регионе были сформированы тенденции стабилизации и увеличения объемов производства основных видов сельскохозяйственной продукции: по зерну – на 40%, молоку – 10%, мясу скота и птицы – 16% (относительно 1998 г.). Остановлен спад производства сахарной свеклы (фабричной).

Несмотря на положительные тенденции, уровень производства 1991 г. был достигнут лишь по валовому сбору зерна и маслосемян подсолнечника. Развитие носило чисто экстенсивный характер, поскольку урожайность зерновых культур в 2004–2005 гг. так и не превысила уровень 1992 г., генетический потенциал животных был использован при выращивании и откорме КРС всего на 36%, в молочном скотоводстве – на 68%, а в свиноводстве – на 47%. Хроническая длительная неплатежеспособность являлась фактором банкротства многих сельскохозяйственных организаций.

Перерабатывающие предприятия теряли и без того неустойчивую сырьевую базу, что подтолкнуло их к финансовым вложениям в покупку активов финансово неустойчивых сельскохозяйственных товаропроизводителей. При этом следует отметить трансформацию собственности перерабатывающих отраслей АПК: более 53,5% уставного капитала предприятий мукомольно-крупяной и пищевой промышленности было сосредоточено в собственности физических лиц, большая часть из которых являлись внешними акционерами.

На третьем этапе (2006–2014 гг.) при провозглашении развития АПК как национального проекта в сельское хозяйство «вернулись» инвестиции, в том числе государственные. Изменение ценовой конъюнктуры на рынках аграрной продукции существенно повысило их привлекательность для инвесторов. Были созданы условия для улучшения финансовой устойчивости для сельскохозяйственных товаропроизводителей, однако последние

в бесконечной реорганизации организационно-правовых форм, «смене вывесок», осуществляемых, в том числе, с целью снижения бремени задолженности, не всегда могли воспользоваться сложившейся ситуацией.

Период с середины «нулевых» годов для Алтайского края характеризуется появлением внешних «инвесторов» в виде федеральных и международных компаний (АО «Вимм-Билль-Данн»/ PepsiCo Inc., ЗАО «Приосколье» и др.), активно приобретающих в собственность не только сельскохозяйственные организации, но и предприятия пищевой промышленности (в частности, в собственности АО «Вимм-Билль-Данн» находится ЗАО «Рубцовский молочный завод»), формируя при этом крупные агрохолдинги.

Холдинговые формирования, организованные предприятиями пищевой промышленности с региональной «пропиской», сглаживали негативные тенденции в финансовом состоянии сельскохозяйственных организаций, однако существенных инвестиций при этом не делали, находясь в монопольном посредническом положении на агропродовольственных рынках и не чувствуя особой конкуренции со стороны холдингов федерального и международного уровня, поскольку занимали различные ниши на рынке сельскохозяйственной продукции – внешние компании были ориентированы на производство продукции с высокой добавленной стоимостью и вкладывали инвестиции в проекты с более низкими сроками окупаемости: птицеводство, свиноводство, производство сахара, сыра с ориентацией на рынки других регионов России.

Высокой экспортной активности в данный период развития сельского хозяйства не наблюдалось в силу низкой обеспеченности продовольственных рынков отечественной продукцией. С учетом этого, задача крупных производителей сводилась к созданию условий наращивания объемов производства, снижения производственных и логистических потерь аграрной продукции и повышения качества производимых продуктов питания [43].

Ключевой механизм национального проекта «Развитие АПК», который трансформировался впоследствии в постоянно продлеваемые государственные программы развития сельского хозяйства и продовольственных рынков, – субсидирование процентных банковских ставок, положило начало притоку инвестиций в отрасль и продолжает эффективно работать до сих пор.

К сожалению, доступ к «дешевым» кредитным ресурсам и «зеленый свет» кредитования проектов в АПК создавали условия злоупотреблений данным ресурсом – для всех регионов России был показателен опыт Алтайского края, в котором с 2008 г. функционировала холдинговая компания «Изумрудная страна», объединившая в 31 районе региона больше 150 сельскохозяйственных организаций, предприятий пищевой промышленности и прочих отраслей экономики с земельным банком более 330 тыс. га (подобная площадь в эти годы соответствовала показателям топ-5 владельцев сельскохозяйственных земель России).

Расширение компании происходило преимущественно за счет приобретения активов предприятий АПК с высокой закредитованностью. В феврале 2012 г. владельцам холдинга было отказано в очередном банковском транше, холдинговая компания с долговыми обязательствами свыше 20 млрд руб. оказалась в состоянии банкротства, в отношении нее было начато множество уголовных дел.

Конкурсные управляющие на протяжении 2013–2019 гг. пытались продать активы сельскохозяйственных организаций холдинга. В условиях продажи высоколиквидного имущества спад объемов производства, в том числе сельскохозяйственных животных, техники, имущественных комплексов, для региона был существенным в силу высокого удельного веса предприятий холдинга в региональных показателях: молоко, мясо и мука – более 15,5%, сахар – 19,0%, крупа – 29,0%, спирт – более 40,0% (2012 г.). Несмотря на то что сельскохозяйственные угодья были сданы в аренду хозяйствующим субъектам, остановить спад производства было достаточно сложно, особенно в животноводстве.

В этих условиях Алтайский край входил в четвертый этап развития сельского хозяйства, определенный не саморазвитием, а внешними факторами – трансформацией взаимоотношений России с партнерами на мировых аграрных рынках. Этап с 2015 г. и по настоящее время был нами выделен условно, поскольку все предпосылки были созданы еще летом 2014 г. с введением санкций ряда стран против России, однако в силу специфики сельского хозяйства и длительности лага его адаптации к изменению условий предпосылки реальных структурных сдвигов в производстве сельскохозяйственной продукции были заложены лишь в 2015 г.; однозначно, что внутри обозначенного этапа развития

сельского хозяйства можно выделить 2 подпериода: 2015–2021 гг. и с 2022 г. по настоящее время, но пока достаточно сложно говорить о формировании новых тенденций и закономерностей, хотя определенные основания для этого имеются.

Период 2015–2022 гг. в развитии сельского хозяйства характеризуют следующие тенденции:

1. *Усиление сдвигов в структуре валовой продукции сельского хозяйства, производимой хозяйствами различных видов.* Удельный вес хозяйств населения в валовой продукции в текущих ценах составлял в 2016 г. 27,5%, в 2022 г. – 18,9%; на 8,6 п.п. ниже, чем в сельскохозяйственных организациях – 51,4 и 58,2% соответственно (прирост на 7,7 п.п.) при стабильной доле крестьянских (фермерских) хозяйств.

Снижение значимости хозяйств населения в структуре валовой продукции сельского хозяйства региона – безусловно положительный тренд, поскольку производство сельскохозяйственной продукции в ЛПХ населения характеризовалось высокой удельной трудоемкостью, примитивностью используемых технологий, низкой товарностью.

Однако здесь следует признать, что даже товарные хозяйства населения не преобразовываются в семейные фермерские хозяйства, а повышение доли крупнотоварного сектора аграрной экономики сопровождается усилением концентрации ресурсов в собственности агрохолдингов, которые не заинтересованы в развитии малого и среднего сельскохозяйственного бизнеса на территориях собственного присутствия. В результате получили стремительное развитие монопольные структуры и усилилась поляризация сельскохозяйственных организаций по величине ресурсного обеспечения (площадь сельскохозяйственных угодий, поголовья скота, техника, кадры) и доступу к бюджетным средствам. Причем, как отмечают В.Я. Узун и Н.И. Шагайда, эти холдинговые формирования сами ограничены в развитии из-за высоких транзакционных издержек принятия решений, защиты имущества, контроля за оппортунистически настроенными наемными работниками [44].

2. *Повышение значимости холдинговых компаний на фоне ухода части «интеграторов 1990-х гг.» из структуры собственников сельскохозяйственных организаций и повышения*

активности на территории региона холдингов федерального масштаба.

Так, в 2016 г. сельскохозяйственные предприятия в составе интегрированных формирований (22% от общего количества организаций) концентрировали 54,8% общей численности работников крупных и средних организаций отрасли, 38,9% площади пашни. При этом они уплатили 62,8% налогов и страховых взносов, получили 57,1% бюджетных средств. К 2022 г. удельный вес сельскохозяйственных предприятий в составе интегрированных формирований повысился: по количеству организаций – до 28,3%, пашне – до 47,6%, выручке и налогам – до 60,1–64,4% (табл. IV.25).

Таблица IV.25

Удельный вес организаций, входящих в состав холдингов, в показателях сельскохозяйственных предприятий Алтайского края, %

Показатель	2016	2022
Число организаций	22,0	28,3
Площадь пашни	38,9	47,6
Количество работников	54,8	52,8
Выручка	60,1	60,1
Налоги, сборы, страховые платежи	62,8	64,4
Заемные средства	72,0	73,9
Бюджетные средства	57,1	55,8

Оценка структуры товарной продукции сельскохозяйственных организаций региона, входящих в 2016 г. в состав интегрированных формирований, свидетельствует о существенном ее отличии от структуры доходов самостоятельно хозяйствующих предприятий: 25,6% всех доходов обеспечивало птицеводство (в самостоятельно хозяйствующих субъектах – 1%), 25,2% – зерновое полеводство (в самостоятельно хозяйствующих субъектах – 32,1%), 6,5% – свекловодство (в самостоятельно хозяйствующих субъектах – 6,2%), практически было не представлено выращивание подсолнечника на маслосемена (табл. IV.26).

Это объяснялось прежде всего заинтересованностью крупных агрохолдингов в обеспечении стабильности поставок сырья для

собственной переработки или обеспечения поставок на рынки присутствия. Прежде всего подобная политика была характерна для холдингов интенсивного производства (птицеводство, свиноводство: для них земля не является основным средством производства, на ней можно было обеспечивать узкоспециализированную деятельность), а также занимающихся выращиванием сахарной свеклы для загрузки Черемновского сахарного завода.

Таблица IV.26

Структура товарной продукции в сельскохозяйственных организациях Алтайского края, % к итогу

Продукция	Сельскохозяйственные организации			
	в составе холдинговых формирований		самостоятельно функционирующие	
	2016	2022	2016	2022
Зерно	25,2	32,1	48,8	40,9
Маслосемена подсолнечника	6,7	14,6	12,6	15,5
Сахарная свекла	6,5	6,2	0,5	0,1
Картофель, овощи	3,1	1,2	0,4	0,6
Мясо КРС	6,9	4,5	8,7	6,1
Мясо свиней	4,9	7,1	0,2	0,1
Мясо птицы	25,6	5,5	1,0	1,9
Молоко	17,9	13,9	22,4	16,3
Прочая продукция	3,3	15,0	5,4	18,4

К 2022 г. различия несколько сгладились в силу следующих причин:

– повысилась цена на зерновые и масличные культуры (прежде всего на маслосемена подсолнечника), это привело к росту доходов малых организаций узкой специализации. Это при стабильности или же незначительном увеличении цен на продукцию животноводства привело к увеличению удельного веса продукции растениеводства в общих доходах;

– прекратило деятельность АО «Алтайский бройлер» 12 апреля 2021 г. путем реорганизации в форме присоединения к ПАО

«Черкизово»¹, что привело к снижению доли птицеводства в общих доходах сельскохозяйственных организаций;

– увеличил масштаб присутствия в крае крупный холдинг КДВ-Агрохолдинг (входит в состав ГК «КДВ Групп») смешанной специализации, занятый как выращиванием зерновых (преимущественно для производства круп, хлопьев), так и масличных культур (для производства растительного масла);

– в Тальменском районе Алтайского края созданы предприятия молочной специализации агрохолдинга ЭкоНива²;

– созданы холдинги горизонтального типа преимущественно на основе увеличения количества организаций в собственности одного физического лица (или индивидуального предпринимателя, фермера, реже – юридического лица) путем не дробления бизнеса, а приобретения существующих организаций.

Очевидно, что подобное перераспределение земель сельскохозяйственного назначения является обоснованным в условиях:

- старения части фермеров и зачастую отсутствия мотивации их наследников в ведении сельскохозяйственного бизнеса;

- стремления предпринимателей к снижению площади «черепок» земель малых фермерских хозяйств и обеспечению положительного эффекта масштаба при увеличении объемов производства;

- негативных ожиданий местных предпринимателей в условиях усиления присутствия крупных холдингов, не всегда заинтересованных в развитии малых деревень и создающих препятствия для развития малых форм хозяйствования, их доступу на товарные рынки и обеспечении средствами производства.

¹ Ранее ПАО «Черкизово» владело акциями АО «Алтайский бройлер», но птицефабрика была юридическим лицом. В настоящее же время она стало филиалом ПАО «Черкизово» и не составляет индивидуальной отчетности, в том числе производственной, в силу чего выделить вклад алтайского филиала из консолидированной отчетности ПАО «Черкизово» не предоставляется возможным.

² Подобный проект для Алтайского края был «в новинку», поскольку существующие холдинговые компании чаще всего стимулировали смешанную специализацию сельскохозяйственных организаций, значимость молочного скотоводства в составе доходов была различной, но практически всегда в них параллельно развивали маржинальные виды производства зерна и продукции выращивания масличных культур.

Всего в 2016–2017 гг. на территории региона холдинговые формирования были представлены 77 компаниями. В 2022 г. их количество увеличилось до 101, что сопровождалось как появлением новых компаний, укрупнением существующих (в том числе путем сделок M&A), реорганизациями в форме присоединения, так и, наоборот, уменьшением влияния (продажа акций, долей уставного капитала и т.д.) «интеграторов 1990-х гг.» (маслосырзаводы, элеваторы) в сельском хозяйстве.

В условиях усиления конкуренции в части сырьевой базы (рынок «покупателя-переработчика» как посредника сельскохозяйственной продукции трансформировался с годами в рынок «продавца – продавца», что ставит переработчиков в невыгодные ценовые условия и усиливает их производственные риски по загрузке производственных мощностей. Интересы ухода части «интеграторов 1990-х гг.» из состава собственников (и наоборот, сельскохозяйственных организаций из состава владельцев предприятий пищевой промышленности региона¹ еще предстоит исследовать ученым-аграрникам. В настоящее время объяснить причинно-следственные связи достаточно сложно в силу «закрытости» процессов.

3. *Поляризация сельскохозяйственных организаций по объемам производства, доходам и доступу к получению бюджетных средств.* Если в 2006 г. коэффициент Джини (концентрации доходов) сельскохозяйственных организаций региона был равен 0,542, в 2016–2018 гг. он увеличился до 0,667–0,699, то в 2022 г. он составил 0,660. Коэффициент дифференциации доходов (отношение выручки последней 10%-й группы предприятий к первой 10%-й группе) в 2006 г. составлял 116,5, в 2016 г. – 397,7, в 2022 г. – 467,7 раз (табл. IV.27).

4. *Увеличение объемов производства зерна (с 4829,7 тыс. т до 5648,4 тыс. т или на 16,95%) и маслосемян подсолнечника (с 513,0 тыс. т до 899,4 тыс. т или на 75,32%), основных видов продукции пищевой промышленности Алтайского края (растительного масла в 2,7 раза, сыра и сырных продуктов – на 55,8%, крупы – на 19,2%, сливочного масла – на 9,2%) и преодоление тенденций снижения объемов производства молока в сельскохозяйственных*

¹ Подобный вариант приватизации предприятий был предусмотрен в законодательстве в начале периода активных аграрных преобразований.

организациях (прирост за 2016–2022 гг. с 532,4 тыс. т. до 560,0 тыс. т. или на 5,2%) и крестьянских (фермерских) хозяйствах (прирост с 65,4 тыс. т. до 84,3 тыс. т. или на 26%) при снижении производства молока в хозяйствах населения с 593,3 тыс. т. до 1140,4 тыс. т. или на 4,3% на фоне увеличения среднегодового надоя коров в сельскохозяйственных организациях с 4758 кг до 5802 кг или на 21,9% (табл. IV.28). Отмеченное в совокупности привело к изменению структуры производства молока по категориям хозяйств – доля хозяйств населения снизилась с 49,8% в 2016 г. до 43,5% в 2022 г. (максимально доля данной категории сельскохозяйственных товаропроизводителей в общем объеме производства молока была в 2013 г. – 58,2%).

Таблица IV.27

**Кумулятивное распределение доходов (отдельных групп)
сельскохозяйственных предприятий Алтайского края**

Доля хозяйств в отдельной группе, %	2006	2016	2022
10	0,3	0,1	0,1
20	1,5	0,6	0,6
30	4,0	1,5	1,6
40	7,8	2,9	3,4
50	13,3	5,1	6,5
60	20,5	8,6	11,5
70	29,7	14,5	18,7
80	42,0	24,7	29,7
90	60,0	42,6	47,6
100	100,0	100,0	100,0
Коэффициент Джини (концентрации доходов)	0,542	0,699	0,660
Коэффициент дифференциации	116,500	397,900	467,700

5. Улучшение ценовой конъюнктуры на основных рынках растениеводческой продукции, что с учетом значимости их в доходах сельскохозяйственных организаций Алтайского края (49,2% в 2016 г., 60,5% в 2022 г.) привело к повышению уровня рентабельности производства (по валовой прибыли) по всей деятельности за период 2016–2022 гг. с 10,9% до 38,6% и улучшению финансового состояния предприятий.

Таблица IV.28

**Основные показатели деятельности организаций
в сфере сельского хозяйства и производства пищевой продукции
Алтайского края**

Показатель		2016	2020	2021	2022	
					всего	% к 2016 г.
1		2	3	4	5	6
Валовая продукция сельского хозяйства, млрд руб.	СХО	73,7	94,8	144,0	147,6	в 2,0 раза
	К(Ф)Х	30,2	32,7	57,4	54,5	в 1,8 раза
	ЛПХ	39,4	35,8	40,2	47,2	119,71
	Итого	143,3	163,2	241,6	249,4	в 1,7 раза
Поголовье КРС на 1 января, гол.	СХО	359,0	328,2	310,2	295,3	82,26
	К(Ф)Х	71,2	96,4	94,5	89,7	125,98
	ЛПХ	312,6	290,2	278,9	259,5	83,01
	Итого	742,8	714,8	683,6	644,5	86,77
Валовое производство молока, тыс. т	СХО	532,4	563,7	535,3	560,0	105,18
	К(Ф)Х	65,4	85,6	85,2	84,3	128,90
	ЛПХ	593,3	560,5	531,7	496,1	83,62
	Итого	1191,1	1209,8	1152,2	1140,4	95,74
Валовой сбор зерна, тыс. т	СХО	2966,5	2638,9	3775,7	3891,1	131,17
	К(Ф)Х	1863,2	1312,2	1801,7	1757,3	94,32
	Итого	4829,7	3951,1	5577,4	5648,4	116,95
Валовой сбор маслосемян подсолнечника, тыс. т.	СХО	307,8	412,0	555,6	565,5	183,72
	К(Ф)Х	205,2	249,4	366,5	333,9	162,72
	Итого	513,0	661,4	922,1	899,4	175,32
Уровень рентабельности производства продукции (по валовой прибыли) в сельскохозяйственных организациях, %	в среднем	10,9	29,6	49,3	38,6	х
	зерно	49,4	50,5	73,2	48,3	х
	маслосемена подсолнечника	85,5	62,3	128,2	81,5	х
	соевые бобы	97,2	73,7	124,5	68,8	х
	молоко	35,7	31,9	28,6	38,4	х
	мясо КРС молочного направления	-14,2	-26,8	-25,2	-17,6	х

1	2	3	4	5	6
Инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве, млн руб.	4919,9	8631,5	12314,9	17526,0	в 3,6 раза
Бюджетные средства на развитие сельского хозяйства из федерального и регионального бюджетов, млн руб.	3702,8	2554,8	2680,7	2562,8	69,21
Производство растительного масла, тыс. т	149,4	301,2	291,8	409,1	в 2,7 раза
Производство круп, тыс. т	83,4	108,1	104,1	99,5	119,21
Производство сыра и сырных продуктов, творога, тыс. т	317,0	403,0	435,8	493,8	155,77
Производство сливочного масла, тыс. т	20,1	21,8	20,5	22,0	109,24

Если в 2016 г. предприятий, обладающих высокой финансовой устойчивостью (I класс), в регионе было не более 25,15% от общего количества средних и крупных сельскохозяйственных организаций, то в 2022 г. этот показатель увеличился в 1,8 раза и составил 46,1%. Удельный вес предприятий с временной потерей платежеспособности на протяжении анализируемого периода был достаточно стабильным и варьировал от 14,6 до 20,2% (рис. IV.26) [45].

6. Усиление косвенных мер государственного регулирования продовольственных рынков, в том числе ценообразования на продукты питания, тарифных и нетарифных мер экспорта продукции АПК (установление квот на экспорт, плавающих пошлин на сельскохозяйственную продукцию и товары перерабатывающей промышленности) [46, 47]. К сожалению, в настоящее время в силу непродолжительности действия обозначенных мер и отсутствия отчетности организаций за 2023 г. представляется затруднительным оценить эффект введенных как ограничительных, так и стимулирующих элементов государственного регулирования на рентабельность сельскохозяйственных организаций и инвестиционную активность хозяйствующих субъектов АПК.

Таким образом, наблюдаемые в 2016–2022 гг. процессы в развитии сельского хозяйства Алтайского края были определены как его особенностями в предшествующий период 2006–2014 гг., так и действием новых факторов. Последние по преимуществу были связаны с макроэкономической ситуацией на внешнем и внутреннем рынках: логистическими ограничениями, сокращением импорта (в том числе промежуточного импорта – деталей, комплектующих и т.д.) вследствие санкционных ограничений; развитием экспортных рынков, изменением курса рубля, стоимости вновь привлекаемых кредитных ресурсов и др., которые в совокупности привели к трансформации структуры производства по категориям сельскохозяйственным товаропроизводителей, увеличению доли агрохолдингов в структуре произведенной продукции АПК.

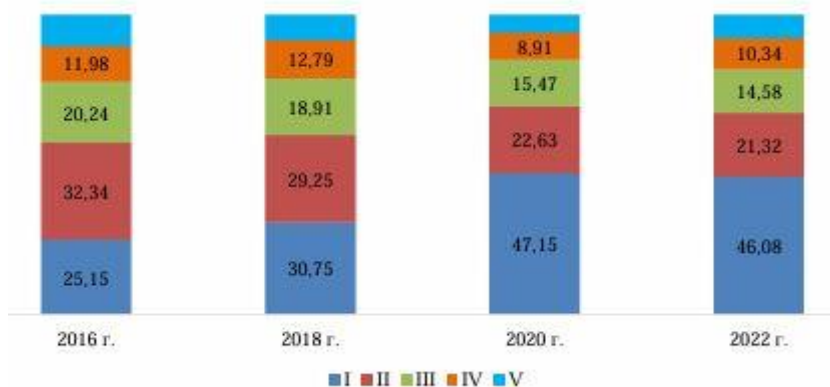

Рис. IV.26. Структура сельскохозяйственных предприятий Алтайского края по типам платежеспособности, %

Примечание. 1 класс – организации с высоким запасом финансовой устойчивости, финансово устойчивые;

2 класс – организации, демонстрирующие небольшой уровень риска по задолженностям и обязательствам;

3 класс – проблемные организации, для которых характерен риск потери средств;

4 класс – организации с высоким риском банкротства; 5 класс – организации с очень высоким уровнем риска, являющиеся практически неплатёжеспособными.

10.3. Развитие строительного комплекса и инвестиции¹

Строительство не относится к числу основополагающих отраслей экономики Алтайского края. В структуре валового регионального продукта на долю строительства приходится около 3,5–4% от его общего объема. В фактически действовавших ценах приращение объемов выполненных работ с 2018 по 2022 год по ВЭД «Строительство» составило 50,3%, увеличившись с 54,2 млрд руб. до 81,5 млрд руб. В среднегодовом исчислении приращение объемов выполненных работ по ВЭД «Строительство» за анализируемый период составило 12,5%. Однако при этом следует отметить один немаловажный факт: общая величина валового регионального продукта растет опережающими темпами относительно объемов выполненных работ по ВЭД «Строительство». Как следствие доля строительной отрасли в валовом региональном продукте постоянно снижается. С 2018 г. это снижение составило около 40% (табл. IV.29).

В настоящее время, по своим объемам строительный комплекс Алтайского края сопоставим с транспортным. Их вклад в формирование регионального валового внутреннего продукта примерно равен.

За анализируемый период в строительной отрасли Алтайского края действовало порядка 4–4,5 тыс. предприятий. Более 95% организаций представлены субъектами малого и среднего предпринимательства. Крупные строительные организации функционирует главным образом в сфере дорожного и жилищного строительства. Подавляющее большинство субъектов строительной отрасли региона показывают устойчивые финансово-экономические результаты, что подтверждается рентабельностью продаж на уровне 7–9% и рентабельностью активов в 7,5–8,8% за анализируемый период. Следует отметить, что рентабельность деятельности субъектов хозяйствования по экономке Алтайского края в целом существенно выше. Для сравнения: рентабельность продаж предприятий Алтайского края составляет около 10%, рентабельность активов – 12–13%. Однако сложившийся уровень рен-

¹ Для написания раздела использовались официальные статистические данные [48].

табельности строительной деятельности в Алтайском крае является недостаточным для поступательного развития отрасли, что определяется:

- негативной динамикой численности предприятий, занимающихся строительной деятельностью, и результатами их финансово-хозяйственной деятельности;

- крайне низким уровнем инвестиционной активности в отрасли и ухудшающимся состоянием основных фондов предприятий сферы строительства.

Таблица IV.29

Развитие строительной отрасли Алтайского края за 2018–2022 гг.

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Объем выполненных работ по ВЭД «Строительство» (в фактически действовавших ценах), млн руб.	54195,6	58395,2	67043	79113	81457,7
Вклад строительной отрасли в формирование валового регионального продукта, % от его общей величины	5,6	5,3	4,4	3,4	...
Объем выполненных работ по ВЭД «Строительство» (в фактически действовавших ценах), в % к прошлому году	100	107,7	114,8	118,0	103,0
Объем выполненных работ по ВЭД «Строительство» (в сопоставимых ценах), % к прошлому году	100	102,2	113	106,6	94,4
Темы роста ВРП (в основных ценах), в % к прошлому году, справочно	100	108,4	105,8	127,3	...

На конец анализируемого периода, в 2023 г. в строительной отрасли Алтайского края насчитывалось 3932 предприятия. Около 10% предприятий строительной отрасли являются убыточными. С 2019 г. количество организаций, осуществляющих деятельность по ВЭД «Строительство», сократилось более чем на 12%. Уменьшение численности субъектов хозяйствования характерно и для остальных видов экономической деятельности региона. Однако уменьшение числа предприятий в строительстве идет более мед-

ленными темпами, чем в целом по экономике Алтайского края. Подтверждением этому, несмотря на сокращение количества строительных организаций, является приращение доли организаций, осуществляющих деятельность по ВЭД «Строительство», в процентах от общего числа организаций Алтайского края. За исследуемый период данный показатель вырос с 8,9% до 9,7%.

Увеличивается также и численность занятых в крупных организациях, осуществляющих свою деятельность по ВЭД «Строительство». С 2019 по 2023 год она увеличилась более чем на 10 тыс. человек, достигнув величины в 73,6 тыс. человек, что составляет 11,6%. На малых предприятиях строительной отрасли Алтайского края численность занятых сокращается. Доля занятых в организациях, осуществляющих деятельность по ВЭД «Строительство», в процентах от общей численности занятых в экономике Алтайского края также растет. За 2019–2023 гг. приращение составило 0,7%, и это несмотря на сжатие малого бизнеса в строительной отрасли региона. Все это свидетельствует о развитии строительной отрасли Алтайского края, но только за счет деятельности крупных и средних организаций (табл. IV.30).

Таблица IV.30

**Предприятия и занятость в строительной отрасли Алтайского края
за 2018–2022 гг.**

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Количество организаций, осуществляющих деятельность по ВЭД «Строительство», ед.	4445	4226	4492	4128	3932
Доля организаций, осуществляющих деятельность по ВЭД «Строительство», % от общего числа организаций Алтайского края	8,9	9,0	10,3	11,3	9,7
Численность занятых в организациях, осуществляющих деятельность по ВЭД «Строительство», тыс. чел.	63,5	64,4	61,8	67,0	73,6
В том числе на малых предприятиях	11,2	10,6	12,3	10,7	10,3
Доля занятых в организациях, осуществляющих деятельность по ВЭД «Строительство», % от численности занятых в экономике Алтайского края	6,2	6,4	6,4	6,7	6,9
Численность занятых по ВЭД «Строительство» в расчете на 1 организацию, чел.	14,3	15,2	13,7	16,2	18,7

Говоря о деятельности строительных организаций, следует отметить еще один немаловажный факт. Уровень инвестиций в основной капитал строительных организаций за исследуемый период остается на низком уровне (табл. IV.31).

Таблица IV.31

**Инвестиции в основной капитал строительных организаций
Алтайского края за 2018–2022 гг.**

Год	Инвестиции в основной капитал строительных организаций, млн руб.	Доля ВЭД «Строительство» в общем объеме инвестиций в основной капитал, %	Доля ВЭД «Строительство» в ВРП региона, %
2018	257,6	0,4	5,6
2019	384,2	0,6	5,3
2020	677,1	1,0	4,4
2021	803,6	1,1	3,4
2022	622,7	0,8	...

Доля строительных организаций в общем объеме инвестиций в основной капитал за 2018–2022 гг. традиционно не превышает даже 1%, составив совокупно сумму в 2 745,2 млн руб. Исключение составляет лишь 2021 г., в котором доля строительных организаций в общем объеме инвестиций в основной капитал составила 1,1%. И это при том, что доля ВЭД «Строительство» в ВРП региона составляет 3,4% и более.

Для сравнения: за аналогичный период инвестиции в основной капитал предприятий и организаций Алтайского края имели устойчивую тенденцию к росту, увеличившись на 31,6% и составив в среднегодовом исчислении прирост, равный 7,9%.

Как следствие стоимость основных фондов строительных организаций Алтайского края за 2018–2022 гг. прироста только на 9,4% (табл. IV.32). В среднегодовом исчислении приращение стоимости основных фондов строительных организаций региона составило только лишь 2,35%. Это один из самых низких показателей по видам экономической деятельности. В целом по Алтайскому краю стоимость основных фондов предприятий и организаций прирастала в среднем за год за анализируемый период на 24,2%, что более чем в 10 раз выше, чем в строительстве.

**Основные фонды капитал строительных организаций Алтайского края
за 2018–2022 гг.**

Год	Основные фонды строительных организаций (по полной учетной стоимости)		Степень износа основных фондов на конец года, %	Удельный вес полностью изношенных основных фондов, % от их общего объема
	млн руб.	% к предыдущему году		
2018	4939,6	–	64,2	30,6
2019	5322,0	107,8	65,6	40,9
2020	5077,4	95,5	63,4	40,3
2021	5078,1	100,1	56,2	37,1
2022	5400,9	106,4	52,3	...

Степень износа основных фондов строительных организаций Алтайского края также существенно выше, чем по другим видам экономической деятельности. В среднем для предприятий Алтайского края уровень износа основных фондов за 2018–2022 гг. находится в пределах 52–55%. У строительных организаций региона данный показатель составляет 60% и более (за исключением двух последних лет).

Высока в строительной отрасли Алтайского края доля полностью изношенных основных фондов. В 2021 г. данный показатель составил величину равную 37,1% (с 2022 г. данный показатель не рассчитывается). В среднем по Алтайскому краю данный показатель практически в 2 раза ниже. В 2021 г. он равнялся 20%. По отдельным видам строительной техники уровень износа является критическим. В частности доля строительной техники со сроком службы превышающим срок амортизации по состоянию на конец 2022 г. составляет, %:

- по бульдозерам и бульдозерам с поворотным отвалом – 70,2;
- по автокранам – 70,9;
- по машинам бурильным – 76,6;
- по тракторам гусеничным – 80,5.

Отрадной тенденцией развития строительного комплекса региона, совпадающей с региональной, является снижение степени износа основных фондов строительных организаций Алтайского

края. Но при этом он все равно еще остается выше, чем в среднем по региону. На конец 2022 г. уровень износа основных фондов строительных организаций составлял 52,3%, тогда как в среднем по Алтайскому краю он был равен 51,7%.

Однако несмотря на отдельные позитивные тенденции развития сферы строительства Алтайского края, его строительный комплекс не представляет собой самодостаточную величину. В экономике региона строительная отрасль выполняет вспомогательную роль, функционирование которой определяется темпами и перспективами развития системообразующих отраслей региона. Как видно из таблицы IV.33, ежегодно в строй вводится более 3000 зданий общей площадью, превышающей 1300 тыс. кв. м. При этом следует отметить, что несмотря на увеличение количества введенных в действие зданий на 21,3%, их площадь увеличилась только на 3,9%.

Таблица IV.33

Результаты функционирования строительной отрасли Алтайского края в 2020–2022 гг.

Показатель	Количество зданий, ед.			Общая площадь зданий, тыс. кв. м			
	2020	2021	2022	2020–2022	2020	2021	2022
Введено в действие зданий	3084	3735	3740	4091,1	1340,5	1358,9	1391,7
В том числе:							
Жилого назначения	2887	3502	3368	3279,0	1053,0	1138,9	1087,1
Нежилого назначения	197	233	372	812,1	287,5	220,0	304,6
Из них:				0,0			
Промышленные	30	28	36	106,2	70,4	12,5	23,3
Сельскохозяйственные	52	87	81	222,7	48,8	78,9	95,0
Коммерческие	39	36	183	181,7	74,7	28,7	78,3
Административные	11	17	7	25,5	9,2	11,4	4,9
Учебные	8	7	9	113,8	46,1	29,2	38,5
Здравоохранения	20	18	24	27,5	7,1	2,7	17,7
Другие	37	40	32	134,8	31,2	56,6	47,0

Согласно данным таблицы IV.34, на долю зданий и сооружений нежилого назначения приходится около 20% от их общей площади. При этом определить их доминирующий тип по функциональному предназначению не представляется возможным. В 2020 г. по общей площади введенных в действие зданий преобладали здания промышленного и коммерческого предназначения. В 2021 г. большая часть площади зданий нежилого назначения пришлась на сельскохозяйственные здания. В 2022 г. преобладали сельскохозяйственные здания и здания коммерческого предназначения. Данный факт определяется главным образом эпизодическим характером сооружения подобных зданий в качестве ответа на текущие потребности субъектов хозяйствования. Более или менее стабильный характер имеет строительство, финансируемое из бюджетных источников, представленное строительством административных, учебных зданий и зданий для системы здравоохранения. На их долю ежегодно приходится около 4% площади введенных в действие зданий.

Таблица IV.34

**Структура введенных в действие площадей по их назначению
в Алтайском крае за 2020–2022 гг., %**

Показатель	В процентах от общей площади			
	2020–2022	2020	2021	2022
Введено в действие зданий	100,00	100,00	100,00	100,00
В том числе:				
Жилого назначений	80,15	78,55	83,81	78,11
Нежилого назначения	19,85	21,45	16,19	21,89
Из них:				
Промышленные	2,60	5,25	0,92	1,67
Сельскохозяйственные	5,44	3,64	5,81	6,83
Коммерческие	4,44	5,57	2,11	5,63
Административные	0,62	0,69	0,84	0,35
Учебные	2,78	3,44	2,15	2,77
Здравоохранения	0,67	0,53	0,20	1,27
Другие	3,29	2,33	4,17	3,38

В целом суммарно за 2020–2022 гг. распределение площади нежилых зданий по их функциональному предназначению сложилось следующее, %:

- промышленные здания – 2,6;
- сельскохозяйственные здания – 5,44;
- коммерческие – 4,44;
- отрасли бюджетной сферы и иные – 5,36.

В целом данное распределение соответствует отраслевой специализации Алтайского края и роли отдельных сегментов экономики региона в формировании его ВРП. Сельское хозяйство, торговля и сфера услуг, а также промышленность являются основными видами экономической деятельности в регионе.

В исследуемом периоде определяющее значение для развития строительной отрасли региона имело жилищное строительство. В 2020–2022 гг. из общей площади, введенных в действие зданий, на жилье приходилось около 80% (рис. IV.27).

Рис. IV.27. Распределение общей площади зданий по их назначению в Алтайском крае за 2020–2022 гг., %

Высокий спрос на жилье, обусловленный существенным снижением и стабилизацией кредитных ставок, а также активной поддержкой ипотечного кредитования со стороны государства,

обусловил существенные объемы жилищного строительства в регионе. Динамика жилищного строительства представлена на рис. IV.28. Начиная с 2018 г. темпы жилищного строительства растут из года в года. Исключением стал лишь 2019 г., в котором ограничения, вызванные COVID-19, обусловили небольшое сокращение площади построенных и введенных в эксплуатацию жилых домов. Также наблюдается незначительное сокращение объемов жилищного строительства в 2022 г. Однако данные факты характерны только лишь для предприятий-застройщиков. Динамика индивидуального строительства характеризуется устойчивым ростом. При этом в последние два года (2021 и 2022 гг.) темпы прироста жилищного строительства за счет собственных и заемных средств населения существенно превышают данные показатели в предшествующие годы.

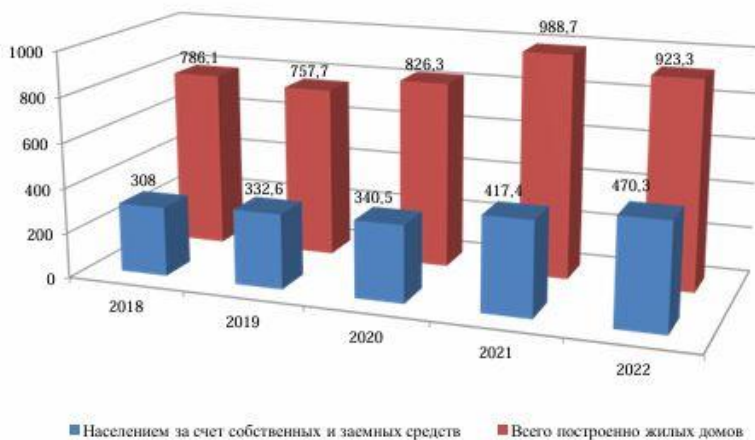

Рис. IV.28. Динамика жилищного строительства в Алтайском крае за 2018–2022 гг., тыс. кв. м

В целом за 2020–2022 гг. в действие было введено около 10000 зданий жилого назначения общей площадью более 4 млн кв. м.

Практически 3/5 площади от введенных в действие жилых домов или 57,3% приходилось на жилые дома в городах и поселках городского типа, главным образом в краевом центре – г. Бар-

наул. При этом следует отметить одну немаловажную отличительную особенность городского и сельского жилищного строительства. Если в городах и поселках городского типа только каждый пятый квадратный метр жилой площади был построен населением самостоятельно за счет собственных и заемных средств, то на селе практически на 100% источником финансирования жилищного строительства были собственные и заемные средства населения.

Осуществляя свою деятельность, строительные организации региона вступают в кооперационные связи с другими субъектами хозяйствования – производителями строительных материалов, а также готовых изделий, используемых при строительстве зданий и сооружений. Следует отметить, что предприятия Алтайского края производят ограниченный перечень строительных материалов и готовых изделий, используемых в строительстве.

Из общедоступных полезных ископаемых, используемых в строительстве, в Алтайском крае добываются пески природные, а также гравий и галька. Их добыча за анализируемый период имеет тенденцию к росту. Максимум добычи был достигнут в 2020 г. (1031 тыс. куб. м. по песку и 4168 тыс. куб. м. по гальке и гравиям). В 2021 г. после снижения объемов добычи ее рост восстановился. В 2022 г. по отношению к 2019 г. прирост добычи песков природных составил – 13,5%, достигнув величины в 908 тыс. куб. м, гальки и гравия – 1,2%, что в абсолютном выражении составляет 3967 тыс. куб. м.

Из строительных материалов в Алтайском крае производится их ограниченный перечень, в который входят:

- пиломатериалы хвойных пород (к 2022 г. относительно 2018 г. производство сократилось на 31,3%);
- пиломатериалы лиственных пород (к 2022 г. относительно 2018 г. производство сократилось на 56%);
- фанера (за исследуемый период производство остается стабильным на уровне 30–35 тыс. кв. м);
- плиты древесностружечные (данные не подлежат опубликованию);
- материалы лакокрасочные и аналогичные им краски и мастики (за анализируемый период наблюдается стабильный рост

производства, к 2022 г. относительно 2018 г. производство увеличилось на 25,9%);

- плиты, листы, пленка и полосы полимерные (к 2021 г. относительно 2018 г. производство увеличилось на 28,2%, в 2022 г. наблюдается спад производства до уровня, близкого к показателям 2018 г.);

- портландцемент (данные не подлежат опубликованию);

- известь (данные не подлежат опубликованию);

- кирпич строительный (к 2022 г. относительно 2018 г. производство сократилось на 22,3%);

- блоки и прочие сборные строительные изделия из бетона или искусственного камня за анализируемый период (к 2020 г. относительно 2018 г. производство увеличилось более чем 1,5 раза, затем наблюдается спад производства практически до уровня 2018 г.);

- плиты из бетона или искусственного камня (к 2022 г. относительно 2018 г. производство увеличилось на 36,4%);

- бетон (к 2022 г. относительно 2018 г. производство увеличилось на 28,9%).

Что касается готовых изделий, используемых в строительстве, то в Алтайском крае производятся:

- трубы, трубки и шланги, фитинги к ним пластмассовые (к 2022 г. относительно 2018 г. производство сократилось на 36,9%);

- блоки дверные пластмассовые (к 2022 г. относительно 2018 г. производство увеличилось на 15,6%);

- блоки оконные пластмассовые (к 2022 г. относительно 2018 г. производство увеличилось на 31%);

- двери и их коробки деревянные (к 2022 г. относительно 2018 г. производство увеличилось более чем в 3,6 раза);

- окна и их коробки деревянные (к 2022 г. относительно 2018 г. производство сократилось в 3 раза).

Как видно из приведенных данных, производство строительных материалов и готовых изделий, используемых в строительстве, по подавляющему перечню производств демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению. Что и понятно. Расширение строительства требует увеличения производства как строительных материалов и готовых изделий, используемых в строительстве. Вместе с тем официальные статистиче-

ские данные не позволяют установить степень глубины кооперационных связей строительных организаций Алтайского края с региональными производителями строительных материалов и готовых изделий, используемых в строительстве, и уровень удовлетворения спроса на них со стороны строительной отрасли региона.

Достигнутые результаты развития строительного комплекса Алтайского края во многом детерминированы инвестиционной деятельностью, осуществляемой предприятиями и организациями региона, проводимой федеральными и региональными органами власти инвестиционной политикой и реализуемыми в ее рамках проектами.

Инвестиции в основной капитал предприятий и организаций Алтайского края в текущих ценах за анализируемый период (рис. IV.29) демонстрируют устойчивую тенденцию к росту. Если в 2018 г. их объем составлял чуть более 107 млрд руб., то в 2022 г. – более 146 млрд руб. В целом за исследуемый период прирост составил 36,4%, что в среднегодовом исчислении составляет 9,1%. Однако данный прирост не покрывает сложившийся уровень инфляции. В сопоставимых ценах инвестиции в основной капитал за анализируемый период не только не приросли, но и снизились в 2022 г. до величины в 103,9 млрд руб., что составляет только 97% уровня 2018 г.

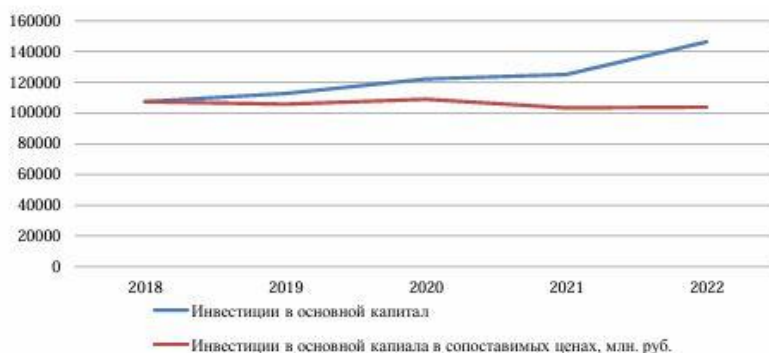

Рис. IV.29. Динамика инвестиций в основной капитал в Алтайском крае в 2018–2022 гг., млн руб.

За анализируемый период произошли существенные изменения как в структуре инвестиций в основной капитал предприятий и организаций Алтайского края по формам собственности, так и по источникам их финансирования, что является взаимообусловленным явлением (табл. IV.35–IV.36).

Таблица IV.35

**Структура инвестиций в основной капитал по формам собственности
в Алтайском крае в 2018–2022 гг., %**

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Инвестиции в основной капитал, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе по формам собственности:					
Государственная	23,6	29,4	34,0	31,5	31,0
Муниципальная	6,7	8,0	6,2	6,4	8,2
Частная	48,8	46,9	50,3	52,2	53,4
Смешанная российская	11,1	3,8	3,3	2,6	3,9
Прочие	9,8	11,9	6,2	7,3	3,5

Таблица IV.36

**Структура инвестиций в основной капитал
по источникам финансирования в Алтайском крае в 2018–2022 гг., %**

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Инвестиции в основной капитал, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе по источникам финансирования:					
Собственные средства	38,4	51,0	46,1	51,0	50,4
Привлеченные средства	61,6	49,0	53,9	49,0	49,6
Из них:					
Кредиты банков	10,0	7,8	8,6	12,0	13,1
Бюджетные средства	18,9	24,6	29,7	27,7	29,1
В том числе из федерального бюджета	6,0	8,1	10,8	8,5	8,2

Как видно из представленных данных, анализируемый период характеризуется перераспределением инвестиций в основной капитал по формам собственности. Инвестиции предприятий с долей в основном капитале государства или муниципальных образований и прочих предприятий (в том числе с иностранным участием) уменьшились практически в 3 раза. При этом доля инвестиций в основной капитал предприятий с частной собственностью увеличилась практически на 5%, составив в 2022 г. более половины всех инвестиций в основной капитал (53,4%). Следует признать, что увеличение доли инвестиций в основной капитал предприятий с частной собственностью стало устойчивой тенденцией современного этапа развития экономики Алтайского края, которая нашла свое отражение в изменении структуры инвестиций в основной капитал по источникам финансирования.

Если на начало анализируемого периода преобладающим источником финансирования инвестиций в основной капитал были привлеченные средства, около 19% из которых приходилось на бюджетные средства, то в 2022 г. собственные средства предприятий и организаций региона перекрывали более половины (50,4%) их инвестиций в основной капитал. Еще одной тенденцией в сфере инвестиционной деятельности Алтайского края стало увеличение более чем на 10% (до 29,1%) доли инвестиций в основной капитал за счет бюджетных средств. При этом следует отметить, что главным источником их финансирования стали региональный и местные бюджеты. Данный показатель практически на 10 процентных пунктов выше среднероссийского уровня. В среднем по РФ доля бюджетных инвестиций по данным за 2022 г. составляла 19,6% [29, с. 485]. Это свидетельствует о зависимости экономики Алтайского края в целом, в том числе и строительства, от бюджетных вливаний.

При этом инвестиции в основной капитал за счет средств федерального бюджета продемонстрировали незначительное увеличение с 6% в 2018 г. до 8,2% в 2022 г. Это свидетельствует также об отсутствии в регионе за анализируемый период крупных федеральных инвестиционных проектов. Федеральные инвестиции представляли собой, главным образом, финансирование затрат на обновление основных фондов организаций федерального подчинения, расположенных на территории Алтайского края. Данное утверждение под-

тверждается объемами инвестиций в основной капитал и их структурой по видам экономической деятельности (табл. IV.37).

В анализируемом периоде практически по всем видам экономической деятельности наблюдалось приращение инвестиций в основной капитал за исключением обрабатывающих производств и сферы операций с недвижимым имуществом, в которых объем инвестиций сократился на 26% и 84,2% соответственно. В части обрабатывающих производств это не коснулось промышленной специализации Алтайского края – производства продуктов питания и напитков, в которых инвестиции в основной капитал увеличивались. Причем в сфере производства пищевых продуктов существенно более высокими темпами в среднегодовом исчислении, чем в среднем по Алтайскому краю. Так, если в среднем за год инвестиции в основной капитал прирастали на 7,9%, то в производстве пищевых продуктов – на 21,0%.

Из других видов деятельности, где также наблюдалось существенное приращение инвестиций в основной капитал со среднегодовыми темпами их роста, существенно превышающими региональные (107,9%), следует отметить:

- 1) из отраслей производственной сферы и коммерческих услуг:
 - сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство (152,9%);
 - добыча полезных ископаемых (155,1%);
 - строительство (135,5%);
 - деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (148,9%);
- 2) из отраслей бюджетной сферы:
 - деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (143,4%);
 - образование (135,6%);
 - деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (118,5%);
 - деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (120,85).

Ряд отраслей характеризуется крайне низкими темпами приращения инвестиций в основной капитал или их снижением. К ним относятся: обеспечение электрической энергией, газом и па-

Характеристика объема, структуры и динамики инвестиций предприятий и организаций Алтайского края в основной капитал по видам экономической деятельности за 2018–2022 гг.

Вид экономической деятельности	Объем инвестиций, млн руб.		Темпы роста, %		Доля в общем объеме, %	
	2018	2022	за 2018–2022 гг.	в среднем за год	2018	2022
1	2	3	4	5	6	7
Всего	61918,3	81448,5	131,6	107,9	100,0	100,0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	5944,2	18517,4	311,6	152,9	9,6	22,7
Добыча полезных ископаемых	2224,7	7125,9	320,3	155,1	3,6	8,7
Обрабатывающие производства Из них:	14358,7	10617,6	-26,0	-6,5	23,2	13,1
Производство пищевых продуктов	2787,9	5126,1	183,9	121,0	4,5	6,3
Производство напитков	464,3	534,9	115,2	103,8	0,8	0,7
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	5366,1	6237,7	116,3	104,1	8,7	7,7
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	985,0	1139,8	115,8	104,0	1,6	1,4
Строительство	257,6	622,7	242,1	135,5	0,4	0,8

1	2	3	4	5	6	7
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	2111,5	3416,5	161,9	115,5	3,4	4,2
Транспортировка и хранение	12543,3	13369,8	106,6	101,7	20,3	16,4
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	91,7	271,0	295,6	148,9	0,1	0,3
Деятельность в области информации и связи	2540,4	3159,7	124,4	106,1	4,1	3,9
Деятельность финансовая и страховая	465,1	800,5	172,1	118,0	0,7	1,0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	6918,3	1088,2	-84,2	-21,1	11,2	1,3
Деятельность профессиональная, научная и техническая	227,9	322,0	141,3	110,3	0,4	0,4
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	101,9	278,7	273,5	143,4	0,1	0,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	1480,6	2020,0	137,9	109,5	2,4	2,5
Образование	2112,6	5122,6	242,5	135,6	3,4	6,3
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3315,6	5767,4	174,0	118,5	5,4	7,1
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	815,6	1492,1	183,1	120,8	1,3	1,8
Предоставление прочих видов услуг	57,6	59,0	102,5	100,6	0,1	0,1

ром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений), а также такие виды деятельности, как транспортировка и хранение; деятельность по операциям с недвижимым имуществом и деятельность в области информации и связи.

Как следствие, за анализируемый период произошли существенные изменения в структуре инвестиций предприятий и организаций Алтайского края в основной капитал по видам экономической деятельности, свидетельствующие о перераспределении инвестиций по отдельным секторам региональной экономики и изменении характера инвестиционной активности. Особенно заметным стало увеличение доли инвестиций предприятий и организаций Алтайского края в основной капитал (в два раза и более) по таким ВЭД, как: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство; добыча полезных ископаемых; а также в отраслях бюджетной сферы (образование, здравоохранение и социальные услуги). Это свидетельствует о наращивании производственной активности и развитии сельскохозяйственного производства, как основной отрасли специализации Алтайского края и активном обновлении основных фондов организаций бюджетной сферы.

Что касается структуры инвестиций в основной капитал по видам основных фондов за 2018–2022 г., то она представлена на рис. IV.30.

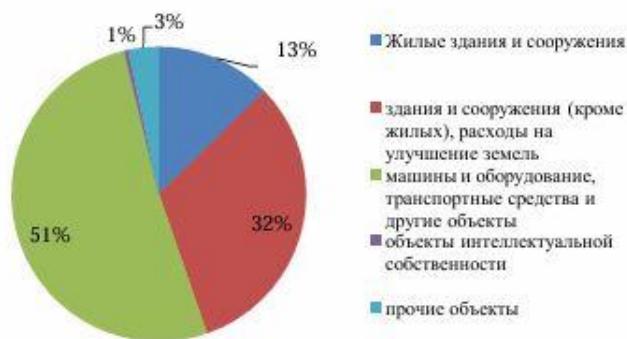

Рис. IV.30. Структура инвестиций в основной капитал по видам основных фондов в Алтайском крае за 2018–2022 гг., %

Более 50% совокупного объема инвестиций в основной капитал предприятий и организаций Алтайского края за анализируемый период представляли собой вложения в машины и оборудование, транспортные средства и другие производственные объекты подобного рода. Около 13% инвестиций в основной капитал представляли собой вложения в строительство жилых зданий и сооружений, а также строительство зданий промышленного и коммерческого назначения и расходы на рекультивацию земель. Вложения предприятий и организаций Алтайского края в строительство жилых зданий и сооружений, а также строительство зданий промышленного и коммерческого назначения являлось, кроме жилищного строительства, еще одним фактором развития строительного комплекса региона.

Проведенное исследование развития строительного комплекса региона и связанной с этим инвестиционной деятельности позволяет сделать следующие выводы.

1. В экономике Алтайского края строительная отрасль выполняет вспомогательную роль, функционирование которой определяется темпами и перспективами развития системообразующих отраслей региона. За анализируемый период в строительной отрасли Алтайского края действовало порядка 4–4,5 тыс. предприятий. Более 95% организаций представлены субъектами малого и среднего предпринимательства. Подавляющее большинство субъектов строительной отрасли региона показывают устойчивые финансово-экономические результаты. И это при том, что рентабельность деятельности предприятий строительной отрасли Алтайского края примерно в 1,5 раза ниже рентабельности по экономике региона в целом. В современных условиях развитие строительной отрасли Алтайского края определяется деятельностью крупных и средних организаций, которые функционируют главным образом в сфере дорожного и жилищного строительства.

2. Основой развития строительного комплекса региона за исследуемый период стало жилищное строительство, а также инвестиции предприятий и организаций Алтайского края в строительство жилых зданий и сооружений и строительство зданий промышленного и коммерческого назначения. В 2020–2022 гг. из общей площади, введенных в действие зданий, на жилье приходилось около 80%. Что касается строительства зданий промышлен-

ленного и коммерческого назначения, то оно имело эпизодический характер и закрывало текущие потребности субъектов хозяйствования в подобного рода сооружениях.

3. Инвестиции в основной капитал предприятий и организаций Алтайского края сосредоточены преимущественно в сфере сельского хозяйства и бюджетной сфере региона. Их источниками являются собственные средства предприятий и организаций и бюджетные средства, главным образом регионального и местных бюджетов. Это свидетельствует об укреплении финансового положения предприятий и организаций Алтайского края и, главным образом, в сельскохозяйственном производстве и пищевой промышленности – отраслями специализации региона, а также об отсутствии в регионе в исследуемом периоде крупных федеральных инфраструктурных проектов и планомерном обновлении основных фондов учреждений бюджетной сферы.

10.4. Развитие транспортно-логистической системы как материальной основы межрегиональной связанности

Транспортно-логическая система региона играет по праву особую, можно сказать, одну из центральных ролей в обеспечении его межрегиональных связей.

Настоящая глава монографии не претендует на полную и исчерпывающую оценку ее состояния. Это, с одной стороны, обусловлено сложностью транспортной структуры, включающей в себя различные виды транспорта (автомобильный, железнодорожный, воздушный, водный, трубопроводный, городской надземный транспорт), а также предприятия и организации, обеспечивающие их функционирование.

С другой стороны, дело не в трудоемкости полного и исчерпывающего анализа состояния региональной транспортно-логистической системы. Его результаты «не сработают» на реализацию центральной идеи монографии – раскрыть роль транспортно-логистической инфраструктуры в формировании межрегиональной связанности. Основное препятствие в достижении названной цели состоит в невозможности выбрать из существующей статистики показатели развития транспортно-логисти-

ческой системы, выделив для этого в особую группу транспортно-логистическую инфраструктуру, обеспечивающую межрегиональную связанность.

С учетом сказанного, в настоящем параграфе монографии, исходя из имеющейся статистики будет дана оценка состояния и динамики ключевых видов транспорта, обеспечивающих как внутрирегиональные, так и межрегиональные и международные связи региона.

Исследования роли транспортной и логистической инфраструктуры Алтайского края в межрегиональном взаимодействии построена на принципах системного подхода от общего к частному. В качестве дедуктивного начала – транспортная система и региональные связи. Транспортная система Алтайского края, её структурные элементы и показатели, характеризующие вовлеченность в межрегиональное взаимодействие, представлены как частный случай логического следования.

В качестве информационного источника использованы: официальная информация Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай, Федерального агентства железнодорожного транспорта, Министерства иностранных дел РФ, Алтайского отделения Западно-Сибирской железной дороги, Аэропорта г. Барнаул им Г.С. Титова, Большой Российской энциклопедии (Алтайский край. Хозяйство. Транспорт), официального сайта Алтайского края, российской транснациональной компании в отрасли информационных технологий – «Яндекс», ведомственной статистики, нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность и стратегию развития отрасли «Транспорт и логистика», научные публикации по теме исследования, в том числе проведенные авторами ранее.

Логика исследования подтверждает гипотезу обеспечения транспортной и логистической инфраструктурой межрегионального обмена, а её состояние и качество услуг влияет на скорость товарных потоков, мобильность трудовых ресурсов. Методы статистической обработки данных (описательная статистика) позволили оценить динамику изменений показателей, характеризующих транспортную и логистическую инфраструктуру региона.

Ограничения, с которыми столкнулись исследователи, заключаются в отсутствии возможности доступа к информации, в том

числе развернутых статистических данных, обусловленные факторами международного характера и решением задач национальной и региональной экономической безопасности.

Показатели, характеризующие состояние транспортной системы региона, можно разделить на три группы. К первой группе следует отнести показатели, указывающие на протяженность и плотность транспортных путей и дорог, пункты пропуска, наличие подвижного состава, маршруты общественного транспорта и интервалы его движения и другие. Вторую группу формируют количественные показатели, отражающие объем перевезенных грузов и количество пассажиров. В третью группу включают показатели экологического характера, связанные с эксплуатацией транспортных средств и характеризующие безопасность пользователей транспортных услуг.

Алтайский край в целом обладает развитой сетью транспортных путей сообщения, позволяющих функционировать различным видам транспорта (табл. IV.38).

Таблица IV.38

Ключевые виды транспорта в Алтайском крае, ед.

Вид транспорта	Объекты транспортной системы	Количество, ед.
Воздушный	Аэропорт	1
Водный	Речные порты	2
Автомобильный	Грузовые автотранспортные предприятия	31
	Пассажирские автотранспортные предприятия	48
	Трамвайные депо	3
	Троллейбусные парки	2
Железнодорожный	Участки Западно-Сибирской железной дороги филиала ОАО «РЖД»	1

Источник: Составлено авторами на основе информации Министерства транспорта РФ [49].

По данным статистики протяженность путей сообщения за период с 2018 по 2022 год демонстрирует относительную стабильность в части протяженности железнодорожных путей сообщения и внутренних водных судоходных путей. Имеет место

снижение протяженности автомобильных дорог, в том числе имеющих твердое покрытие (табл. IV.39).

Таблица IV.39

Протяженность путей сообщения в разрезе различных видов транспорта в Алтайском крае в 2018–2022 гг. (на конец года), км

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2022 г. к 2018 г., %
Железнодорожные пути общего пользования	1566	1566	1568	1567	1567	0,06
Автомобильные дороги общего пользования	54834	54330	54277	53401	53355	97,30
Из них с твердым покрытием	36042	36493	35343	33948	33558	93,10
Магистральные трубопроводы	688	688	688	688	767	111,48
Внутренние водные судоходные дороги	781	781	781	781	781	200,0

Источник: Составлено авторами по данным Министерства транспорта РФ [49].

Наряду с транспортно-логистическими компаниями в крае функционируют и «чисто» логистические компании, которые кроме перевозок предлагают услуги по оптимизации сложного маршрута, хранению грузов, документальному и информационному сопровождению, страховке.

По данным «Яндекса» в Алтайском крае насчитывается свыше 50 транспортно-логистических компаний, расположенных, преимущественно, в г. Барнауле (свыше 80% всех компаний). Из общего количества транспортно-логистических компаний, функционирующих в крае, свыше 40 зарегистрированы как логистические.

Доля услуг транспорта в валовом региональном продукте Алтайского края за период с 2005 по 2020 год колеблется от 7,5 до 5,4% (табл. IV.40).

Перейдём далее, к более детальному рассмотрению состояния и динамики развития в крае отдельных видов транспорта.

Таблица IV.40

**Динамика валового регионального продукта Алтайского края
по отрасли «Транспорт и хранение» в 2005–2020 гг.**

Показатель	Период (год)						Темп роста, %
	2005	2010	2015	2018	2019	2020	
ВРП Алтайского края, млн руб.	135686,4	302900,7	487903,3	579740,5	628146,1	671626,9	494,98
Транспорт и хранение, % к ВРП	7,5	5,8	7,6	5,5	5,0	5,4	–28,0
Транспорт и хранение, млн руб.	10176,4	17568,2	37080,6	31885,7	31407,3	36267,9	356,39

Источник: Составлено авторами на основе источников [50–53].

Автомобильный транспорт. Алтайский край в силу больших размеров занимаемой площади и наличия значительного потенциала сельских поселений обладает достаточно разветвлённой и густой сетью автомобильных дорог общего пользования, не имеющих, однако, в значительной своей части твёрдого покрытия.

Доля дорог общего пользования с твёрдым покрытием составляла на конец 2022 г. – 62,8%, уменьшившись по сравнению с 2018 г. на 2,9 п.п. (см. табл. IV.39).

Автомобильные дороги края имеют статус как местного, так и федерального значения. «Федеральные автомобильные трассы: Р-256 («Чуйский тракт»), А-321 (Барнаул – Павловск – граница с Республикой Казахстан) и А-322 (Барнаул – Рубцовск – граница с Республикой Казахстан), обеспечивающие выход в Казахстан и Монголию» [54].

Отмеченное ранее сокращение в 2022 г. по сравнению с 2018 г. протяженности автомобильных дорог общего пользования сопровождалось заметным сокращением пассажироперевозок автобусами общего пользования при улучшении в целом ситуации с грузоперевозками (табл. IV.41).

Юридические лица занимают по сравнению с индивидуальными предпринимателями доминирующие позиции на рынке пе-

ревозок грузов (порядка 90%), хотя роль последних за рассматриваемое пятилетие несколько возросла (табл. IV.42).

Таблица IV.41

**Основные показатели деятельности автомобильного транспорта
юридических лиц в Алтайском крае в 2018–2022 гг.
(включая субъекты малого предпринимательства
и индивидуальных предпринимателей)**

Наименование показателя	2018	2019	2020	2021	2022	2022 г. к 2018 г., %
Перевезено грузов автомобильным транспортом организаций всех видов деятельности, млн т	31,7	29,0	27,8	31,7	30,4	95,89
Грузооборот автомобильного транспорта организаций всех видов деятельности, млн т·км	2729,0	2797,6	3047,6	3267,6	3302,2	121,00
Перевезено пассажиров автобусами общего пользования, млн чел.	167,1	155,5	112,41	96,1	89,3	53,44
Пассажирооборот автобусов общего пользования, млн пасс.·км	1807,7	1825,1	1249,6	1299,7	1438,9	0,79
Наличие эксплуатационных автобусов (ед.)	3089	2957	2617	1799	1786	0,57

Примечание. Без оценки деятельности микропредприятий

Источник: Автодороги Алтайского края [55].

Железнодорожный транспорт. Алтайский край пересекает Западно-Сибирская железная дорога филиала ОАО «РЖД». По состоянию на конец 2022 г., как отмечалось ранее, протяжённость железных дорог территории Алтайского края составляет 1567 км и включает железнодорожные магистрали и железнодорожные линии осуществляющие грузоперевозки и пассажироперевозки из г. Новосибирска и Новоалтайска до станции г. Семей и Павлодар

(Казахстан). Плотность сети железных дорог составляет 93 км путей на 10 тыс. кв. км. Грузооборот железнодорожного транспорта согласно Большой Российской энциклопедии составляет 2342 млн т·км., что на 29% ниже грузооборота автомобильных перевозок [57].

Таблица IV.42

**Перевозки грузов автомобильным транспортом
в разрезе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей
в Алтайском крае в 2018–2022 гг., тыс. т**

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	Отклонения	
						тыс. т	%
Транспорт – всего	31700,80	29011,10	27764,40	31681,60	30358,50	–1342,3	95,76
В том числе: Юридические лица*	28835,50	26036,10	24315,50	28621,00	27260,20	–1575,3	94,53
% в общем объеме	90,97	89,75	87,58	90,34	89,79	–	98,70
Индивидуальные предприниматели	2865,30	2975,0	2848,90	3060,60	3098,30	233,0	108,13
% в общем объеме	9,03	10,25	12,42	9,66	10,21	–	113,06

* Без микропредприятий.

Источник: Составлено авторами по материалам Алтайский край в цифрах. 2018–2022 [56].

Наиболее крупные железнодорожные вокзалы и станции в Алтайском крае размещены в городах Алейск, Барнаул, Рубцовск, Бийск, Камень-на-Оби, в селе Кулунда, поселке городского типа Благовещенка (табл. IV.43).

Протяженность железнодорожных путей необщего пользования составляет 587,601 км.

Двести семнадцать хозяйствующих субъектов, из них девятнадцать индивидуальных предпринимателей, имеют подъездные железнодорожные пути необщего пользования, что дает возможность отгружать собственную продукцию и получать (разгружать) необходимые материальные ресурсы непосредственно на площадках организации. Погрузоразгрузочные площадки, примыка-

ющие к железнодорожным веткам индивидуального бизнеса, размещаются на станциях: Славгород ЗСБ, Заринская ЗСБ, Усть-Тальменская ЗСБ, Барнаул ЗСБ, Топчиха ЗСБ, Усть-Тальменская ЗСБ, Бийск ЗСБ, Кулунда ЗСБ, Гордеево ЗСБ, Михайловка-Алтайская ЗСБ, Усть-Тальменская ЗСБ, Рубцовск ЗСБ, Штабка ЗСБ, Шипуново ЗСБ.

Таблица IV.43

Железнодорожные вокзалы и станции Алтайского края

№ п/п	Вокзалы и станции		Назначение	Железная дорога	Платформы	Пути
	Населенный пункт	Наименование вокзала/станции				
1	г. Алейск	Алейская	Станция	ЗСЖД	2	11
2	г. Барнаул	Барнаул	грузовая станция	ЗСЖД		
3	г. Рубцовск	Рубцовск	Станция	ЗСЖД	2	11
4	Село Кулунда	Кулунда	ж/д станция	на пересечении Южно-Сибирской и Рудноалтайской магистралей ЗСЖД	2	17
5	г. Бийск	Бийск	Станция	ЗСЖД	1	6
6	Поселок городского типа Благовещенка	Ново-благовещенка	ж/д станция	ЗСЖД	1	5
7	Каменьна-Оби	Каменьна-Оби	ж/д станция	ЗСЖД на магистральной Омск – Среднесибирская	–	–
8	Новоалтайск	Алтайская	ж/д станция	ЗСЖД	–	–

Внутренний водный транспорт Алтайского края осуществляет перевозку зерна, строительных материалов, древесного сырья и пиломатериалов и др. Объем перевозок составил в 2021 г. 1,1 млн т грузов.

Протяжённость судоходных внутренних водных путей в 2021 г. – 779 км. В 2021 г. внутренним водным транспортом Алтайского края перевезено 178 тыс. человек [57].

Перевозку грузов на реках края осуществляют – ООО «Алтайречфлот» и ООО «Бийский речной порт», а перевозку пассажиров – ООО «Барнаульский речной порт», ООО «Бийский речной порт», ООО «Пристань Камень-на-Оби» [54].

Воздушный транспорт осуществляет перевозки межрегионального, внутрирегионального и международного значения. В Алтайском крае действует международный аэропорт имени Г.С. Титова. В зависимости от длины взлетно-посадочной полосы аэродром соответствует классу В – 2850×50м. По объёму годового пассажиропотока аэропорт относится к четвертой классификационной группе (1000-4000 тыс. пассажиров).

В настоящее время аэропорт обеспечивает прием и обслуживание судов российского производства, производства европейского авиакосмического консорциума «Airbus», самолетов производства США фирмы «Boeing».

АО «Авиационное предприятие «Алтай» на территории международного аэропорта Барнаул им. Г.С. Титова – это одно из крупных предприятий региона, обеспечивающее прием и обслуживание воздушных судов как на внутренних маршрутах, связывающих регионы, так и международных маршрутах, в том числе дальнее и ближнее зарубежье.

Объём пассажирских перевозок за последние 5 лет существенно варьируется по городам. В 2020 г. по сравнению с 2018 г. в силу известных причин он снизился почти на 60%. В целом же в рассматриваемом периоде прослеживается тенденция роста объёма пассажирских перевозок с 507,5 в 2018 г. до 627, 6 тыс. человек в 2022 г.

В части же грузовых перевозок, напротив, имеет место снижение их объемов в динамике, соответственно 3160,9 в 2018 г. и 2684,4 т в 2022 г. (табл. IV.44).

На территории региона функционирует региональная авиакомпания ООО «Алтайские авиалинии», имеющая в своем распоряжении 7 вертолетов Ми-8. Компания оказывает услуги предприятиям нефтегазовой отрасли, расположенным на терри-

тории Томской области, от которых формируется основной доход. Кроме того, компания участвует в оказании помощи населению в условиях чрезвычайных ситуаций.

Таблица IV.44

Показатели работы авиационного предприятия «Алтай» в 2018–2022 гг.

№ п/п	Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2022 г. к 2018 г., %
1	Объем пассажирских перевозок, тыс. чел.	507,510	531,45	295,690	521,848	627,58	123,65
2	Объем грузовых перевозок, т	3160,980	3403,68	2911,748	3322,270	2654,38	89,97

Источник: Составлено авторами по материалам [58].

Трубопроводный транспорт представлен магистральными трубопроводами общей эксплуатационной длиной 688 км по состоянию на конец 2021 г., «функционируют газопроводы: Новосибирск – Барнаул (1984; длина 292 км; мощность 1,7 млрд куб. м/год), Барнаул – Бийск – Горно-Алтайск (2008; с ответвлением на г. Белокуриха; общая длина 326 км)» [57].

Краткие выводы по разделу

Результаты проведенного анализа социально-экономического развития Алтайского края на этапе вступления в рынок и первое десятилетие реформ свидетельствуют, о том, что реакция его экономики на демонтаж плановой системы, либерализацию цен и внешней торговли, приватизацию и применение стандартного набора рыночных инструментов макроэкономического регулирования, оказалась более негативной по сравнению с другими регионами России. Это проявилось в более высоких темпах спада производства и снижения уровня жизни населения, увеличении дифференциации доходов, росте массовой безработицы, деградации отраслевой и технологической структуры производства, свертывании социальной сферы и нашло отражение в общественном мнении жителей края.

Экономика региона в рассматриваемый период характеризовалась более глубокими структурными деформациями, детерминируемыми технологическим отставанием отраслей специализации, прежде всего сельского хозяйства и сельскохозяйственного машиностроения. В результате межотраслевого диспаритета цен не в пользу сельскохозяйственного производства большая доля сельхозпредприятий края оказалась убыточной, обеспечивая свое существование за счет «проедания» части основного капитала.

Ситуация усугубилась в результате потери краем значительных средств на инвестиции и дотирование производства, получаемых ранее из Центра, а также растущей притягательностью регионов с повышенной конкурентоспособностью и относительно более благоприятным предпринимательским климатом, порождающими миграцию капитала и трудовых ресурсов.

Заметное снижение социально-экономического потенциала края на этапе вступления в рынок повлекло за собой не только ослабление имевшихся предпосылок развития межрегиональной интеграции и кооперации (за исключением межрегиональной миграции населения), но и повлияло на характер межрегиональных взаимосвязей. С определенной степенью условности можно сказать, что с позиции связанности экономического пространства край в начале 1990-х гг. вступил в качественно иную фазу – период межрегиональной дезинтеграции.

В наибольшей степени дезинтеграционные процессы проявились на межрегиональных товарных рынках. Падение объемов производства в промышленности, в ряде отраслей близкое по своим масштабам к обвальному, привело к снижению поставок производимой промышленной продукции за пределы края (продукции сельхозмашиностроения, легкой промышленности, промышленности строительных материалов и др.). В меньшей, хотя и весьма заметной степени это касалось продукции отраслей промышленности, имеющих относительно устойчивый спрос на внутри- и межрегиональных, а также внешних рынках (пищевой, мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности, черной металлургии).

В условиях развала системы централизованного планирования и распределения продукции промышленность Алтайского края оказалась обреченной в перспективе на весьма скромные по своим масштабам межрегиональные связи в силу низкой конкурентоспособности продукции (порядка 90% продукции по экспертным оценкам неконкурентоспособно), физического и морального устаревания основных фондов и отсутствия инвестиций для их обновления (коэффициент износа в целом по промышленности составил в 2001 г. 53,6% против 42,9% – в 1992 г.). Во многом межрегиональные и международные связи ослабли из-за сокращения выпуска продукции военно-технического назначения (оборонный комплекс составлял порядка 1/3 промышленности края).

Перспективы усиления межрегиональных связей мукомольно-крупяной и пищевой промышленности сдерживались многочисленными проблемами в развитии сельского хозяйства, а также снижением покупательной способности и, соответственно, сужением рынка продовольствия в тех регионах России и Сибири, куда край традиционно поставлял продукты питания.

На пути роста поставок производимых в крае продуктов питания наметился еще один барьер. По имевшимся оценкам, ряд регионов Сибири – основных потребителей алтайской продукции – нарастили объемы собственного производства, позволившие им не только уменьшить зависимость от края, но и выступить его серьезным конкурентом в сфере межрегиональных поставок сельхозпродукции.

Если в рассматриваемый период предпосылки усиления межрегиональных связей, детерминированные падением производства

в материальной сфере края, ослабли, то в части межрегиональной связанности посредством миграционных механизмов в первое пятилетие, напротив, усилились. Рост межрегиональных различий на этапе вступления России в рынок «подстегнул» миграцию. Основным сдерживающим фактором стало отсутствие средств, позволяющих изменить место жительства.

Второй рассматриваемый период (2000–2017 гг.) можно охарактеризовать в целом как период адаптации экономики края к изменениям внешней и внутренней среды, что не могло позитивным образом не сказаться на интенсивности межрегиональных связей.

Для Алтайского края восстановление докризисного уровня экономики происходило по сравнению с Россией опережающими темпами, прежде всего в силу большого падения производства на этапе вступления в рынок. Применительно к регионообразующим отраслям края – промышленности и сельскому хозяйству – темпы восстановительного процесса заметно различались: если к концу рассматриваемого периода объемы производства сельхозпродукции превосходили дореформенный уровень, то объемы производства промышленной продукции существенно до него не «дотягивали».

Сельхозпроизводство в Алтайском крае как в кризисные годы, так и восстановительные периоды имело особую значимость для социально-экономического развития края. Заметные темпы роста отрасли в 2013–2016 гг. обеспечили в эти годы рост экономики региона на фоне депрессии экономики России, формирование предпосылок усиления включенности экономики Алтайского края в пространственную интеграцию.

Таким образом, с начала 2000-х гг. в Алтайском крае наметились позитивные тенденции в его развитии, не замедлившие сказаться (с определенным лагом во времени) на оживлении межрегиональных связей, прежде всего торгово-экономических.

Проведенный нами сравнительный анализ адаптации экономики Алтайского края и России к изменениям внешней и внутренней среды свидетельствовал о том, что ее характер в целом идентичен; это не исключает наличие отличительных особенностей реакции экономики края по сравнению с общероссийскими тенденциями. Различия в характере адаптации проявлялись, главным образом, в различной длительности фаз экономического цикла, времени их начала и окончания.

С позиции пространственной экономической интеграции 2000–2017 гг. можно обозначить в целом как этап возобновления формирования предпосылок ее активизации.

Однако на пути позитивных подвижек во включенности Алтайского края в экономическое пространство продолжали оставаться сформировавшиеся на протяжении десятилетий трудно-преодолимые препоны, представляющие собой серьезные риски и угрозы его социально-экономическому развитию. Среди ключевых угроз: недостаточный объем финансовых средств, необходимых для расширенного воспроизводства и нормального социально-экономического развития края, а также сравнительно низкий уровень эффективности живого труда.

Отличительной особенностью развития экономики Алтайского края в современном периоде (с 2018 по настоящее время) является рост промышленного производства. Основной фактор его роста – реализуемая в стране со второй половины 2010-х гг. стратегия ускоренного импортозамещения. С началом специальной военной операции в 2022 г. начался быстрый рост производства на предприятиях оборонной промышленности, которые, по данным открытых источников, формируют сегодня спрос на рынке труда в промышленности.

Перспективы межрегиональной производственной кооперации промышленных предприятий предопределены развитием контрактного производства, осуществляемого по заказу предприятий, дислоцированных в других регионах. Определенный потенциал усиления производственной кооперации заложен происходящими процессами смены собственников и консолидации активов алтайских промышленных предприятий в руках крупных компаний. Оценку этого потенциала с количественной стороны возможно будет определить по прошествии времени.

В сельскохозяйственном производстве знаковым является появление в Алтайском крае крупных федеральных и межрегиональных холдингов со своими рынками сбыта продукции и сырья. Однако, как и в промышленности, дать обобщенную оценку их влияния на интенсивность межрегиональных связей Алтайского края (тем более, количественную) не представляется пока возможным в силу латентности происходящих процессов.

Список литературы к IV разделу

1. **Трансформационные** процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 423 с.
2. **Российский** статистический ежегодник. – М., 2000. – С. 258–259. // Российский статистический ежегодник: статистический сборник / Государственный комитет Российской Федерации по статистике (Госкомстат России); [редколл.: В.Л. Соколин – пред. и др.]. 2000. – М.: Гос. ком. Российской Федерации по статистике, 1994, 2000. – 642 с.
3. **Национальные** счета в России в 2002 году. Статистический сборник. Госкомстат России. – М., 2002. – С. 159, 162, 188–199. // Российский статистический ежегодник. 2002: Стат.сб. / Госкомстат России. – М.: Госкомстат России, 2002. – 690 с.
4. **Промышленность** Алтайского края: анализ, оценка, основные направления реформирования: науч. изд. – Барнаул, 1999. – 217 с.
5. **Бандман М.К., Гузнер С.С., Селиверстов В.Е.** Федеральная помощь депрессивным и отсталым регионам России // Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт. Вып. 3. – Новосибирск, 1996. – 211 с.
6. **Промышленная** политика Алтайского края: анализ, оценка, основные направления реформирования. – Барнаул. 1999. – 217 с.
7. **Байкалов С.П.** Системный анализ проблем промышленного развития региона. – Барнаул, 2000. – 289 с.
8. **Бородин В.А.** Промышленность Алтая. XX век. Барнаул, 2001. – 159 с.
9. **Гончаров В.** Рациональное использовать производственный потенциал пищевой промышленности // Экономист. – 2000. – № 11. – С. 89–91.
10. **Логинов В., Курнышева И.** Долговременные тенденции развития промышленности // Экономист. – 1999. – № 2.
11. **Фальцман В., Сеницин В.** Стратегия промышленного роста // Экономист. – 1998. – № 8. – С. 28–38.
12. **Борисов В.** Машиностроение: реструктуризация и конкурентоспособность // Экономист. – 1999. – № 7. – С. 67–70.
13. **Баранов Э. Глисин Ф.** Динамика промышленного производства и деловая активность предприятий // Экономист. – 2001. – № 8. – С. 28–34.
14. **Концепция** развития Алтайского края на перспективу до 2005 г. Научный отчет. – Новосибирск. 1996. – 486 с.
15. **АПК** Алтайского края: состояние, проблемы и основные направления социально-экономического развития отрасли. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2001. – 129 с.
16. **Николаев Н.Н., Кундиус В.А.** Финансово-агропромышленная группа «Золотое зерно Алтая» и интеграционные процессы в АПК. – Барнаул, АГАУ, 1999. – 285 с.
17. **Костяев А., Никонова Г.** Стратегическое управление региональным АПК // АПК: экономика и управление. – 2000. – № 9. – С. 17–21.
18. **Российский** статистический ежегодник. Стат. сб. / Госкомстат России – М., 2001. – 679 с.

19. **Суетин Д., Евдокимов Ю.** Кого любят инвестиции? // Экономика и жизнь. – 2001. – № 38. – С. 3.

20. **Новицкий Н.** Новый вектор инвестиционной политики // Экономика и жизнь. – 2001. – № 6. – С. 5.

21. **Общественное** мнение 1999. – М. ВЦИОМ, 2001. – 82 с.

22. **Регионы России** / Госкомстат России. Т. 2. М., 2001. – С. 294.

23. **Аганбегян А.Г.** Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. – 2017. – № 9 (519). – С. 66–84.

24. **Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Бриллиантова В.В., Бондаренко К.А.** Региональная динамика доходов и потребительского спроса населения в России // Пространственная экономика. – 2018. – № 3. – С. 138–151.

25. **Сергиенко А.М.** Доходы населения агропромышленного региона в периоды экономических кризисов // Экономика устойчивого развития. – 2019. – № 4 (40). – С. 239–246.

26. **Миграция** сельской молодежи: в фокусе Алтайский край / под ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 325 с.

27. **Алтайкрайстат** [Электронный ресурс]. URL: https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/01_ВДС_ОКВЭД2_2016-2022.xlsx (дата обращения: 11.03.2024).

28. **Роль** флагманов региональной экономики в формировании ВРП Алтайского края. 2018–2020: Анал. зап. / О.В. Ситникова, О.А. Белова, С.В. Лесовых; под редакцией О.В. Ситниковой: Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2021. – С. 28–29.

29. **Регионы России.** Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 1126 с.

30. **Регионы России.** Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 1204 с.

31. **Как** изменилась экономика Алтайского края за последние пять лет? Инфографика. ИА Амитель, 31 августа 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amic.ru/news/kak-izmenilas-ekonomika-altayskogo-kрая-za-poslednie-tyat-let-infografika-507986> (дата обращения: 11.03.2024).

32. **Ввод** в действие основных фондов по видам экономической деятельности. Алтайкрайстат [Электронный ресурс]. URL: [https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vvod_of_ved\(140\)](https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vvod_of_ved(140)) (дата обращения: 11.03.2024).

33. **Объем** отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами. Годовые данные (с 2010 г.). Алтайкрайстат [Электронный ресурс]. URL: https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/otgruz_god_AK_31.10.2024.xlsx (дата обращения: 11.03.2024).

34. **Индексы** производства по Алтайскому краю с 2015 г. (базисный 2018 год). Алтайкрайстат [Электронный ресурс]. URL: [https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Данные%20по%20ОКВЭД%202%20\(базисный%202018%20год\(1\)\(1\).xlsx](https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Данные%20по%20ОКВЭД%202%20(базисный%202018%20год(1)(1).xlsx) (дата обращения: 11.03.2024).

35. **Общая** характеристика пищевой, перерабатывающей, фармацевтической промышленности Алтайского края в 2022 году и за период 2018–2022 годы. Управление Алтайского края по пищевой, перерабатывающей, фар-

мацевтической промышленности и биотехнологиям [Электронный ресурс]. URL: <https://upp.alregn.ru/industry/analytical-development/2022-god/> (дата обращения: 11.03.2024).

36. **Лукьянов А.Н.** Агропромышленный комплекс Алтайского края – локомотив развития экономики региона. // Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Алтайского края. Аналитический вестник Совета Федерации. – 2024. – № 19 (869). – С. 47.

37. **Бедарев А.** Итоги работы зерноперерабатывающей промышленности Алтая за 10 мес. 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://spa22.ru/wp-content/uploads/2023/12/08_1.pdf (дата обращения: 11.03.2024).

38. **Уровень** использования среднегодовой производственной мощности организаций Алтайского края по выпуску отдельных видов продукции. Алтайкрайстат [Электронный ресурс]. URL: [https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Уровень%20использования\(1\).xlsx](https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Уровень%20использования(1).xlsx) (дата обращения: 11.03.2024).

39. **Климин А.А.** Промышленная основа экономики Алтайского края. Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Алтайского края. Аналитический вестник Совета Федерации. – 2024. – № 19 (869). – С. 42.

40. **Руководители** промышленных предприятий региона оценили участие в мероприятиях «Дня Сибирского поля» [Электронный ресурс]. URL: <http://minprom.alregn.ru/news/rukovoditeli-promyshlennyh-predpriyatiy-regiona-ocenili-uchastie-v-meropriyatiyah-dnya-sibirskogo-polya.html> (дата обращения: 11.03.2024).

41. **Соглашение** между Правительством Алтайского края и Правительством Республики Башкортостан о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, социальной, культурной и иных сферах [Электронный ресурс]. URL: <https://altairegion22.ru/territory/ekonomika/ved/regiony/soglasheniya/bashkortostan-23.07.2020.DOCX> (дата обращения: 11.03.2024).

42. **Иностранная** рабочая сила в Алтайском крае используется эффективно. – Интерактивный портал по труду и занятости населения Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.22trud.ru/News/Detail/?id=afa8d976-64d7-4e96-b7d0-a939da41ba08> (дата обращения: 11.03.2024 г.).

43. **Савченко А.С.** Оценка рентабельности и налоговой нагрузки сельскохозяйственных предприятий в составе агрохолдингов / А.С. Савченко // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2022. – № 1. – С. 73–80.

44. **Узун В.Я.** Оценка влияния институциональных и структурных изменений на развитие аграрного сектора России / В. Я. Узун, Н. И. Шагайда // Вопросы экономики. – 2019. – № 4. – С. 39–58.

45. **Доклад** о ходе и результатах реализации в 2023 году государственных программ в сфере развития сельского хозяйства и сельских территорий Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: <https://altagro22.ru/activity/analytics/doklad-o-khode-i-rezultatakh-realizatsii-v-2023-godu-gosudarstvennykh-programmv-sfere-razvitiya-sel-111/> (дата обращения: 11.03.2024).

46. **Буклемишев О.В.** «Структурная трансформация» российской экономики и экономическая политика / О.В. Буклемишев // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 4. – С. 42–53.

47. **Шик О.В.** Влияние государственной поддержки на сельскохозяйственных производителей и потребителей в России / О.В. Шик // Вопросы экономики. – 2023. – № 4. – С. 67–84.

48. **Статистический** ежегодник. Алтайский край. 2022: Стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Барнаул, 2024. – 300 с.

49. **Министерство** транспорта РФ. Сибирский федеральный округ. Алтайский край. [Электронный ресурс]. URL: – Режим доступа: https://mintrans.gov.ru/transport_of_russian/5/85 (дата обращения: 13.02.2024).

50. **Регионы** России. Социально-экономические показатели. 2017: P32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

51. **Регионы** России. Социально-экономические показатели. 2020: P32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 1242 с.

52. **Регионы** России. Социально-экономические показатели. 2021: P32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 1112 с.

53. **Регионы** России. Социально-экономические показатели. 2022: P32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 1122 с.

54. **Паспорт** региона. Федеральное агентство железнодорожного транспорта [Электронный ресурс]. URL: https://rlw.gov.ru/storage/document/document_file/2024-01/16/altajskij_kraj.pdf (дата обращения: 13.02.2024).

55. **Автодороги** Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: <https://bkatun.ru/transport/skhemy-karty/karta-avtodorog-altajskogo-kraja> (дата обращения: 13.02.2024).

56. **Алтайский** край в цифрах. 2018–2022: Крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – Б., 2023. – 188 с.

57. **Большая** Российская энциклопедия. Алтайский край. Хозяйство. Транспорт [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/altaiskii-krai-khoziaistvo-transport-3efd59> (дата обращения: 13.02.2024).

58. **Аэропорт** Барнаул им Г.С. Титова [Электронный ресурс]. URL: https://airaltay.ru/airport/open_info/monopolii/ (дата обращения: 06.03.2024).

РАЗДЕЛ V

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИКИ И ДЕТЕРМИНАНТА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Из всего множества социальных факторов регионального развития и формирования интегрированного пространства в настоящем разделе ограничимся анализом демографических процессов и сферы доходов населения.

В территориальных социально-экономических системах население выступает главным системообразующим фактором. Оно обеспечивает их связанность, равновесие, устойчивость. Население снабжает экономику и социальную сферу трудовыми ресурсами, является потребителем благ и услуг, создаваемых в них, выступает хранителем и транзитером культурных ценностей. На протяжении длительного времени демографические процессы благоприятствовали сохранению, развитию и взаимодействию территориальных систем различного уровня. На предупреждения ученых о грядущих демографических катаклизмах не обращали должного внимания. Однако сегодня, когда Россия вступила в период длительного демографического неблагополучия, сама жизнь заставила пересмотреть отношение к вопросам воспроизводства народонаселения.

Сокращение демографического и трудового потенциалов, их старение, рост демографической нагрузки на трудоспособное население, обезлюдование значительных территорий превратились в главный тормоз развития страны и ее регионов, фактор нестабильности, разбалансированности и фрагментации социально-экономического пространства. В условиях современной военной агрессии против нашей страны и враждебного окружения демографические риски представляют угрозу существованию самого

Российского государства. В приграничных регионах они приобретают особую остроту.

Сфера доходов населения, как известно, наглядно отражает социально-экономические последствия воздействия различных внешних для жителей страны (международного характера) и внутренних вызовов и угроз устойчивому развитию регионов – будь то экономические кризисы глобального характера либо вызванные внутрироссийскими структурными и другими проблемами экономики и социальной сферы, будь то кризисные явления, вызванные, как в последние годы, пандемией, внешнеполитическими санкциями и условиями ведения специальной военной операции. Результаты такого воздействия проявляются в формировании различного рода и масштаба вызовов и угроз устойчивому развитию российских регионов, проявляющихся в сфере доходов населения, с пролонгированными социально-экономическими последствиями либо только рисков их возникновения.

К социально-экономическим последствиям вызовов и угроз в сфере доходов населения относятся: снижение их платежеспособного спроса, экономической активности в форме миграционных и товарных потоков, разрывы интеграционных социально-экономических связей [1–6]. Даже в условиях отсутствия явных вызовов и угроз значимо более низкий уровень доходов населения какого-либо региона на фоне других регионов страны может сыграть роль ограничителя привлечения капитала, инвестиций, рабочей силы из других регионов, развития внутри- и межрегиональных связей, что в конечном счете может привести к ухудшению социально-экономической ситуации в регионе и дальнейшему усилению межгрупповой и межрегиональной дифференциации по доходам населения.

В научной литературе традиционно рассматривается влияние развития экономики региона, ее составляющих на доходы населения. Более частым объектом исследований при этом является влияние миграции и потоков рабочей силы как движущей силы пространственной экономической интеграции на доходы населения. Реже рассматривается воздействие производственной кооперации и сетевых связей организаций на заработную плату, предпринимательские и другие доходы населения, причем это в большей степени публикации по потребительской и другой кооперации

в сельской местности. Гораздо реже можно встретить работы по оценке влияния движения товарных потоков и производственного капитала на доходы населения, и, как правило, это довольно общие рассуждения о наличии такого воздействия.

Но еще более уникальным является рассмотрение доходов населения в качестве фактора, тем или иным образом воздействующего на все вышеназванные механизмы развития экономики региона, процессы межрегиональной экономической интеграции. Между тем, по нашему мнению, это влияние является недооцененным. Ведь именно воздействие уровня и динамики доходов населения, проявляющееся в сдвигах в потреблении и платежеспособном спросе населения, во многом определяет экономическую активность в форме межрегиональных миграционных и товарных потоков, распределения инвестиций и производственного капитала, формирования и развития межрегиональных кооперационных и сетевых связей предприятий, что в конечном счете и определяет движущие силы интеграционных процессов экономического развития регионов [1, 3, 7].

Так, значимо более низкий уровень доходов населения какого-либо региона на фоне других регионов страны может сыграть роль ограничителя привлечения капитала, инвестиций, рабочей силы из других регионов, развития внутри- и межрегиональных связей, что в конечном счете может привести к ухудшению социально-экономической ситуации в регионе и спаду позитивных территориальных интеграционных процессов, дальнейшему усилению межрегиональной дифференциации по доходам населения. И, напротив, высокие доходы жителей региона приводят к значимому приросту межрегиональных потоков товаров, капитала, рабочей силы в пользу развития этого региона.

Глава 11

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

11.1. Методологические предпосылки исследования

Россия вступила в период развития, когда демографические ограничения достигли критического уровня для ее экономического роста и повышения качества жизни населения, сохранения политического суверенитета и обеспечения национальной безопасности, развития интеграционных процессов и усиления связанности внутрисоюзного социально-экономического пространства. Осознание демографических угроз произошло на всех уровнях управления.

Определяются цели национального развития, разрабатываются концепции, планы и программы демографического развития России, ее регионов и муниципальных образований, подписываются указы Президента и реализуются национальные проекты, направленные на сохранение и развитие народонаселения.

Проводимая работа дает определенные позитивные результаты, в частности, сокращение смертности, повышение продолжительности жизни, рост доли многодетных семей в структуре семей с детьми. Однако большинство из них носит неустойчивый характер. Они неравномерно распределяются по территории страны и не обеспечивают коренного перелома негативных демографических тенденций. В этих условиях перед исследователями стоит задача более глубокого изучения природы демографических рисков, механизмов их формирования и способов преодоления. В контексте безопасности и необходимости инклюзивного развития в пространстве в приграничных регионах эти вопросы приобретают особую актуальность.

Цель нашего исследования заключалась в выявлении демографических рисков, специфики их проявления и влияния на раз-

витие интеграционных процессов, а также механизмов формирования и ограничения рисков в Алтайском крае.

Информационным основанием исследования послужили данные государственной, ведомственной и муниципальной статистики за 1990–2023 гг.; результаты социологических опросов населения и экспертов, проведенных в 1997–2022 гг.; а также нормативно-правовые документы по проблемам демографии и регулированию демографических процессов. Выбор столь продолжительного периода исследования обусловлен несколькими обстоятельствами, в частности, большой длительностью самого процесса формирования народонаселения, его значительной инерционностью и предопределенностью, определенной спецификой процессов демографического воспроизводства на разных этапах социально-экономического развития.

Разделяя позицию ученых-демографов, под демографическими рисками будем понимать, явления, процессы и действия, которые оказывают негативное воздействие на функционирование демографической сферы, противоречат национальным и региональным целям демографического развития, угрожают целостности и суверенитету государства, препятствуют гармоничному развитию человека в части демографической составляющей [8–10].

На основе изучения научных публикаций по проблемам демографии и анализа демографических процессов в Алтайском крае и Российской Федерации было выделено четыре группы демографических рисков, связанных с динамикой численности населения, структурными диспропорциями, естественным воспроизводством и миграцией. Выделенные риски находятся в сложной причинно-следственной связи, нередко одни из них порождают другие, те – третьи и т.д., а все вместе они усиливают первые, т.е. происходит своеобразная синергия рисков. К примеру, повышенная смертность мужчин при прочих равных условиях последовательно приводит к гендерным диспропорциям, сокращению числа семей, снижению рождаемости, сокращению детей, старению населения и к росту смертности, в том числе среди мужчин.

Самыми общими характеристиками рисков являются: острота проявления, пространственная распространенность и устойчивость во времени (табл. V.1).

Таблица V.1

**Основные характеристики демографических рисков в Алтайском крае
и их влияние на развитие интеграционных процессов**

Риски	Острота проявления	Пространственная распространенность	Устойчивость во времени	Общая оценка риска	Влияние риска на процессы интеграции
1	2	3	4	5	6
Риски депопуляции					
Сокращение населения	В	В	В	В	--- +
Сокращение населения в трудоспособном возрасте	В	В	В	В	---
Сокращение молодежи	В	В	В	В	---
Сокращение детей и подростков	В	В	В	В	---
Риски структурных диспропорций					
Гендерная асимметрия	С	В	В	В	--
Старение населения	В	В	В	В	--- +
Семейно-брачные деформации	С	В	С	С	--
Территориальные диспропорции	В	В	В	В	---
Риски естественного воспроизводства населения					
Низкая рождаемость	В	В	В	В	--- +
Высокая смертность	В	В	В	В	- - + +
Высокая заболеваемость	В	В	В	В	- - +
Суженное воспроизводство	В	В	В	В	---
Низкий уровень ожидаемой продолжительности жизни	В	В	В	В	---

1	2	3	4	5	6
Миграционные риски					
Миграционная убыль населения	В	В	В	В	--- +
Миграционная убыль населения в трудоспособном возрасте	В	В	В	В	--- +
Миграционная убыль молодежи	В	В	В	В	--- +
Недостаточная интеграция мигрантов в принимающее сообщество	В	В	В	В	--- +
Нелегальная миграция	С	В	С	С	-- +

Примечание. В – высокая, С – средняя, Н – низкая.

+++, ++, + – сильное, умеренное, слабое положительное влияние.

---, --, - – сильное, умеренное, слабое отрицательное влияние.

Для описания и измерения демографических рисков необходимо сформировать соответствующую систему критериев и показателей. Критерии демографических рисков – это количественные и качественные характеристики процессов демографического воспроизводства и формирования демографических структур, на основании которых производится оценка уязвимости демографической сферы. Они описываются посредством эмпирических показателей, и для каждого показателя должны быть определены нормативные или пороговые значения, за границы которых в целях безопасности нельзя выходить. Это можно сделать на основе экспертных оценок, выбора лучших (средних) показателей по городам и сельским территориям региона или лучших (средних) показателей по России и другим странам, а также использования целевых демографических показателей из программных документов.

С помощью выделенных критериев и показателей можно проводить диагностику состояния демографической сферы, определять тенденции и перспективы ее развития, выявлять территориальные очаги демографической напряженности, а также их можно использовать при разработке и реализации демографической политики. В современных условиях негативная динамика

демографических показателей – это движение в направлении усиления демографических рисков, а позитивная – их ослабления.

Влияние демографических рисков на развитие интеграционных процессов может быть сильным, умеренным и слабым, прямым и косвенным, положительным и отрицательным (см. табл. V.1).

В современных условиях в большинстве российских регионов оно преимущественно негативное, так как довольно часто приводит к обезлюдению значительных территорий и сжатию социально-экономического пространства, размыванию его целостности и сокращению межрегиональных взаимодействий, закреплению территориальных неравенств.

Вместе с тем риски могут быть и движущей силой интеграции. Стимулируя рост производительности и оплаты труда, развитие социальной инфраструктуры и повышение качества трудового потенциала, сохранение окружающей среды и совместное использование ресурсов с целью сбережения и приумножения населения, они могут способствовать усилению межрегиональных связей.

Влияние отдельных рисков на разных территориях имеет свою специфику. Так, миграция, являясь важнейшим механизмом интеграции, ее главной движущей силой, способствует устойчивому, инклюзивному развитию регионов притяжения населения и препятствует развитию регионов-доноров населения и их межрегиональных взаимодействий, поскольку в первом случае увеличивает необходимые для этого демографические ресурсы, а во втором – сокращает. В свою очередь, развитие интеграционных процессов в пространстве при прочих равных условиях может выступать фактором, ограничивающим демографические угрозы и их последствия через объединение ресурсов, распространение инноваций, привлечение наиболее квалифицированных кадров для решения задач формирования и использования человеческого потенциала.

В самом первом приближении оценить взаимовлияние демографических и интеграционных процессов можно путем сопоставления параллельных рядов динамики демографических и интеграционных показателей, построения группировок и графиков, разработки математических моделей, использования экспертных оценок и другими способами.

Рассмотрим некоторые из выделенных рисков подробнее.

11.2. Депопуляция населения и демографические диспропорции, их влияние на развитие интеграционных процессов

Наиболее явным признаком демографического неблагополучия в регионе является долговременное систематическое сокращение населения [11, с. 4–9, 12]. Депопуляционные процессы в Алтайском крае наблюдаются с середины 1990-х годов (рис. V.1).

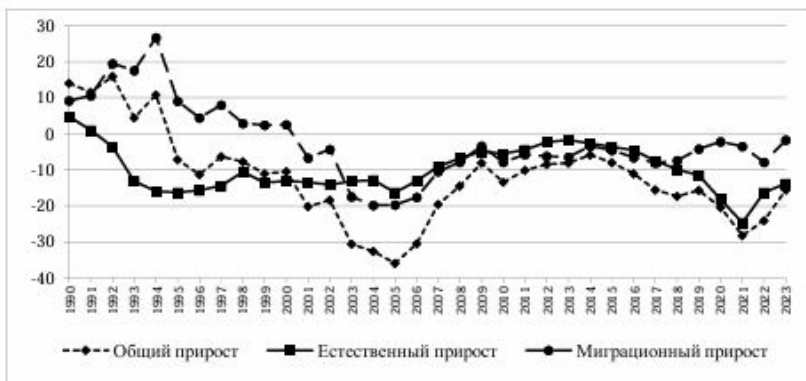

Рис. V.1. Компоненты изменения численности населения Алтайского края, тыс. чел.

Источник: Данные Росстата.

За весь анализируемый период население региона уменьшилось более чем на полмиллиона человек, что равнозначно по численности «исчезновению» с карты края почти всех городов, за исключением краевой столицы или 35 средних по численности сельских районов. Снижалась численность мужчин и женщин, детей и лиц в трудоспособном возрасте, жителей городов и сельских поселений. Сокращение отдельных категорий населения варьировало от 17 до 38%. Лишь население в возрасте старше трудоспособного продолжало расти, несмотря на все ковидные последствия и увеличение верхней границы трудоспособности (табл. V.2). В последнее пятилетие прирост населения фиксировался лишь в 5 муниципальных районах из 56. Во всех муниципальных и городских округах население уменьшалось.

Темпы роста среднегодовой численности населения в 1990–2022 гг., %

Группа населения	РФ	Сибирский ФО	Алтайский край
Все население	99,15	78,84	80,65
В том числе:			
Городское население	100,82	82,17	80,96
Сельское население	94,49	70,28	80,22
Мужчины	98,55	75,81	78,09
Женщины	99,68	81,71	83,00
Население моложе трудоспособного возраста	75,68	60,04	62,15
Население в трудоспособном возрасте	99,73	78,09	79,09
Население старше трудоспособного возраста	127,23	111,77	109,96

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

Динамика населения Алтайского края имела определенную специфику по сравнению со среднероссийской и среднеокружной (по Сибирскому федеральному округу – СФО). Если применительно к РФ и СФО можно говорить о волнах депопуляции, сменяющих периоды роста населения, то в крае сокращение населения происходило непрерывно на протяжении почти трех последних десятилетий. По темпам уменьшения народонаселения Алтайский край существенно обгонял страну и несколько уступал СФО. Край отличался повышенной интенсивностью сокращения городского населения по сравнению с сельским, что в значительной степени было обусловлено массовым изменением административного статуса поселков городского типа на сельские населенные пункты и миграционным приростом сельского населения в первое пятилетие исследуемого периода¹. Отмеченные особен-

¹ В дальнейшем сельское население Алтайского края стремительно сокращалось, только в 1990–2019 гг. коэффициент убыли сельского населения в 3,5 и 1,5 раза превышал соответствующие среднероссийский и среднесибирский показатели. По скорости сокращения населения алтайские села в 3,5 раза обгоняли города.

ности были характерны для большинства социально-демографических групп (см. табл. V.2).

Демографическое благополучие является базисом устойчивого социально-экономического развития страны (регионов), основой сохранения ее политического, технологического, информационного, культурного, ценностного и других суверенитетов. Депопуляция, напротив, может ухудшить ее геополитическое положение, лишить самостоятельности, что в первую очередь отразится на приграничных территориях. В условиях усиления борьбы за ограниченные природные ресурсы и глобальных климатических изменений сокращение населения может вызвать сильнейшее миграционное давление на Алтайский край со стороны соседних густонаселенных стран. Это необходимо учитывать при разработке концепций, стратегий, программ и планов развития России в целом и Алтайского края в частности. Меры по нейтрализации и предупреждению демографических угроз должны занять в этих документах адекватное их значимости место.

Снижение численности населения в трудоспособном возрасте приводит к дефициту рабочей силы на рынке труда, что является сильнейшим ограничителем социально-экономического развития края и выполнения им внешних функций. По мнению руководителей крупных и средних организаций региона, недостаток работников возглавляет рейтинг проблем развития их предприятий. Дефицит кадров оценивался ими в 2022 г. в 10–15%, а в 2023 г. – более чем в 20%. По данным управления Алтайского края по труду и занятости населения в конце 2023 г. на 10 вакансий, заявленных в службу занятости, приходилось 4 незанятых гражданина. Решение данной проблемы видится во внедрении трудосберегающих технологий, использовании трудового потенциала незанятых категорий населения (в том числе молодежи, пенсионеров, инвалидов и др.), привлечении в регион работников необходимой квалификации из-за его пределов.

Сокращение численности лиц младших трудоспособных возрастов влечет за собой усиление конкуренции за людские ресурсы между экономикой, сферой профессионального образования и вооруженными силами и негативно отражается не только на рынке труда, но и на формировании контингента учащихся образовательных учреждений и личного состава вооруженных

сил России. Для сохранения, устойчивого развития и обеспечения безопасности страны и ее регионов в перспективе важно определить общественно-необходимые пропорции распределения молодежи между этими тремя сферами и разработать механизмы их достижения, основанные на сочетании государственных, корпоративных и личных интересов. Уменьшение численности детей и подростков негативно скажется на формировании демографических ресурсов для развития выше названных сфер в перспективе.

Депопуляционные процессы приводят к опустошению отдельных территорий, выпадению их из освоенного социально-экономического пространства, сокращению межрегиональных кооперационных и интеграционных взаимодействий в сферах производства, обмена населением, на товарных рынках и других.

Другим индикатором демографического неблагополучия является разбалансированность демографических структур – половозрастной, семейно-брачной, поселенческой. Наличие диспропорций в соотношении мужчин и женщин, детей, пенсионеров и лиц в трудоспособном возрасте, других возрастных групп, угрожает демографической стабильности.

Не успев восстановиться после Великой Отечественной войны, в 1990-е годы гендерная¹ структура населения испытала дополнительное негативное давление со стороны сверхвысокой смертности мужчин, последствия которой ощущаются и по сей день. В конце 2022 г. структура населения по полу в Алтайском крае характеризовалась значительным превышением численности женщин над численностью мужчин (на 184 тыс. человек). При этом в возрастных когортах моложе 20 лет преобладали мужчины вследствие превышения числа мальчиков над числом девочек при рождении. В более старших когортах (с 25 лет) наблюдался перевес женского населения, который с возрастом становился все более очевидным и в группе 70–79 лет достигал двухкратного размера, а в группе 80 лет и старше – почти четырехкратного. Последнее объясняется более высокой продолжительностью жизни женщин. Гендерная структура городского

¹ В нашем исследовании рассматриваются исключительно два гендера – мужчины и женщины.

населения была более деформирована по сравнению с сельским. Диспропорции в соотношении мужчин и женщин в Алтайском крае проявлялись несколько сильнее, чем в России и СФО. С середины 1990-х гг. они усиливались как в Алтайском крае, так и в РФ и СФО (табл. V.3).

Таблица V.3

Структура населения по полу, возрасту и месту проживания, %

Группа населения	1990			2022		
	РФ	СФО	Алтайский край	РФ	СФО	Алтайский край
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе: Городское население	74,0	72,0	58,1	74,9	75,0	58,3
Сельское население	26,0	28,0	41,9	25,1	25,0	41,7
Мужчины	46,8	47,9	47,2	46,5	46,0	45,7
Женщины	53,2	52,1	52,8	53,5	54,0	54,3
Население моложе трудоспособного возраста	24,3	26,7	25,4	18,5	20,2	19,6
Население в трудоспособном возрасте	56,7	57,1	55,6	57,0	56,3	54,5
Население старше трудоспособного возраста	19,0	16,6	19,0	24,5	23,5	25,9

Примечание. АК – Алтайский край.

Источник: Данные Росстата, расчеты автора.

Несбалансированность населения по полу, особенно среди молодежи, отрицательно сказывается на возможности создания семей и перспективах рождаемости, что в свою очередь ведет к сокращению населения, замедлению социально-экономического развития, ослаблению межрегиональных связей и закреплению диспропорций в соотношении мужчин и женщин в будущем. Гендерный разрыв в старших возрастах влечет за собой увеличение числа одиноких женщин, нуждающихся в материальной и психологической поддержке, особенно в сельской местности.

В возрастной структуре населения Алтайского края наблюдались: устойчивое сокращение детей, подростков, лиц в трудоспособном возрасте и восходящая динамика абсолютных и относительных показателей населения в послерабочем возрасте (см. табл. V.3). Если в 1990 г. каждый четвертый житель края был в возрасте моложе трудоспособного, а каждый пятый – старше, то к концу 2022 г. ситуация изменилась на противоположную.

Переход возрастной структуры населения из прогрессивного типа в регрессивный произошел в конце 1990-х гг. Распределение населения края по основным возрастным группам отличается от возрастного состава населения России и СФО в целом не в лучшую сторону. В крае ниже доля детей и лиц в трудоспособном возрасте; средний возраст жителя региона в 2022 г. был равен 41 году и на 0,6 и 2 года превышал общероссийский и общеокружной показатели соответственно; коэффициент демографической нагрузки составлял 934 человека на 1000 лиц в трудоспособном возрасте, тогда как в РФ – 756/1000, а в СФО – 776/1000.

По мере старения населения усиливается давление на бюджеты всех уровней, обостряется проблема финансирования систем пенсионного обеспечения и социальной защиты населения, возрастает потребность в расширении службы социальной помощи пожилым людям, увеличивается нагрузка на медицинские учреждения. Формальная передвижка границ пенсионного возраста позволила ослабить некоторые из имеющихся здесь проблем, но не решить их. Повышение доли старших возрастных групп в трудоспособном населении негативно отражается на способности рабочей силы генерировать идеи и воспринимать технологические инновации, ее мобильности и производительности труда. По оценкам специалистов увеличение в составе рабочей силы доли лиц в возрасте 55–64 лет на 1 п.п. приводит к снижению общей факторной производительности на 0,8 п.п. [13, с. 60–61].

Здесь, как нам представляется, речь должна идти, в первую очередь, о повышении здоровой продолжительности жизни и обеспечении активного долголетия, в том числе в сфере труда и занятости. Трудовая деятельность пожилых людей, с одной стороны, способствует сохранению их физического и психического здоровья, а, с другой, – в условиях острого кадрового дефицита – имеет важное значение для развития экономики. Кроме того, она

ведет к увеличению доходов этой категории граждан. Здесь необходимо обратить внимание на вопросы создания особых условий труда для старшего поколения работников, внедрения более гибких форм его организации, сокращения продолжительности рабочего времени. Старший возрастной контингент в зависимости от состояния здоровья может трудиться на своих традиционных рабочих местах, в качестве экспертов, консультантов, наставников молодежи, работников экспериментальных хозяйств и лабораторий, а также на неквалифицированных работах, не требующих больших физических затрат.

Старение населения выступает фактором, тормозящим развитие интеграционных процессов, прежде всего через снижение пространственной, трудовой, образовательной и других видов мобильности старших поколений. Так, по нашим расчетам в 2019–2023 гг. коэффициент интенсивности валовой миграции лиц старше 65 лет был в 3,5–4 раза ниже по сравнению с возрастным контингентом 20–40 лет. В то же время старение населения может стимулировать взаимодействие регионов в решении проблем геронтологии. Однако по мнению экспертов отрицательные последствия старения для экономики и формирования интегрированного пространства превышают положительные [13, с. 60].

Демографическая ситуация усугублялась деформациями в семейно-брачных отношениях. Они проявлялись в низкой брачности и высокой разводимости, значительной доле лиц, никогда не состоявших в браке и увеличении среднего возраста вступления в первый брак, широком распространении неофициальных супружеских союзов и увеличении количества неполных семей, росте внебрачной рождаемости и сознательной бездетности в браке, стремительном росте числа одиноких людей [11, с. 30–36; 14].

В 2022 г. в Алтайском крае на тысячу браков приходилось 689 разводов, за анализируемый период их число возросло почти на 40%. Около 30% детей родилось у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в 1990 г. таковых было 16%. По данным переписи населения 2020 г. среди семей с детьми преобладали однодетные семьи (55%), доля многодетных семей (с тремя и более детьми) составляла 11%, относительно 1989 г. она не изменилась. Последнее, а также информация о динамике одно-

и двухдетных семей позволяют сделать вывод о постепенном восстановлении структуры семей по числу детей после глубоких деформаций в 1990–2010 гг. Подобное движение демонстрировал и показатель – удельный вес лиц в возрасте 16 лет и старше, никогда не состоявших в браке, – который в 2020 г. был равен 13,7%. Число частных домохозяйств, состоящих из одного человека, и их доля в общем объеме таких домохозяйств составили 388 тыс. и 38,9% соответственно, по сравнению с 2002 г. они возросли в два раза. Основные тенденции в развитии семейно-брачной сферы края в целом соответствовали общероссийским и общеокружным.

Нестабильность семейно-брачных отношений, усложнение их структуры, разделение институтов брака и семьи, «старение» первых браков и сознательный отказ от вступления в брак ведут к сокращению репродуктивного потенциала населения, снижению рождаемости и усилению депопуляционных процессов, что, как уже отмечалось, представляет серьезную угрозу процессам демографического и социально-экономического воспроизводства и развитию кооперационных и интеграционных взаимодействий в пространстве.

Серьезную угрозу инклюзивному развитию, сохранению и усилению связанности экономического пространства представляют диспропорции в системе расселения.

Алтайский край относится к числу наиболее заселенных регионов Сибири. На территории, составляющей 4% площади СФО, проживает 13% населения. Система расселения края представлена 12 городами, 6 поселками городского типа и 1587 сельскими населенными пунктами (табл. V.4).

Исторически поселения формировались вблизи крупных водных артерий и мест сосредоточения природных ресурсов. Сегодня городские и сельские поселения покрывают практически всю территорию края. Регион отличается повышенной долей сельского населения. Здесь на каждые трех городских жителей приходится два сельских, тогда как в среднем по РФ и СФО только один (см. табл. V.3). По этому показателю край находится на уровне двух других житниц России – Краснодарского и Ставропольского краев. Опорный каркас расселения составляют города и крупные села с численностью населения более двух тысяч человек.

Таблица V.4

Группировка городов, поселков городского типа и сельских населенных пунктов Алтайского края по численности населения

Группы поселений	1989			2020		
	Ед.	В них население		Ед.	В них население	
		тыс. чел.	%		тыс. чел.	%
Города	11	1255,8	100,0	12	1192,2	100,0
Из них с числом жителей, тыс. человек						
до 20	3	39,7	3,2	4	50,7	4,3
20–49,9	3	109,1	8,7	4	126,9	10,6
50–99,9	2	104,3	8,3	1	73,0	6,1
100–249,9	2	404,1	32,2	2	310,7	26,1
250–499,9	–	–	–	–	–	–
500–999,9	1	598,6	47,7	1	630,9	52,9
Поселки городского типа	30	269,3	100,0	6	65,6	100,0
Из них с числом жителей, тыс. человек						
до 5	10	25,6	9,5	1	2,7	4,1
5–9,9	6	41,2	15,3	1	5,6	8,5
10–19,9	12	156,4	58,1	4	57,3	87,4
20 и более	2	46,1	17,1	–	–	–
Сельские населенные пункты	1624	1107,2	100,0	1587	905,9	100,0
Из них с числом жителей, человек						
10 и менее	45	0,2	0,0	167	0,6	0,1
11–200	509	53,6	4,8	609	50,0	5,5
201–500	410	133,1	12,0	348	115,7	12,8
501–1000	304	221,5	20,0	268	191,5	21,1
1001–2000	279	377,6	34,1	109	139,0	15,3
2001–5000	56	179,3	16,2	61	204,2	22,5
более 5000	21	141,9	12,8	25	204,9	22,6

Источник: Материалы Всероссийских переписей населения 1989 и 2020 гг., расчеты авторов.

По уровню урбанизированности территории Алтайский край близок к среднероссийскому региону и опережает большинство субъектов Федерации, расположенных в СФО. На 100 тыс. кв. км здесь приходится 7 городов, тогда как в РФ густота городов составляет 6,5, а в СФО – 2,6, т.е. при равномерном размещении один город в крае приходился бы на 14 тыс. кв. км, в России – на 15 тыс. кв. км, а в Сибири – на 38 тыс. кв. км.

По данным последней переписи населения средняя людность алтайских городов составляла 99 тыс. человек при среднероссийской – 92 тыс. и среднеокружной – 101 тыс. человек. По сравнению с 1989 г. она снизилась на 13%. В структуре городов 75% составляли малые (с численностью жителей менее 20 тыс. человек), полусредние (от 20 до 50 тыс. человек) и средние (от 50 до 100 тыс. человек) города¹, в которых проживала лишь пятая часть всех горожан региона. Средняя людность этих городов была равна 28 тыс. человек.

На долю больших городов (100 и более тыс. человек) приходилось 25% от их общего количества и около 80% жителей городов. Средняя людность последних была в 11 раз больше по сравнению с городами первой группы (314 тыс. человек). Две третьих жителей больших городов было сосредоточено в краевом центре (г. Барнаул) – сверхкрупном городе (500 и более тыс. человек) и треть – в крупных (от 100 до 500 тыс. человек) городах (г. Бийск и г. Рубцовск).

В рассматриваемый период рост населения отмечался только в малых, полусредних и сверхкрупных городах, что свидетельствует о продолжении процессов поляризации в территориальном распределении городского населения края. Подобные процессы наблюдались и в других российских регионах [16, 17].

В поселках городского типа (ПГТ) было сосредоточено всего 5% городского населения. Их средняя людность составляла 11 тыс. человек. Большая часть населения ПГТ (87%) была сконцентрирована в населенных пунктах с числом жителей от 10 до 20 тыс. человек. За анализируемый период количество поселков городского типа уменьшилось в 5 раз, а их народонаселение – в 4 раза.

¹ В настоящей работе мы используем группировки городов и сельских поселений, приведенных в работе «Основы региональной экономики» [15, с. 27–28].

Наивысшими темпами сокращались ПГТ с числом жителей менее 5 тыс. человек, а поселения людностью более 20 тыс. человек исчезли вовсе. Главным фактором сокращения поселений данного типа являлось изменение их административного статуса (были поселки городского типа – стали сельские населенные пункты).

Система сельского расселения Алтайского края представляет собой относительно густую сеть сельских населенных пунктов различной величины. По данным переписи населения 2020 г. на 1000 кв. км здесь приходилось 9,5 поселений, тогда как в целом по РФ – 8,9, а по СФО – всего 2,3. О сравнительно высоком уровне заселенности региона свидетельствует относительно большая общая плотность населения в крае – 12,7 человек/кв. км (на начало 2023 г.) при среднероссийской – 8,5 и среднеокружной – 3,9.

В крае преобладает крупноселенная сеть сельского расселения в отличие от большинства регионов России и Сибири [18, 19]. Средняя людность алтайского села составляла в 2020 г. 570 человек, что почти в 2,4 раза выше общероссийского показателя и в 1,4 раза – общесибирского. Почти 60% сельских жителей проживало в крупных поселениях численностью свыше 1000 человек, примерно треть их была сосредоточена в населенных пунктах людностью от 200 до 1000 человек и менее 6% – в селах с числом жителей до 200 человек. В последней группе, состоящей из 779 поселений, в 110 поселениях проживало менее 10 человек, а в 57 – население отсутствовало вовсе.

Сложившаяся система сельского расселения достаточно динамична. В рассматриваемый период движение как отдельных разномасштабных групп сельских поселений, так и проживающего в них населения было разнонаправленным. Отмечался рост сельских населенных пунктов с числом жителей до 200 человек (на 40%) и более 2000 человек (на 13%), во всех других группах поселений их количество сокращалось. При этом людность поселений возросла только в группах крупнейших (свыше 2000 человек) и мельчайших (до 10 человек) сел, т.е. преобладало перераспределение населения в крупнейшие населенные пункты и постепенное «вымывание» среднего слоя поселений¹. Наиболее интенсивные изменения наблю-

¹ Аналогичные процессы в сельском расселении происходили и в других регионах страны, а также за рубежом [19–21].

дались в группе поселений с численностью населения от 1001 до 2000 человек – количество сел, их людность и доля в сельском населении сократились более чем в 2–2,5 раза.

Процесс пространственной концентрации населения нельзя оценивать однозначно. Казалось бы он способствует улучшению условий жизни сельских жителей. Однако его оборотной стороной является снижение уровня заселенности территории, изреживание поселенческой сети, выпадение из освоенного пространства огромных площадей.

Неравномерность размещения сельского населения по территории Алтайского края наиболее наглядно демонстрирует показатель плотности населения в отдельных муниципальных округах и районах. На начало 2023 г. она варьировала от 1,4 чел./кв. км в Чарышском районе до 17,7 – в Павловском, т.е. коэффициент асимметрии по плотности населения (соотношение максимального и минимального значений) составлял 12,6. За анализируемый период он увеличился почти в два раза. В тридцати двух районах плотность населения была менее 5 чел./кв. км (в 1990 г. таких районов было всего 4). Это свидетельствует о критической ситуации в данных муниципальных образованиях с людскими ресурсами, необходимыми для их устойчивого инклюзивного развития. Депопуляционные процессы в них, как правило, происходили с повышенной интенсивностью. Эти районы занимают более половины площади края и треть из них расположены вблизи его административной границы, совпадающей на Юге и Юго-Западе с государственной границей РФ.

Заметим, что в пореформенный период в системе расселения края наряду с традиционными поселениями появились новые – поселки коттеджного типа. Только в Барнауле и его пригороде по неполным данным их насчитывается более двадцати.

Формирование системы расселения, ее структура и динамика детерминированы целым комплексом взаимосвязанных факторов: демографических (естественным движением и миграцией населения); социально-экономическими (уровнем и динамикой развития экономики и социальной сферы); пространственными (размещением мест приложения труда, мест проживания и мест обслуживания населения по территории и степени их связанности); природными (наличием ресурсов, состоянием окружающей среды, климатом) и другими.

11.3. Риски естественного воспроизводства и миграции населения как барьер на пути к интеграции

Динамика народонаселения и его структура определяются естественным движением и миграцией. Их вклад в общую убыль населения Алтайского края с 2001 г.¹ составил 56 и 44% соответственно.

Низкая рождаемость и высокая смертность являются главными причинами естественной убыли населения. В Алтайском крае эти вызовы проявляются в более острой форме. Общие коэффициенты рождаемости в крае ниже среднероссийских и среднесибирских, а смертности – выше. Начиная с 1992 г. смертность населения в регионе превышает его рождаемость, при этом периоды их падения и роста неоднократно сменяли друг друга (рис. V.2).

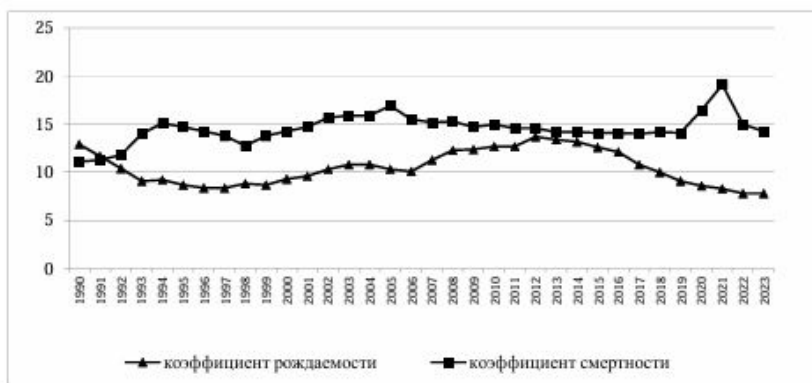

Рис. V.2. Динамика коэффициентов рождаемости и смертности в Алтайском крае, %

Источник: Данные Росстата.

На протяжении 1990-х гг. в регионе наблюдалось устойчивое снижение рождаемости, обусловленное отдаленными демографическими последствиями Великой Отечественной войны и трансформационным кризисом [22], который в Алтайском крае носил

¹ Года, начиная с которого в крае наблюдается и миграционная, и естественная убыль населения.

более затяжной и глубокий характер¹. Этот процесс в той или иной степени затронул почти все категории родившихся: горожан и сельских жителей, родившихся в зарегистрированном браке и вне брака, независимо от возраста матери и очередности рождения. С начала 2000-х гг. преобладала тенденция роста рождаемости. Она определялась позитивной демографической волной, сформированной в послевоенные годы и реализацией отложенных в предшествующий период рождений, улучшением экономической ситуации и постепенной адаптацией населения к рыночным шокам, активизацией демографической политики. Однако с 2013 г. вновь отмечается падение рождаемости, обусловленное сокращением численности потенциальных матерей и интенсивности деторождения в большинстве возрастных групп.

Динамика суммарного коэффициента рождаемости близка к динамике общих показателей рождаемости. После десятилетия снижения он стал расти, достигнув максимального значения в 2014 г. (1,84), затем вновь стал неуклонно падать. В 2023 г. суммарный коэффициент рождаемости был более чем на треть ниже уровня, необходимого для простого замещения поколений (рис. V.3).

Рис. V.3. Суммарный коэффициент рождаемости в Алтайском крае
 Источник: Данные Росстата.

¹ См. главы 8, 9 настоящей монографии.

Траектория движения смертности была асинхронна изменению рождаемости на протяжении большей части анализируемого периода (см. рис. V.2). В динамике смертности населения в 1990-е гг. первое пятилетие ознаменовалось ее небывалым ростом, который был вызван как увеличением возрастных интенсивностей смертности, так и повышением доли лиц старших возрастов в структуре населения.

Второе пятилетие характеризовалось сокращением смертности, обусловленным в определенной степени адаптацией населения к рыночным условиям и в значительной – повышенной смертностью в предшествующий период, в результате которой многие лица умерли раньше, не дожив до возраста естественной смерти.

В 2000-е годы показатели смертности были крайне неустойчивыми. До 2005 г. они в основном росли, затем сокращались, за исключением ковидного всплеска в 2020–2021 гг. Однако темпы сокращения были невысоки, коэффициенты смертности по-прежнему превышали среднероссийские и среднесибирские, и это превышение со временем нарастало. В целом направленность динамики общей смертности городского и сельского населения, мужчин и женщин, большинства возрастных групп в крае идентична и совпадала с траекторией движения смертности соответствующих категорий населения в РФ и СФО [23; 11, с. 4–8]. Однако несмотря на некоторое сближение в отдельные годы, к концу исследуемого периода, индикаторы смертности сельского населения были на 18% выше, чем городского, смертность мужчин на 20% превышала смертность женщин.

Повышенная смертность сельских жителей и мужчин обусловлена многими причинами. В первом случае это и более старая структура сельского населения, по сравнению со структурой городского населения и менее благоприятные условия жизни, и меньшая доступность медицинских услуг и многое другое. А сверхсмертность мужчин объясняется их недостаточной стрессоустойчивостью к экзогенным воздействиям [24], невнимательным отношением к своему здоровью, большим распространением среди мужчин социально-разрушительных вредных привычек (пьянства, курения, наркомании...) и нарушений санитарно-гигиенических норм, более тяжелыми условиями труда.

Среди причин смерти населения доминировали болезни системы кровообращения, новообразования и так называемые внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства и самоубийства). Их доля в структуре смертей превышала 75%.

Парадоксально, но на фоне снижения смертности росла заболеваемость. Число заболеваний, зарегистрированных у больных с впервые установленным диагнозом на тысячу населения, в крае больше, чем в среднем по России и СФО, и только за последние 10 лет оно увеличилось почти на четверть. В данном контексте высокие уровни и темпы роста заболеваемости свидетельствуют не только о неблагополучии в состоянии здоровья населения, но и о доступности и качестве медицинской помощи, ранней диагностике и относительно успешном лечении болезней.

Алтайский край относится к субъектам Российской Федерации, численность населения в которых сокращается вследствие и естественной убыли населения, и миграционного оттока.

В динамике миграции¹ можно выделить два качественно различающихся периода. В 1990-е годы миграция являлась единственным способом сохранения демографического и трудового потенциалов края. Для нее было характерно преимущественное перемещение населения из Центральной Азии в Алтайский край, появление вынужденных миграций, масштабный выезд немцев в Германию, ухудшение миграционных связей с другими субъектами РФ, возникновение новых видов трудовой миграции. В отдельные годы необычные процессы наблюдались в миграциях между городскими и сельскими поселениями – переселение горожан в село. Значимые изменения произошли в механизме миграций – существенное усиление национально-этнических факторов территориального перераспределения населения.

В 2000-е гг. миграция выступает одной из детерминант сокращения численности населения в регионе. С 2003 по 2017 год вклад миграционного оттока в общую убыль населения превышал 50%, а в отдельные годы он поднимался до 70–80%, однако в последнее пятилетие он существенно снизился (рис. V.4). По интен-

¹ Более детальный анализ миграционных процессов в Алтайском крае представлен в главе 16 настоящей монографии.

сивности миграционной убыли край обгоняет большинство регионов России и Сибири.

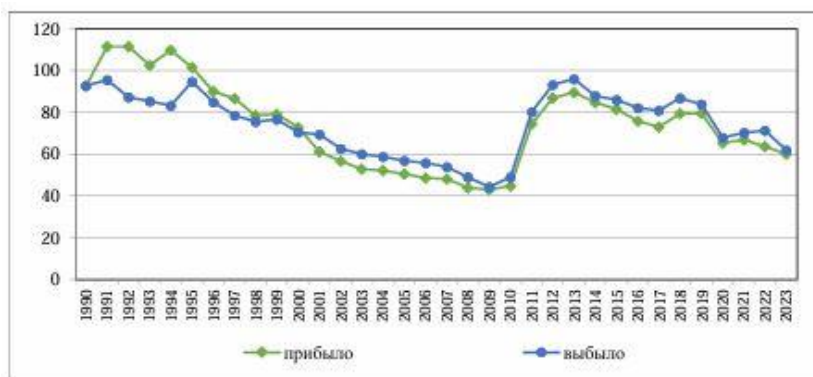

Рис. V.4. Миграция населения в Алтайском крае, тыс. человек
 Источник: Данные Росстата.

Высокая миграционная убыль населения в Алтайском крае говорит о его низкой конкурентоспособности и скрывает в себе ряд угроз как для национальной безопасности России, так и для устойчивого развития региона [25]. Среди последних особо следует выделить следующие: усиление депопуляции, обезлюдение значительных территорий и их возможное заселение иностранными гражданами; ухудшение социально-демографической структуры населения края в результате неэквивалентного обмена и вымывания наиболее молодого, образованного и активного контингента; повышение конкуренции на рынке труда и вытеснение коренных жителей с рабочих мест; рост экономической преступности, сокращение налоговых поступлений и отток финансовых ресурсов из края; распространение наркотиков, угрозу международного терроризма и др.

Выгоды и потери от миграции неравномерно распределялись между городскими и сельскими поселениями. Города, как правило, имели миграционный прирост в международных миграциях и в обмене населением с селом. Во внутрироссийских миграциях для городов в отдельные годы был характерен баланс, а в основ-

ном – миграционная убыль. Сельские поселения отличались миграционным приростом населения в международных миграциях, за исключением 2017 г. и миграционной убылью в межрегиональном и внутрикраевом обмене на протяжении почти всего исследуемого периода.

Итак, подавляющее большинство демографических рисков в Алтайском крае характеризуется повышенной остротой проявления, они распространены по всей территории и устойчивы во времени. Активизация демографической политики приводит к определенным позитивным результатам, в частности, повышению продолжительности жизни, сокращению смертности, росту в структуре семей с детьми доли многодетных семей. Однако большинство этих достижений носит неустойчивый характер, они неравномерно распределяются в пространстве и пока не обеспечивают кардинального перелома негативных демографических тенденций. Демографические ограничения негативно влияют на устойчивое развитие края и его включенность в социально-экономическое пространство России.

Глава 12

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ В СФЕРЕ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА: МЕТОДИКА ОЦЕНКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ АПРОБАЦИИ

Целью данной главы является представление методики оценки остроты и динамики ключевых вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, а также результатов апробации данной методики [26, 27]. Апробация проведена на примере Алтайского края как агропромышленного региона Сибири.

Агропромышленные регионы представляют особую группу регионов, отличающихся значительной спецификой проявления вызовов и угроз в сфере доходов населения в различные периоды

экономического развития и их влияния на состояние и динамику экономики и социальной сферы региона [28, 29]. В сфере агропромышленного сектора, с одной стороны, возникает «клубок» вызовов и угроз, отражающих состояние экономики в целом (представляя ее проекцию), а с другой – является следствием мощного воздействия природного фактора, который, синхронизируясь, может создавать дополнительное усугубляющее воздействие (неурожай в кризисный период). Хотя, как известно, в противофазе именно природный фактор, напротив, смягчает проявление вызовов и угроз устойчивому развитию таких регионов, становится «подушкой безопасности» для развития АПК и экономики в целом [30].

Актуальность методики оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, и ее апробации на примере агропромышленного региона значительно усилилась с 2022 г. именно вследствие особого влияния западных санкционных мер на развитие АПК и сопряженных отраслей, разрыва части международных кооперационных цепочек предприятий аграрных и пищевой промышленности. Применение такой методики в региональной политике позволяет, как нам представляется, своевременно реагировать региональным органам управления на формирование и развитие таких вызовов и угроз, а также рисков их возникновения и, как результат, не допускать значительных негативных социально-экономических последствий.

12.1. Методика и информационная база оценки вызовов и угроз

Концептуальные основы разработки методики. Для выявления и оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, воспользуемся *концепцией устойчивого развития* общества (государства, региона, территории), а также комплементарной, во многом сопряженной с ней *теорией экономической* (или социально-экономической) *безопасности* [5, 26, 31, 32]. В соответствии с ними под *угрозами* устойчивому социально-экономическому развитию региона понимается совокупность условий и факторов, создающих прямую

или косвенную возможность нанесения ущерба такому развитию. *Вызовом* является совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы. *Риск* рассматривается лишь как вероятность нанесения ущерба устойчивому развитию региона в связи с реализацией угрозы¹.

Основа концепции устойчивого развития, как известно, заложена в идеях В.И. Вернадского о переходе биосферы в новое эволюционное состояние – ноосферу (сферу разума) как основную закономерность выживания и развития человека и общества [34]. В своих трудах Вернадский изложил 12 условий ноосферы, где одним из них, связанных с доходами, является *подъём благосостояния трудящихся, создание реальной возможности не допустить недоедания, голода, нищеты*.

Не останавливаясь подробно на характеристике исторических и методологических особенностей формирования концепции устойчивого развития, отметим, что понятие устойчивого развития как глобального, так и регионального сообществ впервые было определено в 1987 г. в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее». Под устойчивым понималось социально-экономическое развитие, направленное на разумное удовлетворение потребностей людей при одновременном улучшении качества жизни живущих и будущих поколений, на бережное использование ресурсов планеты и сохранение природной среды [7, с. 16].

На конференции ООН по окружающей среде в Рио-де-Жанейро в 1992 г. провозглашена «необходимость перехода мирового сообщества на рельсы устойчивого развития, обеспечивающего должный баланс между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды, удовлетворение основных жизненных потребностей нынешнего поколения с сохранением таких возможностей для будущих поколений» [35]. В утвержденной на этой конференции «Повестке дня на XXI век» указано, что основными задачами повсеместно являются искоренение нищеты и голода, обеспечение более справедливого распределения дохода и развитие людских ресурсов.

¹ Данные понятия сформулированы на основе сопряженных понятий, представленных в [33].

В принятой в 2015 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года» [36] выделено 17 глобальных целей устойчивого развития (ЦУР), первые две из которых имеют явное отношение к сфере доходов населения. Так, в рамках *цели 1 «По-всемирная ликвидация нищеты во всех ее формах»* определены задачи к 2030 г. ликвидировать крайнюю нищету (проживание на сумму менее чем 1,25 долл. США в день) для всех людей во всем мире и сократить долю мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в нищете во всех ее проявлениях, согласно национальным определениям, по крайней мере наполовину. Для реализации *цели 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства»* выделен ряд задач, в том числе задача покончить с голодом и со всеми формами недоедания.

В России обе цели и соответствующие им задачи нашли отражение в национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года¹, а также в национальных проектах, федеральных и региональных программах. На достижение устойчивого развития регионов сориентированы стратегии национальной и экономической безопасности, пространственного развития Российской Федерации, социально-экономического развития ее федеральных округов и субъектов. Так, в Стратегии развития Сибирского федерального округа до 2035 года определены основные направления устойчивого развития входящих в его состав регионов [39]. Среди системных проблем выделено отставание денежных доходов населения СФО от среднероссийского уровня, что выражается в наибольшей относительно других округов доле населения с доходами ниже величины прожиточного минимума.

Инструментами формирования устойчивого развития агропромышленных регионов являются также федеральная програм-

¹ В качестве одного из целевых показателей сохранения населения, здоровья и благополучия людей определено «снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года»; для достижения цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» установлен целевой показатель обеспечения устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции. См.: 1) [37]; 2) [38].

ма «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020–2025 гг. и одноименные программы в регионах. В федеральной программе среди трех ключевых выделена цель увеличения до 70% соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств [40]. В региональной программе Алтайского края указано, что данный целевой показатель составит 82,9% в 2025 г., 83,5% – в 2030 г. Причем достижение этого показателя не является проблемой, уже в 2021 г. зафиксировано его превышение (102,17%) [41].

Для контроля за достижением целей устойчивого развития Российской Федерации и ее субъектов разработан национальный набор показателей в соответствии с 17 глобальными ЦУР [42]. К показателям, позволяющим оценить в рамках первой ЦУР выполнение национальной задачи двукратного сокращения к 2030 г. «живущих в нищете», отнесены доля и численность населения, живущего за национальной чертой (с денежными доходами ниже границы) бедности, индексы риска бедности и социальной исключенности (AROE), годовых реальных денежных доходов населения. Для реализации второй ЦУР и задачи *«к 2030 году покончить с голодом и обеспечить всем... круглогодичный доступ к безопасной, питательной и достаточной пище»* среди показателей, имеющих прямое отношение к сфере доходов населения, используется *«доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду»*.

Как выделить вызовы и угрозы в сфере доходов населения, оценить их остроту и риски возникновения? Что может стать критериями, нормативными и/или пороговыми значениями для оценки таких вызовов и угроз? Воспользуемся эффективными в таких случаях *методами – нормативным и экспертных оценок*. Наличие и остроту выраженности вызовов и угроз оценим на основе ретроспективного анализа данных государственной статистики за длительный период (с начала 1990-х гг., более 30 лет) с использованием методов анализа динамических рядов, индексного и др. Это позволяет не только оценить глубину вызовов и угроз в настоящее время, но и раскрыть характер произошедших сдвигов в социально-экономическом развитии региона, устойчивость их во времени: от возникновения рисков

ситуации, перерастания ее в вызов или угрозу до приобретения последними хронического характера с вытекающими значительными негативными последствиями.

Вместе с тем, учитывая высокую динамику социально-экономических процессов, особый интерес представляют и сдвиги в оценке остроты (глубины) вызовов и угроз за относительно краткосрочный период – последние 5 лет (в нашем случае это период 2018–2022 гг.). Анализ изменения показателей в сравнении с уровнем 2017 г. обусловлен также и выбором этого года как стартового для выполнения национальных целей и задач устойчивого развития России и ее регионов. Для мониторинга их реализации с 2017 г. в национальный набор показателей ЦУР был включен ряд новых, в том числе уже названный выше показатель *«доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду»*.

Информационная база и ее ограничения. Исходя из национальных целей развития России, национального набора показателей ЦУР и учитывая ограниченные возможности государственной статистики для оценки остроты вызовов и угроз устойчивому развитию региона на основе многолетних измерений доходов населения, в качестве основных нами выделены следующие показатели:

- реальные денежные доходы населения и реальная начисленная заработная плата работников организаций – годовые и накопленным итогом к уровням 1990 и 2017 гг. (%);

- соотношение с прожиточным минимумом (ПМ) среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы, отражающих их покупательную способность (разы);

- коэффициент фондов или децильный (дифференциации доходов), рассчитываемый как соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (разы) и коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), отражающие степень неравенства и неравномерности распределения доходов по отдельным группам населения;

- доля населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума, установленной в субъ-

екте Российской Федерации, в общей численности населения (%)¹ и доля домохозяйств, указавших на нехватку денег на еду при оценке своего материального положения (%).

Выделенная совокупность показателей, безусловно, не отражает всю сферу доходов населения, где могут проявляться вызовы и угрозы устойчивому развитию региона. *Во-первых*, по отдельным показателям из национального набора показателей ЦУР осуществить ретроспективный анализ на данных государственной статистики пока не представляется возможным. К примеру, это относится к *индексу риска бедности и социальной исключенности (AROPE)*, который находится в процессе разработки, на стадии экспериментальных расчетов. Кроме того, в нашу совокупность не включен показатель «*доля расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на социальную поддержку отдельных категорий граждан к собственным доходам консолидированных бюджетов*» данных субъектов, поскольку для него пока не определены количественные целевые и пороговые значения².

Во-вторых, ограниченность представленной выше совокупности показателей проявляется и в том, что они касаются главным образом уровня и динамики доходов населения. Более комплексной была бы оценка вызовов и угроз с использованием показателей структуры доходов (удельных весов оплаты труда, социальных выплат и других составляющих), ее сдвигов. Но если в том, что оплата труда должна составлять основную часть доходов, существенных разногласий среди экспертов

¹ Данный показатель, наряду с децильным коэффициентом и «долей работников с заработной платой ниже прожиточного минимума», отнесены к показателям состояния экономической безопасности России. См.: [33].

До 2020 г. включительно национальный уровень бедности рассчитывался на основе величины прожиточного минимума, установленной в субъектах РФ. С 1 января 2021 г. произведен переход к измерению бедности на основе определения ее границы [43].

² По отношению к последнему показателю задача сформулирована в довольно общем виде: «внедрить на национальном уровне надлежащие системы и меры социальной защиты для всех, включая установление минимальных уровней, и к 2030 г. достичь существенного охвата бедных и уязвимых слоев населения». См.: [42].

нет, то в отношении нормативов по удельному весу социальных трансфертов столь однозначного представления не сложилось. С одной стороны, социальные трансферты отражают выполнение социальной политикой государства (перераспределительной функции в условиях рыночно ориентированной экономики, и при ее эффективном выполнении они (трансферты) составляют значительную долю. С другой же стороны, доля социальных выплат не должна быть близкой к доле оплаты труда, чтобы не формировалась сильная зависимость населения от таких источников в форме «институциональных ловушек».

В России с начала активных действий в сфере социальной поддержки населения (с середины «нулевых») доля социальных выплат в структуре денежных доходов населения выросла более чем в полтора раза, до уровня 20–21% (20,6% в 2021 г и 20,2% в 2022 г. против 12,7% в 2005 г.), в Алтайском крае – до 29–30% (30,3% в 2021 г и 29,4% в 2022 г. против 19,3% в 2005 г.). Реализация же одной из задач ЦУР, направленной на достижение существенного охвата бедных и уязвимых слоев населения мерами социальной защиты, без адекватного роста оплаты труда и поддержки развития малого и среднего бизнеса может с большой вероятностью привести к дальнейшему росту удельного веса социальных выплат в структуре доходов населения, а, значит, усилить риски формирования таких «ловушек».

В-третьих, помимо остроты проявления и устойчивости вызовов и угроз во времени целесообразно учитывать их распространенность по территории региона, принимая во внимание значительные территориальные неравенства по доходам населения, в том числе различия между сельскими территориями и городами, характерные для регионов аграрной специализации¹.

И в-четвертых, показатели статистики желательно дополнять результатами социологических опросов населения региона по вопросам их удовлетворенности уровнем и динамикой доходов и вытекающим отсюда вызовам и угрозам (к примеру, связанным с инфляцией и другими причинами снижения доходов).

¹ Так, в 2020 г. 82,4% бедного населения Алтайского края проживало в сельских местностях, что в 1,6 раза превышало аналогичный показатель по России (52,2%). См.: [44].

Указанные и другие ограничения и недостатки информационной базы¹ отчасти преодолимы, что можно рассматривать как направление дальнейшего развития представленной методики.

Критерии оценки вызовов и угроз. В зависимости от остроты (глубины) проявления и устойчивости во времени нами выделены следующие критерии оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, проявляющихся в сфере доходов населения, а также риска их возникновения.

1. *Степень отклонения от нормативных значений и/или целевых индикаторов, удаленности от пороговых значений*, в том числе верхних либо нижних.

2. *Значимое отставание от среднего уровня по России* для показателей, рост которых оценивается как позитивная динамика, и/или значимое превышение среднего уровня в случае показателей с негативным ростом. Для позитивных процессов (среди выделенных к ним относятся рост реальных доходов и реальной заработной платы, соотношения среднедушевых денежных доходов и среднемесячной заработной платы с соответствующим прожиточным минимумом) в качестве значимого отставания предлагается рассматривать значения, соответствующие 75–90% от среднего уровня по стране и ниже. Для негативных процессов (рост бедности и голода, чрезмерного неравенства по доходам) таким значимым превышением могут являться значения, равные 1,1–1,25 раза от среднего значения в России.

3. *Негативная динамика за длительный период и/или негативный тренд в противовес позитивному процессу в России.* Как вариант, в качестве негативной может оцениваться динамика за пятилетний и более длительный период на уровне от 5–10% негативного изменения значения показателя в противовес аналогичному позитивному сдвигу².

С учетом всех трех критериев выделенные нами показатели могут вести себя разнонаправленно и, следовательно, оцени-

¹ О недостатках показателей государственной статистики, отражающих бедность и неравенство, также см.: [27].

² Оценка масштабов сдвигов, безусловно, в существенной мере зависит от самого показателя и его вариативности, а также длительности временного периода. Так, более существенными могут быть сдвиги значений покупательной способности доходов населения, чем неравенства по доходам.

ваться неоднозначно. В связи с этим по результатам анализа каждого показателя примем следующие условия для оценки остроты и устойчивости проявления вызовов и угроз, а также рисков их возникновения:

- если любой один критерий выполняется, то рассматриваемый процесс можно отнести к *вызову*;
- если выполняются два-три критерия либо чрезвычайной является острота проявления хотя бы одного устойчивого во времени вызова, приводящего к масштабным негативным последствиям для устойчивого развития региона, то данная ситуация может оцениваться как *угроза*;
- в случае менее существенного отклонения реальных значений от нормативных или меньших масштабов негативной динамики показателей можно говорить о наличии *риска* возникновения вызова или угрозы.

Представленный нами подход в целом не противоречит описанным российскими и зарубежными учеными методикам оценки вызовов и угроз устойчивому развитию либо экономической и социальной безопасности России и ее регионов (см. в работах А. Аганбегяна, М. Горшкова, С. Казанцева, С. Митякова, В. Сенчагова, В. Dalal-Clayton, S. Bass и других [1–5, 34]). В частности, мы согласны с Митяковым С.Н. и другими исследователями, подчеркивающими необходимость более дифференцированной оценки удаленности реальных показателей от пороговых значений на основе определения зон (уровней) риска (двух-трех и более) [31, 45]. В дальнейшем можно воспользоваться данным подходом, выделив зоны риска, соответствующие объекту исследования.

Нормативные (целевые, пороговые) значения показателей оценки вызовов и угроз. Особую проблему для исследователей представляет определение нормативных (либо целевых) и пороговых значений показателей, позволяющих выявить вызов или угрозу, оценить их остроту. В качестве нормативных и пороговых значений предлагаются экспертные оценки, целевые индикаторы государственной политики, общепринятые требования и стандарты, а также их различные сочетания либо преобразования в безразмерную форму, что приводит к разнообразию оценок, отсутствию единого мнения [45, 46].

В научной литературе, к примеру, строго не определен количественный норматив для показателей покупательной способности доходов населения и заработной платы. Общеизвестно, что среднедушевые доходы населения должны обеспечивать его нормальное социальное воспроизводство. И по различным оценкам экспертов (ученых и практиков) это подразумевает использование денежных ресурсов в объеме не одного, а по крайней мере 2,5–3,5 бюджетов прожиточного минимума (ПМ) в расчете на человека [45, 47], что соответствует социально приемлемому потребительскому бюджету, включающему дополнительно затраты на потребление культурных благ и другие расходы на развитие человеческого потенциала¹. С учетом различных видов поддержки, выделяемых государством, выберем в качестве нижнего порогового значения доходы, равные 2,5 ПМ на душу населения.

Что касается заработной платы работников организаций, то она должна обеспечивать социальное воспроизводство не только работников, но и отдельных членов его семьи. К примеру, чтобы обеспечить даже простое демографическое воспроизводство, для полной двухпоколенной семьи, состоящей из двух занятых в экономике родителей с двумя детьми, по разным оценкам, потребуются совокупные денежные ресурсы в объеме 12–14 ПМ, т.е. те же 2,5–3,5 ПМ на члена семьи. И в таком случае размер среднемесячной заработной платы работников должен соответствовать минимум 5–7 ПМ, что позволяет обеспечить социальное воспроизводство по крайней мере одного занятого члена семьи и одного иждивенца (ребенка) в случае отсутствия значительной материальной поддержки со стороны государства. Учитывая значительный рост государственной поддержки семей с детьми в последние годы, приближающейся к размеру одного прожиточного минимума на ребенка, остановимся на нижней оценке порогового значения среднемесячной заработной платы, равной 5 ПМ.

В отношении реальных доходов населения и реальной заработной платы нормативом для оценки устойчивого развития региона выступает их ежегодный рост, т.е. годовые темпы роста данных показателей должны превышать 100%. Так,

¹ В частности, для среднего размера трудовой пенсии по старости установлен целевой норматив не менее 2,5–3 ПМ пенсионера. См.: [48]

в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации указано, что реальные располагаемые денежные доходы населения должны расти годовыми темпами 102,4% в 2022 г., 102,5% в 2024 г. и не ниже 102,5% 2030 г. В региональной программе Алтайского края целевые значения аналогичного показателя определены на уровне от максимальных 103,3% в 2023–2028 гг. до минимальных 102,2% в 2030 г.¹ Близкие целевые значения имеют в крае и годовые темпы роста реальной заработной платы: 103,3% в 2023–2028 гг. и 103,0% в 2029–2030 гг.

Для выполнения задачи снижения уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г. на федеральном уровне определены следующие целевые значения доли населения с денежными доходами ниже границы бедности: 9,6% в 2024 г. и 6,5% 2030 г. В региональной программе Алтайского края целевые значения аналогичного показателя более чем на треть выше: 13,6% в 2024 г. и 8,8% 2030 г.² Выберем конечный целевой показатель (8,8%) для региона в качестве нормативного значения³.

В качестве верхнего порога коэффициента фондов можно встретить несколько вариантов экспертных оценок. Воспользуемся максимальным значением (10 раз), превышение которого, как традиционно оценивается западными экспертами, приводит к социальным потрясениям. Поскольку сохраняется значительное превышение 10-разового порога, он применяется российскими исследователями и в последние годы [47]. Также будем ориентироваться и на более низкий, «*нормальный уровень*» коэффициента фондов (4–8 раз), используемый сотрудниками ИЭ РАН и другими исследователями [45, с. 144].

Для коэффициента Джини в качестве верхнего порога, соответствующего чрезмерно высокому неравенству, экспертами признается значение, равное 0,40. После публикации в 2006 г. доклада Всемирного банка «Равенство и развитие» это значение рас-

¹ Рассчитано по данным таблицы «Показатели для реализации региональной программы» в «Региональной программе снижения доли населения с доходами ниже границы бедности на период до 2030 г. на территории Алтайского края».

² См. тот же документ.

³ Он близок к нормативу 8%, который выделен экспертами по проблемам экономической безопасности [45, с. 144].

смачивается как критическое, препятствующее устойчивости социально-экономического развития [49].

Что касается показателя «доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду», то, поскольку поставлена цель ликвидировать голод, верхним порогом для него является значение, равное нулю.

12.2. Результаты оценки вызовов и угроз в сфере доходов населения

Результаты апробации методики оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона в сфере доходов населения представлены в таблице V.5 на примере Алтайского края. Не останавливаясь подробно на особенностях изменений рассматриваемых показателей на разных этапах экономического развития¹, заметим следующее: основные вызовы и угрозы обусловлены более кардинальным падением экономики края в начале 1990-х гг. в сравнении с Россией в целом, что выразилось в резком, значительно превышающем среднероссийские показатели снижении реальных доходов населения и заработной платы работников. Период экономического роста в 2000-х гг. отличался в регионе более активными восстановительными процессами в экономике, что привело к значительному сокращению отрыва показателей доходов от среднего уровня по России. В период же турбулентности с конца «нулевых» сдвиги в показателях доходов населения края можно оценить уже как тренд с более медленным, неустойчивым, но все же заметным уменьшением различий с показателями по России.

Явную угрозу устойчивому развитию Алтайского края демонстрируют показатели реальных доходов и реальной заработной платы. В 2022 г. *реальные денежные доходы* населения края составляли только 54,7% от уровня 1990 г. в сравнении с аналогичным показателем по России, превысившим уровень 1990 г. в 1,57 раза. Остроту и устойчивое проявление данной угрозы не смягчили и последние пять рассматриваемых лет: с 2017 г. реальные доходы ежегодно сокращались, снижение составило 7,7 п.п.

¹ Подробнее см.: [26, 27].

при росте на 4,1 п.п. в России. Выход на целевые ежегодные 102–103% пока не наблюдается. Следовательно, по данному показателю не выполнены все три критерия, что позволяет оценить его динамику как угрозу: велико отставание от нижних пороговых значений (целевых индикаторов), а также от среднероссийского уровня, в последние годы налицо негативный тренд в противовес позитивному в России.

Таблица V.5

**Показатели, нормативные (пороговые) значения
и оценка вызовов и угроз устойчивому развитию Алтайского края
в сфере доходов населения**

Наименование показателя	Нормативное значение	Значение в 2022 г.			Оценка остроты и устойчивости (угроза/вызов/риск)
		Россия	Алтайский край	Алтайский край по отношению к России, %	
1	2	3	4	5	6
Индекс реальных денежных доходов населения, %					
К уровню 1990 г.	> 100 ежегодно	156,90	54,70	34,9	Угроза (по трём критериям)
К уровню 2017 г.	> 100 ежегодно	104,10	92,30	88,7	
Индекс реальной начисленной заработной платы работников организаций, %					
К уровню 1990 г.	> 100 ежегодно	157,50	58,80	37,3	Угроза (по двум критериям)
К уровню 2017 г.	> 100 ежегодно	123,70	125,10	101,1	
Соотношение с прожиточным минимумом (покупательная способность), раз					
Среднедушевых доходов	≥ 2,5 ежегодно	3,23	2,51	77,7	Вызов
Заработной платы	≥ 5 ежегодно	4,31	3,17	73,5	Угроза (по двум критериям)
Коэффициенты неравенства по доходам населения					
Коэффициент фондов, раз	<10,0	13,80	10,20	73,9	Вызов

1	2	3	4	5	6
Коэффициент Джини, ед.	<0,400	0,395	0,353	89,4	
Уровень бедности и голода, %					
Доля населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума	8,8	9,800	15,4	157,1	Угроза (по трём критериям)
Доля домохозяйств, указавших на нехватку денег на еду при оценке своего материального положения	0,0	0,100	0,1	100,0	Вызов

Источник: [50–52].

Несколько иная ситуация сложилась с динамикой *реальной заработной платы* работников организаций края. В 2022 г. реальная зарплата составила от уровня 1990 г. немногим больше в сравнении с реальными доходами (58,8%), при превышении аналогичного уровня по России почти в 1,58 раза. Вместе с тем в отличие от динамики реальных доходов за последние рассматриваемые пять лет наблюдался ежегодный прирост данного показателя в регионе (в среднем даже более высокий, чем целевые показатели по региональной программе снижения бедности). В целом за пятилетний период реальная зарплата выросла на 25,1% (чуть выше, чем в стране в целом – 23,7%), причем основной рост зафиксирован в 2018–2021 гг. Таким образом, если по результатам более чем тридцатилетней ретроспективы мы можем говорить об устойчивой угрозе, то сдвиги за относительно небольшой период (последние пять лет) можно оценивать, с одной стороны, как ее отсутствие, а с другой – как потенциальный риск его возникновения в будущем в связи со снижением темпов роста в 2022 г.

Динамику *покупательной способности доходов населения* края за последние пять лет можно оценить как вызов. В 2022 г. среднедушевые доходы были равны 2,51 бюджетам прожиточного

минимума, т.е. соответствовали нижнему порогу. Вместе с тем покупательная способность доходов составила лишь 77,8% от среднего значения в России. В отличие от данного показателя *покупательная способность заработной платы* в регионе в тот год была существенно ниже порогового значения (63%), составив 3,17 ПМ населения трудоспособного возраста. Более значительным является отставание от среднероссийского уровня (на 26,5%). Хотя за предшествующее пятилетие покупательная способность зарплаты выросла на 16,6%, устойчивостью данный процесс не обладает (в 2021 г. наблюдалось снижение). Все это позволяет идентифицировать уровень и динамику данного показателя как соответствующие угрозе устойчивому развитию региона по двум критериям.

Не столь критичной с первого взгляда является ситуация в регионе с показателями неравенства по доходам. При устойчивом превышении *коэффициентами фондов и Джини* своих верхних порогов с начала 1990-х годов Алтайский край традиционно относительно благополучен на российском фоне. В последнее пятилетие в крае наблюдалась позитивная динамика коэффициентов (их значения снизились на 15,7% и 6,4% к уровню 2017 г.). Несмотря на существенно более низкие, чем в России, значения данных коэффициентов (в 2022 г. на 26% и 10,6%)¹ и позитивную динамику последних пяти лет, остается по-прежнему существенным превышение их пороговых значений (на 12% по коэффициенту Джини, на 2% по коэффициенту фондов до 10-разового порога и свыше четверти до более нормативов – 4–8 раз), что позволяет судить о сохранении вызова.

Ситуацию с бедностью следует оценить как угрожающую устойчивому развитию региона. С 2000-х годов сокращение бедности в Алтайском крае происходило более интенсивно, чем в России в целом (с 56,3% в 1999 г. до 15,4% в 2022 г.), позитивные сдвиги наблюдались и за последние пять лет (бедность уменьшилась на 12% в сравнении с 2017 г.). Вместе с тем превы-

¹ Близкими к краевому являются значения коэффициента фондов большинства регионов СФО (1–12 раз в 2022 г.). В близком к краевому диапазону (0,34–0,36 в 2022 г.) находятся значения коэффициента Джини в таких регионах СФО, как Республики Алтай и Тыва, Иркутская, Кемеровская и Томская области – см.: [52].

шение среднероссийского уровня хоть и сократилось с двукратного, все же остается значительным (более полутора раз в 2022 г.), а целевые показатели 2023 г. в регионе превышены на 6,2%, 2030 г. – в 1,8 раза.

Уровень голода в крае чуть выше целевого нулевого значения: в 2022 г., как и в России, при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду указали лишь 0,1% домохозяйств. Несмотря на значительные позитивные сдвиги за рассматриваемые пять лет (1,5% в 2017 г.), вызов пока сохраняется.

Итак, предложенная методика оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона в сфере доходов населения в целом подтвердила свой эвристический потенциал. Апробация методики на примере агропромышленного региона (Алтайского края) позволила выделить ключевые вызовы и угрозы устойчивому развитию региона, проявляющиеся в сфере доходов населения. Среди таких вызовов и угроз:

- прежде всего, чрезмерно низкие доходы населения, выражающиеся в устойчивом существенном отставании роста реальных доходов и реальной заработной платы от уровня 1990 г. и от аналогичных показателей по России, в низкой покупательной способности среднедушевых денежных доходов и среднемесячной начисленной заработной платы;

- масштабная бедность, являющаяся во многом следствием первых, и устойчиво превышающие пороговые значения неравенства по доходам.

Дальнейшее развитие методики оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона, как нам представляется, прослеживается по меньшей мере в трех направлениях:

- более углубленное представление сферы доходов населения за счет включения показателей, не вошедших в набор показателей ЦУР (к примеру, показателей медианных и модальных значений доходов и заработной платы, соотношения среднемесячной заработной платы с МРОТ, уровня и динамики потребления, расходов и сбережений, структуры доходов и расходов населения, доступности приобретения жилья и услуг социальной сферы, др.) [1, 47];

– расширение блока анализируемых социальных показателей из набора показателей ЦУР за пределы сферы доходов населения, что позволяет выявить и оценить более широкий контекст вызовов и угроз (например, включить показатели занятости и демографические);

– усиление пространственного (территориального) и социоструктурного аспектов оценки вызовов и угроз устойчивому развитию региона посредством включения показателей уровня и качества жизни городского и сельского населения в целом, жителей различных муниципальных образований, демографических и других социальных групп, в том числе с использованием опросных данных [47, 4].

Глава 13

ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В данной главе рассмотрим результаты влияния доходов населения региона на развитие процессов межрегиональной экономической интеграции через воздействие на её отдельные механизмы, движущие силы¹. В качестве последних выделим межрегиональное движение производственного капитала и товарных потоков, а также формирование и развитие межрегиональных кооперационно-интеграционных связей предприятий.

Эмпирическим объектом исследования выступает Алтайский край как один из приграничных, агропромышленных регионов Сибири. Агропромышленные регионы представляют группу регионов со значительной спецификой проявления воздействия доходов населения на состояние и динамику межрегиональной ин-

¹ О результатах исследования доходов населения региона на разных этапах экономического развития, воздействия экономики региона на доходы см.: [26, 53].

теграции как в рамках Сибири, так и России в целом, а также за пределами страны [28, 29]. Специфика таких регионов проявляется в значительной доле сельских жителей с особой культурой, традициями моральной экономики выживания, определяющих своеобразие кооперационно-интеграционных процессов в АПК и других сферах экономики, в большей инерционности транзакций. Кроме того, это регионы, где в явном виде проявляются незавершенные урбанизационные процессы, отражающиеся на существенных оттоках населения из сельской местности не только в города региона, но и другие регионы страны.

13.1. Теоретические аспекты анализа воздействия доходов населения на движущие силы межрегиональной экономической интеграции

Рассмотрим теоретические аспекты влияния доходов населения на межрегиональное движение капитала и товарных потоков, а также на развитие межрегиональных кооперационно-производственных взаимодействий как движущих сил межрегиональной экономической интеграции. К механизмам пространственной интеграции, безусловно, относится и межрегиональное перемещение населения и рабочей силы, но оценка воздействия на них доходов населения с позиции пространственной интеграции заслуживает, на наш взгляд, отдельного глубокого рассмотрения¹.

На *межрегиональную мобильность товарных потоков и капитала* доходы населения воздействуют опосредованно, через покупательную способность, потребительский спрос, выраженный в частности в изменениях объемов розничного товарооборота. Более высокие доходы и, как следствие, более высокий потребительский спрос в регионе формируют более благоприятную среду для ввоза товаров и услуг, притягательный инвестиционный климат для торгового, промышленного и другого капитала. Перемещение капитала из региона происходит по причине более низ-

¹ Ключевые понятия, связанные с кооперационными и интеграционными процессами в экономике региона, их движущими силами и механизмами рассмотрены в публикациях [54, 55].

кой его прибыльности по сравнению с другими регионами, разницы в доходности [56]. Переизбыток предложения товара в регионе приводит к его относительной дешевизне.

О влиянии доходов населения региона на межрегиональные перемещения товарных потоков и капитала могут свидетельствовать показатели, отражающие в той или иной степени потребительский спрос, а именно показатели реальных располагаемых доходов населения, оборота розничной торговли и объема платных услуг населению, а также накоплений населения и потребительского кредитования [57, с. 28]. Более значительное снижение реальных доходов населения региона (на фоне остальных регионов, в первую очередь соседних) в кризисные годы приводит к более значимому сокращению потребительского спроса, а значит к процессам двоякого рода: с одной стороны, сокращению субъектов малого и среднего бизнеса, объемов производимой ими продукции, а с другой – возрастанию оттока из региона произведенных товаров и услуг, а также капитала. В то же время в благоприятные периоды развития экономики воздействие доходов населения стимулирует развитие малого и среднего бизнеса, который «переходит границы» региона, а следовательно, влияет на межрегиональное движение капитала.

Далее, в следующем параграфе главы рассмотрим вышеназванные показатели, уделив особое внимание взаимосвязи реальных доходов населения и оборота розничной торговли.

О влиянии доходов населения на кооперационно-производственные взаимодействия предприятий. Что касается развития межрегиональной кооперации, функционирования комплексов предприятий с межрегиональными связями, то основной массив публикаций, преимущественно с рассуждениями теоретического характера, без соответствующего эмпирического подтверждения, касается его влияния на доходы и в целом уровень жизни населения региона [58, с. 3].

Вместе с тем встречаются и отдельные публикации с оценкой обратного влияния доходов населения на межрегиональные и международные кооперационно-интеграционные процессы. Так, принципиальное значение для формирования долгосрочной экспортной стратегии региона имеет учет доходов населения как одного из факторов, определяющих развитие цепочек добавлен-

ной стоимости [59]. Влияние доходов населения может проявиться как лимитирующий фактор, приводящий к «снижению конкурентоспособности более примитивных секторов», развивающихся на территориях с низкими доходами, где дешевый труд является конкурентным преимуществом и в дальнейшем их возможностей включения в технологически более сложные и высокие цепочки создания стоимости, в региональную и межрегиональную, международную кооперацию хозяйствующих субъектов [59, с. 56]. И напротив, успешная региональная интеграция части хозяйствующих субъектов за счет их «включения» в технологически более сложные и высокие уровни цепочек стоимости может приводить к *эффекту «негативных волн»* в форме роста заработной платы работников предприятий (и доходов населения), включенных в интеграцию, к усилению социального неравенства работников, занятых на начальных и более высоких стадиях цепочек.

Наряду с другими факторами (внедрение в производство новых технологий, изменение цен на энергоносители и др.), на способность и готовность хозяйствующих субъектов и региона к трансформации и адаптации их стратегий, и, как следствие, на экономическую интеграцию региона, выделяется влияние даже потенциального, ожидаемого роста уровня заработной платы работников предприятий и в целом уровня жизни в регионе, последующих за интеграционными стратегиями (такими, к примеру, как внутренний офшоринг, релокация, решоринг и др.) [59, с. 50].

Относительная дешевизна рабочей силы, характеризующаяся, соответственно, низкой или средней квалификацией, хороша только на начальных этапах интеграционного процесса. Именно с переходом от простых транзакций, направленных на производство продукции первичной переработки, товаров массового спроса к более сложным и высокостоймостным технологическим сегментам взаимодействия хозяйствующих субъектов-участников, характеризующимся высокой степенью интеграции отдельных хозяйствующих субъектов (вплоть до создания бизнес-альянсов), связанных не просто обменом продуктами или услугами, но объединенных совместной генерацией нового неформализуемого знания (*tacit knowledge*) и новых компетенций, потребуется высо-

коквалифицированная рабочая сила со значимо более высокой оплатой труда [59, с. 56–58].

В конечном счете это создает благоприятные синергетические условия для расширения и интенсификации трансфера знаний и новых технологий между отраслями региона и на межрегиональном уровне, а, следовательно, ведет к мультипликативному эффекту «положительных волн» роста доходов и уровня жизни населения регионов, включенных в интеграционные процессы. Так, если для производства сырья и продовольствия достаточно привлечения дешевой рабочей силы, то для производства готовых товаров (включая детали, узлы и агрегаты) и сборки потребуется качественная (с соответствующим образованием и компетенциями), уже более оплачиваемая рабочая сила региона, хотя и относительно недорогая на межрегиональном рынке труда.

Доступность высококвалифицированной, но относительно дешевой рабочей силы региона с требуемыми характеристиками (профессиональное образование, научные, технические и другие компетенции) является важным фактором для формирования и развития отдельных сегментов производственной цепочки [59, с. 62–63]. Причем, если для стадий генерации знания (которые охватывают научные исследования, инновации, брэндинг и дизайн) доступность такой рабочей силы является ключевым фактором, то для классического промышленного производства доступность относительно дешевой рабочей силы с разным уровнем квалификации является лишь одним из значимых факторов, наряду с качеством логистической инфраструктуры, расстоянием до основных потребителей.

В АПК воздействие роста доходов населения на межрегиональные кооперационно-производственные связи происходит через систему обеспечения населения продуктами питания требуемого качества и по приемлемым ценам, которое является, по сути, его основной целью. Растущие доходы населения и на их основе возрастающие запросы на качественные и доступные продукты питания являются одним из драйверов пространственной трансформации АПК в целом, в частности трансформации принципов локализации современного агропромышленного производства. Такая трансформация выражается в размещении агропромышленного производства уже не столько в близости к потребителю

и ориентации на локальные рынки, сколько в наиболее благоприятных условиях производственной деятельности и ориентации на национальные и глобальные рынки, в которые современный сельхозпроизводитель включается посредством различных кооперационных и интеграционных механизмов [58, с. 4].

Потребительский спрос на высококачественную продовольственную продукцию, определяемую растущими доходами населения, является одним из импульсов кооперационного развития в АПК, формирования кооперативных и корпоративных объединений, развития вертикальных и горизонтальных интеграционных связей. В частности именно такие структуры способны контролировать все процессы «от поля до прилавка», что практикуется, как правило, в случае производства скоропортящейся продукции, а также применять наиболее высокотехнологичные и рентабельные этапы переработки, способствующие сокращению затрат и удешевлению конечной продукции. Формирование крупных вертикально интегрированных агрохолдингов и развитие бизнес-ассоциаций в АПК, выходящих в своем производстве и реализации продукции далеко за границы одного региона (места регистрации и первичной локализации), создало риски несбалансированного развития [58, с. 57–58]. Но именно такие экономические субъекты являются основными драйверами роста аграрного производства и способствуют развитию межрегиональной и международной интеграции.

Потребительский спрос толкает аграрную экономику и в направлении развития сетевых форм хозяйствования, в том числе отраслевых союзов и ассоциаций АПК (94 в июне 2024 г.) [60]. Наблюдается «консолидация предпринимательских сообществ, накапливается практика отстаивания групповых интересов крупного и мелкого бизнеса, а также формируются каналы, через которые государство может реализовывать адресную поддержку субъектам АПК», что в свою очередь способствует росту его эффективности в направлении удовлетворения запросов населения [58, с. 58].

Итак, как показал анализ литературы, оценить влияние доходов населения региона на развитие межрегиональных кооперационно-интеграционных связей предприятий можно на основе ряда показателей, отражающих в той или иной степени доступность

относительно дешевой рабочей силы. К таким показателям можно отнести:

1) уровень и динамику среднемесячной заработной платы работников организаций региона на фоне аналогичных показателей в России в целом и СФО;

2) динамику годовых индексов реальной начисленной заработной платы работников организаций на фоне аналогичных показателей в России в целом и СФО;

3) соотношение среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума населения трудоспособного возраста региона на фоне России и СФО и его динамика;

4) дифференциацию среднемесячной заработной платы работников организаций по различным видам экономической деятельности, уровню образования, а также в разрезе «город-село» и между отдельными сельскими районами, сравнение с различиями в России и СФО.

Далее остановимся прежде всего на анализе динамики соотношения среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума населения трудоспособного возраста региона как показателя покупательной способности заработной платы, как нам представляется, более точно оценивающего доступность относительно дешевой рабочей силы в регионе в целом.

13.2. Оценка влияния доходов населения на межрегиональное перемещение товарных потоков и капитала

За период 2000–2022 гг. по данным Росстата рост оборота розничной торговли в расчете на душу населения в Алтайском крае в отличие от России и регионов СФО в целом прерывался дважды, под воздействием кризисных явлений в экономике сокращение в крае происходило в 2009 и 2020 гг. (на 7,1% и 3,7%, соответственно). В те же годы в России наблюдалось лишь снижение темпов роста данного показателя, а в регионах СФО – только в 2009 г. его незначительное уменьшение, на 1,1% (рис. V.5).

В 2022 г. оборот розничной торговли в расчете на душу населения в Алтайском крае составил 219 тыс. руб., что на

24,5% и 4,8% ниже, чем в России и СФО. Отставание края по данному показателю с 2000 г. сократилось в 1,75 и 5,6 раза (42,9% и 27%).

Динамика очищенного от влияния инфляции индекса физического объема оборота розничной торговли за 2000–2022 гг. показывает более явное сокращение его значений в кризисные периоды не только в Алтайском крае, но и в России и регионах СФО в целом (рис. V.6). Сокращение данного показателя в России и регионах СФО наглядно проявилось четырежды – в 2009 г. (влияние глобального экономического кризиса), 2015–2016 гг. (структурные кризисные явления, в том числе влияние западных санкций как последствий присоединения Крыма), 2020 г. (последствия пандемии коронавируса) и 2022–2023 гг. (санкционный режим западных стран вследствие СВО).

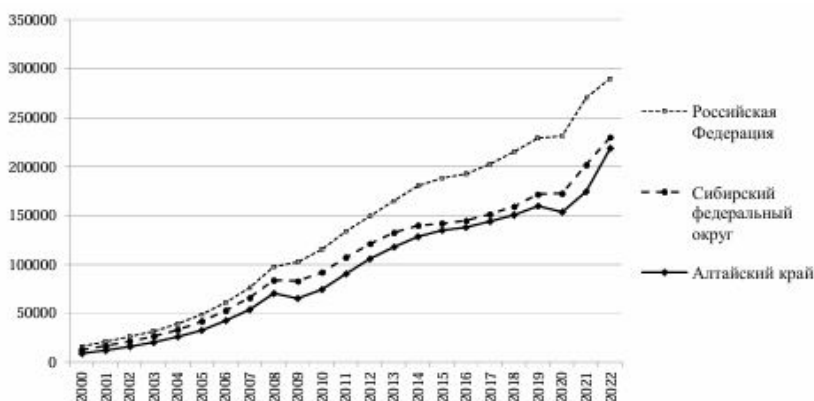

Рис. V.5. Оборот розничной торговли в расчете на душу населения в России, СФО и Алтайском крае в 2000–2022 гг., руб.

Источник: [61].

Влияние этих кризисов в Алтайском крае на фоне регионов СФО и России в целом проявилось по-разному (см. рис. V.6). Так, если в 2009 г. в Алтайском крае физический объем оборота розничной торговли сократился более значительно (82,5% против 94,9% в России и 89,4% в СФО к предыдущему году), то падение

значение этого показателя за 2014–2015 гг. (накопительным итогом) по отношению к 2013 г. в крае было чуть уже ниже среднероссийского и среднесибирского (85,9% против 84,6 и 85,7%). В 2020 г. вновь видим более значительное сокращение потребительского спроса в крае: физический объем оборота розничной торговли уменьшился на 8% против 3,2–3,4% в России и СФО. После гораздо менее интенсивного темпа роста показателя в 2021 г. (более чем втрое уступающего темпам его роста в России и СФО) итогом непростого 2022 г. стало сохранение в крае, хотя и в небольшом размере, процесса увеличения данного показателя в отличие от его некоторого сокращения в стране и СФО в целом (101,3% против 93,5 и 97,4% соответственно)¹.

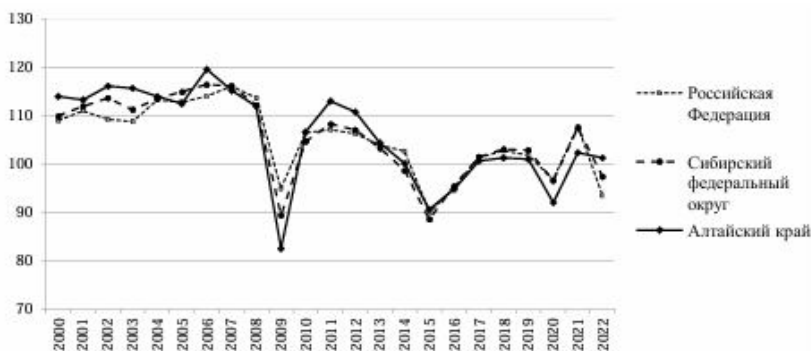

Рис. V.6. Индекс физического объема оборота розничной торговли в России, СФО и Алтайском крае в 2000–2022 гг., % к предыдущему году

Источник: [61]; до 2018 г. информация по Республике Бурятия и Забайкальскому краю включена в итог по Сибирскому федеральному округу, с 2018 г. — по Дальневосточному федеральному округу [62]. В 2022 г. статистические данные по России представлены без учета новых территорий.

Довольно тесную взаимосвязь между реальными денежными доходами населения и физическим объемом оборота розничной торговли в Алтайском крае демонстрируют тренды погодо-

¹ Можно предположить, что на фоне событий 2022 г. Алтайский край более активно вовлекался в интеграционные процессы через межрегиональные и международные потоки товаров и капитала. Этот вывод, безусловно, является гипотетичным, требующим основательной проверки.

вых индексов данных показателей за период 2000–2022 гг. (рис. V.7). Так, спады реальных доходов в кризисные годы (2009, 2015–2016 и 2022 гг.) сопровождаются даже чуть более значительным падением физического объема розничного товарооборота. Что касается межкризисных периодов, то мы видим, что тренд зависимости роста физического объема товарооборота от роста доходов населения в целом сохраняется, хотя столь сильной корреляции, в том числе реагирования на годовые колебания доходов, здесь уже не наблюдается, в силу действия ряда других факторов (к примеру, государственной поддержки товаропроизводителей). Так, рост физического товарооборота в 2011 г. не был вызван ростом доходов населения (скорее, наоборот), в 2013 г. процессы были разнонаправленные (резкий спад первого при значимом росте доходов).

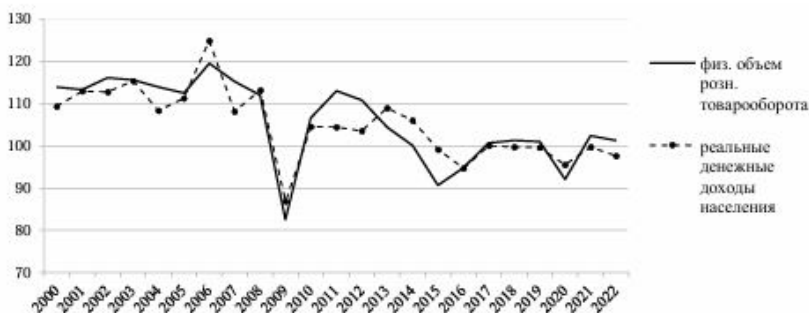

Рис. V.7. Индекс физического объема оборота розничной торговли и реальные денежные доходы населения в Алтайском крае в 2000–2022 гг., % к предыдущему году

Источник: [52, 61, 63].

Последнее отчасти объясняется тем, что именно в эти кризисные годы, за исключением 2022 г. (когда государством были введены дополнительные меры по регулированию внутреннего «хождения» иностранной валюты, сокращению спекулятивной активности организаций и населения и ограничению ее оттока из страны) значительно увеличивались объемы денежных вкладов (сбережений) в иностранной валюте «на черный день»

и как способ их сохранения от обесценивания в результате инфляции¹.

Одним из вариантов реакции торгового и производственного бизнеса в годы спада потребительского спроса населения (2009, 2014–2015, 2020 и 2022 гг.), выраженного в сокращении не столько оборота розничной торговли на душу населения в денежном выражении, сколько физического объема такого оборота, явилось повышение избирательного вывоза товаров из края в регионы с более высоким потребительским спросом².

Это, в частности, подтверждают результаты проведенного Троцковским А.Я. и Наземцевой Ю.Ю. исследования межрегионального товарообмена Алтайского края в 1990–2020 гг.: в кризисные годы заметно увеличивался вывоз отдельных потребительских товаров [64, с. 124–125]. Так, согласно представленным авторами статистическим данным, именно в «ковидном» 2020 году сокращение реальных доходов и потребительского спроса в сравнении с предыдущим годом проявилось в увеличении физических объемов вывоза из края масла животного почти в полтора раза (на 40,8%), масла растительного, сыров и мяса (включая мясо птицы) – более чем на четверть (25,8–26,1%), крупы – более чем на пятую часть (22,3%). По вывозу непродовольственных товаров картина аналогичная: моющих средств вывезено в том же 2020 г. в 1,7 раза больше, чем в 2019 г., парфюмерных и косметических – почти в полтора раза больше (44,1%).

И в целом представленные авторами данные говорят об увеличении доли потребительских товаров в структуре вывоза товарной продукции из Алтайского края в регионы России [64, с. 126]. Только за один кризисный 2009 г. эта доля выросла более чем на 10 п.п. (с 32 до 43%), но затем она сократилась до еще меньших размеров. В 2014–2015 гг. также проявилось некоторое «виляние» в сторону увеличения данной величины.

¹ Так, по данным Росстата и нашим расчетам в Алтайском крае за 2009 г. вклады (депозиты) физических лиц в иностранной валюте, привлеченные кредитными организациями, удвоились, за 2014 г. – утроились, за 2020 г. выросли на 10,6%, чего не происходило в другие годы, когда такие вклады либо сокращались, либо росли гораздо меньшими темпами. По рублевым вкладам такая динамика не подтвердилось.

² Другим, далеко не лучшим вариантом может быть и увеличение товарных запасов на оптовых складах «до лучших времен».

13.3. Оценка воздействия доходов населения края на развитие межрегиональных кооперационно-производственных взаимодействий предприятий

После провала в 1990-х гг. (до минимального значения в 1999 г., равного 125% бюджета прожиточного минимума населения трудоспособного возраста) покупательная способность заработной платы работников организаций Алтайского края, активно восстанавливалась в годы экономического роста, достигнув уровня 241% прожиточного минимума в 2007 г. (рис. V.8)¹. Под влиянием глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. среднемесячная начисленная заработная плата сократилась в регионе до 231,1% прожиточного минимума в 2011 г. (минимальное значение со второй половины 2000-х гг. вплоть до настоящего времени). В дальнейшем наблюдался неустойчивый рост покупательной способности заработной платы, с сокращениями в 2014–2015 гг. и 2021–2022 гг. Максимальная величина данного показателя зафиксирована в 2020 г. (301,4% прожиточного минимума).

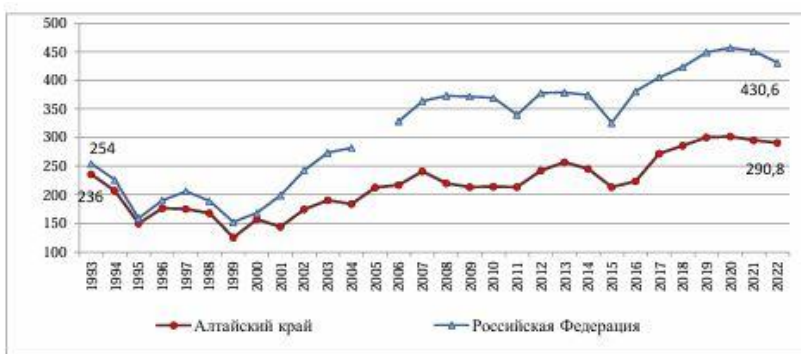

Рис. V.8. Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума населения трудоспособного возраста в России и Алтайском крае в 1993–2022 гг., %

Источник: [52].

¹ Подробнее см.: [26].

Вместе с тем с середины 2000-х гг. наблюдается отставание края от России по покупательной способности заработной платы на уровне 1,5–1,7 раза. Среди регионов СФО Алтайский край занимал в 2022 г. самую низкую позицию по данному показателю (при максимальном значении, равном 425,9% величины прожиточного минимума, в Красноярском крае).

Относительно дешевая рабочая сила в крае отражает особенности отраслевой структуры его экономики, в частности более низкая зарплата характерна для отраслей с относительно низкой производительностью труда и сравнительно менее сложным в технологическом отношении характером труда, в том числе в сельском хозяйстве. Менее выгодные позиции края по показателю покупательной способности заработной платы в сравнении с регионами СФО формируют не только условия для миграционного оттока трудоспособной части населения, но и барьеры кооперации организаций и интеграции в технологически развитых видах производственной деятельности и экономики в целом.

Эти выводы подтверждают результаты проведенного нами (коллективом сотрудников ИЭОПП СО РАН) совместно с Алтайкрайстатом в 2022 г. опроса руководителей 983 крупных, средних и малых предприятий производственной сферы края (без микропредприятий). Среди барьеров развития кооперации 46% руководителей организаций выделили в первую очередь дефицит кадров, что во многом вызвано миграцией трудоспособного населения из региона вследствие низкой заработной платы. Чаще других подчеркивали значимость кадровых ограничений как барьера кооперации сельхозорганизации (53%), где по-прежнему наблюдается отставание уровня оплаты труда от средней по экономике региона.

Результаты анализа влияния доходов населения региона на межрегиональную экономическую интеграцию через воздействие на ее движущие силы – межрегиональное перемещение товарных потоков и капитала, а также развитие межрегиональных кооперационно-производственных связей предприятий – позволили сделать следующие выводы.

Во-первых, установлено значимое опосредованное влияние доходов населения Алтайского края на межрегиональное перемещение товарных потоков и капитала через воздействие изменения покупательной способности на физический объем розничного товарооборота и вывоз потребительских товаров, что наиболее ярко проявилось в кризисные периоды развития экономики.

Во-вторых, выявлено значимое влияние заработной платы работников организаций края, ее покупательной способности, на развитие межрегиональных кооперационно-производственных взаимодействий предприятий.

Дать более точную и детальную количественную оценку влияния доходов населения через потребительский спрос на межрегиональное перемещение товарных потоков и тем более капитала, а также заработной платы на кооперационно-производственные взаимодействия предприятий, по нашему мнению, пока не представляется возможным по целому ряду причин, в первую очередь касающихся особенностей статистического учета.

В частности, среди таких причин важнейшим является отсутствие сопоставимых в рассматриваемый период времени данных межрегионального товарооборота в ценовом выражении по всей совокупности товаров¹. Что же касается данных по межрегиональному движению капитала, то таковые в настоящее время отсутствуют.

¹ Об особенностях и ограничениях статистики межрегиональных товарных потоков см.: [65]. В частности неполная статистическая оценка межрегионального товарооборота отражается в отсутствии достаточной информации для определения объема регионального рынка по виду товара в натуральном и стоимостном выражении, в частности из-за отсутствия данных о продаже населению товаров в натуральном выражении. Кроме того, авторы отмечают, что с 2017 г. произошло не только сокращение видов продукции, попавшей под наблюдение, но и отсутствие стоимостной оценки межрегионального товарообмена, а также закрытие информации по ряду товаров [65, с. 104–106].

Краткие выводы по разделу

Современные демографические процессы выступают фактором, препятствующим устойчивому развитию России и ее регионов, освоению новых территорий и усилению межрегиональных кооперационно-интеграционных взаимодействий. В Алтайском крае демографические проблемы стоят особенно остро. Депопуляционные процессы здесь наблюдаются с середины 1990 гг. и за весь анализируемый период (1990–2023 гг.) население региона уменьшилось более чем на полмиллиона человек. Если применительно к РФ и СФО можно говорить о волнах депопуляции, сменяющих периоды роста населения, то в крае сокращение населения происходит непрерывно на протяжении почти трех последних десятилетий. По темпам уменьшения народонаселения регион существенно обгоняет страну и несколько уступает СФО. Край отличается повышенной интенсивностью сокращения городского населения по сравнению с сельским.

Сокращение населения может вызвать сильнейшее миграционное давление на Алтайский край со стороны соседних густонаселенных стран, приводит к дефициту рабочей силы на рынке труда, негативно отражается на формировании контингента учащихся образовательных учреждений и личного состава вооруженных сил России, приводит к вымиранию отдельных поселений, фрагментации социально-экономического пространства и сокращению межрегиональных кооперационно-интеграционных взаимодействий в сферах производства, обмена населением, на товарных и других рынках.

Другим индикатором демографического неблагополучия является разбалансированность демографических структур – половозрастной, семейно-брачной, поселенческой. Почти во всех когортах старше 25 лет наблюдается перевес женского населения, который с возрастом становится все более очевидным и в группе 80 лет и старше достигает почти четырехкратного размера. Средний возраст жителя региона на 0,6 и 2 года больше общероссийского и общеокружного показателей, а коэффициент демографической нагрузки стремительно приближается к единице и на 20–25% превышает аналогичный коэффициент в РФ и СФО.

По мере старения населения усиливается давление на бюджеты всех уровней, обостряется проблема финансирования систем пенсионного обеспечения и социальной защиты, увеличивается нагрузка на медицинские учреждения. Повышение доли старших возрастных групп в составе рабочей силы негативно отражается на производительности труда, способности работников генерировать новые идеи и воспринимать технологические инновации. Старение населения в силу различных механизмов может выступать одним из факторов, тормозящих развитие интеграционных процессов.

Демографическая ситуация усугубляется деформациями в семейно-брачных отношениях. Они проявляются в низкой брачности и высокой разводимости, значительной доле лиц, никогда не состоявших в браке и увеличении среднего возраста вступления в первый брак, широком распространении неофициальных супружеских союзов и увеличении количества неполных семей, росте внебрачной рождаемости и сознательной бездетности в браке, стремительном росте числа одиноких людей. Нестабильность семейно-брачных отношений ведет к сокращению репродуктивного потенциала населения, снижению рождаемости и усилению депопуляционных процессов.

Система расселения Алтайского края отличается сравнительно высокой степенью заселенности территории¹, относительно густой сетью городских и сельских поселений и крайне неравномерным пространственным размещением населения. Для региона характерна повышенная концентрация сельского населения в крупных селах в сочетании с высокой территориальной рассредоточенностью сельских населенных пунктов. Средняя людность сельских поселений края выше, чем людность аналогичных поселений в РФ и СФО в целом без малого в 2,5 и 1,5 раза. По степени урбанизированности территории Алтайский край мало отличается от Краснодарского и Ставропольского краев. Почти 80% горожан края проживает в больших городах.

В течение анализируемого периода наблюдалось перераспределение населения в сверхкрупные города и крупнейшие села

¹ На фоне РФ и СФО в целом. Если же сравнить плотность населения в Алтайском крае с плотностью населения в Европейской России, ЦФО и СКФО, странах ЕС, то в крае она в 2,5, 4 и почти 10 раз ниже соответственно.

и «вымывание» срединного слоя городов и сельских поселений. Происходило опустошение значительных площадей, их выпадение из освоенного экономического пространства и, как следствие, ослабление внутри- и межрегиональных взаимодействий в экономике и социальной сфере.

Демографическая динамика и структура народонаселения определяются его естественным движением и миграцией. По сравнению с РФ и СФО в целом Алтайский край отличается более низкой рождаемостью и более высокой смертностью. На протяжении 1990-х гг. в регионе наблюдалось устойчивое снижение рождаемости. В 2000-е гг. сначала преобладала тенденция ее роста, затем падения, обусловленного сокращением численности потенциальных матерей и интенсивности деторождения в большинстве возрастных групп. Траектория движения смертности была асинхронна изменению рождаемости на протяжении большей части анализируемого периода. Но с 2013 г. их направленность совпадает, т.е. естественная убыль населения определяется исключительно снижением рождаемости, за исключением «ковидного» всплеска смертности в 2020–2021 гг.

Миграция являлась единственным способом сохранения демографического и трудового потенциалов края в 1990-е годы. Для нее было характерно преимущественное перемещение населения из Центральной Азии в Алтайский край, масштабный выезд немцев в Германию, ухудшение миграционных связей с другими субъектами РФ, возникновение новых видов трудовой миграции. В 2000-е годы миграция выступает одной из детерминант сокращения численности населения в регионе. С 2003 по 2017 год ее вклад в общую убыль населения превышал 50%, но в последнее пятилетие он существенно снизился. По интенсивности миграционной убыли край обгоняет большинство регионов России и Сибири. Повышенные показатели естественной и миграционной убыли населения в приграничном регионе говорят о его низкой конкурентоспособности и скрывают в себе ряд угроз как для национальной безопасности России, так и для устойчивого инклюзивного развития Алтайского края.

Чрезмерно низкие доходы и масштабная бедность в Алтайском крае представляют собой системные хронические угрозы полноценному функционированию и воспроизводству не только

населения, социальной сферы региона, но и его экономике в силу слабого ее стимулирования за счет потребительского спроса, что наносит значимый ущерб его устойчивому развитию.

Вывод региона из зоны вызовов и угроз в сфере доходов населения во многом лежит в сфере государственной политики, связанной с более эффективным применением традиционных и введением относительно новых механизмов и инструментов, имеющих непосредственное отношение к доходам и потреблению. Среди них, представленные в научной литературе и предлагаемые автором данной главы: существенное увеличение МРОТ и пенсий в сравнении со средней заработной платой; более активная, опережающая инфляцию, индексация пособия по безработице и других социальных выплат; освобождение от подоходного налога малообеспеченных; введение эффективно реализуемой многоступенчатой прогрессивной шкалы налогообложения, субсидирование ипотеки и кредитов для покупки населением товаров длительного пользования отечественного производства, расширение применения акцизов на предметы роскоши, а также множество других мер, предлагаемых российскими экспертами.

Ключевой задачей государственной политики остается существенный рост благосостояния всех слоев населения на основе развития социально-ориентированной экономики, опережающего развития человеческого капитала и современной экономики знаний и здоровья, что требует значительного перераспределения государственных расходов в сферу здравоохранения, науки и образования.

Опосредованное влияние доходов населения Алтайского края на межрегиональное перемещение товарных потоков и капитала проявляется через воздействие сдвигов в покупательной способности населения на изменения физического объема розничного товарооборота и вывоза потребительских товаров, что наиболее характерно для периодов экономических кризисов.

С начала 2000-х гг. Алтайский край характеризуется сокращением отставания покупательной способности доходов населения от среднестранового уровня. Вместе с тем розничный товарооборот на душу в денежном выражении остается на четверть ниже, чем в России. Физический объем оборота розничной торговли в крае более негативно реагирует на кризисы, чем в России

и СФО, хотя при этом восстановительные процессы протекают активнее.

За рассматриваемый более чем двадцатилетний период довольно тесная взаимосвязь проявилась в крае между динамикой реальных денежных доходов населения и физическим объемом оборота розничной торговли. Снижение реальных доходов в кризисные годы (2009, 2015–2016 и 2022 гг.) сопровождалось более значительным падением физического объема розничного товарооборота. Другими словами, население реагировало на снижение реальных доходов и их покупательной способности более существенным сокращением покупательской активности, потребления товаров и услуг, что приводило к изменению межрегионального движения товарных потоков и капитала. Последнее подтвердилось значительным увеличением в эти кризисные годы доли потребительских товаров в структуре вывоза товарной продукции, прежде всего за счет возрастания объема вывоза из региона отдельных потребительских товаров (доходящего до полутора-двукратной величины).

Значимым является влияние заработной платы работников организаций края, главным образом ее покупательной способности, на развитие межрегиональных кооперационно-интеграционных взаимодействий предприятий. Алтайский край отличается традиционно более низкой среднемесячной заработной платой работников организаций в соотношении с прожиточным минимумом населения трудоспособного возраста на фоне аналогичного показателя по России уже с начала 1990-х годов, в частности, в 2022 г. зафиксировано полуторакратное отставание.

С одной стороны, это создает конкурентное преимущество для привлечения и развития организаций более «примитивных» в технологическом отношении секторов экономики и видов экономической деятельности, формирования соответствующих кооперационно-производственных связей, основанных на низкотехнологичных цепочках создания стоимости. С другой стороны, низкая заработная плата является ограничителем для включения организаций в сложные цепочки, в межрегиональную и международную высокотехнологичную кооперацию хозяйствующих субъектов.

Итак, подавляющее большинство изученных социальных рисков в Алтайском крае характеризуется повышенной остротой проявления, они распространены по всей территории и устойчивы во времени. Влияние рисков на развитие интеграционных процессов преимущественно негативное. Довольно часто они приводят к обезлюдению значительных территорий и сжатию социально-экономического пространства, размыванию его целостности и сокращению межрегиональных взаимодействий, закреплению территориальных неравенств. Вместе с тем риски могут и способствовать усилению межрегиональных связей через стимулирование роста производительности труда и доходов, развития социальной инфраструктуры и повышения качества трудового потенциала, сохранения окружающей среды и объединения ресурсов с целью сбережения и приумножения населения, решения других социальных задач.

Список литературы к V разделу

1. **Аганбегян А.Г.** Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов // Экономические стратегии. – 2023. – Т. 25, № 1 (187). – С. 6–15.

2. **Аганбегян А.Г.** Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому росту / А.Г. Аганбегян, А.Н. Клепач, Б.Н. Порфирьев, М.Н. Узяков, А.А. Широков // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 6. – С. 18–26. DOI: 10.47711/0868-6351-183-18-26.

3. **Казанцев С.В.** Люди, доходы и обеспечение национальной безопасности России и ее регионов // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 3. – С. 61–80. DOI: 10.15372/REG20220303.

4. **Российское общество и вызовы времени** / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Л. Андреев [и др.]. Книга 6. – Москва: ООО «Издательство “Весь Мир”», 2022. – 284 с. DOI: 10.55604/9785777708984.

5. **Dalal-Clayton B., Bass S.** Sustainable Development Strategies: A Resource Book Routledge. – 2012. – 382 p. – URL: https://books.google.ru/books?id=CmXh6vKNj8C&hl=ru&source=gbbs_book_other_versions (дата обращения: 19.03.2024).

6. **Cingano F.** Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth // OECD Social, Employment and Migration. Working Papers. – 2014. – № 163. – 64 p. OECD Publishing. – URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5jxrxncwvxv6j-en> (дата обращения: 19.03.2024).

7. **Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future.** – United Nations. 300 p. – URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).

8. **Вишневский А.Г.** Заключение // Население России 2005: тринадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский / Гос.ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. – С. 223–236.

9. **Рыбаковский Л.Л.** Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. – М.: Экон-Информ, 2003. – 55 с.

10. **Соболева С.В., Чудаева О.В.** Демографический потенциал Сибири // Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири / под ред. акад. РАН В.В. Кулешова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. – С. 53–95.

11. **Демографическое благополучие России.** Национальный демографический доклад / С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская [и др.]; отв ред. С. В. Рязанцев; ФНИСЦ РАН. – М.: ИТД «Перспектива», 2022. – 108 с.

12. **Рязанцев С.В.** Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения / С.В. Рязанцев, Л.Л. Рыбаковский // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91, № 9. – С. 810–819.

13. **Вишневский А.Г., Щербакова Е.М.** Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 48–72.

14. **Ростовская Т.К.** Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации / Т.К. Ростовская, О.А. Золотарева // Вопросы управления. – 2022. – № 3. – С. 6–18.

15. **Гранберг А.Г.** Основы региональной экономики. – М.: Государственный университет. Высшая школа экономики. – 2000. – 400 с.

16. **Короленко А.В.** Пространственные трансформации территорий России: тенденции и региональные различия расселения // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27. – № 1. – С. 47–75.

17. **Нефёдова Т.Г., Глезер О.Б.** Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. – М.: Товарищество научных изданий КМК. – 2020. – С. 214–251.

18. **Алексеев А.И., Сафронов С.Г.** Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2015. – № 2. – С. 66–76.

19. **Егоров Д.О.** Пространственное сжатие и поляризация сельского пространства Республики Татарстан на фоне депопуляции населения // Региональные исследования. – 2020. – № 4. – С. 32–45.

20. **Ускова Т.В., Патракова С.С.** Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 34–52.

21. **Polese M., Shearmur R.** Why some regions will decline: A Canadian case study with thoughts on local development strategies // Papers in Regional Science. – 2006. – Vol. 85. – Pp. 23–46.

22. **Архангельский В.Н.** Воспроизводственный потенциал демографического развития России / В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, Т.А. Фадеева; под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2022. – 165 с.

23. **Аганбегян А.Г.** О катастрофическом увеличении смертности и мерах по сбережению народа в России // Экономические стратегии. – 2021. – Т. 23, № 4 (178). – С. 6–13.

24. **Геодакян В.А.** Эволюционная теория пола // Природа. – 1991 – № 8. – С. 60–69.

25. **Воробьева О.Д.** Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов / О.Д. Воробьева, А.В. Топилин, А.С. Аликова // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 12. – С. 1156–1163.

26. **Сергиенко А.М.** Доходы населения агропромышленного региона в периоды экономических кризисов // Экономика устойчивого развития. – 2019. – № 4 (40). – С. 239–246.

27. **Сергиенко А.М.** Доходы населения Алтайского края: где концентрируются вызовы и угрозы? // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2018. – № 4. – С. 57–67. DOI: 10.14258/201854.

28. **Сергиенко А.М.** Агропромышленные регионы: динамика доходов населения, неравенства и бедности // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2020. – № 4. – С. 108–117. DOI: 10.14258/epb2019107.

29. **Троцкий А.Я., Перекаренко Ю.А., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.** Агропромышленные регионы в контексте развития территориально-отраслевой структуры России: изменения в составе и социально-экономических характеристиках // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 1. – С. 201–234. DOI: 10.15372/REG20220107.

30. **Kulunda:** Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use / editors: M. Fruhauf, G. Guggenberger, T. Meinel, I. Theesfeld, S. Lentz. – Cham, Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2020. – 522 p. DOI: 10.1007/978-3-030-15927-6.

31. **Митяков С.Н., Митякова О.И., Мурашова Н.А., Назарова Е.А.** Экономическая безопасность в эпоху перемен. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. техн. ун-та им. Р.Е. Алексеева, 2023. – 120 с.

32. **Экономическая** безопасность России: теоретическое обоснование и методы регулирования: Монография / под общ. ред. А.Е. Городецкого, И.В. Караваевой. – М.: Институт экономики РАН, 2023. – 361 с.

33. **Стратегии** экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).

34. **Вернадский В.И.** Биосфера и ноосфера – М.: ООО «Издательство АСТ», 2022. – 650 с.

35. **Повестка** дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 05.06.2024).

36. **Преобразование** нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. 70/1 [Электронный ресурс]. URL: <https://documentsddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 05.06.2024).

37. **Указ** Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 05.06.2024).

38. **Единый** план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_do_2024g.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

39. **Стратегия** социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 129-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/145780/> (дата обращения: 05.06.2024).

40. **Постановление** Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 05.06.2024).

41. **Паспорт** государственной программы Алтайского края «Комплексное развитие сельских территорий Алтайского края» на 2024–2030 гг. – С. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.altagro22.ru/upload/iblock/1ab/cqu4kabq0rz0sw4999jkrff9nd15ie5e/pasport.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).

42. **Национальный** набор показателей ЦУР // О целях устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national> (дата обращения: 05.06.2024).

43. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 26.11.2021 № 2049 «Об утверждении Правил определения границ бедности в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, используемых в оценках показателя «Уровень бедности» в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, и о внесении изменений в Федеральный план статистических работ» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111270008> (дата обращения: 05.06.2024).

44. **Региональная** программа снижения доли населения с доходами ниже границы бедности на период до 2030 г. на территории Алтайского края (утверждена постановлением Правительства Алтайского края от 13.10.2023 № 385) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2200202310160010?index=2> (дата обращения: 05.06.2024).

45. **Сенчагов В.К., Побываев С.А., Соловьев А.И.** Оценка влияния глобальных рисков как инструмент управления экономической безопасностью России // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: материалы IV Межд. науч.-практ. конф. Нижний Новгород, 25–27 мая 2016 года. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2016. – С. 140–150.

46. **Митяков С.Н., Митяков Е.С.** Развитие теории рисков и пороговых значений экономической безопасности // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 5. – С. 83–113. DOI 10.52180/2073-6487_2023_5_83_113.

47. **Мониторинг** доходов и уровня жизни населения России – 2020 год: Монография / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, И.Б. Колмаков [и др.]. Том № 4 (200). – Москва: ОАО Фабрика офсетной печати, 2021. – 116 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-361-4.2021.

48. **Стратегия** долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. № 2524-р). URL: <https://base.garant.ru/70290226/> (дата обращения: 05.06.2024).

49. **World Development Report 2006: Equity and Development.** – N.Y.: The World Bank and Oxford University Press, 2006. – 320 p. – URL: https://www.sas.upenn.edu/~dludden/WDR2006_EQUITY.pdf (дата обращения: 19.03.2024).

50. **Российский** статистический ежегодник. 2023: Стат. сб./Росстат. – М., 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2023.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

51. **Алтайский** край в цифрах. 2018–2022: Крат. стат. сб. [Электронный ресурс]. URL: <https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ДЛЯ%20САЙТА.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).

52. **Регионы** России: социально-экономические показатели. Стат. сб. России 2012–2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 05.06.2024).

53. **Сергиенко А.М., Троцкий А.А.** Кооперационно-сетевые взаимодействия предприятий в контексте социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27, № 6. – С. 64–82. DOI 10.15838/ptd.2023.6.128.5.

54. **Троцкий А.А., Сергиенко А.М., Родионова Л.В., Перекаренко Ю.А.** Кооперационно-сетевые взаимодействия организаций региона: методология и результаты исследования // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 3 (119). – С. 55–83. DOI: 10.15372/REG20230303.

55. **Троцкий А.А., Каплинская И.Е., Родионова Л.В.** Понятие и подходы к исследованию интеграции территориальных социально-экономических систем: к постановке вопроса // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2022. – № 2. – С. 114–125. – DOI: 10.14258/epb202229.

56. **Гурьянов П.А.** Межрегиональная мобильность капитала в России // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 25. – С. 1152–1158.

57. **Экономика России** в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: Доклад / отв. ред. М.Ю. Головин, Е.Б. Ленчук. – М.: Институт экономики РАН, 2023. – 132 с.

58. **Иванова Л.Н., Кузнецова Т.Е.** Трансформация российского агропромышленного комплекса: институциональный аспект // Институты структурной модернизации российской экономики. – Москва: Институт экономики Российской академии наук, 2018. – С. 206–225.

59. **Актуальные** вопросы разработки экспортной стратегии региона: монография / под общ. ред. Ф.Н. Завьялова. – Ярославль: ЯрГУ, 2018. – 268 с.

60. **Перечень** отраслевых союзов и ассоциаций АПК, взаимодействующих с Минсельхозом России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.agroxxi.ru/poleznye-kontakty-apk/otraslevye-soyuzy-i-associacii-apk.html> (дата обращения: 20.06.2024).

61. **Росстат:** Статистика. Официальная статистика. Розничная торговля и общественное питание [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (дата обращения: 03.04.2024).

62. **Указ** Президента Российской Федерации от 03.11.2018 № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201811040002> (дата обращения: 20.06.2024).

63. **Регионы России.** Социально-экономические показатели. Стат. сб.: Росстат. – М., 2023. – С. 193.

64. **Троцкий А.А., Наземцева Ю.Ю.** Межрегиональный товарообмен Алтайского края в 1990–2020 гг. в контексте его социально-экономического развития // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2023. – № 2. – С. 119–132. DOI 10.14258/epb202328.

65. **Троцкий А.А., Родионова Л.В.** Методические аспекты исследования межрегиональных торгово-экономических связей в Алтайском крае // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2023. – № 1. – С. 101–107. DOI: 10.14258/epb202311.

АВТОРЫ МОНОГРАФИИ

Монография подготовлена в Отделе прикладных региональных исследований Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (ИЭОПП СО РАН).

В ее написании принимали участие:

Отдел прикладных региональных исследований ИЭОПП СО РАН (г. Новосибирск)

Беляева В.Е., инженер – гл. 11 (п. 11.2).

Перекаренко Ю.А., научный сотрудник, магистр экономики – гл. 4 (п. 4.3); гл. 9 (п. 9.1–9.2); гл. 17 (п. 17.4); гл. 19.

Родионова Л.В., старший научный сотрудник, канд. социол. наук. – гл. 2 (п. 2.1); гл. 4 (п. 4.4); гл. 5 (п. 5.2); гл. 6 (п. 6.2); гл. 9 (п. 9.3); гл. 11; гл. 14 (п. 4.1; 14.3); гл. 16; гл. 17; гл. 19; краткие выводы к разделам: II; IV; V; VI; VII.

Сергиенко А.М., ведущий научный сотрудник, д-р социол. наук., доц. – гл. 4 (п. 4.5); гл. 5 (п. 5.2); гл. 9 (п. 9.2); гл. 12; гл. 13; гл. 17; гл. 20; гл. 21; краткие выводы к разделам: II; V; VI; VII.

Сундеева М.А., инженер – гл. 4 (п. 4.1).

Троцкий А.Я., главный научный сотрудник, д-р. социол. наук., канд. экон. наук., проф. – от редактора; гл. 1–2; гл. 4 (п. 4.1–4.3); гл. 5; гл. 6; гл. 7; гл. 8; гл. 9; гл. 14; гл. 16 (п. 16.2–16.3); гл. 17; гл. 18 (п. 18.1–18.2); гл. 19; гл. 20; краткие выводы к разделам: I; II; III; IV; VI; VII; послесловие редактора).

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Абрамов Н.Н., доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций, канд. экон. наук. – гл. 3 (п. 3.1).

Бочаров С.Н., ректор АлтГУ, д-р экон. наук, проф. – гл. 3 (п. 3.2); гл. 15 (п. 15.1).

Бутакова М.М., доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций, канд. экон. наук, доц. – гл. 15 (п. 15.1).

Воробьев С.П., доцент, канд. экон. наук, доц. – гл. 10 (п. 10.2).

Воробьева В.В., и.о. зав. кафедрой экономики и эконометрики, канд. экон. наук, доц. – гл. 10 (п. 10.2).

Каплинская И.Е., доцент кафедры экономики и эконометрики, канд. экон. наук, доц. – гл. 2 (п. 2.1).

Рудакова О.Ю., доцент кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита, канд. экон. наук, доц. – гл. 10 (п. 10.4).

Рудакова Т.А., зав. кафедрой менеджмента, организации бизнеса и инноваций, канд. экон. наук, доц. – гл. 3 (п. 3.1); гл. 10 (п. 10.4).

- Сабына Е.Н.**, доцент кафедры региональной экономики и управления, канд. экон. наук, доц. – гл.1 (п. 1.2).
- Соколова О.Н.**, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций, канд. экон. наук, проф. – гл.15 (п. 15.1).
- Шваков Е.Е.**, директор МИЭМИС, д-р экон. наук, проф. – гл. 10 (п. 10.3).
- Юдинцев А.Ю.**, доцент кафедры цифровых технологий и бизнес-аналитики, канд. физ.-мат. наук, доц. – гл. 4 (п. 4.1).

**Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)**

- Башмакова Н.Ю.**, специалист по УМР кафедры экономики и финансов – гл. 3 (п. 3.1).
- Наземцева Ю.Ю.**, зав. кафедрой международных экономических отношений, канд. экон. наук, доц. – гл.14 (п. 14.2–4.4).

Практические работники разных организаций (г. Барнаул)

- Боровиков Д.В.**, зам. начальника управления – начальник аналитического отдела информационно-аналитического управления аппарата Алтайского краевого Законодательного Собрания, канд. экон. наук – гл. 10 (п. 10.1).
- Бородин В.А.**, консультант ООО «Барнаульский завод автоформованных термостойких изделий», д-р. экон. наук, проф. – гл. 15 (п. 15.2).
- Величко О.В.**, руководитель продуктов отдела развития искусственного интеллекта, магистр экономики – гл. 18 (п. 18.3).
- Горенинская О.А.**, оценщик ООО «Век А оценка», канд. экон. наук, доц. – гл. 18 (п. 18.3).
- Коваленко О.А.**, зам. руководителя ДО 8644/0192 ПАО Сбербанк, г. Барнаул; магистр – гл. 21.
- Ситникова О.В.**, руководитель Алтайкрайстата, канд. экон. наук – гл. 18 (п. 18.1–18.2).
- Супонина И.В.**, зам. руководителя Алтайкрайстата – гл. 18 (п. 18.1–18.2).
- Цомаева И.В.**, зам. генерального директора по развитию Алтайского приборостроительного завода «Ротор», д-р экон. наук – гл. 3 (п. 3.2).
- Шамков А.Ю.**, директор ООО «Барнаульский завод автоформованных термостойких изделий», канд. экон. наук – гл. 15 (п. 15.2).

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора (Троцкий А.Я.)	3
Раздел I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНТЕГРИРОВАННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	9
Глава 1. Актуальность исследования межрегиональной экономической интеграции	9
1.1. Трансформация экономического пространства в работах российских регионалистов: нарративный обзор (Троцкий А.Я.)	9
1.2. Практическая целесообразность и степень изученности проблемы (Троцкий А.Я., Сабына Е.Н.)	14
Глава 2. Постановка проблемы и общие контуры программы исследования экономической интеграции территориальных социально-экономических систем	30
2.1. Ключевые понятия и подходы к исследованию (Троцкий А.Я., Каплинская И.Е., Родионова Л.В.)	30
2.2. Цель, задачи и теоретическая схема объекта исследования (Троцкий А.Я.)	44
Глава 3. Теоретические аспекты исследования международной интеграции	53
3.1. Международное сотрудничество в условиях трансформации экономической системы (Рудакова Т.А., Абрамов Н.Н., Башмакова Н.Ю.)	53
3.2. Исследование феномена глобальных цепочек создания стоимости: научный задел и возможности эмпирического анализа (Бочаров С.Н., Цомаева И.В.)	63
Краткие выводы по разделу (Троцкий А.Я.)	74
Список литературы к I разделу	77
Раздел II. ОТРАСЛЕВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА И ЦЕНТРОПЕРИФЕРИЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВКЛЮЧЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ	88
Глава 4. Агропромышленные регионы России в контексте развития территориально-отраслевой структуры экономики: общее и особенное	92
4.1. Агропромышленные регионы: понятие, подходы и результаты выделения (Троцкий А.Я., Юдинцев А.Ю., Сундеева М.А.)	92
4.2. Характеристика и сдвиги в типологии регионов России по агропромышленной ориентации хозяйства (Троцкий А.Я.)	111
4.3. Экономическая динамика агропромышленных регионов России (Троцкий А.Я., Перекаренко Ю.А.)	120
4.4. Демографические трансформации в агропромышленных регионах (Родионова Л.В.)	128
4.5. Агропромышленные регионы: динамика доходов населения, неравенства и бедности (Сергиенко А.М.)	135

Глава 5. Общее представление о центропериферийной структуре агропромышленных регионов России	149
5.1. Центропериферийное положение регионов: понятие, критерии выделения и подходы к изучению (Троцкий А.Я.)	149
5.2. Методика и результаты типологизации агропромышленных регионов России по степени центропериферийности (Троцкий А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.)	155
Краткие выводы по разделу (Троцкий А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М.)	169
Список литературы ко II разделу	172

Раздел III. УНАСЛЕДОВАННЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И ИХ ДЕФОРМАЦИЯ НАКАНУНЕ ВСТУПЛЕНИЯ В РЫНОК В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

178

Глава 6. Особенности социального развития края в дореформенный период	179
6.1. Население и структура расселения (Троцкий А.Я.)	179
6.2. Развитие социальной сферы и занятость населения (Троцкий А.Я., Родионова Л.В.)	186
Глава 7. Характерные черты развития экономики края в дореформенный период	199
7.1. Специфика структуры народного хозяйства (Троцкий А.Я.)	199
7.2. Проблемы развития отраслей производственной сферы (Троцкий А.Я.)	210
7.3. Объективные факторы депрессивности алтайской экономики (Троцкий А.Я.)	222
Краткие выводы по разделу (Троцкий А.Я.)	225
Список литературы к III разделу	229

Раздел IV. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОСТРАНСТВЕННУЮ ИНТЕГРАЦИЮ ЭКОНОМИКИ

230

Глава 8. Развитие экономики Алтайского края на этапе вступления в рынок и в первое десятилетие реформ	231
8.1. Основные макроэкономические тенденции (Троцкий А.Я.)	231
8.2. Развитие промышленности (Троцкий А.Я.)	241
8.3. Проблемы функционирования и развития аграрно-промышленного комплекса (Троцкий А.Я.)	252
8.4. Развитие инвестиционно-строительного комплекса (Троцкий А.Я.) ..	262
Глава 9. Адаптация экономики Алтайского края к изменениям внешней и внутренней среды и угрозы ее развитию в 2000–2017 гг.	278
9.1. Общее и особенное в адаптации экономики края в различных фазах экономического цикла (Троцкий А.Я., Перекаренко Ю.А.)	278

9.2. Формирование контура предпосылок активизации межотраслевых социально-экономических связей края с регионами СФО (Троцковский А.Я., Сергиенко А.М., Перекаренкова Ю.А.)	281
9.3. Ключевые риски и угрозы, препятствующие развитию региональной экономики и ее включенности в экономическое пространство России (Троцковский А.Я., Родионова Л.В.)	290
Глава 10. Экономика Алтайского края на современном этапе	299
10.1. Новые тенденции в развитии промышленности (Боровиков Д.В.)	299
10.2. Развитие сельского хозяйства: эффекты, противоречия и интеграционные процессы в АПК (Воробьев С.П., Воробьева В.В.)	328
10.3. Развитие строительного комплекса и инвестиции (Шваков Е.Е.)	341
10.4. Развитие транспортно-логистической системы как материальной основы межрегиональной связанности (Рудакова Т.А., Рудакова О.Ю.)	360
Краткие выводы по разделу (Троцковский А.Я., Родионова Л.В.)	370
Список литературы к IV разделу	374

Раздел V. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИКИ И ДЕТЕРМИНАНТА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

378

Глава 11. Демографические риски и ограничения интеграции Алтайского края в социально-экономическое пространство России	381
11.1. Методологические предпосылки исследования (Родионова Л.В.)	381
11.2. Депопуляция населения и демографические диспропорции, их влияние на развитие интеграционных процессов (Родионова Л.В., Беляева В.Е.)	386
11.3. Риски естественного воспроизводства и миграции населения как барьер на пути к интеграции (Родионова Л.В.)	398
Глава 12. Вызовы и угрозы в сфере доходов населения региона: методика оценки и результаты ее апробации	403
12.1. Методика и информационная база оценки вызовов и угроз (Сергиенко А.М.)	404
12.2. Результаты оценки вызовов и угроз в сфере доходов населения (Сергиенко А.М.)	415
Глава 13. Доходы населения как фактор межрегиональной экономической интеграции	420
13.1. Теоретические аспекты анализа воздействия доходов населения на движущие силы межрегиональной экономической интеграции (Сергиенко А.М.)	421
13.2. Оценка влияния доходов населения на межрегиональное перемещение товарных потоков и капитала (Сергиенко А.М.)	426
13.3. Оценка воздействия доходов населения края на развитие межрегиональных кооперационно-производственных взаимодействий предприятий (Сергиенко А.М.)	431
Краткие выводы по разделу (Родионова Л.В., Сергиенко А.М.)	434
Список литературы к V разделу	440
Авторы монографии	445

План изданий ИЭОПП СО РАН, 2025 г.

Научное издание

МЕХАНИЗМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВКЛЮЧЕННОСТИ
ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
В ПРОСТРАНСТВЕННУЮ ИНТЕГРАЦИЮ

Под редакцией
д-ра социол. наук, профессора
Александра Яковлевича Троцкого

Набор и оформление текста

В.Е. Беляева

Редактор

В.Ю. Юхлина

Дизайн обложки

А.С. Кузнецова

Оригинал-макет

А.А. Гургуца, С.А. Дучкова

Подписано к печати 01 апреля 2025 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆.

Гарнитура «Таймс». Объём п.л. 28,25. Уч.-изд.л. 27.

Тираж 500 экз. (Первая партия тиража 100 экз.) Заказ № 30.

Издательство ИЭОПП СО РАН

Тел. (383) 330-17-95, e-mail: s.duchkova@icie.nsc.ru

Участок оперативной полиграфии ИЭОПП СО РАН,
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17.